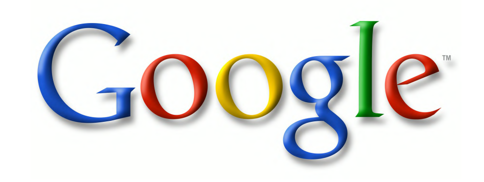


Извѣстія Восточнаго Института.
V-й годъ изданія. 1903—1904 академическій годъ.
Томъ XIII, выпускъ 1-й.
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ И. Д. ПРОФЕССОРА
Е. Спальвина.

Вопросы Китая

ВЪ АЛФАВИТНОМЪ ПОРЯДКѢ.

Справочная книга о Китаѣ и китайцахъ.

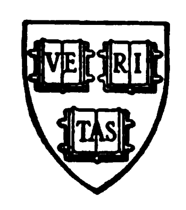
Переводъ съ англійскаго
студентовъ и слушателей Восточнаго Института
сочиненія:
Things Chinese: being Notes on Various Subjects connected with China. By J. Dyer Ball, M. R. A. S.—Third Edition, Revised and Enlarged. London, Sampson Low, Marston and Company. 1900.

Выпускъ 1-й:

АБОРИГЕНЫ—ЛОМБАРДЫ.

Подъ редакціею и. д. профессора
Е. Спальвина.

ВЛАДИВОСТОКЪ.
Паровая типо-лит. газ. „Дальній Востокъ“.
1905.


VE RI
TAS

Извѣстія Восточнаго Института
V-й годъ изданія. 1903—1904 академическій годъ.
Томъ XIII, выпускъ 1-й.
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ И. Д. ПРОФЕССОРА
Е. Спальвина.

Вопросы Китая

ВЪ АЛФАВИТНОМЪ ПОРЯДКѢ.

Справочная книга о Китаѣ и китайцахъ.

Переводъ съ англійскаго
студентовъ и слушателей Восточнаго Института
сочиненія:
Things Chinese: being Notes on Various Subjects connected with China. By J. Dyer Ball, M. R. A. S.—Third Edition, Revised and Enlarged. London. Sampson Low, Marston and Company. 1900.

Выпускъ 1-й:

АБОРИГЕНЫ—ЛОМБАРДЫ.

Подъ редакціею и. д. профессора
Е. Спальвина.

ВЛАДИВОСТОКЪ.
Паровая типо-лит. газ. „Дальній Востокъ".
1905.

(1)

Конспектъ содержанія „Извѣстій Восточнаго Института".

Томъ I. (1899—1900 ак. г.).—Основаніе Восточнаго Института въ г. Владивостокѣ и торжественный актъ его открытія.—Положеніе о Вост. Инст.—Правила о пріемѣ.—Протоколы засѣд. Конф. В. И.—Обозрѣніе преподаванія наукъ на 1899—1900 г.—Инструкція въ дополненіе къ Положенію.—Каталогъ Библіотеки.

Томъ II. (1900—1901 ак. г.). **Вып. I.**—Протоколы.—Обозрѣніе преподаванія наукъ на 1900—1901 г. *Спальвинъ:* Языкъ и письменность японцевъ.—*Рудаковъ:* Руководство къ изученію мандаринской рѣчи.—*Спальвинъ:* Японскіе тексты для начинающихъ.—Революція въ Китаѣ.—*Кузьминъ:* Политическія общества въ Китаѣ и Японіи.—*Дмитріевъ:* Характеристики китайцевъ.—Каталогъ Библіотеки.—Современная Лѣтопись Дальняго Востока. **Вып. II.**—Протоколы.—Отчетъ за 1899 и 1900 г.г.—*Спальвинъ:* Японскій прогрессъ. *Надаровъ:* Ханькоу.—*Позднѣевъ:* Происхожденіе и развитіе маньчжурскаго алфавита.—Каталогъ Библіотеки.—Лѣтопись.—**Вып. III.** Протоколы. *Рудаковъ:* Общество И-хэ-туань.—*Надаровъ:* Ханькоу.—*Шмидтъ:* Китайскія классическія книги.—*Протодьяконовъ:* Гольдско-Русскій словарь.—*Дмитріевъ:* Сѣверно-Китайскія желѣзныя дороги. Каталогъ Библіотеки. Лѣтопись.—**Вып. IV.**—Протоколы.—Обозрѣніе преподаванія наукъ на 1901—1902 г. *Шмидтъ:* Введеніе въ изученіе китайскаго языка.—*Надаровъ:* Ханькоу.—*Спальвинъ:* Японскіе тексты для первоначальнаго чтенія.—Лѣтопись.—**Вып. V.**—*Дмитріевъ:* Характеристики китайцевъ.—*Приложенія въ отдѣльной брошюровкѣ:* 1) Лѣтопись.—2) *Шмидтъ:* Китайскіе тексты для упражненій.

Томъ III. (1901—1902 ак. г.). **Вып. I.** Протоколы. *Рудаковъ:* Дворцы и книгохранилища въ Мукдени. *Шмидтъ:* Чтенія по китайскому языку. *Позднѣевъ:* Образцы маньчжурской литературы. *Позднѣевъ:* Монгольско-Китайско-Маньчжурскій словарь въ русско-французскомъ переводѣ.—Лѣтопись.—**Вып. II.**—Протоколы. *Рудаковъ:* Поземельный вопросъ въ Гириньской пров. *Шмидтъ:* Чтенія по китайскому языку. *Богословскій:* Этическія основы жизни благороднаго сословія въ Японіи.—*Позднѣевъ:* Образцы маньчж. лит.—*Спальвинъ:* Японская хрестоматія.—Лѣтопись.—**Вып. III.** Протоколы. Отчетъ за 1901 г. *Афанасьевъ:* Вооруженныя силы Кореи. *Цереринъ:* Ху-лань-чэнское фудутунство. *Надаровъ:* Сеуло-Фузанская ж. дор.—*Назаровъ:* Японскій языкъ. *Шмидтъ:* Чтенія по кит. языку.—*Позднѣевъ:* Образцы маньчж. лит. *Спальвинъ:* Японская хрестоматія. Лѣтопись. **Вып. IV.**—Протоколы. *Сивяковъ:* Шань-дунъ и Чжи-фу.—*Рудаковъ:* Поземельный вопросъ въ Гириньской пров.—*Шкуркинъ:* Хулань-чэнъ. *Позднѣевъ:* Образцы маньчж. лит.—*Спальвинъ:* Японская хрестоматія. Лѣтопись. **Вып. V.**—Протоколы.—Обозрѣніе преподаванія наукъ на 1902—1903 г.—*Сивяковъ:* Шань-дунъ и Чжи-фу.—*Рудаковъ:* Поземельный вопросъ въ Гириньской пров.—*Теренинъ-Рыбниковъ:* Цзинь-чжоу-фу. *Позднѣевъ:* Образцы маньчж. лит.—*Спальвинъ:* Японская хрестоматія.—Лѣтопись.

Изданія Восточнаго Института

ПО КИТАЕВѢДѢНІЮ:

Алабастеръ.—Замѣтки и комментаріи на китайское уголовное право. Переводъ съ англійскаго *А. Д. Дабшевичъ.*—1903.—Цѣна 2 р. 50 к.

Блонскій, Шт.-Кап.—Чжи-ли'ская армія.—Цѣна 1 рубль.

Вопросы Китая въ алфавитномъ порядкѣ. Переводъ англійскаго сочиненія Things Chinese, by Dyer Ball. Справочная книга о Китаѣ и китайцахъ. Выпускъ 1-й. **Аборигены—Ломбарды.**—1905.—(Т. XIII, вып. 1-й „Изв. Вост. Инст.")—Цѣна 1 р. 80 коп.

Назаровъ, В.—Матеріалы къ изученію Ханькоу.—Цѣна 2 рубля.

Позднѣевъ, А.—Монгольско-китайско-маньчжурскій словарь въ русско-французскомъ переводѣ. Вып. I.—(Изъ 1 вып. III т. „Изв. Вост. Инст.").—Цѣна 1 рубль.

Позднѣевъ, Д.—56 дней Пекинскаго сидѣнья. 2-е изд. 1903 г. Цѣна 2 р.

Рудаковъ, А.—Общество И-хэ-туань и его значеніе въ послѣднихъ событіяхъ на Дальнемъ Востокѣ.—Цѣна 1 рубль.

Рудаковъ, А.—Матеріалы по исторіи китайской культуры въ Гириньской провинціи. Томъ I.—1903.—Цѣна 5 рублей.

Рудаковъ, А.—Богдоханскіе дворцы и книгохранилища въ Мукденѣ. Цѣна 1 р. 50 к.

Рудаковъ, А.—Руководство къ изученію китайской мандаринской рѣчи. Выпускъ I.—Цѣна 25 коп.

Синяковъ, П.—Географическія свѣдѣнія о Шаньдунской провинціи и портѣ Чжи-фу.—Цѣна 1 руб. 50 коп.

Смитъ, А. Г.—Характеристики китайцевъ. Выпускъ I. Главы I—V. Переводъ съ англійскаго *К. Дмитріева.*—(Печатается въ V-мъ вып. II-го тома „Изв. Вост. Инст.").

Смитъ, А. Г.—Характеристики китайцевъ. Вып. II. Главы VI—X. Переводъ съ англійскаго *В. Нормана.*—1904.—(Изъ X-го тома „Изв. Вост. Инст.").—Цѣна 30 коп.

Шмидтъ, П.—Опытъ мандаринской грамматики съ текстами для упражненій. Пособіе къ изученію разговорнаго китайскаго Пекинскаго нарѣчія.—1902.—Цѣна 4 рубля.

Шмидтъ, П. Начальныя чтенія по китайскому языку. [Пособіе къ изученію разговорнаго языка китайскаго Пекинскаго нарѣчія]. **Приложеніе:** Китайскіе тексты для упражненій.—(Прил. къ V вып. II т. „Изв. Вост. Инст.").—Цѣна 1 рубль.

Шмидтъ, П.—Китайская хрестоматія для первоначальнаго преподаванія. Выпускъ I. Стр. 1—40.—1904.—(Приложеніе къ XI-му тому „Изв. Вост. Инст.").—Цѣна 50 коп.

ПО КОРЕЕВѢДѢНІЮ:

Афанасьевъ, Шт.-Кап.—Современное состояніе вооруженныхъ силъ Кореи.—1903.—(Изъ XI т. «Изв. Вост. Инст.»).—Цѣна 50 к.

Дюковъ.—Сеульское военное училище.—(Изъ VII т. «Изв. Вост. Инст.»).—Цѣна 15 к.

Лебедевъ, Е.—Островъ Дажелетъ.—1904.—(Изъ XI т. «Изв. Вост. Инст.»).—Цѣна 15 коп.

О. Павелъ (Ивановскій).—Современное положеніе христіанскихъ миссій въ Кореѣ.—1904.—(Изъ XII т. «Изв. Вост. Инст.»).—Цѣна 1 руб.

Подставинъ, Г. В.—Хрестоматія корейскаго литературнаго языка. Вып. I, стр. 1—24.—(Прил. къ XI т. «Изв. Вост. Инст.»).—Цѣна 30 коп.

Цереринъ, А.—Чиннампо, корейскій портъ, открытый для внѣшней торговли.—(Изъ IV т. «Изв. Вост. Инст.»).—Цѣна 50 коп.

Въ „**Извѣстіяхъ Восточнаго Института**“, помимо перечисленныхъ работъ, по кореевѣдѣнію помѣщены еще слѣдующія статьи, не вышедшія отдѣльными изданіями:

Афанасьевъ, Шт.-Кап.—Современное состояніе вооруженныхъ силъ Кореи. (III вып. III т.).—**Надаровъ, В.**—Сеуло-Фузанская желѣзная дорога (III вып. III т.).

„Извѣстія Восточнаго Института“

выходятъ въ количествѣ 4—5 томовъ въ годъ, которые выпускаются въ свѣтъ, по мѣрѣ напечатанія матеріала, приблизительно черезъ каждые 3 мѣсяца академическаго года.

Въ „**Извѣстіяхъ**“ помѣщаются: протоколы засѣданій Конференціи Института, съ приложеніемъ докладовъ, относящихся до обозрѣнія коллекцій и состоянія учебно-вспомогательныхъ учрежденій Института, обозрѣнія институтскаго преподаванія и распредѣленія лекцій, біографическихъ очерковъ профессоровъ, преподавателей и вообще лицъ близкихъ Институту; публичныя лекціи и рѣчи, читаемыя въ различныхъ засѣданіяхъ Института; отчеты по ученымъ и учебнымъ командировкамъ гг. профессоровъ, преподавателей и студентовъ Института, а также рекомендованные гг. профессорами труды постороннихъ лицъ; курсы гг. профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями оныхъ; критическія и библіографическія статьи и замѣтки относительно выдающихся произведеній по Востоку.

Въ видѣ особыхъ приложеній при „**Извѣстіяхъ Восточнаго Института**“ издается еще,

„Современная Лѣтопись Дальняго Востока“,

выходя періодически, черезъ каждые 10 дней, съ сообщеніемъ извѣстій о выдающихся текущихъ событіяхъ въ Китаѣ, Кореѣ, Японіи и прочихъ странахъ Дальняго Востока

Подписная плата на „**Извѣстія Восточнаго Института**“ 6 рублей, съ пересылкою—8 рублей въ годъ. „**Современная Лѣтопись Дальняго Востока**“ можетъ быть выписываема еще и отдѣльно съ уплатою 10 коп. за выпускъ безъ пересылки, и 14 коп. съ пересылкою.

Съ требованіями обращаться въ Библіотеку Восточнаго Института въ г. Владивостокъ.

Извѣстія

Восточнаго Института.

— — —

Томъ XIII, вып. 1-й.

ИЗВѢСТІЯ

ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ И. Д. ПРОФЕССОРА ИНСТИТУТА

Е. Спальвина.

V-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

1903--1901 АКАДЕМИЧЕСКІЙ ГОДЪ.

Томъ XIII, вып. 1-й.

ВОПРОСЫ КИТАЯ ВЪ АЛФАВИТНОМЪ ПОРЯДКѢ.

Переводъ съ англійскаго

студентовъ и слушателей Восточнаго Института.

Выпускъ 1-й:

АБОРИГЕНЫ—ЛОМБАРДЫ.

ВЛАДИВОСТОКЪ.

Паровая типо-литогр. газ. „Дальній Востокъ“.

1905.

Вопросы Китая

ВЪ АЛФАВИТНОМЪ ПОРЯДКѢ.

Справочная книга о Китаѣ и китайцахъ.

Переводъ съ англійскаго
студентовъ и слушателей Восточнаго Института
СОЧИНЕНІЯ:
Things Chinese: being Notes on Various Subjects connected with China. By **J. Dyer Ball**, M. R. A. S.—Third Edition, Revised and Enlarged. London. Sampson Low, Marston and Company. 1900.

Выпускъ 1-й:

АБОРИГЕНЫ—ЛОМБАРДЫ.

Подъ редакціею и. д. профессора
Е. Спальвина.

ВЛАДИВОСТОКЪ.
Паровая типо-лит. газ. „Дальній Востокъ".
1905.

Напечатано по опредѣленію Конференціи Восточнаго Института отъ 19-го сентября 1900 года. Секретарь *П. Таберіо.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Введеніе.

Настоящее изданіе представляетъ собою родъ справочной энциклопедіи по самымъ различнымъ вопросамъ жизни и быта Китая. Хорошо понимая всю своеобразность китайской культуры и несходство ея съ западно-европейскою, англійскіе синологи тщательно разрабатывали этотъ родъ литературы, давая тѣмъ возможность всѣмъ новичкамъ въ дѣлѣ изученія Китая, или даже широкой публикѣ, имѣть у себя подъ руками особаго рода лексиконы, въ которыхъ всегда можно навести справки и почерпнуть нѣкоторыя свѣдѣнія и разъясненія по какому либо непонятному, впервые встрѣчающемуся или неизвѣстному слову или вопросу о Китаѣ.

Въ предисловіи къ первому изданію авторъ ея говоритъ, что образцомъ для его книги послужила имѣющаяся подъ аналогичнымъ заглавіемъ книга объ Японіи (Things japanese, by B. H. Chamberlain), и J. Dyer Ball выражаетъ свою благодарность автору книги объ Японіи за указанія и разъясненія въ пользованіи планомъ и пріемами работы.

Авторъ объясняетъ, что книга его не можетъ быть названа, ни словаремъ, ни энциклопедіей. Хотя съ одной стороны она содержитъ въ себѣ больше, нежели обычный лексиконъ, но съ другой стороны оказывалось совершенно невозможнымъ при небольшомъ объемѣ труда трактовать съ подробностью и обстоятельностью обо всѣхъ затрагиваемыхъ въ немъ вопросахъ. Авторъ выражаетъ, однако, надежду, что написаннаго подъ каждымъ отдѣломъ достаточно, чтобы дать читателю хорошее и правильное понятіе о трактуемомъ предметѣ.

Тридцатилѣтнее пребываніе въ Китаѣ дало автору много удобныхъ случаевъ для наблюденія и изученія китайцевъ почти въ каждой сторонѣ ихъ жизни и характера, и онъ во многомъ при составленіи своей книги полагался именно на свой личный опытъ въ дѣлахъ съ китайцами при ихъ своеобразныхъ нравахъ и обычаяхъ. Тѣмъ не менѣе онъ считаетъ себя во многомъ обязаннымъ извѣстнымъ писателямъ о Китаѣ, мнѣнія которыхъ достойны воспроизведенія, какъ лицъ компетентныхъ въ сообщаемыхъ ими свѣдѣніяхъ. Гдѣ заимствованія произ-

ведены, они въ большинствѣ случаевъ сдѣланы изъ трудовъ, рекомендованныхъ въ концѣ статьи.

Въ предисловіи ко второму изданію авторъ, выражая свою благодарность публикѣ за теплый пріемъ его книги, упоминаетъ, что въ новомъ изданіи имъ сдѣланы многочисленныя прибавленія, какъ введеніемъ въ книгу новыхъ предметовъ, такъ и въ расширеніи статей, помѣщенныхъ раньше. Кромѣ того онъ приложилъ старанія, чтобы сдѣлать книгу совершенно современной, и разница въ помѣщенныхъ въ ней свѣдѣніяхъ съ дѣйствительной жизнью заключается только во времени, потребовавшемся для изданія книги.

Въ третьемъ изданіи, вышедшемъ въ 1900 году, авторъ извиняется предъ читающей публикой за то, что обстоятельства заставили его замедлить съ новымъ изданіемъ, и что поэтому книга его нѣкоторое время совершенно не имѣлась въ печати. Въ трудѣ послѣдовали новыя улучшенія и дополненія въ томъ же духѣ, какъ и при второмъ изданіи.

За послѣдніе годы, говоритъ авторъ, Китай такъ много выдвинулся впередъ, такъ сильно привлекъ къ себѣ вниманіе міра, что апатичное равнодушіе къ нему на Западѣ смѣняется желаніемъ имѣть точныя свѣдѣнія объ его странѣ и народѣ. Явился интересъ, такъ какъ событія, чреватыя радостью и скорбью для будущаго прогресса міра, быстро развиваются на Далекомъ Востокѣ, клонясь при этомъ къ тому, чтобы тѣснѣе связать между собою противоположные концы земли. Хотимъ ли мы того или нѣтъ, но каждый день показываетъ, что народы, стоящіе въ авангардѣ цивилизаціи, должны держать курсъ развитія Срединнаго Государства, бывшаго нѣкогда центромъ Восточной Азіи, и направлять начинающіяся усилія его передовыхъ умовъ на пути правды и справедливости: это одно можетъ возвысить китайскую націю въ положеніе, соотвѣтствующее ея величинѣ, населенности, древнимъ традиціямъ и будущимъ надеждамъ. Нынѣ мнѣнія часто раздѣляются относительно лучшаго пути для осуществленія такой обширной программы улучшенія судьбы третьей части всего человѣческаго рода, причемъ соперничающіе интересы часто парализуютъ дѣйствія. И хотя производимыя усилія уже начинаютъ показывать нѣкоторые плоды, но инертная народная китайская масса, которую нужно пробудить, такъ велика, что полученные результаты представляются совершенно незначащими.

Желая доставить студентамъ Восточнаго Института, а также и лицамъ, интересующимся Китаемъ, возможность имѣть на русскомъ

языкѣ справочную, настольную книгу, Конференція Восточнаго Института предприняла изданіе настоящаго труда, раздавъ его отдѣльныя статьи для перевода студентамъ и объединивъ изданіе подъ редакціей профессоровъ. Въ книгѣ остался тотъ же алфавитный порядокъ статей, какой принятъ и англійскимъ авторомъ, но статьи, конечно, сравнительно съ англійской книгой перетасованы, такъ какъ они расположены по алфавиту русскому. Имѣется въ виду послѣ окончанія книги издавать къ ней время отъ времени дополненія отдѣльныхъ статей и производить внесеніе въ нее новыхъ, въ соотвѣтствіи съ тѣми запросами и нуждами, которыя предъявляетъ на Востокѣ русская жизнь.

Д. Позднѣевъ.

Въ дополненіе къ вышеизложенному надлежитъ замѣтить, что трудъ изданія предлагаемаго перваго выпуска «Вопросовъ Китая» распредѣлялся между профессорами Восточнаго Института слѣдующимъ образомъ: общее редакторство, т. е. провѣрка и исправленіе студенческихъ переводовъ, замѣна нѣкоторыхъ изъ нихъ новыми переводами, печатаніе окончательно установленнаго послѣ указанной провѣрки и исправленія текста и чтеніе корректуръ находились въ рукахъ и. д. профессора японской словесности Е. Г. Спальвина. Провѣркой правильности транскрипціи китайскихъ названій, данныхъ въ англійскомъ оригиналѣ въ южномъ произношеніи, занимались оба китаиста Института, и. д. профессоровъ (нынѣ профессоры) китайской словесности А. В. Рудаковъ и П. П. Шмидтъ, которые исправили, согласно правиламъ принятой въ Россіи транскрипціи китайскихъ словъ, всѣ тѣ названія, которыя они были въ состояніи идентифицировать; остальныя же названія переведены съ южнаго китайскаго произношенія на сѣверное, при помощи примѣненія общихъ теоретическихъ правилъ, соблюдаемыхъ въ подобныхъ случаяхъ. Профессоръ А. В. Рудаковъ перевелъ кромѣ того еще для сего изданія одно мѣсто изъ Ши-цзина, непосредственно съ китайскаго. Весьма цѣнныя услуги оказалъ въ дѣлѣ печатанія законоучитель Восточнаго Института, священникъ о. Петръ Булгаковъ, провѣрявшій вторые и третьи корректурные листы и дававшій не мало совѣтовъ по части устраненія изъ предлагаемой книги слишкомъ явныхъ признаковъ перевода съ англійскаго, а также и и. д. профессора историко-географическихъ наукъ Н. В. Кюнеръ, какъ по части чтенія корректуръ, такъ и по части провѣрки и исправленія переводовъ. Сколько потрачено редакціоннаго труда на предлагаемое изданіе было бы, конечно, лучше всего видно, если бы была возможность приложить къ

изданію нѣсколько страницъ исправленныхъ рукописей переводовъ въ точномъ фотографическомъ снимкѣ.

Такъ какъ редакторство лежало въ рукахъ японовѣда, то редакція была вынуждена строго придерживаться англійскаго оригинала, не внося въ него ничего съ своей стороны и исключительно слѣдя за наивозможно точной и близкой передачей на русскомъ языкѣ оригинала. Встрѣчающіяся въ книгѣ цитаты изъ китайскихъ писателей, всѣ, за исключеніемъ лишь одного мѣста, заимствованы не изъ самихъ китайскихъ источниковъ, а изъ приведенныхъ авторомъ англійскихъ переводовъ ихъ. Далѣе редакція была лишена и возможности пополнить книгу послѣдними и новѣйшими данными. Поэтому тщетно въ книгѣ искать указанія на такія событія, какъ боксерское движеніе, или же указанія на относящуюся къ отдѣльнымъ вопросамъ русскую литературу. На отвѣтственности редакціи лежатъ такимъ образомъ только правильность перевода и внѣшняя сторона изданія. Извѣстные упреки возможны по адресу редакціи за выборъ русскаго заглавія «Вопросы Китая». При всемъ томъ, однако, оно всетаки кажется наиболѣе удачнымъ и подходящимъ для предлагаемой книги изъ цѣлаго ряда другихъ возможныхъ названій. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ болѣе точные термины, какъ напримѣръ, флора, фавна и пр., замѣнены болѣе часто употребляемыми, хотя и не совсѣмъ тождественными, словами,—какъ въ данномъ случаѣ словами: ботаника и зоологія,—въ цѣляхъ снабженія отдѣльныхъ статей наивозможно общими заглавіями, во избѣжаніе слишкомъ узкихъ и частныхъ терминовъ, затрудняющихъ отыскиваніе въ книгѣ данныхъ статей.

Что касается внѣшней стороны изданія, то несмотря на всѣ старанія, опечатки всетаки не могли быть избѣгнуты, причемъ изящество общаго внѣшняго вида пострадало еще и отъ того, что Институтъ во время печатанія его оказался вынужденнымъ перемѣнить типографію, благодаря чему получилась пестрота въ шрифтахъ. За неимѣніемъ въ мѣстныхъ типографіяхъ достаточнаго количества мелкаго шрифта, соотвѣтствующія мѣста англійскаго оригинала, заключающія въ себѣ выдержки изъ другихъ авторовъ, пришлось печатать не отличнымъ шрифтомъ, а ограничиться лишь выдѣленіемъ ихъ путемъ нѣкотораго суженія набора.

Несмотря на всѣ перечисленные недостатки, редакція позволяетъ себѣ надѣяться, что предлагаемая книга окажется не безполезной.

Владивостокъ, 12-го января 1905 года.

Е. Спальвинъ.

ВОПРОСЫ КИТАЯ.

Things Chinese, by J. Dyer Ball.

Аборигены. Существуетъ предположеніе, что настоящая китайская раса заселила страну около четырехъ тысячъ лѣтъ тому назадъ. Она, однако, не была первой собственницей страны. Вытѣсненіе ею аборигеновъ совершалось лишь постепенно, и громадныя площади земли въ южныхъ и юго-западныхъ частяхъ восемнадцати провинцій Китая до сихъ поръ еще остаются въ рукахъ первоначальныхъ ихъ обитателей, которые не поддаются натиску китайцевъ и которые, какъ говорятъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже имѣютъ цѣлыя тысячи послѣднихъ въ качествѣ рабовъ въ своихъ неприступныхъ обиталищахъ, мстя такимъ образомъ китайцамъ, которые нѣсколько столѣтій тому назадъ обходились съ ними подобнымъ же образомъ.

Провинціи, въ которыхъ находятся представители первобытныхъ племенъ, суть: Гуй-чжоу, Сы-чуань, Юнь-нань, Гуанъ-дунъ, Гуанъ-си и островъ Хай-нань.

На значительномъ пространствѣ западной и юго-западной частей провинціи Сы-чуань разсѣянно обитаетъ около 40 или 50 туземныхъ племенъ, о которыхъ извѣстно только немного: нѣкоторые изъ нихъ очень воинственны и занимаются постоянными грабежами. Они имѣютъ своихъ собственныхъ предводителей, свой собственный языкъ, законы и обычаи. Покойный Colborne Baber, служившій по консульской части, досталъ образчикъ письменнаго языка лолосовъ, одного изъ этихъ племенъ; онъ представляетъ собою весьма оригинальный родъ письменности и не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ китайскимъ или съ какимъ-либо другимъ языкомъ, съ которымъ мы знакомы.

Въ Гуй-чжоу эти племена, повидимому, разбросаны по всей провинціи. То же самое можно сказать и о провинціи Юнь-нань, двѣ трети населенія которой состоятъ изъ различныхъ племенъ Ло-ло, Ли-сы, Му-

сы, Мань-цзы и Мяо-цзы. Въ Гуанъ-дунѣ они занимаютъ сѣверо-западную часть провинціи, а въ провинціи Гуанъ-си сѣверо-восточную.

На о-вѣ Хай-нань первобытныя племена Ли, по вытѣсненіи ихъ китайцами съ береговъ въ горы внутри страны, почти въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ поддерживали свою независимость противъ своихъ вытѣснителей. Они раздѣляются на цивилизованныя и дикія племена и въ физическомъ отношеніи сильны и хорошо развиты. Они обладаютъ искусствомъ письма, которое, по описаніямъ китайцевъ, напоминаетъ изгибы червяковъ. Между нѣкоторыми языками, на которыхъ говорятъ различныя ихъ племена, существуетъ такая громадная разница, что они разговариваютъ другъ съ другомъ по китайски. Женщины татуируютъ свое тѣло и носятъ юбки. Между этими племенами находятся также нѣкоторыя Мяо-цзы'скія, которыя въ большомъ количествѣ имѣются въ другихъ частяхъ Китая.

Чтобы дать понятіе о количествѣ и распространеніи этихъ остатковъ прежней расы и цивилизаціи въ Китаѣ, должно указать на то, что въ провинціяхъ Ху-нань, Гуй-чжоу, Гуанъ-си, Юнь-нань и Сы-чуань, эти племена—Мяо-цзы и другія—занимаютъ пространство, равное по величинѣ Франціи, и въ количественномъ отношеніи достигаютъ цифры въ нѣсколько милліоновъ человѣкъ, состоящихъ изъ многочисленныхъ племенъ, которыхъ насчитываютъ около ста восьмидесяти, хотя, можетъ быть, въ настоящее время ихъ и не существуетъ такъ много. Предполагается, что они пришли въ Китай черезъ Бирму. Какъ это наблюдается у большинства первобытныхъ обитателей Китая, костюмы женщинъ отличаются большими особенностями, чѣмъ мужскіе.

Изъ числа 11,000,000 обитателей провинціи Юнь-нань двѣ трети представляютъ цивилизованныхъ дикарей, а именно Ло-ло, Ли-сы, Му-сы, Мань-цзы и Мяо-цзы.

Въ области Лянь-чжоу, провинціи Гуанъ-дунъ, и въ южной части провинціи Ху-нань обитаютъ племена Яо, которыя въ двѣнадцатомъ столѣтіи были туда переселены изъ провинціи Гуанъ-си и разселены по горамъ. Они носятъ длинные волосы, обладаютъ низкимъ ростомъ и имѣютъ рѣдкую бороду. Подобно другимъ аборигенамъ, они обвязываютъ матеріей свои ноги отъ колѣнъ до ладыжекъ. Китайцы не позволяютъ иностранцамъ проникнуть въ ихъ убѣжища, которыя въ настоящее время въ пространствѣ гораздо ограниченнѣе, чѣмъ они были первоначально, потому что болѣе цивилизованные китайцы вытѣснили ихъ въ настоящее время во внутрь страны на

высокія и неприступныя горы. Они не имѣютъ письменности, и ихъ рѣчь совершенно отлична отъ китайской. Численность ихъ достигаетъ приблизительно 50,000 человѣкъ.

Было высказано предположеніе, что японцы ведутъ свое происхожденіе отъ племенъ Мань или Мяо, которыя переселились изъ южнаго Китая на японскіе острова. Во время этой эмиграціи они были единственные обитатели южнаго Китая.

Объ этихъ первобытныхъ обществахъ людей, разбросанныхъ здѣсь и тамъ по всему Китаю, извѣстно такъ мало, ихъ горныя жилища такъ неприступны, а ихъ любопытные обычаи, ихъ простота, происхожденіе, особенность ихъ письменности,—гдѣ она у нихъ существуетъ,—грубое и жестокое обращеніе съ ними китайцевъ, самоотверженная защита своего очага и жилищъ противъ посягательствъ со стороны китайцевъ,—все это и многія другія причины дѣлаютъ эти народцы весьма интересными для ученаго, путешественника, филантропа и миссіонера.

Важнѣйшая литература:—«Travels and Researches in Western China», соч. E. Colborne Baber, гл. 4 и 5.—«Ling Nam», соч. B. C. Henry, главы 9, 20—25.—Нѣкоторыя статьи въ «China Review» и въ «Records of the Missionary Conference held at Shanghai, 1890».—Перепечатанныя изъ «Chinese Repository» въ «Chinese and Japanese Repository» за октябрь 1883 г. замѣтки о нѣкоторыхъ племенахъ и обычаяхъ.

Д. Щербаковъ.

Азартныя игры. Среди многихъ азартныхъ игръ у китайцевъ пользуется особенной распространенностью «бао-цзы», игра скорѣе хакскаго происхожденія, чѣмъ кантонскаго, хотя и кантонцы прекрасно ее усвоили. Карты и домино играютъ роль чековъ при сохраненіи зонтиковъ въ публичныхъ увеселительныхъ мѣстахъ въ Англіи: однѣ вручаются игроку, а другія остаются у содержателя игорнаго притона; ихъ складываютъ вмѣстѣ съ марками игроковъ, чѣмъ удостовѣряется ихъ принадлежность послѣднимъ. Вмѣсто марокъ употребляютъ также большой чохъ, бѣлый и черный, фарфоровый значекъ, или шарикъ и шахматныя фигуры съ вырѣзанными на нихъ суммами ставокъ, которыя распредѣляются примѣрно такъ: одинъ чохъ представляетъ собою 10 центовъ, бѣлый шарикъ—1 долларъ, черный—5 долларовъ, а остальныя фигуры—10 долларовъ и т. д. «Матеріальная» часть игры «бао-цзы» состоитъ изъ двухъ полыхъ кубиковъ изъ желтой мѣди, изъ которыхъ меньшій свободно входитъ въ большій, и изъ одного кубика чернаго дерева, который свободно помѣщается въ меньшемъ мѣдномъ кубикѣ, но настолько не достигаетъ обрѣза открытой стороны кубика, что

снизу его часто подкладывается кусокъ металла, хотя это и не всегда дѣлается. На каждой грани деревяннаго кубика вырѣзываются два іероглифа, преимущественно, бѣлаго и краснаго цвѣта—іероглифы «тунъ» и «бао», позаимствованные изъ надписи на китайскихъ чохахъ, такъ какъ первоначально только эти монеты употреблялись для игры «баоцзы». Іероглифъ «тунъ» окрашивается въ бѣлый цвѣтъ и обозначаетъ выигрышъ, а «бао»—въ красный и обозначаетъ проигрышъ. Для игры необходима еще доска или столикъ съ надписанными на каждой сторонѣ цифрами: 1, 2, 3, 4; послѣднія, однако, часто на доскѣ и не надписываются, такъ какъ 2 находится всегда по правую руку отъ банкомета, 4—по его лѣвую руку, 3—противъ него и 1—возлѣ него. Деревянный кубикъ вкладывается черезъ открытую грань въ пустой меньшій мѣдный кубикъ, послѣдній покрывается большимъ кубикомъ, въ которомъ тоже для этой цѣли оставляется одна грань открытой. Содержатель игорнаго дома складываетъ кубики въ сторонѣ отъ играющихъ и затѣмъ, повернувъ ихъ нѣсколько разъ собственноручно на подобіе кубаря, предлагаетъ каждому изъ играющихъ вертѣть ихъ, сколько угодно разъ. Кубикъ необходимо вращать до тѣхъ поръ, пока онъ не остановится, стукнувшись о какой-нибудь бокъ доски или стола. Послѣ этого кубикъ поднимается и ближайшее къ бѣлому іероглифу число выигрываетъ, ближайшее же къ красному проигрываетъ. Иногда для счастья даютъ деревянному кубику внутри меньшаго мѣднаго другое положеніе; это дѣлается сперва банкометомъ, а затѣмъ всѣ присутствующіе могутъ посмотрѣть на него и еще разъ измѣнить его положеніе. Попадаются также фальшивые кубики съ магнитомъ въ деревѣ и желѣзомъ въ большемъ кубикѣ. Тогда партнеръ, снимая крышку послѣ вращенія кубика, можетъ деревянный кубикъ повернуть въ меньшемъ мѣдномъ на болѣе выгодную сторону, причемъ партнеры просто на просто надуваются, или же шулера имъ мѣшаютъ ясно разобраться въ томъ, что происходитъ.

Игра «фань-тань» болѣе извѣстна иностранцамъ въ Китаѣ. Ставки дѣлаются на число чоховъ—одинъ, два, или три,—которое остается послѣ отобранія извѣстнаго числа чоховъ, одновременно по четыре, изъподъ опрокинутой чашки и вокругъ ея.

Лоттерея «вэй-синъ». Другой распространенный родъ азартной игры представляетъ собою лоттерея «вэй-синъ», пріуроченная къ государственнымъ гражданскимъ экзаменамъ. За нѣсколько времени передъ экзаменами предприниматель лоттереи наводитъ справки о фамиліяхъ кандидатовъ одного какого-нибудь округа. Играющіе выбираютъ изъ нихъ двадцать именъ, на которыя дѣлаютъ свои ставки, стараясь предвари-

тельно опредѣлить, для руководства себѣ, способности кандидатовъ. Остановивъ свой выборъ на извѣстныхъ именахъ, они сообщаютъ ихъ предпринимателю, отъ котораго получаютъ расписку или билетъ. Билеты бываютъ различной стоимости; книжка съ полъ-долларовыми билетами оцѣнивается до 500 долларовъ, такъ какъ каждая книжка заключаетъ въ себѣ тысячу билетовъ. Изъ этой суммы 50 долларовъ отчисляются предпринимателю на его издержки, остальныя деньги образуютъ три куша въ 300, 100 и 50 долларовъ каждый, которые подвергаются учету въ 10% коммиссіонныхъ и кромѣ того еще болѣе значительному вычету на расходы по печатанію книгъ и распредѣленію выигрышныхъ кушей. Выигрываютъ, разумѣется, тѣ, на билетахъ которыхъ окажется наибольшее число именъ, успѣшно выдержавшихъ испытаніе, кандидатовъ. Внимательное разсмотрѣніе нашей статьи объ *«Экзаменахъ»* покажетъ, что при ограниченномъ числѣ лицъ, выдерживающихъ испытанія, въ этой лоттереѣ счастье играетъ весьма выдающуюся роль, несмотря на всѣ усилія получить нѣкоторое представленіе о знаніяхъ и способностяхъ кандидатовъ.

Названіе другой хорошо извѣстной китайцамъ лоттереи «ба-коу-бяо». На начальной страницѣ тетради печатаются восемьдесятъ іероглифовъ, взятыхъ изъ начала книги Цянь-цзы-вэнь, «Тысяча іероглифовъ», іероглифы которой, какъ извѣстно, служатъ у китайцевъ часто вмѣсто именъ числительныхъ, или же замѣняютъ буквы алфавита, которыми мы пользуемся для различенія предметовъ, причемъ во всей книжкѣ нѣтъ сходныхъ между собой іероглифовъ. Двадцать изъ указанныхъ восьмидесяти іероглифовъ представляютъ собою выигрышные нумера. Билетъ на десять іероглифовъ стоитъ, напримѣръ, четыре чоха, и если выигрышными нумерами окажутся меньше, чѣмъ пять іероглифовъ, то играющій теряетъ свои четыре чоха, если же у него число выигрышныхъ іероглифовъ равняется пяти, то онъ на свою ставку получаетъ одинъ чохъ или около того прибыли; каждый лишній выигрышный іероглифъ весьма значительно увеличиваетъ выигрышъ, который можетъ возрасти до десяти ланъ при условіи, что у играющаго сосредоточены всѣ выигрышные нумера.

Въ лоттереѣ «цзы-фа» вмѣсто чиселъ употребляются имена тридцати шести древнихъ китайскихъ знаменитостей; ставить на одно имя можно сколько угодно, начиная съ одного чоха. Выигрывающія имена даютъ куши въ тридцать разъ больше, чѣмъ уплаченная за нихъ сумма. Издаются риѳмованныя темы, которыя счастливымъ разгадчикамъ до нѣкоторой степени помогаютъ узнать выигрывающія имена. Женщи-

ны, однако, прибѣгаютъ часто къ содѣйствію сновъ въ своихъ выборахъ того или другаго имени, мущины же основываются на своемъ знаніи исторіи и событій изъ жизни знаменитостей, чтобы сдѣлать удачный выборъ.

Другой весьма распространенный родъ азартнаго развлеченія, который можно часто наблюдать на улицахъ, заключается въ ставкахъ на число сѣмянъ, заключающихся въ одномъ апельсинѣ. Когда въ Гонконгѣ придется увидѣть толпу китайцевъ вокругъ лотка съ апельсинами, то въ большинствѣ случаевъ окажется, что именно эта игра собрала толпу. Игроки пытаютъ свое счастье на полуочищенномъ апельсинѣ и дѣлаютъ свои денежныя ставки по угадываемому ими числу сѣмячекъ апельсина. Собравъ всѣ ставки, торговецъ снимаетъ кожицу съ апельсина, дѣлитъ его на части и старательно сосчитываетъ сѣмячки. Правильно угадавшій число послѣднихъ выигрываетъ тройную сумму противъ своей ставки, и два игрока, ближайшіе къ нему по приблизительной вѣрности отгаданныхъ чиселъ, получаютъ обратно свои ставки въ удвоенномъ видѣ.

Не хватитъ, однако, времени, чтобы перечислить и описать всѣ возможныя азартныя игры, относящіяся къ уличнымъ притонамъ; одни изъ нихъ извѣстны на Западѣ, а другія носятъ вполнѣ китайскій или восточный характеръ. Китаецъ до глубины души проникся игорнымъ духомъ. Онъ съ самаго ранняго дѣтства пристращается къ игрѣ, начиная съ того момента, когда онъ впервые рискуетъ чохомъ или двумя на покупку сладостей, пирожковъ или фруктовъ. Женщины тратятъ большую часть своего невѣжественнаго досуга на игры, приправленныя пустыми пари и ставками, между тѣмъ какъ кули развлекаются въ свободное время выигрываніемъ или проигрываніемъ въ азартныя игры добытыхъ тяжелымъ трудовъ чоховъ. Игорные сараи на окраинахъ городовъ всегда переполнены игроками, и во время новаго года игорный разгулъ увлекаетъ за собою всѣхъ и даже тѣхъ, которые свято отъ него воздерживаются въ другое время.

У китайцевъ существуетъ нѣсколько родовъ игръ въ кости, которыя отличаются или числомъ костей или величиной послѣднихъ. На нихъ имѣется отъ одной до шести точекъ, расположенныхъ такъ же, какъ и на европейскихъ костяхъ, или на древне-греческихъ и римскихъ, съ той лишь разницею, что на китайскихъ костяхъ четверки и единицы краснаго цвѣта, остальныя же числа—чернаго. Кости обыкновенно бросаются въ чашку, которую иногда ставятъ въ цинковый ящикъ, чтобы заглушить звукъ.

«Гань-мянь-янъ»—преслѣдованіе барановъ—играется при по-

мощи шести костей любымъ числомъ партнеровъ. На столѣ располагаются обыкновенныя и удвоенныя ставки любого размѣра, и очки брошеныхъ костей указываютъ партнерамъ выигрышъ или проигрышъ, какъ простыхъ, такъ и удвоенныхъ ставокъ.

«Хуа-лу»—игра въ три кости. Правила этой игры въ общемъ сходны съ правилами только-что описанной игры.

«Чжа-тянь-гао»—игра въ двѣ кости. Въ этой игрѣ всѣ разрѣшенныя двадцать одно подбрасываніе костей носятъ различныя наименованія и дѣлятся на двѣ серіи или два пріема, именуемые «гражданскимъ» (вэнь) и «военнымъ» (у).

«Чжуанъ-юань-чоу».—Въ извѣстныхъ лавкахъ можно найти въ продажѣ, составляющія необходимую принадлежность этой игры, связки бамбуковыхъ бирокъ съ надписанными на нихъ китайскими іероглифами. Слово «чоу» означаетъ—бирку, а «чжуанъ-юань»—лучшаго по успѣхамъ на хань-линьскомъ экзаменѣ (См. статью объ *Экзаменахъ*). Въ игрѣ могутъ участвовать двое и большее число лицъ, причемъ употребляется шесть костей и шестьдесятъ три бамбуковыхъ бирки; при выниманіи одной или нѣсколькихъ бирокъ играющій руководствуется числомъ очковъ на брошенныхъ костяхъ, и тотъ, у кого насчитывается наибольшее число бирокъ, считается выигравшимъ.

Знаменитая игра «Шэнъ-гуань-ту»—«табель повышенія въ должностяхъ чиновниковъ»—пользуется большой извѣстностью. Игра происходитъ между двумя или большимъ числомъ лицъ на большой діаграммѣ, вычерченной на бумагѣ, съ отпечатанными на ней титулами различныхъ чиновниковъ и должностныхъ лицъ китайскаго правительства. Ходы производятся при помощи бросанія костей, и игроки, положеніе которыхъ на діаграммѣ обозначено надрубленными или окрашенными колочками, повышаются или понижаются, смотря по выпавшимъ на костяхъ очкамъ.

Китайское домино.—Въ каждой игрѣ заключается тридцать два домино, причемъ отъ каждаго домино имѣются дубликаты; бланкъ, однако, отсутствуетъ. Въ нѣкольких играхъ употребляютъ домино вмѣстѣ съ костями; эти игры нѣсколько сложны; къ нимъ принадлежатъ игры ша-цзай, пай-цяо и дунь-цяо.

Китайскія карты.—Карты, употребляемыя въ игрѣ «чжи-пай», имѣютъ то же самое названіе и то же самое число очковъ, какъ и домино. Они представляютъ собою продолговатые, узкіе куски картона съ небольшой палецъ. Колода заключаетъ въ себѣ тридцать двѣ карты. Въ

игрѣ «доу-пай» колода содержитъ тридцать шесть картъ, каждая длиною около двухъ дюймовъ и шириною около полъ-дюйма. Говорятъ, что эта игра очень древняя, и что она первоначально служила развлеченіемъ для коровьихъ пастуховъ, откуда она и получила названіе «коровьихъ картъ»; такъ, по крайней мѣрѣ, объясняется происхожденіе названія этой игры китайцами.

Важнѣйшая литература:—«A Book on Chinese Games of Chance», соч. Ng Kwai-shang.—«Chinese Games with Dice» соч. Stewart Culin.

К. Дмитріевъ.

Азіатское Общество. Китайскій Отдѣлъ Азіатскаго Общества (China Branch of the Asiatic Society) былъ основанъ въ Гонконгѣ въ 1848 году и существовалъ до 1859 г. Еще до прекращенія его дѣятельности съ 1857 года начало функціонировать Шанхайское Общество Литературы и Науки (Shanghai Literary and Scientific Society), которое вскорѣ было переименовано въ Сѣверно-Китайскій Отдѣлъ Королевскаго Азіатскаго Общества (North China Branch of the Royal Asiatic Society); спустя нѣсколько лѣтъ слово «Сѣверно» (North) было совершенно выпущено изъ названія общества. Эти общества издали рядъ «Извѣстій» (Transactions), составившихъ порядочную серію толстыхъ и тонкихъ брошюръ, заключающихъ въ себѣ самыя интересныя и драгоцѣнныя свѣдѣнія о Китаѣ и китайцахъ, являющіяся результатомъ усиленныхъ изслѣдованій и труда. Настоящій Китайскій Отдѣлъ Королевскаго Азіатскаго Общества устраиваетъ свои собранія въ Шанхаѣ; въ его составъ входитъ значительное число членовъ; годичный членскій взносъ—пять долларовъ, которые могутъ быть замѣнены единовременнымъ взносомъ въ пятьдесятъ долларовъ на званіе «пожизненнаго члена». Желающіе вступить въ общество могутъ обращаться къ секретарю общества въ Шанхаѣ. Члены общества получаютъ Журналъ Общества (Journal of the China Branch of The Royal Asiatic Society) безплатно, имѣютъ привиллегію получать прежніе нумера со скидкою въ 40% съ продажной цѣны, между тѣмъ какъ публика пользуется только скидкой въ 10% при покупкѣ полной серіи нумеровъ журнала, на сколько, разумѣется, таковая имѣется въ продажѣ. Годовая подписка на журналъ для публики—5 долларовъ. Систематическій указатель статей, помѣщенныхъ въ журналѣ со времени основанія Общества до 31-го декабря 1874 года, можно найти въ 9-мъ нумерѣ журнала (новая серія).

С. Горяиновъ.

Акупунктура. Акупунктура есть одинъ изъ девяти способовъ леченія, извѣстныхъ въ медицинской наукѣ китайцевъ. Она весьма древняго происхожденія и практикуется у нихъ съ незапамятныхъ временъ. Если вѣрить преданію, то изобрѣтателемъ ея былъ императоръ Хуанъди. Въ шестомъ столѣтіи до Р. Х. Бянь-ціо славился умѣньемъ примѣнять ее, и до сихъ поръ сохранилось сочиненіе, написанное въ третьемъ или четвертомъ столѣтіи до Р. Х., въ которомъ спеціально трактуется объ этомъ способѣ леченія. Можно сказать, что около шести сотъ или болѣе лѣтъ тому назадъ, т. е. во время Сунской династіи, акупунктура стала предметомъ науки, о чемъ свидѣтельствуетъ сохранившаяся до сихъ поръ одна изъ двухъ мѣдныхъ фигуръ, представляющихъ еловѣческое тѣло и сдѣланныхъ въ 1027 году по Р. Х., по приказанію царствовавшаго въ то время императора. На ней видны знаки, объясняющіе принципъ акупунктуры. Такихъ знаковъ имѣется на ней 367, причемъ каждый квадратный дюймъ имѣетъ свое особое названіе и поставленъ въ извѣстное, чисто-воображаемое соотношеніе къ внутреннимъ частямъ. Въ китайскихъ медицинскихъ сочиненіяхъ подробно и пространно говорится объ акупунктурѣ, представляющей собою весьма распространенное средство. Въ нихъ дается масса указаній относительно способа употребленія ея, причемъ операторъ предостерегается противъ пораненія артерій, въ виду чего онъ обязанъ знать расположеніе кровяныхъ сосудовъ. Операторъ имѣетъ модель человѣческаго тѣла, снабженную многочисленными отверстіями. Внимательнымъ изученіемъ модели онъ научается, куда слѣдуетъ втыкать иголку, которая вводится въ такія внутреннія части, гдѣ невозможны прискорбныя послѣдствія. Иногда наружный конецъ иголки нагрѣваютъ, и такой способъ называется горячею акупунктурою; но нагрѣваніе никогда не дѣлается раньше втыканія иголки. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ извѣстно, иголка ломается въ тѣлѣ паціента и должна оставаться тамъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ извлечена искусной рукой западнаго врача.

«Иголки, употребляемыя для цѣлей акупунктуры, по своему наружному виду очень похожи на иголки швейныхъ машинъ, только онѣ длиннѣе и толще ихъ. Нѣкоторые китайскіе доктора имѣютъ иголки около двухъ футовъ длиною, и пылкіе поклонники воображаютъ, что они въ состояніи насквозь проткнуть этими инструментами тѣло паціента; но въ дѣйствительности, такой большой размѣръ иголокъ предназначается лишь для того, чтобы дать наглядное представленіе объ искусствѣ и славѣ ихъ владѣтелей. Упо-

треблаются иголки слѣдующихъ девяти формъ: стрѣлообразныя, тупыя, пунктурныя, копьевидныя, мечеобразныя, капилярныя, круглыя, длинныя и большія. Мѣсто прокола, глубина его и направленіе его играютъ весьма важную роль... и обыкновенный способъ, котораго придерживаются при этомъ, состоитъ въ томъ, что иголку вводятъ черезъ натянутую кожу при помощи ударовъ легкимъ молоточкомъ. Иголки часто накалываютъ до красна, и случается, что онѣ оставляются въ тѣлѣ въ продолженіе нѣсколькихъ дней».

Акупунктура считается универсальномъ средствомъ. Еще до начала исторіи она было перенесена изъ Китая въ Японію; и скарификація, и акупунктура пользуются особымъ уваженіемъ у этихъ двухъ націй. Dr. Lockhart говоритъ, что акупунктура чрезвычайно искусно примѣняется въ Китаѣ. Ею широко пользуются отъ ревматизма, застарѣлыхъ болѣзней всѣхъ родовъ, вывиховъ, опухоли въ суставахъ и проч. Она была перенесена изъ Китая въ Европу голландскимъ врачемъ, по имени Ten-Rhyne, въ 18-мъ столѣтіи.

Важнѣйшая литература: — «Nouveaux Mélanges Asiatiques», соч. Remusat, томъ I, стр. 358-380.—На стр. 229 „The Chinese as they are", соч. Tradescant Lay, представлены рисунки инструментовъ, употребляемыхъ для акупунктуры въ Китаѣ. — «Surgery in China», статья д-ра C. Thomson въ «China Medical Missionary Journal» за декабрь 1892 г.

Д. Щербаковъ.

Армія. Тотъ военный элементъ Китая, который, пожалуй, можно сгруппировать подъ общимъ названіемъ «Китайской арміи», весьма разнообразенъ по составу и численности. Три главныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма различныхъ между собою категоріи его:

1) Войска восьми знаменъ, обнимающія «всѣхъ маньчжуровъ и всѣхъ потомковъ монголовъ и китайцевъ, участвовавшихъ въ завоеваніи Китая». Эти войска образуютъ дворцовую гвардію и гарнизоны главныхъ городовъ и другихъ важныхъ мѣстъ имперіи.

2) Китайскія провинціальныя войска «Зеленаго знамени», состоящія изъ морскихъ и сухопутныхъ силъ. Послѣднихъ имѣется отъ 400.000 до 500.000 человѣкъ. Они представляютъ собою «жалкій организмъ, исполняющій функціи службъ гарнизонной и полицейской».

3) Волонтеры или иррегулярныя войска, которыя набираются и распускаются по мѣрѣ надобности и употребляются для настоящихъ военныхъ цѣлей. О численности ихъ нельзя дать никакихъ, даже приблизительныхъ, данныхъ.

Современный списокъ войскъ, составленный извѣстной китайской газетой, заключаетъ нижеслѣдующія войска, расположенныя въ 18 провинціяхъ собственнаго Китая, не включая войскъ, находящихся въ маньчжурскихъ и монгольскихъ провинціяхъ, и въ Новыхъ Владѣніяхъ. Слѣдуетъ, однако, помнить, что бумажныя данныя о численности войскъ значительно разнятся отъ дѣйствительности, или другими словами, что солдатъ, получающихъ жалованье въ дѣйствительности гораздо меньше, чѣмъ показано на бумагѣ: казнокрадство, господствующее всюду среди китайскихъ чиновниковъ, дѣйствуетъ и въ арміи съ полною силою. Вотъ этотъ перечень численности войскъ:

Чжи-ли	42.532	чел.	Шань-дунъ	20.174	чел.
Шань-си	25.534	»	Хэ-нань	13.835	»
Цзянъ-су	50.134	»	Ань-хуй	8.728	»
Цзянъ-си	13.832	»	Фу-цзянъ	63.304	»
Чжэ-цзянъ	39.009	»	Ху-бэй	22.740	»
Ху-нань	35.590	»	Шэнь-си	42.260	»
Гань-су	55.819	»	Сы-чуань	33.188	»
Гуань-дунъ	69.052	»	Гуанъ-си	23.408	»
Юнь-нань	42.549	»	Гуй-чжоу	48.490	»
			Всего	650.178	»

По другимъ источникамъ, китайская армія въ мирное время содержится въ числѣ 300.000 человѣкъ, причемъ отъ трехъ до пятнадцати отрядовъ, въ 500 чел. каждый, расположены въ окрестностяхъ городовъ или крупныхъ селеній подъ командой генераловъ. Въ Пекинѣ и другихъ значительныхъ центрахъ войска обучаются по европейскому образцу; рожковые сигналы слышатся теперь на сѣверѣ въ Тянь-цзинѣ, а также и въ сердцѣ имперіи, въ Ханькоу, и даже на югѣ они дѣлаются обычными для ушей, еще недавно знавшихъ только звуки гонга и турецкаго барабана. Однако, число обученныхъ такимъ образомъ войскъ составляетъ лишь очень незначительный процентъ всей вооруженной силы Китая, и кремневыя ружья, всякихъ сортовъ пики, копья и алебарды составляютъ оружіе многихъ и до нынѣ. Иногда иностранное оружіе дается въ руки необученныхъ надлежащимъ образомъ солдатъ, иногда же дорогое иностранное оружіе, вслѣдствіе небрежности и неумѣнія обращаться съ нимъ, ржавѣетъ и приходитъ въ совершенно негодное состояніе.

Говорятъ, что еще за пять лѣтъ до 1892 года на берегахъ Печилійскаго залива было расположено 50.000 человѣкъ войска, снабжен-

наго европейскимъ оружіемъ, и что часть ихъ была обучена иностранными офицерами, преимущественно германскими.

Иностранными офицерами, однако, по общему правилу не пользуются для другихъ цѣлей, кромѣ обученія солдатъ военной выправкѣ и умѣнію обращаться съ оружіемъ. По поводу этого одинъ нѣмецкій писатель замѣчаетъ, что «kein fremder Offizier erhält ein Commando oder die Befugnisse eines Generalstabs-Offiziers oder Adjutanten» (ни одинъ чужестранный офицеръ не допускается къ командованію частью или къ исполненію обязанностей офицера Генеральнаго Штаба или адъютанта). Достопримѣчательными исключеніями были только генералы Gordon и Mesny.

Старомодные китайскіе форты, которые имѣются во всемъ Китаѣ, и которые вплоть до послѣдняго времени являлись единственными укрѣпленіями, съ которыми можно было встрѣтиться, смѣшны съ европейской военной точки зрѣнія. Часто можно видѣть длинныя неправильно размѣщенныя кирпичныя стѣны, поднимающіяся по склонамъ холмовъ (какъ наприм., при входѣ въ Кантонскую рѣку), снабженныя бойницами для старинныхъ, заряжаемыхъ съ дула пушекъ, которыя, можетъ быть, и пригодны въ мирное время, но которыя во время войны на скорую руку подлежатъ замѣнѣ другими. Въ другихъ, болѣе ровныхъ и низкихъ мѣстахъ встрѣчаются квадратные форты, которые, быть можетъ, въ средніе вѣка и удовлетворяли тѣмъ цѣлямъ, для которыхъ они были построены, такъ какъ они, безъ сомнѣнія, достаточно сильны для поддержанія порядка внутри страны и какъ оплотъ противъ китайскихъ бунтовщиковъ, вооруженныхъ китайскимъ оружіемъ. На берегу моря выстроены въ различныхъ открытыхъ портахъ и въ нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ, какъ напримѣръ, въ Портъ-Артурѣ и у Кантона, форты въ европейскомъ стилѣ, которые снабжены современными европейскими пушками, заряжающимися съ казны. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ говорили, что въ Юнь-нани изготовлялись крупповскія орудія, и съ теченіемъ времени учрежденіе большаго числа арсеналовъ, вѣроятно, будетъ признано полезнымъ, чтобы отвѣчать на нужды китайской арміи въ дѣлѣ снабженія ея орудіемъ.

«Китайцы... снабдили свои маньчжурскія войска, распредѣленныя по всей имперіи, нѣсколькими артиллерійскими батареями съ заряжающимися съ казны орудіями. Въ каждой провинціи имѣется отрядъ войскъ, обученныхъ по иностранному образцу туземными инструкторами, получившими свое военное образованіе у германскимъ солдатъ.»

Къ несчастью въ настоящее время, однако, мало надежды на преобразованіе китайской арміи въ болѣе или менѣе значительной мѣрѣ, такъ чтобы она могла быть полезной при защитѣ страны противъ дерзкихъ нападеній въ будущемъ. Со времени войны съ Японіей естественнымъ образомъ полагали, что вопросъ о реорганизаціи военныхъ силъ будетъ поставленъ на первый планъ. Что для этого имѣлась на лицо самая неотложная необходимость, казалось всѣмъ очевиднымъ. Думали, что Китай, получивъ такой суровый ударъ, безотлагательно приметъ мѣры, чтобы въ военномъ отношеніи стать на ту же высоту, на которой стояли его болѣе воинственные сосѣди, чтобы такимъ образомъ, путемъ видной для каждаго готовности къ отраженію нападеній, предупредить послѣднія заблаговременно. Въ этомъ направленіи, однако, повидимому, еще не сдѣлано ни одного дѣйствительнаго шага. Въ Китаѣ совершенно нѣтъ національной арміи въ современномъ смыслѣ этого слова, какъ и нѣтъ общепринятаго оружія для всѣхъ различныхъ провинціальныхъ силъ, кромѣ того обученіе неодинаковое, и военная организація не одного образца. Въ отношеніи тѣхъ незначительныхъ силъ, которыя вооружены современнымъ точнымъ оружіемъ, полная децентрализація является общимъ лозунгомъ. Нѣкоторые изъ болѣе склонныхъ къ нововведеніямъ, чѣмъ чиновники старой, китайской школы, вице-королей приглашаютъ иностранныхъ офицеровъ для обученія малочисленныхъ командъ; но и это дѣлается безъ всякой системы и всякаго единства, и нерѣдко тотъ же самый вице-король приглашаетъ инструкторовъ изъ различныхъ странъ, которые, разумѣеття, воспитаны въ различныхъ школахъ. Что касается ихъ войскъ, то не существуетъ интендантствъ, какъ не существуетъ и складовъ аммуниціи и другихъ предметовъ насущной необходимости.

Форма китайскаго солдата состоитъ изъ широкой куртки и широкихъ шароваръ. Куртки бываютъ бураго, желтаго или синяго цвѣта съ широкой, разнящейся по цвѣту, каймой; шаровары почти всегда синяго цвѣта. Въ большихъ кругахъ спереди и сзади на курткѣ изображены іероглифы, обозначающіе часть и родъ оружія солдата и пр. Обыкновенная китайская обувь изъ матеріи и коническая маленькая бамбуковая шапочка дополняютъ костюмъ.

Жалованье, получаемое солдатами, очень невелико и далеко недостаточно для поддержанія жизни; солдаты, поэтому, часто вынуждены наниматься на частную работу, чтобы получить средства къ пропитанію, хотя и государствомъ на содержаніе 600,000 пѣхотинцевъ ассигнуется ежегодно 21.600.000 таэлей, по три таэля въ мѣсяцъ на человѣка, при-

чемъ одна половина дается деньгами, другая же раціономъ. На содержаніе 242.000 человѣкъ кавалеристовъ ассигнуется 11.616.000 таэлей, по 4 т. въ мѣсяцъ. Принимая, однако, во вниманіе расхищеніе большей части этихъ денегъ чиновниками, прежде чѣмъ онѣ доходятъ до солдатъ, и цѣлые мѣсяцы, въ теченіе которыхъ послѣдніе ничего не получаютъ, оказывается, что дѣйствительность рѣзко разнится отъ бумажныхъ данныхъ. Какъ кажется, не существуетъ однообразной величины для жалованья, такъ какъ въ важныхъ мѣстахъ, гдѣ солдаты обучаются по иностраннымъ методамъ, какъ напримѣръ, въ Тянь-цзинѣ, Фу-чжоу и Кантонѣ, господствуетъ болѣе высокая норма, отъ 12 до 20 долларовъ въ мѣсяцъ, каковыя деньги, кромѣ того, болѣе регулярно выдаются. Солдаты, принадлежащіе къ охранѣ вице-королей получаютъ тоже болѣе высокое жалованье, но обыкновенный китайскій солдатъ получаетъ весьма мало. Можетъ быть, что имъ даютъ по 1 доллару черезъ каждые 10 дней, что составляетъ 10 центовъ въ день, между тѣмъ какъ другіе десять центовъ остаются у мандарина; изъ нихъ солдатъ въ день новаго года или въ различные праздники, можетъ быть, получаетъ ничтожную часть. Пожалуй, интересно, сравнить количество денегъ, получаемыхъ китайскимъ, англійскимъ и германскимъ солдатами, выражая ихъ въ англійскихъ денежныхъ единицахъ: германскій солдатъ получаетъ $4^1/_2$ пенса въ день, англійскій — 1 шиллингъ, китайскій же, если онъ получитъ все, что ему полагается, около 3,5 пенс., какъ сказано выше, и вдобавокъ еще то, что обыкновенно удерживается, что въ большинствѣ случаевъ весьма невѣроятно, то все вмѣстѣ, пожалуй, составитъ около 7 пенсовъ. Слѣдуетъ помнить, что въ указанные $3^1/_2$ пенса въ день включена и плата за всю пищу, которой пользуется китайскій солдатъ. Никакихъ пенсій или инвалидныхъ выдачъ не существуетъ, точно также, какъ и не существуетъ никакой медицинской части въ войсковой организаціи, такъ что тѣ страданія, которымъ китайскій солдатъ подвергается, не только во время ужасовъ войны, но и отъ малярій и болѣзней, не поддаются никакому описанію.

Въ подражаніе принятымъ въ Китаѣ испытаніямъ для гражданскихъ чиновниковъ, нынѣшняя династія установила испытанія и для военныхъ. Установлена градація по примѣру гражданской, и успѣшно выдержавшіе высшій экзаменъ получаютъ тѣ же титулы сю-цай, цзюй-жэнь и цзиньши; испытанія на самую высшую степень производятся въ Пекинѣ. (См. статью объ *Экзаменахъ).* Въ общемъ не требуется отъ кандидатовъ никакого знанія литературы, хотя главный экзаменаторъ и производитъ оцѣнку литературныхъ познаній прежде награжденія титуломъ сю-цай. Все,

что требуется для благополучнаго выдержанія,—это развитіе мышцъ, доказываемое подниманіемъ тяжестей, умѣньемъ владѣть мечемъ и стрѣлять изъ лука. Искусство стрѣльбы изъ лука должно быть доказано и въ пѣшемъ строю, и верхомъ. На экзаменаціонномъ плацу устраивается траншея, одинъ или два фута глубиной, и достаточно широкая, чтобы внутри ея съ удобствомъ могла пробѣжать лошадь; претендентъ на военную степень садится на лошадь и рысью или галопомъ скачетъ вдоль траншеи. Такъ какъ лошадь только должна идти прямо вдоль траншеи, то всадникъ въ состояніи обращать все свое вниманіе на стрѣльбу. Снабженный достаточнымъ количествомъ стрѣлъ, онъ быстро скачетъ мимо трехъ мишеней, находящихся на разстояніи около 15—20 футовъ отъ траншеи, и выпускаетъ по одной стрѣлѣ въ каждую; дистанція между ними расчитана такъ, что у него достаточно времени, чтобы вынуть изъ колчана стрѣлу и положить ее на лукъ. При удачномъ выстрѣлѣ у мишени раздается звукъ гонга, который и извѣщаетъ объ удачѣ сидящаго въ концѣ траншеи въ павильонѣ экзаменатора.

Хотя успѣшно выдержавшіе испытаніе и награждаются такими же точно степенями, если можно такъ выразиться, какъ и выдержавшіе литературное испытаніе, однако, такъ какъ степени въ этомъ случаѣ достаются лишь благодаря физическому развитію и вѣрности глаза, то народъ, который мудрымъ образомъ не цѣнитъ военныхъ отличій, придаетъ имъ лишь мало значенія, и военные чиновники (офицеры) считаются гораздо ниже гражданскихъ. Морскіе офицеры избираются изъ тѣхъ же самыхъ успѣшныхъ кандидатовъ. Одинъ писатель справедливо замѣчаетъ, что «повидимому, отъ нихъ не требуется ни знанія тактики, артиллеріи, инженернаго искусства, фортификаціи, ни даже общей грамотности; и этимъ легко объяснить безсиліе арміи и ту малую долю уваженія, какою пользуются офицеры въ Китаѣ». Отъ кандидатовъ на военныя степени ожидается нѣкоторое знакомство съ теоріями Сунь-цзы, У-цзы, Сы-ма и другихъ почтенныхъ и древнихъ авторовъ. Но указанные авторы скорѣе представляютъ собою предметъ изученія для философа и ученаго, чѣмъ тактика.

Китаецъ отъ природы не предназначенъ для войны. Въ дѣлахъ противъ европейцевъ его тактика часто была похожа на тактику его же собакъ, —много шума, но мало дѣла, и быстрое бѣгство. Говорятъ, что китайскіе солдаты храбры въ бѣгствѣ, такъ какъ слово «храбрецъ» написано на спинахъ ихъ курточки, но это слово написано и на груди, и при надлежащемъ обученіи, вооруженіи и руководствѣ они не отличаются

недостаткомъ мужества, какъ это доказала всегда побѣдоносная армія подъ командою генерала Гордона.

> «Китайская армія 1876-7 годовъ, которая завоевала Восточный Туркестанъ, о которой засвидѣтельствовано, что она была въ высшей степени блестящимъ результатомъ обученія, имѣла исключительно китайскихъ офицеровъ и состояла подъ командою китайцевъ. Они завоевали Кашгаръ съ арміей, вооруженной европейскимъ оружіемъ, и выказали значительное знаніе военнаго искусства. Солдаты ихъ были обучены по иностраннымъ методамъ и шли подъ начальствомъ офицеровъ, получившихъ европейское военное образованіе, а генералы руководили своими войсками согласно съ ученіемъ самыхъ передовыхъ военныхъ авторитетовъ».

Помимо того исторія ихъ одинаково полна описаній примѣровъ храбрости и отчаяннаго мужества на полѣ сраженія, какъ и исторія любого народа. Китайскій народъ имѣетъ тотъ сырой матеріалъ, изъ котораго можно выработать то, что извѣстно подъ названіемъ хорошаго солдата, но у нихъ наврядъ ли есть—а если есть, такъ въ очень незначительномъ количествѣ,—способные офицеры, которые могли бы развить этотъ сырой матеріалъ въ настоящихъ воиновъ, которые были бы въ состояніи противостоять арміи, обученной западному военному искусству. И вся, вообще, китайская система, или, правильнѣе, отсутствіе всякой системы, вмѣстѣ съ господствующимъ въ рядахъ тѣхъ, которые претендуютъ быть руководителями арміи, развращеніемъ, исключаетъ всякую идею о китайскомъ воинствѣ и лишь въ состояніи создать трусовъ по отношенію къ западному непріятелю и разбойниковъ и хищниковъ въ благодатное мирное время по отношенію къ соотечественникамъ. Спокойный и миролюбивый, чадолюбивый китаецъ въ правѣ говорить: «Защитите насъ отъ нашихъ защитниковъ». Въ китайской арміи царятъ драконовы законы, и къ солдатамъ, попавшимся въ какомъ-нибудь ужасномъ преступленіи, примѣняется весьма суммарная справедливость; исповѣдь ихъ коротка, такъ какъ офицеры, которымъ они подчинены, держатъ въ своихъ рукахъ право жизни и смерти, и отнюдь не вынуждены обращаться къ императору за утвержденіемъ приговора. Такимъ образомъ, китайскій солдатъ во времена мира, какъ и войны, свободно располагаетъ своею жизнью.

Слѣдующая оцѣнка качествъ китайца, какъ солдата, здѣсь, пожалуй, не будетъ лишена интереса:

«Прежній отзывъ о нихъ, что они трусливый народъ, весьма легко уничтожается, когда они получаютъ настоящую плату и имѣютъ дѣйствительное руководительство; а правильность и опредѣленность ихъ обычаевъ, которыя располагаютъ ихъ въ обыкновенное время къ миру, уступаютъ въ военное время мѣсто отвагѣ, граничащей съ безразсудствомъ. Ихъ интеллектъ и способность къ запоминанію фактовъ дѣлаютъ ихъ весьма пригодными для цѣлей современной войны, въ чемъ имъ еще помогаютъ хладнокровность и спокойствіе ихъ характера. Въ физическомъ отношеніи они въ среднемъ не такъ сильны, какъ европейцы, но значительно сильнѣе всѣхъ остальныхъ восточныхъ расъ, и не смотря на дешевую діэту, состоящую изъ риса, овощей, соленой рыбы и свинины, они въ состояніи переносить цѣлыя горы утомленія, будь то въ умѣренномъ климатѣ, или же въ тропическомъ, гдѣ европейцы не пригодны для дѣйствій. Ихъ потребности ограничены; у нихъ нѣтъ кастовыхъ предразсудковъ и едва ли какая-нибудь потребность въ возбуждающихъ спиртныхъ напиткахъ. Будучи лимфатическаго или лимфатически-желчнаго темперамента, они отличаются замѣчательною незаражаемостью воспалительными болѣзнями, и предрасположеніе къ туберкуламъ мало извѣстно среди нихъ».

Солдаты въ Китаѣ часто употребляются на исправленіе такихъ обязанностей, какія западными военными авторитетами считались бы лежащими внѣ сферы собственныхъ ихъ функцій. Какъ на примѣръ экстренныхъ военныхъ работъ, къ исполненію которыхъ они иногда призываются, можно указать на постройку правительственной желѣзной дороги на Формозѣ, на возведеніе городскихъ стѣнъ и даже на вывозъ нечистотъ.

Важнѣйшая литература:—«The Chinese Government», соч. Mayer.—«Account of the Army of the Chinese Empire», статья Sir Thos. Wade въ «Chinese Repository», vol. XX, стр. 250, 300 и 363.—«Mémoires sur les Chinois», tom. VII, даетъ французскій переводъ китайскихъ учебниковъ для военныхъ кандидатовъ съ замѣчаніямъ о военныхъ упражненіяхъ и многочисленными гравюрами, изображающими, какъ оружіе, такъ и вооруженный строй.—„Die chinesische Armee“, статья отставного полковника Pauli въ „Schorers Familienblatt“, Heft 7, 1892.—„China, von einem früheren Instructeur in der chinesischen Armee“, Leipzig, 1892, содержитъ отчетъ о вывозѣ нечистотъ солдатами, и „Hongkong Daily Press“, 11th October, 1893, отмѣчаетъ моленіе о помощи духовъ въ дѣлѣ наведенія прицѣла при стрѣльбѣ изъ пушекъ. См. также статью объ *Оружіи*.

В. Надаровъ.

Архитектура. Китайцы сдѣлали лишь очень мало успѣховъ въ архитектурѣ: они не ушли дальше первыхъ шаговъ строительнаго искусства. Первый принципъ, котораго они придерживались, заключался, повидимому, въ томъ, что они устраивали двѣ боковыхъ стѣны для поддержанія балокъ крыши. Длина этихъ балокъ въ зданіяхъ болѣе крупной величины вызываетъ примѣненіе цѣлыхъ рядовъ колоннъ для поддержанія ихъ. Во избѣжаніе чрезмѣрной многочисленности этихъ колоннъ, система которыхъ была описана какъ въ высшей степени прекрасная система «царя» и «царицы», были выдуманы столбы, при помощи которыхъ давленіе нѣсколькихъ балокъ передается на одну колонну. Колонны часто покрыты красивой рѣзной работой, представляющей широкое поле для разнообразія. Tradescant Lay, котораго мы уже цитировали, говоритъ: «Замѣчается недостатокъ знаній и концепціи..., но фантазіи, повидимому, предоставляется полная свобода развиться, сколько ей угодно, и то, чего недостаетъ архитектору въ дѣлѣ развитія извѣстнаго плана, онъ восполняетъ изобиліемъ фантазіи.» Williams говоритъ: «Въ болѣе легкихъ постройкахъ, въ павильонахъ, бесѣдкахъ, кіоскахъ и кущахъ наблюдается, однако, извѣстная степень вкуса и гармоніи, что необычно въ другихъ зданіяхъ и совсѣмъ не сходится съ любовью ихъ къ мишурѣ и позолотѣ, взамѣнъ солидности и величія.» Другой синологъ говоритъ: «Орнаментація ихъ часто прекрасна. Но даже въ своей орнаментаціи китайцы рѣдко, если вообще, когда-нибудь, согласуютъ между собою детали. Детали часто совершенны, но онѣ рѣдко находятся въ такой полной гармоніи съ другими деталями, чтобы представить зрителю пріятный видъ гармоничнаго произведенія искусства».

Конструкція ихъ плоха; обращается слишкомъ мало вниманія на наружное очертаніе, за исключеніемъ пагодъ, крышъ храмовъ и мостовъ, но за то орнаментація образуетъ самую пріятную черту, на которую обращается самая большая забота.

Мы неоднократно слышали отъ одного стараго обывателя Китая разсказъ о впечатлѣніи, произведенномъ на него Кантономъ при первомъ его посѣщеніи. Еще до прибытія въ Китай были получены извѣстія объ уничтоженіи огнемъ китайскаго театра и гибели жизни цѣлыхъ тысячъ жителей. По прибытіи въ городъ случайное воспоминаніе о страшной катастрофѣ заставило новаго пришельца подумать, что разстерзанный видъ домовъ и построекъ являлся результатомъ дѣйствія разрушительнаго элемента; мысль о томъ, что обычныя жилища жителей такого громаднаго города именно такія, какъ эти, ему и не приходила въ голову. Великолѣпныя

церкви и каөедральные соборы, видныя строенія, роскошные дома,—всѣ они отсутствуютъ въ китайскихъ городахъ; вмѣсто широкихъ улицъ, помѣстительныхъ проспектовъ и обширныхъ площадей имѣется рядъ узкихъ переулковъ, лабиринтъ проходовъ (изъ которыхъ наврядъ ли какой-нибудь одинъ имѣетъ право на названіе улицы, по нашему пониманію этого термина); а тѣ немногія свободныя мѣста передъ храмами —недостойны названія площадей. Тянущіяся на хорошихъ улицахъ по обѣимъ сторонамъ ихъ стѣны сложены изъ синевато-сѣраго кирпича, красиво оштукатуреннаго, съ гранитными основаніями, поднимающимися на нѣсколько футовъ надъ поверхностью земли. Двѣ или три гранитныхъ ступени, длиной своей занимающихъ все пространство между стѣнами дома, ведутъ вверхъ къ лицевой сторонѣ послѣдняго, которая, за исключеніемъ помѣщающейся въ срединѣ двери, показываетъ прохожему одну лишь чистую стѣну. Нѣтъ никакихъ оконъ, а имѣется одна гладкая, массивная, двустворчатая дверь изъ толстыхъ планокъ, закрываемая двумя деревянными болтами. Такія двери часто бываютъ открыты въ теченіе всего дня, а сокровенность жилища защищается двумя наружными, менѣе тяжелыми дверями, также деревянными и доходящими только немногимъ выше половины воротъ. Боковыя стѣны дома выступаютъ на нѣсколько футовъ и поддерживаютъ край крыши, который вынесенъ впередъ на соотвѣтствующее разстояніе и прикрываетъ немногіе футы пространства, находящагося передъ входомъ. Стѣны обыкновенно въ толщину длины кирпича, и послѣ восьми или десяти рядовъ кладется одинъ рядъ связующихъ камней. Вступивши въ домъ черезъ высокій деревянный порогъ, мы оказываемся подъ маленькой крышей, которая находится надъ помѣщеніемъ привратника, а передъ нами открывается рядъ большихъ дверей, сдѣланныхъ изъ досокъ, приблизительно по три пары вмѣстѣ, идущій отъ стѣны до стѣны; а за ними помѣщается маленькій внутренній дворъ, изъ средины котораго видно небо, и въ немъ стоятъ нѣсколько зеленыхъ, глазированныхъ горшковъ съ искусственными цвѣтами или растеніями на подобныхъ же подставкахъ. Весь домъ теперь находится передъ нами. Отдѣльныя помѣщенія находятся всѣ подъ различными крышами, причемъ самое первое—пріемный залъ. Китайское жилище, за исключеніемъ жилищъ бѣднѣйшихъ классовъ, представляетъ собою собраніе маленькихъ построекъ.

Одинъ этажъ—это все, чѣмъ можетъ похвастать китайскій домъ; онъ обыкновенно выложенъ красными спеціальными плитками, величиной въ одинъ квадратный футъ и толщиной въ одинъ дюймъ. Иногда

на полъ кладутся мраморныя плиты, но онѣ не особенно отшлифованы. Если имѣется еще этажъ, то онъ помѣщается обыкновенно подъ одной или нѣсколькими изъ внутреннихъ крышъ.

Въ нѣкоторыхъ домахъ, по преимуществу въ Кантонѣ на берегу рѣки, имѣется шесть, восемь, десять и даже двѣнадцать отдѣльныхъ крышъ, тянущихся одна за другой, всѣ въ ряду, съ дворами между ними и съ крытыми ходами по всѣмъ сторонамъ этихъ открытыхъ мѣстъ; послѣднія служатъ двумъ цѣлямъ, открывая доступъ свѣту, и производя вентиляцію, замѣняя такимъ образомъ окна, которыя, по большей части, помѣщаются только во внутренней части дома, гдѣ они выходятъ на дворъ.

Существовало весьма распространенное мнѣніе, что шалашъ служилъ моделью для возведенія крыши въ кіоскахъ и другихъ строеніяхъ, но за послѣднее время одинъ или два писателя не раздѣляютъ этого мнѣнія.

Потолки можно лишь рѣдко встрѣтить въ китайскихъ домахъ, точно также какъ и стѣны не штукатурятся или обклеиваются бумагой. Черепицы кладутся перемѣнными рядами изъ трубообразныхъ и коньковыхъ. или же маленькихъ полуцилиндрическихъ и широкихъ, лишь слегка конкавныхъ, что, какъ указывается нѣкоторыми, ведетъ свое начало отъ прежнихъ бамбуковыхъ крышъ, но не отъ способа устройства шалашей. На хорошихъ крышахъ кладется сверху еще одинъ слой, а иногда и третій поверхъ первыхъ двухъ.

Жилища бѣдныхъ представляютъ собою часто одни только навѣсы, и многіе рабочіе, а также и бѣднѣйшіе классы, живутъ подъ циновочными навѣсами, рамки которыхъ сдѣланы изъ бамбука, стѣны же и крыши изъ продолговатыхъ прямоугольниковъ, устроенныхъ изъ закрѣпленныхъ между собою бамбуковыхъ листьевъ. Такіе, построенные изъ «аттана», какъ говорятъ малайцы, циновочные навѣсы весьма удобны, такъ какъ они легко и быстро устанавливаются безо всякихъ гвоздей, благодаря тому, что бамбуковыя палки перевязываются одна съ другой при помощи длинныхъ полосокъ расколотаго индѣйскаго тростника. и еще легче разбираются, потомучто закрѣпленія вмѣсто того, чтобы ихъ развязать, разрѣзываются. Такіе навѣсы пользуются широкимъ примѣненіемъ, какъ временныя постройки для религіозныхъ празднествъ или же для многихъ другихъ цѣлей, среди которыхъ одной изъ самыхъ любопытныхъ является сооруженіе навѣса надъ только-что строющимся домомъ для защиты его и рабочихъ отъ тяжелыхъ тропическихъ дождей.

По берегамъ рѣкъ, на болотахъ можно встрѣтить массу самыхъ бѣдныхъ навѣсовъ и хижинъ, не поддающихся никакому описанію. Основаніемъ ихъ часто служатъ старыя лодки, а надстройка сдѣлана изъ того, что Богъ послалъ, напоминая знаменитый ковчегъ г. Peggotty, описанный въ «David Copperfield».

Въ домахъ лучшихъ классовъ много орнаментаціи. Лѣпныя работы, изображающія человѣческія фигуры, птицъ, животныхъ и цвѣты, часто расположены надъ фронтомъ дома, на фризѣ подъ выступомъ крыши; такія же украшенія можно встрѣтить и на внутреннихъ стѣнахъ, гдѣ они пріятно равнообразятъ совершенно монотонную картину голыхъ кирпичныхъ стѣнъ. Въ Сватоу вся лицевая стѣна часто украшена шестью или семью большими медальонообразными картинами, придающими веселость гладкой поверхности ея. Фактъ, что обыкновенныя зданія вверхъ по морскому берегу больше разукрашены, чѣмъ то наблюдается на югѣ. Разнообразіе получается также отъ осьмиугольныхъ и кругообразныхъ персиковидныхъ дверей, которыя продѣланы въ стѣнахъ смежныхъ помѣщеній, въ садахъ и скалистыхъ гротахъ домовъ высшаго качества. Причудливая живописность вносится въ общій эффектъ еще геометрическимъ сочетаніемъ линій, получаемымъ отъ соединенія двери съ окномъ въ одное цѣлое, длинные ряды которыхъ служатъ ширмами или перегородками между различными помѣщеніями, а также и плотно уставленными перегородками сквозной работы такой же конструкціи. Странная привлекательность всего *ensemble* увеличивается еще фруктами и цвѣтами рѣзной работы и картинами, расписанными пестрыми, кричащими красками.

Крыши лавокъ строятся подобно крышамъ частныхъ домовъ въ видѣ перевернутой буквы V. Вмѣстѣ того, однако, чтобы прятаться за сплошной кирпичной стѣной, какъ это наблюдается на жилыхъ домахъ, онѣ совершенно открыты на улицу и часто имѣютъ верхній этажъ, поддерживаемый впереди широкой подпоркой. Вся лавка открыта въ сторону улицы и запирается на ночь ставнями, замѣняющими двери. (Въ Сватоу ставни, находящіяся надъ прилавкомъ, поперечныя и не стоячія; часть ихъ поднимаютъ съ прилавка вверхъ, часть же спускаютъ съ крыши внизъ, и обѣ части сходятся въ промежуточномъ между прилавкомъ и крышей пространствѣ). Часть пространства впереди лавки занимаетъ гранитный прилавокъ, а прилавокъ изъ твердаго дерева, придѣланный къ первому подъ прямымъ угломъ, уходитъ назадъ въ глубь лавки. Позади собственной лавки помѣщается контора. Хотя вывѣски, строго говоря, и

не представляютъ собою архитектурной особенности самихъ зданій, но благодаря яркости своихъ красныхъ, зеленыхъ и золотыхъ цвѣтовъ, онѣ значительно увеличиваютъ живописность торговыхъ улицъ и уничтожаютъ монотонность, которая въ противномъ случаѣ сдѣлалась бы весьма замѣтной вслѣдствіе отсутствія архитектурныхъ украшеній. Вывѣски (самыя большія изъ нихъ имѣютъ десять и больше футовъ въ длину) помѣщаются по обѣ стороны фронта лавки, иногда онѣ поставлены на каменныхъ основаніяхъ, другія же висятъ надъ входомъ въ лавку или въ самой лавкѣ. Видъ улицы, полной лавокъ съ сотнями разноцвѣтно раскрашенныхъ вывѣсокъ представляетъ собою настоящій калейдоскопъ, когда ослѣпительный блескъ тропическаго солнца играетъ на разнообразныхъ ихъ краскахъ, между тѣмъ какъ они въ болѣе мягкихъ тѣняхъ полукрытыхъ улицъ нѣсколько разсѣеваютъ полутаинственный мракъ.

Въ храмахъ и публичныхъ постройкахъ, гдѣ мѣсто не такъ ограничено, главныя зданія—ихъ два или три—стоятъ отдѣльно. Выложенныя камнемъ дорожки и ступеньки ведутъ вверхъ на каменныя же террасы, на которыхъ построены зданія. Вѣковыя деревья покрываютъ своею сѣнью свободные промежутки. Зданія для настоятеля и монаховъ и службы расположены по сторонамъ или позади и снабжены многочисленными корридорами, ведущими въ помѣщенія или длинный рядъ комнатъ.

Большая часть изъ вышесказаннаго относится къ Кантону и его окрестностямъ. Что касается обитателей различныхъ провинцій Китая (иногда даже областей), то о нихъ можно справедливо сказать, что, въ большей или меньшей мѣрѣ, *hi omnes lingua, institutis,... inter se differunt*, и ихъ жилищя, хотя они въ главныхъ чертахъ и построены на тѣхъ же самыхъ общихъ принципахъ, имѣютъ въ различныхъ частяхъ страны свои особенности; такъ напримѣръ, въ Амоѣ многіе дома отличаются тѣмъ, что концы крышъ выгнуты вверхъ, чего на всемъ югѣ Китая нигдѣ не наблюдается.

«Нѣтъ ничего болѣе несуразнаго для иностранца, чѣмъ оффиціальныя дома съ ихъ воротами, створчатыми дверями, залами, побочными помѣщеніями, балконами, рѣзными и покрытыми фресками колоннами, рѣшетками и крытыми циновками потолками... Фрески пестры и изображаютъ всевозможные сюжеты, какіе себѣ только можно представить, начиная съ геніевъ, гуляющихъ среди облаковъ, и кончая бабочками, сидящими на какомъ-нибудь персикѣ. Крыша представляетъ собою запутанную массу азіатскаго великолѣпія. Сычуаньскіе дома выдаются своими внутренними украшеніями; кровли

домовъ, ворота и углы красиво отдѣланы осколками синяго и бѣлаго фарфора, производящими, на извѣстномъ разстояніи, въ высшей степени пріятный эффектъ... Дома, за исключеніемъ большихъ городовъ, представляютъ собою пошленькія вещицы, съ глинобитными стѣнами и крытыми соломой крышами».

Главнымъ матеріаломъ для постройки домовъ въ Сватоу и его окрестностяхъ служитъ земля, рѣчной песокъ, или же вывѣтрившійся гранитъ, къ которымъ примѣшивается известь въ пропорціи семи частей отъ первыхъ и трехъ отъ послѣдней. Получаемая масса кладется между досками, твердѣетъ и, повидимому, отличается большой прочностью.

Крышу разсматривали какъ главную черту китайской архитектуры; и не можетъ быть сомнѣнія, что весьма много декоративнаго искусства примѣняется къ массивнымъ крышамъ болѣе крупныхъ и изящныхъ храмовъ и публичныхъ зданій. Легкость и изящество кривой линіи этихъ тяжелыхъ крышъ достойны всякой похвалы; иногда они строятся двойными или такимъ образомъ, что имѣютъ видъ двухъ крышъ. Этимъ желаютъ имъ придать видъ большаго богатства и достоинства. Такимъ образомъ, крыша, какъ видно, не занимаетъ въ публичныхъ зданіяхъ и храмахъ того второстепеннаго положенія, которое соотвѣтствующая часть постройки занимаетъ на Западѣ. Она является самой поразительной частью въ этого рода зданіяхъ: съ многочисленными своими лакированными брусьями и столбами, зелено-глазированными черепицами и глазированными драконами, бисерами и пр., несокрытая заштукатуренными потолками—она выглядываетъ весьма живописно. Съ другой стороны, однако, крыши частныхъ домовъ предназначены просто для практическихъ цѣлей.

Казалось бы естественнымъ, что такая древняя страна, какъ Китай, вся должна была быть наполненна древними развалинами. Этого, однако, нѣтъ; даже Великая стѣна возстанавливалась одинъ или два раза. Существуетъ еще нѣсколько построекъ, которыя стоятъ уже больше тысячи лѣтъ, но чтобы найти болѣе древнія, необходимо раскопать курганы—могилы древнихъ городовъ,гдѣ, пожалуй, можно найти нѣсколько каменныхъ зданій; одно, построенное семнадцать столѣтій тому назадъ, открыто недавно. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видны также жилища въ пещерахъ и скалахъ. Большая часть зданій современная въ томъ смыслѣ, какой имѣетъ слово «современный» въ примѣненіи къ любому явленію Китая. Многія вещи, которыя относятся къ этой категоріи въ Китаѣ, считались бы на Западѣ средневѣковыми или древними. Причины

этой бѣдности остатками древности не приходится далеко искать многое изъ употребляемаго матеріала не способно противостоять разрушительному вліянію времени, и въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ способенъ на это, несовершенный способъ строенія не обезпечиваетъ этой долговѣчности, которой онъ при другихъ обстоятельствахъ былъ бы въ состояніи достигнуть. Если къ этому прибавить сырость климата и коварныя нападенія насѣкомыхъ, то все противъ того, чтобы передать потомству труды рукъ его предковъ; помимо того, взгляды китайцевъ всегда были обращены назадъ, назадъ къ заплѣснѣвѣвшимъ вѣкамъ, и не было стремленія строить для будущихъ временъ. Любопытной чертой китайскихъ построекъ является то обстоятельство, что въ нихъ употребляется мало камня. Улицы вымощены камнемъ; городскія стѣны частью возведены изъ камня; фундаменты домовъ построены изъ камня; изъ камня же дѣлаются конечные прилавки въ лавкахъ, а также и нѣкоторые изъ внѣшнихъ колоннъ храмовъ; но помимо этого рѣдко лишь можно найти какія бы то ни было постройки изъ одного камня, за исключеніемъ помянутыхъ арокъ и мостовъ. Китайцы съ арками знакомы съ весьма раннихъ временъ, хотя они и сравнительно мало ими пользуются. Въ различныхъ частяхъ имперіи выстроено нѣсколько изящныхъ мостовъ; нѣкоторые изъ нихъ значительной длины.

Памятники-арки, какъ можно назвать эти особенные, изящные порталы, обыкновенно воздвигаются по императорскому повелѣнію или съ императорскаго разрѣшенія для чествованія памяти добродѣтельныхъ и храбрыхъ. Онѣ состоятъ изъ большихъ среднихъ и двухъ меньшихъ боковыхъ воротъ, причемъ на югѣ Китая, какъ матеріалъ, употребляется обыкновенно гранитъ, на западѣ же мягкій сѣрый песчаникъ. Онѣ снабжены значительнымъ количествомъ украшеній, обыкновенно въ видѣ рѣзной работы, причемъ на западѣ Китая рѣзные цвѣты и фигуры дѣлаются изъ мрамора, тонко пригнаннаго и замѣчательно отполированнаго. На улицахъ, въ которыхъ онѣ воздвигаются, онѣ всегда образуютъ пріятный констрастъ съ обычнымъ отсутствіемъ архитектурнаго украшенія. Онѣ украшены надписями, повѣствующими о добродѣтели тѣхъ лицъ, дѣянія которыхъ дѣлаются безсмертными путемъ воздвиганія ихъ. Пагода представляетъ собою одинъ изъ самыхъ граціозныхъ образчиковъ китайской архитектуры. (См. статью о *Пагодахъ*).

Куполъ почти совсѣмъ не извѣстенъ. Магометанская архитектура заслуживаетъ нѣкотораго упоминанія, и возможно, что превосходство Минской архитектуры можетъ быть приведено къ ней.

Важнѣйшая литература:—«The Chinese As They Are», соч. Tradescant Lay, глава объ архитектурѣ.—Статьи Dr. Edkins: «Chinese Architecture», S. R. von Fries: «The Tent Theory of Chinese Architecture» и отчетъ о дебатахъ по поводу этихъ двухъ статей въ Journal C. Br. R. A. S. New Series, т. XXIV, № 3.—«L'Art Chinois», соч. M. Paléologue, глава объ архитектурѣ.— Объ архитектурѣ говорится еще въ соч. Williams «The Middle Kingdom» и въ большинствѣ книгъ о Китаѣ.— Отчетъ о пещерныхъ жилищахъ заключается въ соч. Williamson: «Travels in North China».

В. Надаровъ.

Аудіенція. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ вопросъ объ аудіенціи иностранныхъ пословъ, посланниковъ и др. у китайскаго императора былъ однимъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ на Дальнемъ Востокѣ. По этому вопросу кто-то справедливо замѣтилъ въ «Times,» что

«Можетъ быть, съ теченіемъ времени они (китайцы) увидятъ абсурдность изолированія своего императора отъ иностранныхъ министровъ, акредитованныхъ при немъ. Съ китайской точки зрѣнія, можетъ быть и были очень важныя и основательныя причины, когда отказывали представлять иностранцевъ вдовствующей императрицѣ, когда она дѣйствовала въ качествѣ регентши; но положительно нѣтъ никакого основанія, даже съ китайской точки зрѣнія, настаивать на изолированіи императора отъ иностранныхъ министровъ. Въ послѣднемъ*) столѣтіи императоръ настоящей династіи принималъ иностранцевъ и былъ такъ снисходителенъ, что принималъ отъ нихъ наставленія. Настоящій императоръ принимаетъ своихъ собственныхъ министровъ въ ежедневныхъ аудіенціяхъ, причемъ съ нимъ не обходятся какъ съ полубожественнымъ существомъ, на лицо котораго обыкновенные смертные не смѣютъ смотрѣть, какъ это было въ прежнія времена съ японскимъ Микадо. Не имѣется никакой принципіальной причины или китайскаго обычая, по которому императоръ не могъ бы принимать министровъ при своемъ дворѣ, и чтобы уже не говорить о болѣе раннихъ императорахъ, имѣется на лицо прецедентъ, установленный его предшественникомъ, Тунъ-чжи, который даровалъ аудіенцію дипломатическому корпусу. Отсутствіе именно дѣльныхъ причинъ, упорное настаиваніе на недопущеніи этого принятаго способа выраженія обоюднаго уваженія дѣлаютъ этотъ вопросъ такимъ обостреннымъ».

Чтобы составить себѣ нѣкоторое понятіе о томъ, въ чемъ заклю-

*) Рѣчь идетъ о XVIII столѣтіи. *Прим. Ред.*

чалась китайская точка зрѣнія, необходимо припомнить, что въ теченіе прошлыхъ вѣковъ существовала теорія, превосходно поддерживавшаяся практикой, а когда практика не была въ состояніи поддержать ее, раздувавшаяся китайскими историками, что Китай сюзеренное государство, а всѣ остальныя государства—его вассалы, которые, когда они не платили дани, находились въ состояніи возмущенія, и которые должны были представлять этотъ открытый и видимый знакъ вѣрноподданства. Всѣ подарки отъ другихъ государей назывались «данью», и это было доведено до такихъ размѣровъ, что когда Китай былъ раздѣленъ двумя царствующими домами, и когда такъ называемое вассальное государство было въ самомъ дѣлѣ главенствующимъ государствомъ Китая и такъ называемая императорская фамилія царствовала только въ незначительной части имперіи, то всетаки всѣ подарки отъ болѣе могущественнаго государства были отнесены исторіей къ разряду дани, между тѣмъ какъ подарки императора Китая,—которые на самомъ дѣлѣ имѣли больше права на названіе ихъ данью, такъ какъ они давались болѣе слабымъ, незначительнымъ государствомъ государству, болѣе вліятельному,—были отнесены къ подаркамъ. Далѣе слѣдуетъ помнить, что Китай въ теченіе многихъ минувшихъ вѣковъ былъ главенствующимъ государствомъ Восточной Азіи, между тѣмъ какъ остальная часть свѣта была сравнительно неизвѣстна. Всѣ сосѣдніе народы стояли ниже китайцевъ и смотрѣли на Срединное государство, какъ на источникъ, изъ котораго взяли начало ихъ письменность, литература, знанія, искусства и науки. Благодаря всѣмъ этимъ причинамъ и въ силу всѣхъ этихъ основаній образовалось указанное нелѣпое притязаніе китайцевъ.

Въ виду этихъ устарѣлыхъ взглядовъ пріемъ всѣхъ китайскихъ пословъ и посланниковъ при дворахъ Европы, при которыхъ они были акредитованы за послѣдніе двадцать лѣтъ, былъ недостаточенъ для того, чтобы сбить китайцевъ съ занятой позиціи, ибо если судить съ той же точки зрѣнія, то только и должно было ожидать, что китайскіе посланники будутъ приняты со всѣми знаками уваженія и почести,—и даже болѣе, ихъ теоріи, естественно, должны были ихъ довести къ тому убѣжденію, что посланники Китая должны быть приняты съ такимъ же почетомъ, какой имъ оказывался сосѣдями ихъ, какъ напримѣръ, Кореей, въ былыя времена,—почетомъ, оказываемымъ имъ, какъ представителямъ Сына Неба, почетомъ, вытекающимъ изъ претензіи послѣдняго на всеобщее верховенство.

Каково бы ни было частное мнѣніе просвѣщенныхъ чиновниковъ, но убѣжденіе, котораго придерживается большинство чиновниковъ, основанное на выше-изложенной теоріи, должно было поддержать во что

бы ни стало, потомучто такія убѣжденія трудно умираютъ въ Китаѣ. И когда въ силу давленія иностранныхъ мнѣній необходимо было признать нѣкоторые признаки измѣненія, то сейчасъ же были выставлены благовидные предлоги, или же прибѣгали къ различнымъ уловкамъ, и съ теченіемъ событій мы видимъ, что представители самыхъ могущественныхъ державъ на землѣ были приняты дважды въ залѣ аудіенцій, спеціально предназначенномъ для пріема трибутарныхъ народовъ, первый разъ уже очень давно, а второй разъ въ 1891 году, съ голословнымъ объясненіемъ, при послѣднемъ случаѣ, что этого повторяться больше не будетъ. Императоръ, декретомъ отъ 12-го декабря 1890 года н. ст., выразилъ свое намѣреніе назначать ежегодно одинъ день для пріема, со всѣми почестями, всѣхъ иностранныхъ министровъ, живущихъ въ Пекинѣ. Послѣ помянутаго общаго пріема, австро-венгерскій посланникъ былъ принятъ въ другомъ отдѣльно-стоящемъ строеніи, въ чемъ опять-таки выражалось унизительное отношеніе.

Китайцы, кажется, умѣренно выражаясь, не были склонны принимать иностранныхъ пословъ въ императорскомъ дворцѣ. Для этихъ функцій были выстроены отдѣльныя зданія. Вопросъ только заключался въ томъ, что до тѣхъ поръ, пока китайскій императоръ не будетъ принимать иностранныхъ пословъ совершенно такимъ же образомъ, какъ напримѣръ, англійскій король принимаетъ китайскихъ пословъ, акредитованныхъ при С. Джемскомъ дворѣ, и до тѣхъ поръ, пока не исчезнетъ у китайцевъ всякое намѣреніе избѣгать выясненія надлежащимъ образомъ вопроса объ аудіенціяхъ,—вопросъ этотъ все еще останется открытымъ. Только будущее покажетъ, станутъ ли они снова прибѣгать къ различнаго рода оговоркамъ, хитростямъ и уверткамъ былыхъ временъ. Въ то же время достойно вниманія, какъ признакъ прогресса, что на послѣднихъ пріемахъ не требовалось исполненія унизительной церемоніи «кэ-тоу», безъ сомнѣнія, потому, что китайцы отлично понимаютъ, что она не будетъ исполнена. Какъ небольшое измѣненіе направленія ограниченной гордости и нахальства прошлаго, пріятно отмѣтить, что Государю Наслѣднику Цесаревичу, а нынѣ благополучно царствующему Государю Императору Всероссійскому, при посѣщеніи имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ высшихъ чиновниковъ Кантона, были предложены императорскія желтыя носилки. Подобная честь никогда еще не была оказана европейцу, будучи исключительно предназначенной для царствующей фамиліи Китая.

Но всетаки кажется, что вопросъ объ аудіенціи приближается къ

удовлетворительному рѣшенію. Какъ на одинъ изъ малочисленныхъ признаковъ перемѣны къ лучшему, можно указать на тотъ фактъ, что одинъ изъ англійскихъ посланниковъ въ Пекинѣ (O'Connor) лично вручилъ императору ввѣрительную грамоту въ Чжэнъ-гуанъ-дян'ѣ, а не въ «Залѣ трибутарныхъ народовъ.» Еще до этого и австрійскій посолъ былъ принятъ надлежащимъ образомъ, и съ тѣхъ поръ представители и другихъ державъ имѣли пріемы, болѣе соотвѣтствующіе достоинству тѣхъ націй, интересы которыхъ находятся въ ихъ рукахъ, чѣмъ то было въ теченіе многихъ лѣтъ въ прошломъ.

С. Горяиновъ.

Бакланъ-рыболовъ. Китайцы съ давнихъ поръ употребляютъ баклановъ для рыбной ловли; въ запискахъ монаха Odoric (1286—1331) упоминается объ этомъ странномъ способѣ ловли рыбы, и онъ широко практикуется и въ настоящее время въ нѣкоторыхъ частяхъ Китая. Чтобы показать удивительную пригодность этой птицы для названной цѣли, мы приведемъ здѣсь выписку изъ пространной статьи въ «The Encyclopoedia Americana»:

> «Бакланъ удивительно приспособленъ къ плаванію... такъ какъ у него большой палецъ соединенъ съ другими пальцами общей перепонкой,.. кромѣ того они (бакланы) принадлежатъ къ тѣмъ немногимъ лапчатоногимъ птицамъ, отличающимся способностью садиться на вѣтви деревьевъ, что они продѣлываютъ съ большой легкостію и свободно. Бакланы, порядочное число породъ которыхъ разсѣяно по различнымъ частямъ сѣта, по тѣлосложенію и качествамъ близко подходятъ къ пеликанамъ. Они очень прожорливыя лакомки... Они ныряютъ съ большой силой и плаваютъ подъ водой такъ быстро, что лишь немногимъ рыбамъ удается ускользнуть отъ нихъ... Въ случаѣ если бакланъ схватитъ рыбу не за голову, а какимъ-нибудь другимъ образомъ, то онъ поднимается на поверхность воды и, бросая рыбу на воздухъ, ловко схватываетъ ее на лету за голову, такъ что плавники, прилегая, какъ слѣдуетъ, къ бокамъ рыбы, не причиняютъ вреда глоткѣ птицы».

Ими пользуются во многихъ мѣстностяхъ Китая. Среди другихъ мѣстъ, гдѣ пользуются ихъ трудомъ, можно указать на Сѣверную рѣку выше Кантона, на рѣку выше Чао-чжоу-фу и на рѣку выше Фу-чжоу. Хотя мы во время одной изъ нашихъ экскурсій внутрь

страны и видѣли маленькую плотообразную лодку съ нѣсколькими бакланами, но въ дѣйствіи мы не видѣли ихъ; поэтому мы заимствуемъ изъ сочиненія Miss Gordon Cumming «Travels in China» сообщеніе, касающееся рыбной ловли при помощи баклановъ.

«Самый простой видъ рыболовства тотъ, когда бѣдный рыбакъ выстроитъ себѣ плотъ, состоящій только изъ 4 до 8 бамбуковыхъ тростей, связанныхъ вмѣстѣ. Онъ сидитъ на немъ важно (на головѣ большая соломенная шляпа), и передъ нимъ сидятъ съ полъдюжины этихъ странныхъ, на видъ неловкихъ, черныхъ птицъ, ожидающихъ его команды. Клѣтка, въ которой онѣ живутъ, и корзина, въ которую рыболовъ складываетъ свою рыбу, пополняютъ его скудный инвентарь. Удивительно, какъ онъ только не перевернется на своемъ неустойчивомъ плоту. Иногда нѣсколько рыболововъ образуютъ товарищество и совмѣстно ведутъ дѣла. Они располагаются на мелкосидящемъ плоту, а цѣлый полкъ этихъ важныхъ, пасмурныхъ птицъ, быть можетъ, штукъ двадцать или больше, сидитъ на шестахъ на обоихъ концахъ плота; на шею каждой изъ нихъ надѣта пеньковая веревка, подъ самымъ зобомъ, чтобы предотвратить возможность проглатыванія ею какой-нибудь изъ пойманныхъ рыбъ. Затѣмъ, по данному сигналу всѣ бакланы быстро и бесшумно ныряютъ въ воду, очевидно хорошо сознавая невыгоду запугиванія своей добычи.

Движенія ихъ подъ поверхностью воды очень быстры и граціозны, когда они стремительно преслѣдуютъ какую-нибудь рыбу или угря; ударивъ добычу своимъ крѣпкимъ кривымъ клювомъ, они проглатываютъ ее и затѣмъ продолжаютъ охоту. Иногда они не появляются на поверхности до тѣхъ поръ, пока не захватятъ нѣсколькихъ рыбъ и пока ихъ объемистый зобъ совершенно не раздуется до того, что иногда хвостъ рыбы высовывается изъ зіяющаго клюва. Тогда они возвращаются на поверхность и, по приказанію своихъ хозяевъ, выбрасываютъ изъ горла свою добычу, одну рыбу за другой, пока не опорожнится зобъ, послѣ чего они опять получаютъ приказаніе нырять и снова принимаются за ловлю.

Нѣкоторыя изъ птицъ болѣе искусны, чѣмъ другія, и рѣдко пропускаютъ свою добычу; но и онѣ иногда ловятъ рыбу или же чаще угря такъ неловко, что бываютъ не въ состояніи проглотить его, и въ то время, какъ онѣ стараются уладить затрудненіе, жертвѣ удается спастись. Если одна какая-нибудь птица пой-

маетъ большую и сопротивляющуюся рыбу, тогда бываетъ, что двѣ или три товарки спѣшатъ на помощь и помогаютъ своей товаркѣ покончить съ рыбой. Такая братская любовь наблюдается, однако, отнюдь не всегда, и иногда, когда какая-нибудь глупая молодая птица схватила рыбу, старыя преслѣдуютъ ее и отнимаютъ добычу. Бываетъ также, что птицѣ измѣняетъ ловкость, и она, пробывъ подъ водой весьма продолжительное время, выходитъ на поверхность, совсѣмъ упавшая духомъ и безъ рыбы.

Когда птицы устали, повязка снимается съ ихъ шеи, и онѣ получаютъ въ награду за трудъ часть пойманной добычи, которую онѣ ловятъ на лету по мѣрѣ того, какъ она имъ подбрасывается. Считается хорошимъ деннымъ уловомъ, если 18 или 20 баклановъ наловятъ рыбы на одинъ долларъ, и такъ какъ такое количество птицъ распредѣляется приблизительно на полдюжины владѣльцевъ, то это очевидно, не особенно прибыльное занятіе.

Птицы совершенно ручныя, такъ какъ онѣ всѣ воспитываются въ плѣну. Довольно любопытно, что матери-самки такъ безпечны, что имъ нельзя довѣрять воспитаніе своихъ собственныхъ птенцовъ; и сверхъ того, птицы съ своей стороны такъ чувствительны къ холодной погодѣ, что только четыре или пять яицъ, снесенныхъ ранней весной, можно считать пригодными для вывода цыплятъ, такъ какъ ихъ можно воспитывать только во время теплаго лѣта. Яйца берутъ отъ баклана и кладутъ ихъ подъ курицу, которая, повидимому, не различаетъ цвѣта, такъ какъ она спокойно принимаетъ эти зеленыя яйца вмѣсто своихъ собственныхъ. Она, однако, не подвергается тому печальному зрѣлищу, какъ ея воспитанниковъ уводятъ къ вода, такъ какъ бѣдные маленькіе птенчики тотчасъ же отбираются отъ нея, какъ только они послѣ мѣсячнаго сидѣнія появляются на свѣтъ. Ихъ тогда переносятъ въ корзины, которыя держатся въ тепломъ мѣстѣ, причемъ молодыхъ птицъ укрываютъ хлопкомъ и кормятъ шариками изъ сырой рыбы и скиснувшими бобами.

Когда имъ минетъ 2 мѣсяца, тогда кончаются дни выкармливанія ихъ, и начинается забота о ихъ воспитаніи. Поэтому ихъ стараются продать, причемъ самки оцѣниваются въ 3—5 шиллинговъ каждая, самцы же вдвое дороже. Эта разница объясняется большей силой самцевъ, благодаря чему они въ состояніи ловить болѣе крупную рыбу. Въ дальнѣйшемъ за нихъ принимаются профессіональные дрессировщики. Привязавъ веревку за одну ногу, они

загоняютъ ихъ въ воду и выбрасываютъ имъ маленькихъ живыхъ рыбокъ, которыхъ они должны вылавливать. Ихъ участь отправляться и возвращаться подъ различные сигналы свистка, причемъ повиновеніе внушается убѣдительными ударами бамбуковой палки,— этого великаго воспитательнаго фактора въ Китаѣ. Вполнѣ выдрессированный самецъ цѣнится отъ 20 до 30 шиллинговъ, причемъ расчитываютъ на пятилѣтнюю продолжительность его рыболовной карьеры, послѣ чего онъ обыкновенно дѣляется старымъ и капризнымъ».

Рыболовство съ помощью баклановъ практиковалось во Франціи и Англіи въ XVII столѣтіи, и недавно въ Англіи была сдѣлана попытка возобновить его.

П. Сиваковъ.

Бамбукъ. Что англичанину желѣзо, то китайцу полезный бамбукъ. Не то, чтобы употребленіе желѣза было неизвѣстно въ Китаѣ, отнюдь не такъ; оно широко употребляется для многихъ цѣлей, но употребленіе бамбука даже болѣе ширко распространено, не только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ желѣзо плохо примѣнимо, но и во многихъ другихъ, для которыхъ желѣзо весьма пригодно. Бамбукъ назвали универсальнымъ матеріаломъ. Существуетъ лишь весьма мало предметовъ, которыхъ нельзя сдѣлать изъ него. Вопросъ не о томъ, для чего онъ употребляется, а о томъ,—для чего онъ не употребляется, и послѣ продолжительнаго пребыванія въ Китаѣ, когда отъ поры до времени открываешь все новые и новые бамбуковые предметы, можно, повидимому, лишь съ весьма незначительною оговоркою отвѣтить, что бамбукъ употребляется на все. Для китайцевъ онъ, быть можетъ, является самымъ драгоцѣннымъ произведеніемъ ихъ страны. Въ обработкѣ его они достигли совершенства. Самое послѣднее, на что, казалось бы, пригоденъ бамбукъ,—это употребленіе его въ пищу; твердые, кремнистые стебли кажутся совсѣмъ не соблазнительными для эпикурейца;—правда, не они, въ отвердѣвшемъ, зрѣломъ своемъ состояніи, употребляются, а свѣжіе, молодые отростки въ томъ видѣ, какъ они выходятъ изъ земли; мягко сваренные, они представляютъ прекрасную приправу, или же приготовленные по другому, они превращаются въ чудный маринадъ, или варенье. Граціозные, тонкіе, крѣпкіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и легкіе стебли служатъ для безконечныхъ цѣлей; рама для циновочнаго навѣса почти вся дѣлается изъ бамбука, все равно, будетъ ли то временной навѣсъ гигантскихъ размѣровъ, предназначаемый для религіозныхъ празднествъ, верхушка котораго высится надъ всѣми другими строеніями (см. статью о *Развлеченіяхъ*), или же скромное жилище бѣднаго класса, или же,

наконецъ, плетенная ограда вокругъ строющагося дома или зданія ремонтирующагося. Длинное, трубчатое строеніе бамбука удивительно хорошо приспособляетъ его для водопроводныхъ трубъ, когда пробиты толстыя перегородки въ каждомъ колѣнѣ. Уличнымъ носильщикамъ или носильщикамъ паланкиновъ приходилось бы весьма плохо безъ бамбука; первыхъ онъ снабжаетъ коромыслами, а вся рама паланкиновъ послѣднихъ дѣлается изъ бамбука, а часто и древки сдѣланы изъ него. Багры лодочника, поперечины для циновочныхъ парусовъ и тентъ на небольшомъ сампанѣ китаянки—все это дѣлается изъ бамбука. Если бы вѣкъ бамбука, господствующій въ настоящее время въ Китаѣ, могъ быть уничтоженъ какимъ-нибудь волшебствомъ мага, тогда всѣ волшебницы, которыя когда-либо жили въ странѣ волшебствъ, не были бы въ состояніи достать все необходимое взамѣнъ всѣхъ тѣхъ домашнихъ принадлежностей, земледѣльческихъ орудій, игрушекъ для дѣтей и безчисленнаго множества предметовъ ежедневнаго обихода, которые дѣлаются изъ этого вездѣ необходимаго растенія. Изъ корней бамбука дѣлаютъ бруски для гаданія, которые лежатъ на каждомъ алтарѣ въ храмѣ, между тѣмъ какъ тѣ гадательныя палочки, которыя находятся вмѣстѣ съ ними, представлять собою тонкія бамбуковыя полоски, хранящіяся въ бамбуковой вазѣ; циновки, на которыя богомольцы опускаютъ свои колѣна, дѣлаются изъ сушенныхъ листьевъ бамбука; курительныя свѣчки снабжены тонкой полоской бамбука, къ верхней части которой придѣланы пахучія вещества, привозимыя изъ благословенной Аравіи и съ Сандальныхъ Островъ (Сандвичевы острова). Почти невозможно не видѣть во всемъ Китаѣ, будь то въ домахъ, или на улицѣ, одинъ только бамбукъ и бамбукъ. Дождевыя или солнечныя шляпы, большихъ и малыхъ размѣровъ (причемъ большія шляпы похожи на зонтъ, ручкой котораго служатъ мущина или женщина, употребляющіе его; когда же подобную шляпу нахлобучиваетъ карапузикъ, тогда мы имѣемъ предъ собою гуляющій грибъ, такъ онъ бываетъ прикрытъ своимъ гигантскимъ головнымъ уборомъ), коническія шляпочки солдатъ и полисменовъ, имѣющія такую форму для защиты отъ ударовъ и отраженія ихъ—все это сдѣлано изъ бамбука. Весь туземный зонтъ, его ручка, ребра и пружины одинаково геніально сдѣланы изъ бамбука, между тѣмъ какъ промасленная бумага замѣняетъ шелковую или хлопчатую матерію. Дождевыя накидки à la Robinson Crusoe, употребляемыя на крайнемъ югѣ, спиваются изъ листьевъ—цѣлое платье изъ листьевъ!—этой гигантской травы. Посохъ старца, палка слѣпца—нищаго, «веревки» прачки для сушки на нихъ бѣлья, все это сдѣлано изъ бамбука. Грабли фермера, указный футъ плотника и портного, мѣры рисовыхъ

лавокъ и масса палочекъ для ѣды сдѣланы изъ бамбука. Тряпье въ Китаѣ слишкомъ дорого для того, чтобы употреблять его на выдѣлку бумаги, и вотъ когда приличное платье царей торговли начинаетъ показывать признаки изношенности, тогда оно опускается въ соціальномъ положеніи и служитъ уже и лавочнику, и носильщику, и, наконецъ, когда изъ него выжатъ послѣдній гоноръ, тогда оно образуетъ покрывало для несчастнаго нищаго, если, разумѣется, въ немъ еще сохранилась хоть какая-нибудь пригодность покрывать что-нибудь. Взамѣнъ тряпья, бамбукъ, размачиваемый извѣстное время въ водѣ и обращенный затѣмъ въ массу, которую послѣ сушатъ и, изъ которой приготовляютъ листы, доставляетъ бумагу для записной тетради студента, для приходо-расходной книги торговца, для черновиковъ писателя. Послѣдній пишетъ кистью, ручка которой сдѣлана изъ тонкаго бамбуковаго стебля; ваза, въ которой хранятся его кисти, сдѣлана изъ того же матеріала. Кресла, столы, стулья, кушетки, орнаменты, подносы, картины, ручки для фонарей, трости, инструменты пытки, древки пикъ, клѣтки для птицъ, курятники, музыкальные инструменты (какъ-то: флейты, дудки и скрипки и проч.), подушки, лѣстницы, рѣшетчатыя работы, запоры для дверей и оконъ, примитивнаго вида лампы и фонари, терки для мускатныхъ орѣховъ, перечницы, плоты, оросительные приборы, срубы, паромы, мосты, сторожевыя будки, табачныя и опійныя трубки, веревки, оконныя шторы, занавѣски, метелки, кисти, корзины всевозможныхъ родовъ, принадлежности крокетной игры, силки для ловли дичи, гребни, бирки для счета груза, пригласительныя повѣстки на собранія тайныхъ обществъ, рамки и ручки для вѣеровъ — все это сдѣлано изъ этого тростника. Но мы должны остановиться, или мы окажемся вынужденными составить инвентарный списокъ большинству вещей, ежедневно употребляемыхъ китайцами, въ которыхъ они, лишенные своего бамбука, нуждались бы самымъ страшнымъ образомъ. Бамбукъ снабжаетъ ихъ даже медицинскимъ средствомъ въ лицѣ сердцевины, представляющей собою кремнистое соединеніе, находящееся внутри колѣньевъ, между тѣмъ какъ наружные покровы бамбука соскабливаются и, варенные съ водой, даютъ прохладительный напитокъ, даваемый во время лихорадки въ соединеніи съ другими медикаментами, или же одинъ. Такимъ же образомъ и для тѣхъ же самыхъ цѣлей употребляются и зеленыя почки (листьевъ) бамбука. При помощи его поддерживается во всей имперіи порядокъ, и впереди похоронной процессіи носятъ вѣтку бамбука.

«Въ теченіе почти всей своей жизни китаецъ находится въ зависимости отъ бамбука, и онъ не оставляетъ его до тѣхъ поръ,

пока онъ не отнесетъ его до послѣдняго мѣста упокоенія его подъ горой, и даже тогда онъ вмѣстѣ съ кипарисами, можжевельникомъ и соснами, указывая его могилу, «развѣвается надъ ней».

Насчитывается много видовъ бамбука, видовъ двадцать или болѣе на одномъ югѣ Китая, а одинъ китайскій писатель описываетъ 60 видовъ. Они различаются по величинѣ и цвѣту—зеленому, желтому и черному,—большимъ и маленькимъ листьямъ; начиная съ крошечнаго низкорослаго бамбука, который въ полномъ своемъ развитіи какъ разъ только достаточно великъ, чтобы образовать низкую изгородь, и который прославленъ именемъ богини Милосердаго Бамбука, и вплоть до болѣе рослыхъ видовъ, перистыя вѣтви которыхъ поднимаются на высоту пятидесяти, а иногда и семидесяти футовъ. Бамбукъ представляетъ въ высшей степени граціозный видъ, поражающій своей рѣдкой красотой на каждой пяди китайской земли, и воодушевлявшій не одного только поэта и художника. Если такимъ образомъ бамбукъ любезенъ по отношенію къ китайцу, то и послѣдній въ свою очередь относится къ нему съ интересомъ, и многія произведенія посвящены ему, и онъ составляетъ сюжетъ многихъ произведеній искусства. Что представляла бы собою иная страшная рѣзьба безъ спасающей граціи бамбука?—художникъ пропалъ бы безъ красоты линій бамбука. Густо-желтые или ярко-зеленые стебли его. и колышащіяся перья верхушки его, окрашенныя въ еще болѣе свѣтлый зеленый цвѣтъ, весь онъ, такой нѣжный по формѣ и краскамъ, мягкій въ оттѣнкахъ..., неопредѣленный въ очертаніяхъ..., подобный чудно сѣровато-зеленому озеру въ противоположность къ опаловидному нѣбу, задѣваетъ струнку въ лучшей части эстетической натуры, не только поднебеснаго, ни и дѣловитаго европейскаго путешественника.

«Цвѣтеніе бамбука считается очень рѣдкой случайностью. Онъ цвѣтетъ разъ въ восемнадцать, двадцать и даже двадцать пять лѣтъ, и еще рѣже даетъ онъ сѣмена. По внѣшнему виду сѣмя бамбука похоже на грушу густого оливково-зеленаго цвѣта, постепенно переходящаго въ темно или рѣзко-зеленый. При продольномъ разрѣзѣ оказывается, что толстая покрышка твердаго состава покрываетъ зародышный центръ. Сѣмя имѣетъ сильный растительный запахъ».

Въ послѣдніе годы бамбукъ цвѣлъ два раза въ Гонконгѣ, хотя обыкновенно можно прожить много лѣтъ въ Китаѣ, не замѣчая этого явленія. Цвѣтущая вѣтка его нѣсколько похожа на колосъ овса, но многимъ меньше.

Важнѣйшая литература:—„Ling Nam", соч. Rev. B. C. Henry, M. A., D. D., стр. 111, 135, 136.—„The Middle Kingdom", соч. Rev. S. Williams, L. L. D., томъ I, стр. 358—360.—Въ «China Mail», 9th June, 1893, и „Hongkong Daily Press", 10th June, 1893, помѣщены интересныя сообщенія объ одномъ эксцентричномъ мандаринѣ, собиравшемся построить себѣ домъ, снабдивъ его во всѣхъ частяхъ исключительно однимъ лишь бамбукомъ.

С. Горяиновъ.

Банки и банкноты. Въ Китаѣ нѣтъ такихъ банковъ, уставъ которыхъ былъ бы утвержденъ правительствомъ, но частные банки очень распространены. Въ одномъ только Тянь-цзинѣ ихъ насчитывалось нѣсколько лѣтъ тому назадъ до трехъ сотъ, если включить въ это число и филіальныя отдѣленія банковъ. Число банковъ по отношенію къ торговымъ оборотамъ извѣстнаго города велико, оборотный же капиталъ ихъ во многихъ случаяхъ не великъ и заключается въ нѣсколькихъ тысячахъ таэлей. Туземные банки, повидимому, сами не додумались до употребленія чековъ, и только иностранный банкъ въ Гонконгѣ, а именно National Bank of China, первый ввелъ у китайцевъ въ указанной колоніи эти удобные денежные ордеры на ихъ же языкѣ. Туземные банки, однако, издаютъ циркулярные кредитивы для всей имперіи, и система перевода траттами точно также совершенна, какъ и въ Европѣ, хотя и стоимость перевода очень высока. Простые векселя (promissory notes) весьма широко примѣняются китайскими банками и ихъ кліентами во взаимныхъ отношеніяхъ. Весьма любопытной чертой этихъ сдѣлокъ является то, что весьма часто проценты не обозначены въ самомъ векселѣ, а отмѣчены на конвертѣ векселя, хотя и впрочемъ въ обыкновенномъ векселѣ (ordinary promissory note) проценты пишутся на самомъ векселѣ.

Что касается банкнотовъ, то появленіе ихъ въ Китаѣ относится къ весьма раннему времени, а именно, какъ кажется, они уже существовали около 800 года по Р. Х. Такое раннее появленіе ихъ объясняется тѣмъ, что обыкновенная и притомъ единственная, мѣдная китайская монета весьма тяжела и неудобна для перевозки въ большомъ количествѣ. И вотъ китайцы, будучи весьма предпріимчивыми купцами, естественнымъ образомъ, уже рано додумались до изобрѣтенія банкнотовъ. Самый ранній образецъ банкнота, который когда-либо существовалъ въ какой-нибудь странѣ, былъ пріобрѣтенъ въ 1890 году Британскимъ Музеемъ и находится теперь въ Королевской Библіотекѣ подъ стекломъ въ особой витринѣ, гдѣ каждый желающій можетъ его видѣть. На объяснительной карточкѣ говорится, что онъ выпущенъ

триста лѣтъ раньше, чѣмъ былъ учрежденъ (въ Стокгольмѣ) первый европейскій банкъ, выпускавшій банкноты. Величина этого замѣчательнаго въ своемъ родѣ билета съ листъ писчей бумаги малаго размѣра, почти черноватаго цвѣта. Онъ былъ выпущенъ въ царствованіе Хунъ-у (1368—1399 г. Р. Х.).

Въ Китаѣ каждая лавка имѣетъ билеты своего собственнаго образца, хотя и общія черты ихъ тождественны: продолговатый кусокъ бумаги окаймленъ для красоты бордюромъ, и такъ какъ китайское письмо пишется вертикальными столбцами, то большая длина его не какъ у европейскихъ билетовъ съ одного бока до другого, а сверху до-низу. Поперекъ, въ видѣ заголовка, пишется крупными іероглифами имя банка или лавки, выпустившей билетъ; подъ нимъ помѣщается нѣсколько рядовъ іероглифовъ, причемъ въ срединѣ часто пишется нѣчто въ родѣ слѣдующаго выраженія: «по предъявленію сего уплатить (проставлена сумма) наличными». Въ остальныхъ столбцахъ заключаются необходимыя подробности, какъ напр., № билета, число и пр.; кромѣ этого билеты часто украшаются еще нравственными сентенціями.

> «Средство противъ чрезмѣрнаго выпуска банковыхъ билетовъ имѣется въ контролѣ, осуществляемомъ въ каждомъ городѣ расчетной палатой (clearing house), которой извѣстно финансовое состояніе банковъ по ихъ операціямъ. Иногда обращеніе билетовъ ограничивается улицей, или ближайшимъ сосѣдствомъ банка. Въ случаѣ, если билетъ окажется фальшивымъ или обезцѣненнымъ, билетодержатель имѣетъ право требовать съ плательщика уплату за полный срокъ, что влечетъ за собою массу писанія на обратной сторонѣ... съ цѣлью удостовѣренія именъ. Фальшивые билеты попадаются сравнительно рѣдко, преимущественно благодаря тому, что кругъ обращенія билетовъ очень ограниченъ, такъ что легко можно справиться въ банкѣ, который можетъ удостовѣрить свой собственный билетъ... Выпускаются эти билеты на сумму отъ одного до ста *дяо* или связокъ чоховъ, но стоимость ихъ зависитъ отъ размѣннаго курса серебра и чоховъ и, такъ какъ этотъ курсъ мѣняется ежедневно, то билеты скоро поступаютъ обратно въ банкъ».

Одно *дяо* составляетъ тысячу чоховъ, но у автора этой книги имѣется нѣсколько взятыхъ изъ обращенія Фу-чжоускихъ банковыхъ билетовъ на сумму отъ ста до тысячи чоховъ и въ одинъ долларъ. Большія неудобства причиняются иногда банкротствомъ фирмъ, выпустившихъ эти бумажныя деньги.

Банковые билеты не употребляются на крайнемъ югѣ Китая, хотя они на Сѣверѣ и въ Фу-чжоу очень распространены.

Выпускъ этихъ билетовъ въ настоящее время всецѣло находится въ рукахъ частной предпріимчивости, хотя и правительство не разъ выступало въ роли банкира въ этомъ именно отношеніи. Знаменитый венеціанскій путешественникъ Марко Поло былъ въ Китаѣ въ такое именно время и, распространяясь по поводу покупокъ Хубилай-хана, онъ пишетъ слѣдующее:

«Итакъ онъ покупаетъ такое количество этихъ цѣнныхъ вещей каждый годъ, такъ что его сокровищамъ нѣтъ конца; между тѣмъ какъ все время деньги, которыя онъ уплачиваетъ за нихъ, не стоятъ ему вовсе ничего. Если какія-нибудь изъ этихъ бумажныхъ денегъ испорчены, то владѣлецъ несетъ ихъ на монетный дворъ и, по уплатѣ трехъ процентовъ съ стоимости, онъ получаетъ въ обмѣнъ новыя бумажныя деньги».

Полагаютъ, что весь выпускъ такихъ денегъ за все тридцати-четырехъ-лѣтнее царствованніе Хубилай-хана достигъ суммы въ 624,135,500 долларовъ. Слѣдующіе монгольскіе императоры, однако, злоупотребляли подобными финансовыми мѣропріятіями и увеличили благодаря этому недовольство, которое чувствовали китайцы по отношенію къ своимъ иностраннымъ правителямъ; тѣмъ не менѣе новая китайская династія (Минская), которая слѣдовала послѣ монгольской, была вынуждена продолжать выпускъ билетовъ почти въ теченіе цѣлыхъ ста лѣтъ. Настоящая маньчжурская династія тоже прибѣгала къ нему во время великаго тайпинскаго возстанія, но обращеніе билетовъ не выходило изъ стѣнъ столицы.

Важнѣйшая литература:—«The Middle Kingdom», соч. Williams, т. II, стр. 85,86.—Въ «Wesleyan Methodist Magazine», July 1896, изображенъ китайскій банкнотъ.—См. также «The Real Chinaman», соч. Holcombe, стр. 343—346.

П. Бобыревъ.

Безпорядки. Въ послѣднее время китайцы пріобрѣли незавидную извѣстность безпорядками, направленными противъ иностранцевъ въ различныхъ договорныхъ портахъ и городахъ. По своей интенсивности и стихійному проявленію безпорядки эти подобны гибельному циклону и тайфуну, которые несутъ смерть и разрушеніе на своемъ пути. Какъ передъ тайфуномъ въ ненормальномъ состояніи атмосферы обыкновенно замѣчаются предвѣстники его, такъ и передъ этими безпорядками наблю-

дается возбужденное состоянiе умовъ, что соприкасающiеся со взглядами туземцевъ въ состоянiи замѣтить.

Люди, мало знающiе китайцевъ, могутъ предположить, что, какъ вошедшiй уже въ пословицу ирландецъ никогда не бываетъ счастливъ, если не можетъ драться, такъ и китайцы только тогда въ своей природной стихiи, когда кидаются цѣлыми толпами на беззащитныхъ европейцевъ или американцевъ. Утверждать, что китайцы миролюбивые и уважающiе законъ подданные, кажется нелѣпымъ, когда приходится писать о китайскихъ безпорядкахъ, но такое заявленiе тѣмъ не менѣе справедливо, такъ какъ они принадлежатъ къ одной изъ самыхъ миролюбивыхъ нацiй въ мiрѣ. Китаецъ, съ точки зрѣнiя европейца, состоитъ изъ массы несообразностей, и самыя противоположныя черты характера стоятъ у него одна рядомъ съ другой; и тотъ же самый китаецъ становится во время безпорядковъ настоящимъ дьяволомъ, разъяреннымъ воющимъ звѣремъ, чудовищемъ разрушенiя. Грабежъ, разбой, поджоги и убiйства быстро слѣдуютъ въ такое время одни за другими, и воющая толпа, ни во что не ставя ни жизнь, ни собственность, алчетъ добычи, подобно дикимъ звѣрямъ. «Во время безпорядковъ Бога не боятся», сказалъ, по словамъ Шекспира, Sir Hugh Evans.

Что же является причиной превращенiя покорнаго закону китайца въ демона разрушенiя? Мы предполагаемъ упомянуть кое о чемъ, что, по нашему мнѣнiю, составляетъ нѣкоторыя изъ этихъ причинъ. Во первыхъ, должно принять во вниманiе, что китайцы, какъ масса, не знакомы съ самыми простыми научными фактами, которые сообщаются нашимъ дѣтямъ еще въ школѣ. Когда они узнаютъ, что мы способны двигаться впередъ по 60 миль въ часъ при посредствѣ желѣзныхъ дорогъ; когда они видятъ, что пароходы идутъ безъ вѣтра и противъ теченiя; когда до нихъ доходятъ какiе-то смутные слухи о западныхъ людяхъ, способныхъ смотрѣть на миллiонъ миль въ глубь неба или, съ другой стороны, изслѣдовать до послѣднихъ мелочей какихъ-нибудь насѣкомыхъ и увеличивать ихъ до размѣровъ буйвола; когда они видятъ, что опухоли срѣзываются, ноги и руки ампутируются опытными хирургами;—тогда имъ сравнительно легко повѣрить, что эти чародѣи-иностранцы въ состоянiи смотрѣть въ глубь земли на нѣсколько дюймовъ и находить тамъ драгоцѣнные металлы, особенно когда ихъ собственные гадатели претендуютъ на такую же способность (самого автора во время проѣзда его по внутреннимъ мѣстностямъ спрашивали, не обладаетъ ли онъ такой способностью), и далѣе, для такого народа не требуется большого напряженiя вообра-

женія, чтобы повѣрить разсказамъ, что иностранцы, которые всѣ голубоглазые, нуждаются въ черныхъ глазахъ китайскихъ дѣтей для составленія своихъ чудодѣйственныхъ лекарствъ, или въ глазахъ умершихъ китайцевъ для превращенія свинца въ серебро. Такимъ образомъ станетъ понятнымъ, что вслѣдствіе крайняго невѣжества они въ высшей степени легковѣрны. Они готовы повѣрить почти всему и чему бы то ни было. Далѣе слѣдуетъ помнить, что мы для нихъ иностранцы—врагами мы были въ различныя времена,—и, къ несчастью, въ нашихъ отношеніяхъ къ нимъ мы иногда бывали высокомѣрны; народъ смотритъ на насъ, какъ на распространителей опіума; должностныя лица и ученые боятся, что наша наука и цивилизація уничтожатъ китайскую, и большинство мандариновъ опасается, что тогда будетъ положенъ конецъ ихъ испорченной системѣ управленія и истекающимъ для нихъ отъ нея выгодамъ; нѣкоторые боятся, что мы со временемъ отнимемъ у нихъ ихъ страну. Кромѣ того, въ послѣднее время стало извѣстно о закрытіи иностранныхъ земель, какъ напр. Америки и Австраліи, для китайской иммиграціи, къ чему слѣдуетъ добавить то обстоятельство, что масса иностранцевъ не понимаетъ китайцевъ, опасаясь по временамъ злонамѣренности съ ихъ стороны, когда имъ слѣдовало бы довѣрять, и слѣпо вѣря имъ, когда они поступаютъ двоедушно; и мы, къ несчастью, не всегда дѣйствуемъ съ достаточною осмотрительностью въ своихъ сношеніяхъ съ ними, такъ что наши намѣренія часто понимаются ошибочно и наши дѣйствія истолковываются въ другую сторону. На ихъ взлядъ мы странные, смѣшные субъекты, каждый нашъ поступокъ преувеличенъ, и недоброжелательныя намѣренія легко приписываются такимъ куріознымъ существамъ, какими мы имъ кажемся,—чертямъ, какъ они насъ называютъ. При такихъ условіяхъ, требуется только еще распространеніе лживыхъ книгъ объ иностранцахъ, изданныхъ подъ фирмою высокопоставленныхъ чиновниковъ, требуется только наличность начинающагося бунта, проявляющагося пока только первыми схватками, возвѣщающими о его появленіи на свѣтъ; требуется только нѣсколько негодяевъ низшаго сорта, чтобы начать безпорядки; апатичные, индиферентные и на половину сочувствующіе бунтовщикамъ мандарины по общему правилу стараются держаться въ сторонѣ до тѣхъ поръ, пока не случится бѣда, между тѣмъ какъ ихъ солдаты въ половинѣ случаевъ помогаютъ въ дѣлѣ разграбленія имѣній и разрушенія домовъ. И при всемъ томъ можно только удивляться, что небольшая вооруженная горсть людей, состоящая изъ однихъ только коммерсантовъ, человѣкъ двѣнадцать, двадцать, въ состояніи почти безъ выстрѣла разсѣять, какъ дымъ, цѣлую армію про-

тивниковъ, если она только рѣшительно выступаетъ противъ сомкнутыхъ массъ разъяренной черни, алчущей смерти и разрушенія.

Естественнымъ образомъ возникаетъ вопросъ: какія же средства могутъ быть приняты противъ всего этого? Мы полагаемъ, ничто иное, какъ одно только рѣшительное противодѣйствіе со стороны всѣхъ иностранныхъ державъ, настояніе на болѣе широкомъ открытіи для иностранцевъ страны, постоянное присутствіе, по крайней мѣрѣ, одной канонерской лодки въ каждомъ открытомъ портѣ,—въ случаѣ же возникновенія безпорядковъ, приведеніе въ исполненіе угрозы, уже разъ сдѣланной въ Ханькоу, что будутъ стрѣлять въ императорскую собственность. Если только чиновники увидятъ, что всякій разъ, какъ только возникаютъ безпорядки, ихъ ямыни бомбардируются и одинъ или два изъ болѣе выдающихся изъ ихъ среды арестуются и увозятся на канонерскую лодку, то мы увѣрены, что безпорядки прекратятся. Это было бы болѣе дѣйствительнымъ наказаніемъ, чѣмъ разрушеніе беззащитныхъ деревень и городовъ, такъ какъ обыватели во многихъ случаяхъ являются только орудіемъ въ рукахъ хитрыхъ мошенниковъ. Китайскіе чиновники всегда кричатъ «мы не можемъ» до тѣхъ поръ, пока они не убѣдятся, что они должны дѣлать то, что отъ нихъ требуется. Настоящій секретъ обращенія съ китайцами и при томъ такого, которое въ прошедшемъ всегда имѣло успѣхъ, это—рѣшительное и вмѣстѣ съ тѣмъ ласковое обращеніе съ ними безъ всякаго лавированія туда сюда, внимательность и сочувствіе, съ опредѣленной твердостью, и неуклонная рѣшимость, что всѣ законныя требованія должны быть исполнены и притомъ сразу.

Въ нижеслѣдующемъ мы даемъ перечень болѣе выдающихся безпорядковъ:

Декабря 7, 1842 г.—Разрушены чернью европейскія факторіи въ Кантонѣ.

Іюня 21, 1870 г.—Безпорядки въ Тянь-цзинѣ и избіеніе римско-католическихъ монахинь.

Мая 4, 1874 г.—Безпорядки въ французской концессіи въ Шанхаѣ.

Сентября 10, 1883 г.—Бунтъ китайской черни въ Кантонѣ. Страшное разрушеніе иностранныхъ домовъ и собственности въ Шаньмянѣ.

Октября 3,1884 г.—Серіозные рабочіе безпорядки въ Гонконгѣ.

Октября 4,1884 г.—Нападеніе на иностранцевъ въ Вань-чжоу.

Іюля 1, 1886 г.—Серіозные безпорядки въ Чунъ-цинѣ.

Февраля 5,1889 г.—Анти-иностранные безпорядки въ Чжэнь-цзянѣ; иностранные дома разграблены и сожжены.

Мая 13, 1891 г.—Анти-иностранные безпорядки въ У-ху. Католическая миссія, Императорская Морская Таможня и британское консульство разграблены и сожжены.

Мая 18, 1891 г.—Возмущеніе противъ иностранцевъ въ Ху-чжоускомъ округѣ. Возмущеніе противъ иностранцевъ въ Ань-цинѣ.

Мая 25, 1891 г.—Анти-иностранные безпорядки въ Ань-цинѣ. Нѣсколько иностранныхъ домовъ разграблено и сожжено.

Іюня 1, 1891 г.—Анти-иностранные безпорядки въ Тань-янѣ, въ 20 миляхъ отъ Чжэнь-цзяна. Католическая миссіонерская собственность уничтожена.

Іюня 5, 1891 г.—Анти-иностранные безпорядки въ У-сюе, близъ Хань-коу. Иностранная собственность уничтожена, Reverend Argent, г. Green и агенты Императорской Морской таможенной службы убиты.

Іюня 7, 1891 г.—Попытка къ анти-иностраннымъ безпорядкамъ въ Цзю-цзянѣ.

Іюня 8, 1891 г.—Истребленіе собственности французскихъ миссіонеровъ въ У-си, близъ Фу-чжоу, враждебно настроенною противъ иностранцевъ чернью.

Іюня 9, 1891 г.—Нападеніе на миссію въ Су-чжоу. Мятежники разсѣяны.

Іюня 14, 1891 г.—Миссіонерская собственность сожжена въ Ша-си.

Іюня 20, 1891 г. —Безпорядки въ г. Ха-мяни на р. Янь-цзы-цзянѣ. Католическая собственность уничтожена.

Іюня 25 и 26, 1891 г.—Попытки на безпорядки въ Цинъ-цзянь-пу и Ху-нань-фу на Великомъ каналѣ подавлены.

Іюня 30, 1891 г.—Чернь грабитъ и сжигаетъ католическія часовню и школы въ Янь-као, близъ Тунъ-чжоу, на р. Янъ-цзы-цзянѣ.

Іюль 1891 г.—Безпорядки въ Юнь-янъ-сянѣ, почти на половинѣ пути между И-чжаномъ и Чунъ-циномъ.

Сентября 2, 1891 г.—Безпорядки въ И-чжэнѣ. Почти вся иностранная собственность уничтожена.

Іюля 1, 1893 г.—Два шведскихъ миссіонера убиты чернью въ Сунъ-пу въ центральномъ Китаѣ.

Іюнь 1894 г.—Чернь напала на двухъ женщинъ-врачей миссіонерокъ въ Хонамѣ (въ Кантонѣ) за то, что одна изъ нихъ оказала помощь заболѣвшему чумой, и нѣсколько дней спустя, 20 іюня 1894 года, въ Шеклун'ѣ, въ уѣздѣ Тунъ-гуанѣ, чернью была разрушена пресвитеріанская часовня, причемъ одинъ человѣкъ былъ убитъ.

Мая 29, 1895 г.—Анти-иностранные безпорядки въ Сы-чуани.

Августа 1, 1895 г.—Гу-чэнская рѣзня близъ Фу-чжоу, при каковомъ случаѣ были умерщвлены Rev. Stewart и десять беззащитныхъ женщинъ и дѣтей.

Мая 12, 1896 г.—Серіозные безпорядки въ Цзянъ-инѣ. Собственность миссіи совершенно уничтожена.

Ноября 1, 1897 г.—Убійство въ Янь-чжоу двухъ нѣмецкихъ католическихъ священниковъ толпою въ 20 человѣкъ, что повело къ захвату нѣмцами Цзяо-чжоу.

Апрѣля 9, 1898 г.—Безпорядки въ Ша-си. Уничтожены строенія иностранной концессіи.

Апрѣля 16, 1898 г.—Американская миссія въ предмѣстьѣ Чунъ-цина разорена чернью, а китайцы-помощники врачей подвергнуты истязаніемъ, и одинъ изъ нихъ умерщвленъ.

Іюля 8, 1898 г.—Мятежники аттаковали протестантскую и католическую миссіи въ Чунь-цинъ-фу въ Сы-чуани. Французскій священникъ захваченъ въ плѣнъ разбойниками.

Октября 15, 1898 г.—Безпорядки въ Хэ-чжоу, въ 50 миляхъ отъ Чунъ-цина. Станціи американскихъ и французскихъ миссій аттакованы и сожжены.

Октября 25, 1898 г.—Безпорядки въ Шань-мынѣ въ Кантонѣ.

Января 8, 1899 г.—Серіозные безпорядки близъ Нинъ-бо изъ-за попытки приступить къ разработкѣ рудниковъ. На 10,000 долларовъ уничтожено имущества рудниковъ.

Нѣтъ возможности дать полный отчетъ о всѣхъ маленькихъ, незначительныхъ безпорядкахъ и возмущеніяхъ. По временамъ безпорядки казались неизбѣжными и въ нѣсколькихъ случаяхъ дѣйствительно происходили, но безъ потери жизней и почти безъ вреда для собственности.

Важнѣйшая литература.—„The Anti-foreign Riots in China in 1891 г.“—«The Sources of the Anti-Foreign Disturbances in China», соч. Rev Gibbert Reid, M. A.—Полный отчетъ о безпорядкахъ, направленныхъ противъ Шведской миссіи, и о всѣхъ связанныхъ съ ними событіяхъ содержится въ Hongkong Daily Press, Feb. 21st, 1894.

П. Меньшиковъ.

Библіографія. «Manual of Chinese Bibliography», соч. Möllendorff'а, представляетъ собою весьма цѣнную справочную книгу объ европейскихъ сочиненіяхъ, штудіяхъ и статьяхъ о Китаѣ вплоть до 1876 года. Существуетъ также энциклопедическое сочиненіе Henri Cordier, «Bibliotheca Sinica: Dictionnaire Bibliographique des Ouvrages Relatifs à l'Empire Chinois», въ двухъ большихъ томахъ въ 1396 страницъ. Сочи-

ненie это представляетъ собою настоящее хранилище свѣдѣнiй о книгахъ, относящихся къ Китаю; къ нему изданъ еще дополнительный томъ, чтобы довести сообщаемыя свѣдѣнiя до настоящаго времени. Что касается сочиненiй о туземныхъ книгахъ, то трудъ Wylie «Notes on Chinese Literature» неоцѣнимъ; онъ содержитъ свѣдѣнiя о 1,745 китайскихъ сочиненiяхъ. Отчетъ о громадныхъ компендiяхъ болѣе раннихъ сочиненiй, составленныхъ по приказанiю различныхъ императоровъ, можно найти въ статьѣ Mayer'a «Bibliography of the Chinese Imperial Collection of Literature», обнародованной въ «China Review», томъ VI, стр. 223—286.

Ботаника. Китай представляетъ для ботаниковъ громадную, неизслѣдованную еще область, и имъ предстоитъ еще очень много труда по собиранiю коллекцiй растенiй, изученiю ихъ и сообщенiю о добытыхъ результатахъ мiру.

> «Китайская флора чрезвычайно богата. Лѣсовъ въ европейскомъ смыслѣ мало, но вѣчно-зеленѣющiе, цвѣтущiе кустарники и особенно смолистыя деревья произрастаютъ въ чрезвычайномъ разнообразiи. Переходъ отъ флоры Маньчжурiи на югъ къ тропической флорѣ Индо-Китая совершается постепенно. Поэтому въ нѣкоторыхъ центральныхъ областяхъ замѣчается удивительное смѣшенiе растительныхъ видовъ, принадлежащихъ къ различнымъ зонамъ: бамбукъ встрѣчается рядомъ съ дубомъ, пшеничныя и кукурузовыя поля перемѣшаны съ полями малайскаго риса, сахарными и хлопчатобумажными плантацiями. Въ общемъ культурные виды вездѣ перемежаются съ дикою флорою».

Только-что представленная цитата заимствована изъ «Asia», соч. A. H. Keane, изд. Sir Richard Temple.

Благодаря муссонамъ имѣется «болѣе правильное распредѣленiе дождей» и весеннiй дождевой перiодъ, результатомъ чего является «регулярная смѣна временъ года, а это... способствуетъ рачительному садоводствообразному земледѣлiю». На сѣверѣ культивируются пшеница и просо, на югѣ растутъ рисъ, тростниковый сахаръ, тутовое дерево, чайные кусты и апельсины. Въ Китаѣ производятся также хлопокъ и индиго.

Однимъ изъ самыхъ выдающихся явленiй, невольно бросающимся въ глаза каждому вновь прибывшему въ Китай, особенно на югѣ, является совершенное отсутствiе луговъ и пастбищъ. «Гонконгъ въ своихъ болѣе закрытыхъ долинахъ и оврагахъ представляетъ необыкновенно разнообразную флору», сродную съ флорою Сиккима, Ассама, Хазiи и Сѣверо-

восточной Индіи, «и въ будущемъ, вѣроятно, окажется имѣющимъ съ послѣднею связь, выражающуюся въ постепенномъ переходѣ къ ней по южному Китаю». Многіе изъ другихъ видовъ болѣе тропически, подобно видамъ Индійскаго архипелага, Малайскаго полуострова и даже Цейлона и Африки. «Къ сѣверу отъ Гонконга растительность какъ будто начинаетъ болѣе быстро измѣняться. Лишь очень немногіе изъ видовъ, о которыхъ извѣстно, что они простираются отъ Гималаевъ до Японіи, какъ полагаютъ, заходятъ значительно южнѣе Амоя, гдѣ, не смотря на то, что разница заключается только въ двухъ градусахъ широты, тропическій характеръ Гонконгской флоры (насколько мы это знаемъ) уже совершенно исчезаетъ». Прямо-таки поразительно, какое «весьма большое количество растительныхъ видовъ скучено на такомъ небольшомъ островкѣ», какъ эта маленькая Гонконгская колонія. По описанію «Flora Hongkongensis» Bentham'a, здѣсь насчитывается свыше 1,000 видовъ и 500 родовъ фанерогамическихъ растеній. Послѣ опубликованія помянутаго изданія въ Гонконгѣ было еще открыто около 240 видовъ, благодаря чему общій итогъ мѣстныхъ растеній доводится до того же самаго количества, какое извѣстно на всѣхъ Британскихъ островахъ.

Въ новомъ сочиненіи F. B. Forbes, F. L. S., и W. B. Hemsley, F. R. S., F. L. S. «Index Florae Sinensis», составляющемъ отдѣльное приложеніе къ «Linnean Society's Journal», перечисляются подробно всѣ растенія, извѣстныя въ собственномъ Китаѣ, на Формозѣ, Хай-нанѣ, въ Кореѣ, на Ліу-кіускомъ архителагѣ и на остр. Гонконгѣ. Всего оказывается 120 классовъ, болѣе 1,000 родовъ и около 5,000 видовъ. Вполнѣ законченное сочиненіе будетъ заключать въ себѣ, вѣроятно, перечень 7,000 или болѣе видовъ, представляющихъ все разнообразіе растеній, въ настоящее время дѣйствительно существующее въ Китаѣ. Количество это постоянно увеличивается благодаря изысканіямъ ревностныхъ ботаниковъ въ различныхъ частяхъ страны, и въ теченіе шести лѣтъ открыта тысяча растеній или даже больше.

Водъ списокъ нѣкоторыхъ родовъ растеній, болѣе многочисленныхъ своими видами:

Clematis, 31.	Rhododendron, 65.
Anemone, 16.	Primula, 43.
Ranunculus, 15.	Lysimachia, 35.
Nasturtium, 9.	Ardisia, 18.
Stellaria, 16.	Sumplocos, 18.
Camellia, 14 или больше.	Jasminum, 15.
Ilex, 20.	Ligustrum, 14.

Euonymus, 19.	Cynanchum, 24.
Vitis, 24.	Gentiana, 57.
Acer, 15.	Ipomoea, 26.
Crotalaria, 14.	Solanum, 13.
Indigofera, 14.	Veronica, 14.
Astragalus, 21.	Pedicularis, 94.
Desmodium, 25.	Plectranthus, 18.
Prunus, 21.	Scutellaria, 17.
Spiræa, 19.	Amarantus, 9.
Rubus, 41.	Chenopodium, 9.
Potentilla, 26.	Polygonum, 63.
Rosa, 17.	Rumex, 11.
Pyrus, 14.	Aristolochia, 10.
Saxifraga, 20.	Piper, 9.
Sedum, 28.	Chloranthus, 11.
Eugenia, 14.	Machilus, 16.
Viburnum, 27.	Litsea, 23.
Lonicera, 34.	Lindera, 20.
Hedyotis, 21.	Wikstrœmia, 13.
Vernonia, 12.	Elæagnus, 12.
Aster, 31.	Loranthus, 14.
Artemisia, 22.	Euphorbia, 23.
Senecio, 35.	Phyllanthus, 11.
Saussurea, 28.	Glochidion, 10.
Lactuca, 21.	Mallotus, 13.

Къ родамъ, богатымъ видами, принадлежатъ:

Ranunculaceæ, 107.	Asclepiadeæ, 59.
Leguminosæ, 301.	Gentianacæ, 81.
Saxifragaceæ, 70.	Convolvulaceæ, 49.
Umbelliferæ, 56.	Scrophularineæ, 200.
Caprifoliaceæ, 78.	Acanthaceæ, 51.
Rubiaceæ, 106.	Verbenaceæ, 56.
Compositæ, 325.	Labiatæ, 136.
Ericaceæ, 79.	Polygonaceæ, 80.
Primulaceæ, 97.	Laurineæ, 73.
Oleaceæ, 52.	Euphorbiaceæ, 131.

Кромѣ перечисленныхъ существуютъ еще разнообразные виды Solanaceae, Amaryllideae, Liliaceae, Aroideae, Orchideae, Labiatae и Coniferae.

Многія злаковыя и чесночныя растенія культивируются для пищи,—но мы должны остановиться, потомучто пищевые продукты Китая доставляютъ такой богатый матеріалъ, что возможно написать громадныя сочиненія по этой экономической ботаникѣ. Мы не можемъ закончить съ китайскими растеніями, не остановившись на бамбукѣ въ нѣкоторыхъ его разновидностяхъ, употребляемыхъ въ пищу, на одежду, мебель, постройку кораблей, лодокъ и домовъ и, вообще, на изготовленіе всего необходимаго для человѣка и того, гдѣ возможно приложеніе человѣческаго искусства. (См. статью о *Бамбукѣ.)* Достойны также упоминанія вѣерообразныя пальмы южнаго Китая, которыя доставляютъ хорошій матеріалъ для приготовленія предметовъ необходимости въ жаркомъ климатѣ, не только для домашняго рынка, но и для обширнаго вывоза въ Америку и другія страны. Въ Китаѣ въ огромномъ количествѣ разводятъ также земляные орѣхи и растеніе, изъ котораго выдѣлываются легкія травянныя полотна.

Китайская ботаника, если только она заслуживаетъ такого научнаго термина, совершенно ненаучна по своей системѣ. Правда, нѣкоторыя иллюстраціи ботаническихъ сочиненій такъ вѣрно сдѣланы, что если только извѣстенъ родъ, то не представляется уже никакихъ затрудненій для быстрой идентификаціи; но, съ другой стороны, въ нихъ нисколько не заботятся о представленіи зерновиковъ и цвѣтовъ, такъ что совершенно невозможно сказать, къ какому виду принадлежатъ изображаемыя растенія, если это только ранѣе не извѣстно. Китайцы не раздѣляютъ растеній по классамъ, родамъ или видамъ; у нихъ болѣе распространена слѣдующая классификація: пять отдѣловъ растительнаго царства, а именно травы, зерновый хлѣбъ, овощи, фрукты и деревья. Отдѣлы, въ свою очередь, подраздѣляются на семейства, хотя и растенія, группируемыя по нимъ, очень различны. Тотъ же терминъ примѣняется и для низшаго дѣленія, а иногда имъ обозначается и родъ, и видъ, и даже разновидность. Травы раздѣляются на девять семействъ: «горныя растенія, пахучія, вредныя, вьющіяся или ползучія, водяныя, каменныя и мшистыя, и растенія, не употребляемыя въ медицинѣ». Этого будетъ достаточно, чтобы дать нѣкоторое понятіе о способѣ классификаціи китайской ботаники, такъ какъ мы не можемъ слѣдовать за ней по остальнымъ четыремъ крупнымъ дѣленіямъ.

А. Хіонинъ.

Бракъ. Бракъ является единой, конечной цѣлью, предназначенной для дѣвушки; это та цѣль, ожидать которую ее наставляютъ, и о которой ради

дѣвушки заботятся ея родители, такъ какъ это дѣло мало зависитъ отъ самой дѣвушки. Ея какъ бы не существуетъ въ данномъ случаѣ: ея желаній не принимаютъ въ соображеніе, она часто совсѣмъ не видитъ своего будущаго мужа; ее иногда даже просватываютъ предположительно, такъ сказать, за случайнаго мужа, т. е. двѣ супружескія четы уславливаются, что если одна изъ нихъ будетъ имѣть сына, а другая—дочь, то онѣ поженятъ ихъ, когда тѣ выростутъ. Изъ послѣдняго видно, что положеніе мущины въ данномъ случаѣ не многимъ лучше положенія женщины. Иногда въ Сватоускомъ округѣ два семейства обмѣниваются дѣвочками съ тѣмъ, чтобы онѣ, выросши, стали невѣстками въ семействахъ, которыя ихъ удочерили. Большая выгода отъ такого порядка составляетъ его экономія. Сами брачущіеся здѣсь не причемъ, ибо личность въ Китаѣ не играетъ роли,—принимаются въ соображеніе только семейства. Мущина въ Китаѣ женится не столько для своего благополучія, сколько для пользы семьи: чтобы продолжать фамильное имя; чтобы доставлять потомковъ для поддержанія культа предковъ, и чтобы дать своей матери невѣстку, которая ухаживала бы за нею, и которая, вообще, была бы для нея дочерью. Подобныя идеи доходятъ до того, что, когда будущій мужъ умретъ до брака, его нареченная жена, если она только примѣрная дѣвушка, оставляетъ свое собственное семейство и переселяется на житье въ семейство покойнаго жениха и дѣлаетъ все, что отъ нея требуется ея новымъ положеніемъ.

Коль скоро дѣвушка помолвлена, у нея сразу исчезаютъ почти всѣ утѣхи жизни, которыхъ у нея и такъ очень мало. Она удаляется въ болѣе строгое уединеніе, чѣмъ прежде, и должна быть очень осмотрительной въ своихъ сношеніяхъ даже съ родными братьями. Противорѣчило бы человѣческой природѣ, если бы она иногда не попробовала хоть мелькомъ увидать своего будущаго мужа, такъ какъ всетаки не всегда для нея невозможно увидѣть его; что же касается ухаживанья, то таковое въ силу чопорности конфуціанскаго ученія, общественныхъ обычаевъ и нравовъ, совершенно воспрещающихъ подобныя вещи, показалось бы въ высшей степени безнравственнымъ.

Брачные обычаи различны въ разныхъ частяхъ страны, но существенныхъ церемоній, какъ предшествующихъ, такъ и сопровождающихъ бракъ, насчитывается шесть, которыя впрочемъ въ деталяхъ своихъ очень различны. (См. статью о *Помолвкѣ*).

Когда все устроено надлежащимъ образомъ, и деньги, слѣдующія по договору, уплачены отцу дѣвушки, тогда совершается обрядъ, которымъ

она передается своему мужу. Она одѣвается въ лучшія одежды и, когда процессія приходитъ за ней, помѣщается въ большомъ красномъ свадебномъ паланкинѣ, въ которомъ ей потомъ уже никогда больше не приходится сидѣть. Паланкинъ этотъ представляетъ собою тяжелую, громоздкую, деревянную вещь, богато украшенную рѣзьбой и перьями зимородка; невѣста совершенно защищена отъ любопытныхъ взглядовъ, и въ жаркіе лѣтніе дни положеніе ея не можетъ быть завиднымъ, хотя китайскія дѣвушки, вѣроятно, его переносятъ лучше, чѣмъ любая англійская дѣвушка, привыкшая къ свѣжему воздуху и свободѣ движеній; но даже для китайскихъ дѣвушекъ эта пытка иногда не по силамъ, и случается, что женихъ, открывши дверь паланкина, находитъ, что его бѣдная, маленькая невѣста уже свободна отъ всякихъ будущихъ заботъ брачной жизни. Иногда брачный паланкинъ на своемъ пути долженъ переправиться чрезъ рѣку, и горе дѣвушкѣ, если тяжелый паланкинъ опрокинетъ валкое перевозное суднышко. Въ случаѣ если избранная невѣста умретъ до брака, будущій мужъ всетаки женится на ней, но такъ какъ китайскіе обычаи по отношенію къ мущинамъ отличаются отъ таковыхъ-же по отношенію къ женщинамъ, то онъ въ правѣ вновь жениться. День бракосочетанія назначается не дѣвушкой, какъ у насъ, а отцомъ жениха.

Приданое невѣсты отсылается въ ея будущій домъ еще до брака, что представляетъ собою случай для торжественной процессіи,—носильщики приданаго одѣваются въ красныя куртки и торжественно шествуютъ по улицамъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней, предшествующихъ свадьбѣ, дѣвушка вмѣстѣ съ своими сестрами и подругами «горюетъ и оплакиваетъ предстоящій отъѣздъ изъ своего родительскаго дома». Брачный паланкинъ, о которомъ уже упоминали, несется въ концѣ брачной процессіи; изъ нея также не изгоняютъ цѣлаго ряда деревянныхъ павильончиковъ рѣзной работой (рѣзные, открытые деревянные ставцы съ крышками и безъ нихъ) съ сластями, неизбѣжной музыки, фонарей и другихъ предметовъ, составляющихъ необходимыя принадлежности всякой китайской процессіи. Все это направляется къ дому невѣсты, гдѣ другъ жениха подноситъ ей письмо на красной бумагѣ съ золотистымъ отливомъ, убѣждающее ее явиться. Это письмо заботливо сохраняется невѣстою и въ нѣкоторой степени равносильно «брачному свидѣтельству» (marriage lines) въ Англіи. Послѣ совершенія извѣстныхъ церемоній появляется невѣста, но черты лица ея совершенно скрыты, не подъ бѣлымъ покрываломъ (бѣлый цвѣтъ обозначаетъ трауръ), а подъ кускомъ краснаго шелка. Сдѣлавъ привѣтствіе другу жениха, она входитъ въ па-

ланкинъ и отправляется при громѣ гонговъ и игрѣ китайскаго брачнаго марша въ домъ жениха. Ей предшествуетъ, въ родѣ нашихъ подружекъ невѣсты, женская прислуга, а младшій братъ ея слѣдуетъ за ней въ обыкновенномъ паланкинѣ. По прибытіи въ ея будущій домъ, паланкинъ ставится на землю. Женихъ уже стоитъ у дверей со своимъ вѣеромъ, и ударяетъ имъ въ дверки паланкина, которыя открываются подружками, послѣ чего выходитъ укутанная въ красное покрывало невѣста, все еще не показывая лица.

«Ее помѣщаютъ на спину служанки и проносятъ надъ тлѣющими углями... Когда она переносится надъ тлѣющими углями, другая служанка поднимаетъ надъ ея головой подносъ, на которомъ лежатъ нѣсколько паръ палочекъ для ѣды, немного рису и бетелевые орѣхи. Тѣмъ временемъ женихъ уже занялъ свое мѣсто на высокомъ стулѣ, чтобы встрѣтить невѣсту, которая падаетъ ницъ къ его ногамъ и выражаетъ этимъ свое послушаніе своему господину. Высокій стулъ указываетъ на великое превосходство мужа надъ женой... Сойдя съ своего возвышеннаго положенія, женихъ снимаетъ красное шелковое покрывало. Теперь онъ въ первый разъ мимолетно видитъ лицо своей жены. Лицо ея, однако, все еще болѣе или менѣе закрыто нитями жемчуга, падающими съ брачнаго вѣнца. Брачная чета вводится въ залъ предковъ, гдѣ она падаетъ ницъ передъ алтаремъ, на которомъ разставлены таблички предковъ. Небо и Земля, божества главныхъ дверей дома и родители невѣсты составляютъ ближайшій предметъ ихъ поклоненія. Послѣ того какъ надлежащимъ образомъ исполненъ однимъ только женихомъ дальнѣйшій актъ почитанія, состоящій въ возліяніи предкамъ жертвеннаго напитка, счастливая чета сопровождается въ брачную комнату, гдѣ она на свадебномъ ложѣ находитъ апельсинное дерево со связками чоховъ,—эмблемы плодовитости и богатства, и горящія восковыя свѣчи, составлявшія часть принадлежностей процессіи. Съ верха постели свѣшиваются три длинныхъ полоски красной бумаги, содержащія добрыя пожеланія, одно изъ которыхъ читается: «Да будетъ у васъ сто сыновей и тысяча внуковъ». «Послѣ того какъ женихъ сдѣлалъ привѣтствіе невѣстѣ, они садятся и принимаютъ немного чаю и свадебнаго пирога». Невѣста при этомъ случаѣ изо всѣхъ силъ старается сѣсть на одежды жениха, ибо, если это ей удастся, то ея первенство надъ нимъ будетъ обезпечено; женихъ же, съ своей стороны, пытается помѣшать ей въ этомъ и старается

самъ сдѣлать то же самое. Нитки жемчуга, которыя спускаются съ ея вѣнца, теперь «убираются въ сторону прислужницами, для того чтобы дать жениху возможность увидѣть черты лица невѣсты, которая для того, чтобы онъ могъ получить правильное представленіе о нихъ, занимаясь туалетомъ, предусмотрительно не употребляетъ румянъ... Въ то время какъ обрачная пара занята вышеуказаннымъ, нѣкоторые изъ родственниковъ и друзей, собравшихся на брачное торжество, входятъ въ комнату и, не стѣсняясь, дѣлаютъ замѣчанія о наружности невѣсты». Это должно быть тяжелымъ испытаніемъ для скромной и привыкшей къ замкнутой жизни дѣвушки, такъ какъ замѣчанія дѣлаются такъ громко, что всѣ ихъ могутъ слышать. Новые ея родственники и друзья желаютъ ей имѣть много дѣтей; женихъ скоро оставляетъ ее, чтобы присоединиться къ гостямъ. «Въ семь часовъ вечера невѣстою устраивается пиршество въ честь свекра и свекрови. Когда все готово, родители входятъ въ залъ, гдѣ невѣста, принесши изъ кухни главное блюдо или *caput coenum* и поставивши его собственноручно на столъ, занимаетъ положеніе прислужницы. Наполнивъ виномъ чашу своего свекра, она ее подноситъ ему, держа ее обѣими руками, и, въ то время, какъ онъ пьетъ содержимое, она становится на колѣни у его ногъ и дважды бьетъ челомъ объ землю. Своей свекрови, чашу которой она послѣ этого наливаетъ, она отдаетъ такое же почтеніе. По окончаніи пира, свекорь и свекровь умываютъ свои руки, и послѣ этого только невѣста приглашается принять ѣду. На столѣ, который по приказанію свекра слуги помѣщаютъ на верхнихъ ступенькахъ, ведущихъ въ залъ, разставляются разныя кушанья, и невѣста приглашается занять мѣсто на восточной сторонѣ стола. Свекровь наливаетъ чашу виномъ и подноситъ ее невѣсткѣ. Невѣстка, однако, прежде чѣмъ взять ее, поднимается съ своего стула и, вставъ на колѣни у ногъ свекрови, кланяется ей дважды, ударяя челомъ о полъ... Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ около Кантона нерѣдко невѣстѣ приходится бодрствовать большую часть ночи, отвѣчая на загадки, которыя ей обыкновенно задаютъ родственники и друзья жениха. Гости иногда напиваются до-пьяна, и дѣло доходитъ до буйства».

Остается сказать, что на третій день снова поклоняются предкамъ, и что молодая дѣлаетъ визитъ своимъ отцу и матери; въ тотъ же день дѣлаетъ такой визитъ и молодой супругъ. На четвертый день вечеромъ

устраивается обѣдъ для друзей новобрачныхъ, причемъ женщины и мущины ѣдятъ отдѣльно, а новобрачные прислуживаютъ своимъ гостямъ. Вотъ краткій отчетъ о нѣкоторыхъ изъ церемоній сопровождающихъ браки въ Кантонѣ. Народъ, живущій на лодкахъ, имѣетъ иные обычаи, и каждый уѣздъ Китая болѣе или менѣе разнится въ этомъ отношеніи.

Въ Сватоу невѣста не пользуется краснымъ брачнымъ паланкиномъ подобно Кантонскимъ невѣстамъ. Паланкинъ не дѣлается изъ дерева, какъ въ Кантонѣ, и невѣста не запирается въ немъ; занавѣски изъ красной матеріи покрываютъ паланкинъ, который помѣстительнѣе обычныхъ паланкиновъ и похожъ на чиновничій. Одинъ или два кэтти сырой свинины привѣшиваются на веревкѣ снаружи дверей паланкина. По прибытіи въ домъ жениха невѣста шагаетъ черезъ пылающій на землѣ костеръ, сложенный изъ нѣсколькихъ зажженыхъ связокъ сѣна. Цѣль этого, какъ говорятъ, очищеніе невѣсты отъ оскверненія какимъ-нибудь демономъ или вообще чѣмъ-нибудь нечистымъ, что могло съ нею встрѣтиться по пути. Невѣста возвращается домой для посѣщенія своихъ родителей не на третій денъ послѣ свадьбы, а черезъ четыре мѣсяца. На третій день послѣ брака Сватоускую невѣсту навѣщаетъ ея младшій братъ или, въ случаѣ если нѣтъ таковаго, какой-нибудь мальчикъ, живущій по сосѣдству съ домомъ ея родителей. Младшій братъ или мальчикъ приноситъ немного масла для свѣтиленъ (лампъ), приготовленнаго изъ земляного орѣха. Сватоуская невѣста совершаетъ поклоненіе въ залѣ предковъ въ 15 день первой луны въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ послѣ свадьбы (женщина считается «молодой» въ теченіе трехъ лѣтъ); въ первый годъ мужчины и женщины, какъ чужіе, такъ и знакомые, всѣ свободно могутъ приходить и смотрѣть на нее. Въ такихъ случаяхъ она угощаетъ дѣтей апельсинами, а взрослымъ предлагаетъ чай, между тѣмъ какъ женатые люди дарятъ ей чохи или серебро, завернутые въ красной бумагѣ.

Странный свадебный обычай существуетъ въ провинціи Юнь-нань. Китайцы называютъ его «женитьбой женщины на мужчинѣ». Обычай этотъ описывается однимъ путешественникомъ слѣдующимъ образомъ:

«Церемоніи, сопровождающія такого рода бракъ, меньшихъ размѣровъ, чѣмъ церемоніи, наблюдаемыя при обыкновенныхъ бракахъ, и состоятъ главнымъ образомъ въ приходѣ мущины въ домъ женщины, гдѣ она и ея семейство и друзья собраны для этого случая. Дверь заперта, и мущина долженъ стучать. Его будущая жена тогда спрашиваетъ, кто тутъ; въ отвѣтъ на это онъ сообщаетъ свое имя

и нѣкоторыя подробности. Тогда она спрашиваетъ его, желаетъ ли онъ войти къ ней въ домъ и остаться у нея, на что онъ отвѣчаетъ, что онъ войдетъ и будетъ жить съ нею въ добромъ согласіи. Тогда дверь отворяютъ, мущина принимается, и начинается пиршество. Жена, вышедшая за мужъ такимъ образомъ, обязуется содержать своего мужа во всѣхъ отношеніяхъ, но помимо того она не беретъ на себя никакихъ обязательствъ по отношенію къ нему. Домъ ея, и она можетъ дѣлать въ немъ все, что захочетъ. Съ другой стороны, до тѣхъ поръ пока мужъ живетъ въ домѣ и ведетъ себя какъ послушный мальчикъ, онъ выполняетъ свою часть уговора, такъ какъ никакой работы отъ него не требуютъ. Такіе браки бываютъ тогда, когда родители, имѣя только дочерей, достаточно богаты, чтобы содержать мужей ихъ и желаютъ имѣть внуковъ; дѣти отъ такихъ браковъ принимаютъ фамильное имя жены и принадлежатъ ей и ея семейству».

Когда мущины нѣтъ дома, и неизбѣжныя обстоятельства препятствуютъ ему вернуться для женитьбы, то въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Кантонской провинціи заключается странный бракъ при посредствѣ повѣреннаго лица. Мы не знаемъ, существуетъ ли такой обычай еще и въ другихъ частяхъ имперіи или нѣтъ. Но куріозно въ этомъ то, что, вмѣсто того, чтобы въ качествѣ повѣреннаго дѣйствовалъ какой-нибудь мущина, роль жениха исполняетъ пѣтухъ. Послѣдній посылается женихомъ на брачную церемонію; впрочемъ даже нѣтъ необходимости, чтобы онъ былъ присланъ женихомъ, такъ какъ одного присутствія пѣтуха при заключеніи брака достаточно.

Въ Китаѣ дѣвушки только однажды законно выходятъ замужъ; онѣ сидятъ въ брачномъ палапкинѣ только разъ, и только тогда, когда, онѣ законныя, главныя жены. Не такъ дѣло обстоитъ по отношенію къ мущинѣ: онъ можетъ жениться сколько разъ угодно. Только **одна** женщина въ домѣ мущины занимаетъ положеніе настоящей жены; всѣ другія—а онъ можетъ взять сколько женъ пожелаетъ,—не суть главныя жены, или законныя, а только второстепенныя, или наложницы, хотя дѣти ихъ и считаются на равнѣ съ дѣтьми первой жены. Женщинамъ, которыя берутся въ качествѣ наложницъ, иногда мужья говорятъ, что они будутъ ихъ считать равными съ первой женой.

Что касается того, счастлива ли китайская брачная жизнь или нѣтъ, то слѣдуетъ сказать, что ни мущина, ни женщина не знаютъ у нихъ никакого другого рода брачной жизни. Однимъ изъ обильныхъ источ-

никовъ раздоровъ является допущенная обычаемъ полигамія, такъ какъ ссоры и драки, ревность и зависть, раздоры и пререканія являются болѣе или менѣе достояніемъ многоженнаго хозяйства; а тяжбы объ имуществѣ, оставленномъ многоженцемъ-китайцемъ, усложняются благодаря различнымъ интересамъ четырехъ, пяти или шести женщинъ, которыя всѣ имѣютъ въ лицѣ покойника своего бывшаго мужа.

Важнѣйшая литература:—«China», соч. Archdeacon Gray, т. I, гл. VII, содержитъ весьма подробныя частности относительно брачныхъ церемоній въ Кантонѣ, и мы широко воспользовались этой книгой.—«Social Life of The Chinese», соч. Doolittle, разбираетъ обычаи, дѣйствующіе въ Фу-чжоу.—Статья въ «China Mail, 10th July, 1890, повидимому, написана съ сѣверной точки зрѣнія.—Брачные обычаи хаккасцевъ изложены въ одной изъ цѣлаго ряда статей объ этомъ племени въ «Hongkong Daily Press», за 1861 годъ.

П. Меньшиковъ.

Бронза. Китайское искусство выдѣлки и орнаментаціи бронзы, какъ кажется, было извѣстно въ глубокой древности. Во времена Шаньской династіи (1783—1134 г. до Р. Х.) бронзовая работа уже стояла на довольно высокой ступени развитія. Она была тѣсно связана съ древними религіозными вѣрованіями китайцевъ, такъ какъ бронзовыя вазы и всевозможные сосуды были въ употребленіи въ этихъ самыхъ примитивныхъ культахъ, которые и по нынѣ свободно властвуютъ надъ умомъ китайца: поклоненіе природѣ во всѣхъ видимыхъ проявленіяхъ неба и земли, звѣздъ, вѣтровъ, рѣкъ и горъ, составляло оффиціальную религію китайцевъ, принадлежавшую исключительно правящимъ классамъ; въ отношеніи отдѣльныхъ лицъ и семействъ оно получило дополненіе въ лицѣ поклоненія предкамъ. Къ несчастью строгое направленіе китайскаго поклоненія древностямъ и установившимся формамъ такъ привязало ихъ къ точному воспроизведенію всего, что сдѣлано ихъ предшественниками, что всѣ тѣ бронзовые сосуды, которые выдѣлывались въ продолженіе двадцати и болѣе вѣковъ, въ самыхъ незначительныхъ деталяхъ копируются и до настоящаго времени. Художественный вкусъ благодаря этому задерживался въ своемъ развитіи и долженъ былъ довольствоваться воспроизведеніемъ того, что считалось образцовыми произведеніями древности: игра личнаго вкуса и воображенія была ограничена и строго заключена въ границы, съ весьма немногими, и во всякомъ случаѣ незначительными, толчками извнѣ. Китайское искусство оставалось въ такомъ положеніи до перваго вѣка, когда новыя вліянія оказали на него благодѣтельное воздѣйствіе.

Прежде, однако, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію вліянія на него

буддизма, интересно отмѣтить наличность извѣстнаго рода декоративнаго рисунка, извѣстнаго на Западѣ подъ именемъ «греческаго», такъ какъ память о немъ сохранилась въ греческомъ и этрусскомъ искусствахъ. Естественнымъ образомъ возникаютъ вопросы: 1) Былъ ли рисунокъ этотъ заимствованъ китайцами отъ грековъ? Отвѣтъ тотъ, что это кажется невѣроятнымъ. 2) Изобрѣтенъ ли этотъ рисунокъ самостоятельно обоими народами? Отвѣтъ тотъ, что это невѣроятно, такъ какъ китайскій рисунокъ немногимъ отличается отъ греческаго. Существуетъ указаніе, что онъ сложился благодаря изображенію двухъ проникающихъ всю природу принциповъ «Янъ» и «Инь». 3) Относится ли этотъ рисунокъ къ такой отдаленной древности, чтобы онъ могъ вести происхожденіе свое отъ какой-нибудь общей колыбели человѣческой расы и благодаря этому первоначально быть общимъ для обоихъ народовъ? Казалось бы, что судя по настоящему состоянію нашихъ знаній, вопросъ этотъ долженъ оставаться открытымъ.

Первоначально единственными моделями для китайскихъ жертвенныхъ сосудовъ были животныя формы, но не онѣ однѣ только, такъ какъ имѣются вазы странныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ древнихъ формъ, какъ и чаши для возліяній, сдѣланныя въ формѣ опрокинутаго шлема на трехъ ножкахъ. Кромѣ двухъ вышеозначенныхъ цѣлей бронзовыя работы употреблялись еще и для приготовленія всевозможныхъ подарковъ, раздававшихся императорами.

Буддизмъ, на который мы уже сдѣлали намекъ, принесъ съ собою предметы рѣдкостные и искусства, которые китайцы могли копировать, онъ же послужилъ и стимуломъ тѣмъ, что предоставилъ въ распоряженіе китайскаго художника болѣе широкое поле для болѣе свободныхъ движеній и менѣе ограниченное, чѣмъ прежнія узкія рамки, имѣвшіяся подъ его руками. Многія изъ сокровищъ искусства, обязанныя своимъ происхожденіемъ его вліянію, безъ сомнѣнія, погибли во времена различныхъ преслѣдованій, которымъ не разъ подвергалась эта религія послѣ своего появленія въ Китаѣ. Человѣческія фигуры съ того времени начали служить сюжетомъ китайскаго художника, несмѣтное количество боговъ и богинь было изображено, и вотъ именно въ этой отрасли искусства можно встрѣтить лучшіе образцы китайскаго искусства, изъ которыхъ самые прекрасные были созданы около 1426 года по Р. Хр. и съ 1621 по 1643 годъ. Кульминаціонный же пунктъ былъ достигнутъ во время царствованія императора Канъ-си, въ 1662 году по Р. Х.

Даосскіе идолы и символы играли роль въ снабженіи китайскаго бронзовыхъ дѣлъ мастера предметами искусства. Во времена монгольскихъ правителей Китая и арабское или персидское искусство оказали нѣкоторое вліяніе на китайское бронзовое искусство, давши ему нѣсколько красивыхъ, недостававшихъ ему прежде, формъ и декоративныхъ и орнаментальныхъ рисунковъ. Въ связи съ этимъ слѣдуетъ указать на бронзовые астрономическіе инструменты въ Пекинской обсерваторіи, изготовленныя во времена Хубилай-хана. Только мимоходомъ мы можемъ упомянуть о золотыхъ инкрустаціяхъ или объ орнаментаціяхъ съ нѣжными фигурами и цвѣтами черной работы изъ серебряной или золотой проволоки, вдѣланной въ вырѣзанные на металлѣ или бронзѣ жолобки, чѣмъ весьма увеличивается красота. Точно также мы можемъ сдѣлать одно лишь указаніе на вороненое искусство, принесенное, по всей вѣроятности, изъ Индіи, какъ и на позолоченную бронзу, обязанную буддійскому вліянію на китайское искусство.

Важнѣйшая литература:—„L'Art Chinois", соч. M. Paléologue.

А. Хіонинъ.

Буддизмъ. Китай представляетъ небывалое зрѣлище того, что три могущественныхъ, такъ называемыхъ религіи совмѣстно господствуютъ надъ многомилліоннымъ его населеніемъ, и не смотря на сильную оппозицію со стороны старшаго изъ членовъ этой троицы—конфуціанства—по отношенію къ двумъ младшимъ членамъ, въ настоящее время существуетъ между ними внѣшній миръ. Каждая изъ трехъ религій дополняетъ другія и старается отвѣчать на различныя потребности человѣческой натуры: конфуціанство обращается къ нравственности и поведенію, даосизмъ—матеріалистическаго направленія, и буддизмъ—метафизическаго. Только двѣ изъ нихъ возникли въ Китаѣ: буддизмъ же чужестраннаго происхожденія и былъ введенъ въ 61 году по Р. Х., когда императоръ увидѣлъ во снѣ гигантскую золотую фигуру и послалъ въ Индію отыскивать новую религію. Нѣкоторые, однако, думаютъ, что она была извѣстна въ Китаѣ еще до этого. Первые вѣка буддизма въ Китаѣ ознаменовались переводами на китайскій языкъ многочисленныхъ буддійскихъ сочиненій, также значительнымъ прогрессомъ въ пріобрѣтеніи прозелитовъ, и въ IV в. девять десятыхъ населенія Китая были буддистами. Невозможно дать цифру численности ихъ въ настоящее время, такъ какъ каждый китаецъ, если онъ только не магометанинъ или христіанинъ, буддистъ, а также и даосистъ и конфуціанецъ, и часто еще въ одно и то же время. Эклектическая натура китайцевъ и взаимное приспособленіе религіозныхъ системъ

одной къ другой, путемъ взаимныхъ заимствованій, въ теченіе столѣтій совмѣстнаго обладанія китайскимъ религіознымъ настроеніемъ, привели въ результатѣ къ амалгаціи или, правильнѣе, къ механическому соединенію всѣхъ трехъ системъ. Ихъ соединеніе не такого тѣснаго характера, чтобы его можно было сравнить съ соединеніемъ химическимъ, гдѣ различные элементы соединяются во едино для образованія новой субстанціи. Всѣ три онѣ одинаково признанныя вѣры Китая: ихъ мудрецы и божества допускаются въ государственный пантеонъ и пользуются государственнымъ покровительствомъ. Какъ будто напрашивается сравненіе этой комбинаціи трехъ, иногда такъ тѣсно переплетенныхъ между собою, системъ съ тройственнымъ соединеніемъ тѣла, души и духа: конфуціанство съ его вездѣсущей сущностью, проникающей весь политическій организмъ и всю соціальную систему, образуетъ душу,—но здѣсь сравненіе должно остановиться, такъ какъ оно при соблюденіи хотя бы нѣкоторой доли приближенія къ истинѣ, не можетъ быть доведено дальше того, что можно сказать, что въ этомъ союзѣ имѣется еще два члена.

Буддизмъ распадается на двѣ большихъ вѣтви: сѣверную и южную. Къ сѣверной принадлежитъ буддизмъ Китая, Нипала, Тибета, Монголіи, Кореи, Японіи и Кохинхины, къ южной—буддизмъ Цейлона, Бирмы и Сіама. Между сѣверной и южной вѣтвями существуетъ нѣкоторая разница: священныя книги сѣверныхъ буддистовъ написаны на санскритскомъ языкѣ, или же представляютъ собою переводы съ него, между тѣмъ какъ у южныхъ священнымъ языкомъ является пали. Сѣверные буддисты знаютъ разсказъ о западномъ раѣ, вытекающій, быть можетъ, изъ источника человѣческой души, какъ результатъ страстной мечты объ осязаемомъ мѣстонахожденіи будущаго блаженства, каковая мечта не удовлетворяется доктриной о Нирванѣ съ ея погруженіемъ въ безстрастное состояніе. Въ этой чистой странѣ Запада священные мужи свободны отъ страданія, смерти, полового различія, окружены великолѣпнѣйшей мѣстностью и живутъ цѣлыя эоны, наслаждаясь абсолютнымъ блаженствомъ. Богиня Милосердія, занимающая во многихъ отношеніяхъ то же мѣсто, что и Дѣва Марія у римско-католиковъ, принадлежитъ этой вѣтви буддизма. Южно-буддійская вѣтвь придерживается по отношеніи къ космогоніи и миѳологіи болѣе строго индусскихъ традицій, тогда какъ сѣверная вѣруетъ въ сравнительно новую и болѣе обширную вселенную съ соотвѣтствующимъ числомъ божествъ.

Хотя эти три религіи, особенно же даосизмъ и буддизмъ, такъ тѣсно переплетаются и смѣшиваются одна съ другой, но все же послѣдняя

болѣе бросается въ глаза, чѣмъ двѣ остальныя. Она имѣетъ большее число кумиренъ и жрецовъ. Весьма интересно прослѣдить тѣ разнообразные фазисы, черезъ которые прошла въ различныхъ странахъ эта широко распространенная религія. Въ Китаѣ она отличается политеизмомъ, принявши и усвоивши себѣ боговъ даосизма. Несомнѣнный фактъ, что буддизмъ постоянно приноравливался къ обстоятельствамъ, и когда онъ находилъ какія-нибудь преобладавшія среди китайцевъ вѣрованія, то онъ вмѣсто того, чтобы открыть противъ нихъ борьбу, принималъ ихъ подъ свое крыло, и такимъ образомъ онъ путемъ приращенія не только пріобрѣталъ новыя ученія, но и многочисленныхъ послѣдователей.

Кажется также, что буддизмъ сдѣлалъ заимствованія не только у даосизма. Въ этомъ отношеніе не будетъ лишена интереса слѣдующая выписка изъ статьи профессора Max Muller въ «Fortnightly Review» за іюль 1896 года:

Huc и Gabet во время своего путешествія по Тибету были поражены замѣчательнымъ сходствомъ между своимъ собственнымъ церковнымъ ритуаломъ и ритуаломъ буддійскаго жречества въ Тибетѣ. Они указывали между прочимъ на архіерейскій посохъ, митру, далматикъ, ризы, служеніе съ двумя хорами, псалмопѣніе, заклинаніе бѣсовъ, употребленіе кадильницы, прикрѣпленной къ пяти цѣпочкамъ, открывающимъ и закрывающимъ ее, благословеніе, совершаемое ламами простираніемъ правой руки надъ главами вѣрующихъ, употребленіе четокъ при произношеніи молитвъ, целибатъ жречества, духовное уединеніе, почитаніе святыхъ, постъ, процессіи, литаніи, освященіе воды,—казалось бы, достаточно для того, чтобы привести въ удивленіе римско-католическихъ миссіонеровъ. Они приписали все это навожденію дьявола, который, предвидя посѣщеніе Тибета благочестивыми римско-католиками, задумалъ посрамить ихъ заблаговременно... Мы не можемъ освободиться отъ того заключенія, что такой длинный рядъ совпаденій доказываетъ дѣйствительное историческое общеніе между римско-католическими и буддійскими священниками. Можно даже указать путь, по которому эти древніе римско-католическіе обряды могли проникнуть въ Тибетъ. Историческій фактъ, что христіанскіе миссіонеры, главнымъ образомъ несторіанскіе, дѣйствовали въ Китаѣ съ средины VII и до конца VIII в. Присутствіе и дѣятельность ихъ въ Китаѣ въ теченіе указанныхъ вѣковъ засвидѣтельствованы не только знаменитымъ памятникомъ въ Си-ань-фу, но и различными китайскими историками, въ вѣрности показаній кото-

рыхъ мы не имѣемъ основанія сомнѣваться. Несторіане имѣли монастыри и школы въ разныхъ городахъ китайской имперіи и пользовались покровительствомъ правительства. Мы знаемъ, что монахъ изъ монастыря въ Си-ань-фу трудился въ одномъ домѣ вмѣстѣ съ хорошо-извѣстнымъ буддійскимъ монахомъ изъ Кабула надъ переводомъ одного буддійскаго санскритскаго текста на китайскій языкъ. Процвѣтаніе несторіанскихъ миссій въ Китаѣ продолжалось до 841 г., когда императоръ У-дунъ издалъ свои эдикты объ уничтоженіи всѣхъ, какъ буддійскихъ, такъ и христіанскихъ монастырей. Буддизмъ по истеченіи извѣстнаго времени снова воскресъ, но христіанство, повидимому, было совершенно искоренено, такъ что Марко Поло, посѣтивши Си-ань-фу, передаетъ намъ, что все мѣстное населеніе состояло изъ идолопоклонниковъ.

Что касается того, что многія изъ этическихъ ученій буддизма будто бы идентичны съ предписаніями Св. Писанія, то уже доказана ошибочность предположенія, будто христіанство заимствовало ихъ отъ буддизма, такъ какъ они еще за цѣлые вѣка до появленія Будды возвѣщались Моисеемъ и пророками.

> «Нравственное ученіе буддизма, очевидно, было заимствовано отъ тѣхъ народовъ, съ которыми обитатели Индіи имѣли коммерческія и другія сношенія, включая сюда и евреевъ, достигшихъ своего высшаго развитія за 500 лѣтъ до того времени, когда, какъ говорятъ, жилъ Будда... Страбонъ и другіе древніе писатели свидѣтельствуютъ о тѣхъ громадныхъ коммерческихъ сношеніяхъ, которыя существовали въ X в. до Р. Х. между Индіей, Персіей, Пароіей, Мидіей и странами на югъ отъ Евксина. Объ этомъ же свидѣтельствуютъ и древнія морскія сообщенія, существованіе которыхъ доказано новѣйшими изслѣдованіями... и которыя поддерживались, начиная отъ Индіи, вокругъ Цейлона и вверхъ по Красному морю, кораблями, принадлежавшими по большей части извѣстнымъ безстрашнымъ мореплавателямъ, Финикіянамъ».

Съ другой стороны кажется, что римскій католицизмъ заимствовалъ кое-что отъ буддистовъ, такъ какъ Будда имъ объявленъ святымъ.

Буддизмъ въ продолженіе первыхъ вѣковъ хритіанской эры въ Китаѣ являлся могучимъ пришельцемъ, свѣжимъ и полнымъ жизни, съ неудержимымъ желаніемъ взяться за великія дѣла въ своемъ вновь избранномъ домѣ, сильно и властно, съ цѣлью распространенія своихъ принциповъ, но онъ являлся и вполнѣ приготовленнымъ перенести пред-

стоявшія ему въ будущемъ гоненія. Онъ рѣзко отличался отъ настоящаго своего разслабленнаго продолжателя, который теперь занимаетъ страну съ своими праздными жрецами и ихъ храмами, въ которыхъ трудно отыскать достойныхъ учениковъ ученыхъ патріарховъ древнихъ дней. Встрѣченный съ открытыми объятіями, подпавшій затѣмъ преслѣдованіямъ, снова удостоившійся покровительства, ласки и, наконецъ, одного только снисходительнаго терпѣнія, буддизмъ въ этомъ послѣднемъ фазисѣ своего существованія дошелъ не до благодатныхъ дней мира и спокойствія, а до конечной своей стадіи, предвѣщающей паденіе его въ силу гнилости и испорченности, потомучто онъ уже давно перешелъ свой Рубиконъ. Онъ былъ на зенитѣ своего могущества въ X и XII столѣтіяхъ, когда онъ не только пользовался популярностью, но имѣлъ и огромное вліяніе на литературу. Въ настоящее время онъ возбуждаетъ въ Китаѣ мало энтузіазма; жрецы его невѣжественны, низки и безнравственны, преданы куренію опіума, презираемы народомъ, представляя собою предметъ для издѣвательства и насмѣшекъ, остроумія и шутокъ населенія. Монахини одинаковымъ образомъ занимаютъ въ общественномъ мнѣніи весьма низкое положеніе. Вѣра въ переселеніе душъ; желаніе стяжать себѣ заслуги добрыми дѣлами благотворительности въ пользу жрецовъ и приподношеніями въ пользу большихъ монастырей, имѣющихся во всей странѣ въ такомъ громадномъ количествѣ; а также и суевѣріе въ талисманы и молебны за умершихъ; вѣра въ поклоненіе богинѣ Милосердія и увѣренность въ могущество другихъ боговъ,—на все это можно смотрѣть какъ на сильныя подпоры, поддерживающія въ настоящее время буддизмъ въ Китаѣ; но насмѣшки невѣрующихъ и издѣвательства атеистовъ медленно подрываютъ нѣкоторыя части этого религіознаго зданія, и болѣе хорошая и болѣе чистая религія, твердо стоящая за свое знамя, въ будущемъ возымѣетъ большій успѣхъ, чѣмъ буддизмъ имѣлъ въ прошломъ. Свѣтъ Азіи погружается въ мрачную тьму, тогда какъ первые мерцающіе лучи Свѣта Міра разсѣеваютъ мракъ, и Солнце Правды поднимается, принося на своихъ крыльяхъ исцѣленіе.

Важнѣйшая литература:—„Buddhism“, соч. Rhys David, изд. Society for Promoting Christian Knowledge, даетъ самое лучшее популярное изложеніе буддизма, въ смыслѣ религіи.—„Three Lectures on Buddhism“, соч. Eitel, даетъ въ популярной формѣ на нѣсколькихъ страницахъ краткое изложеніе китайскаго буддизма, который болѣе пространно изложенъ въ «Chinese Buddhism», соч. Edkins.—«Buddhism in China», соч. Beal, интересная книга и по объему меньше только-что указанной.—„Religion in China“, соч. Edkins, содержитъ много о буддизмѣ.—„Buddhist Literature in China“, соч. Beal, представляетъ собою обзоръ сочиненій, переведенныхъ на китайскій языкъ.—«Hand-book for the Student of Chinese Buddhism», соч. Eitel, ничто

ное, какъ словарь санскритскихъ терминовъ, употребительныхъ въ китайскомъ языкѣ, въ переводѣ ихъ на китайскій языкъ, съ объясненіемъ ихъ значенія.—Интересный рефератъ объ одной статьѣ, занимающейся буддійскимъ этическимъ ученіемъ, помѣщенъ въ «Hongkong Telegraph», 17th. Febr., 1896.—См. также „Chips from a German Workshop", vol. IV., стр. 445-458, гдѣ помѣщенъ странный отчетъ о канонизаціи самого Будды въ качествѣ римско-католическаго святого.

А. Хіонинъ.

Буйволъ (Водяной буйволъ). Китайцы называютъ это животное водянымъ быкомъ или коровою, а натуралисты Bos bubalus. Cranford и Dr. Dennys описываютъ его слѣдующимъ образомъ:

«То же самое полезное, сильное, безобразное, неуклюжее и неповоротливое животное, которое встрѣчается во всѣхъ жаркихъ странахъ Азіи, и которое въ средніе вѣка было ввезено въ Грецію, Египетъ и Южную Индію. Однако, только на 10-мъ или 12-мъ градусѣ отъ экватора оно отличается величиною, силою и крѣпостью... Мясо этого полу-водяного животнаго—скверно. Рана, нанесенная разъяреннымъ буйволомъ, страшна. Жертва обыкновенно поражается въ бедро, причемъ разрывается бедровая артерія».

Такъ какъ буйволъ въ Китаѣ питаетъ отвращеніе къ иностранцамъ, то для европейцевъ опасно приближаться къ нему, но по отношенію къ своимъ друзьямъ-китайцамъ онъ вполнѣ ручной и совершенно слушается дѣтей, на обязанности которыхъ лежитъ выгонять и пригонять его съ полей, водить подъ сохою и плугомъ, и часто даже ѣздить на немъ верхомъ. Послѣдняя картина до того обычна въ Китаѣ, что метафора о мальчикѣ, сидящемъ верхомъ на спинѣ буйвола и играющемъ на флейтѣ, часто входитъ въ составъ китайскихъ описаній деревенской жизни, и буйволъ съ пастушкомъ на своей спинѣ часто появляется на картинахъ и употребляется для декоративныхъ цѣлей и пр.

Нельзя сказать, что буйволъ покрытъ шерстью, такъ какъ нѣсколько торчащихъ волосъ составляютъ все, чѣмъ природа одарила это животное. Одинъ авторъ говоритъ, что у него «безволосая шкура». Свѣтло-черная кожа его ясно выступаетъ подъ такой скудной quasi-покрывающей растительности. Полукруглые рога буйвола торчатъ внизъ, между тѣмъ какъ голова его обращена назадъ, такъ что носъ получаетъ горизонтальное положеніе. Особенное положеніе, занимаемое головой, даетъ ему возможность погружать почти все тѣло и голову въ воду тѣхъ болотъ и лужъ, въ которыхъ онъ любитъ лежать, спасаясь отъ жары и комаровъ. Весьма любопытное зрѣлище представляетъ цѣ-

лое стадо буйволовъ, погрузившихся въ воду, съ торчащими кверху кончиками носа. Привычки буйвола и способность работать болѣе быка даютъ возможность содержать его при незначительныхъ затратахъ въ болѣе лучшихъ условіяхъ. Буйволихи въ южномъ Китаѣ даютъ больше молока, чѣмъ коровы.

А. Хіонинъ.

Бумажные змѣи. Китай страна бумажныхъ змѣевъ *par excellence*. Они не предоставлены однимъ только дѣтскимъ рукамъ, и на нихъ не смотрятъ только, какъ на дѣтскую забаву; на нихъ смотрятъ, какъ на предметъ, годный и для дѣтей болѣе зрѣлаго возраста,— не какъ на научный аппаратъ въ родѣ того, при помощи котораго Веніаминъ Франклинъ доставалъ изъ облаковъ молніи, или въ родѣ тѣхъ, которыми въ настоящее время воздухоплаватели пользуются для своихъ опытовъ, пытаясь рѣшить проблему летательной машины; нѣтъ, на нихъ смотрятъ, какъ на простой предметъ для собственнаго развлеченія.

При такомъ болѣе возвышенномъ взглядѣ на бумажныхъ змѣевъ естественно, что на устройство ихъ употребляется больше заботливости и больше изобрѣтательности, чѣмъ это обыкновенно наблюдается у насъ.

Благодаря тому, что бамбукъ бываетъ различной длины, трубчатъ и легокъ, легко расщепляется въ случаѣ, если въ данномъ случаѣ цѣльный стволъ слишкомъ великъ, и легко сгибается въ круги, отличаясь въ то же время удивительной крѣпостью и гибкостью,—онъ является самымъ удобнымъ матеріаломъ для устройства рамокъ въ змѣяхъ всѣхъ родовъ, представляетъ ли змѣй грубое и условное подражаніе формѣ птицы, предназначенной для развлеченія ребятъ, (ибо забава пусканія змѣевъ не составляетъ въ Китаѣ всецѣло монополію людей болѣе зрѣлаго возраста), или же удивительнѣйшее сооруженіе, красу и восторгъ не только его хозяина, но и его сосѣдей и всей глазѣющей толпы. Рамка обтягивается бумагой или шелкомъ; ни одинъ китаецъ не вздумаетъ употребить для этой цѣли старую газетную бумагу: всякая бумага, на которой что-либо написано или напечатано, при ненадобности благоговѣйно сжигается. Китайцы придаютъ этому такую важность, что особые люди бродятъ по улицамъ съ спеціальной цѣлью подбиранія всякихъ обрывковъ бумаги, которые иначе могли бы подпасть подъ ноги прохожихъ. Къ стѣнамъ придѣлываются небольшіе деревянные ящики, въ которыхъ собирается подобная ненужная бумага.

Но вернемся къ змѣямъ. Фигуры, изображаемыя ими, иногда до

такой степени правдоподобны, и искусная рука управляетъ ими (или правильнѣе нитками ихъ) такъ ловко, что напримѣръ, подражаніе змѣя полету хищной птицы, съ перваго взгляда можетъ обмануть даже натуралиста. Было сдѣлано справедливое замѣчаніе, что «ловкость, съ какой управляютъ полетомъ змѣевъ, замѣчательнѣе изобрѣтательности, проявляемой въ ихъ конструкціи». Можно видѣть, какъ высоко въ воздухѣ несутся бабочки, ящерицы, гиганскія стоножки, пара очковъ, огромный чохъ, рыбы, люди и масса другихъ предметовъ,—а другой конецъ веревки находится въ рукахъ юноши или человѣка среднихъ лѣтъ, находящихъ въ этой забавѣ высокое удовольствіе, и тѣснящаяся около нихъ толпа мальчишекъ, безъ сомнѣнія, желаетъ, какъ можно скорѣе, вырасти, чтобы быть въ состояніи пускать на воздухъ такихъ же чудныхъ змѣевъ.

Во всемъ Китаѣ одинъ праздничный день спеціально посвящается пусканію змѣевъ,—это 9-й день 9-й луны.

> «Doolittle пишетъ, что они (бумажные змѣи) иногда похожи на огромную птицу, или на змѣю въ 30 футовъ длиною; иногда же наблюдатель видитъ стаю ястребовъ, парящихъ вокругъ одного центра, причемъ всѣ они привязаны къ одной крѣпкой веревкѣ, но каждый ястребъ управляется и приводится въ движеніе отдѣльной ниткой. По его расчету въ этотъ день на холмахъ, окружающихъ Фу-чжоу, собирается толпа не менѣе тридцати тысячъ человѣкъ, чтобы участвовать въ этой забавѣ, если только погода благопріятствуетъ».

Прелестнымъ спутникомъ бумажнаго змѣя считается на глазахъ китайцевъ, или правильнѣе для ихъ ушей, небольшой приборъ, который такъ прикрѣпляется, что вѣтеръ, проходя черезъ него, производитъ жужжащій звукъ.

Мы сомнѣваемся, чтобы въ Китаѣ нашлось хоть что-нибудь такъ или иначе не связанное съ религіей, когда даже у воровъ и проститутокъ имѣются собственныя божества, которымъ они поклоняются и у которыхъ просятъ успѣха и покровительства въ своихъ профессіяхъ. Что же послѣ этого удивительнаго въ томъ, если невинный бумажный змѣй часто дѣлается козломъ отпущенія, когда онъ съ нарочно перерѣзанной веревкой несется по направленію къ землѣ въ неудержимомъ стремленіи, нагруженный воображаемымъ грузомъ всевозможныхъ бѣдствій, и послѣднія такимъ образомъ уносятся отъ тѣхъ, которымъ въ противномъ случаѣ пришлось бы страдать подъ тяжестью невѣдомыхъ и страш-

ныхъ несчастій? Если имѣется такой простой способъ, чтобы избавиться отъ грядущихъ бѣдствій, то кому же какая нужда быть несчастнымъ даже въ этомъ злополучномъ Китаѣ?

П. Шкуркинъ.

Внѣземельность. Такъ какъ законы и судебная система, примѣняемые въ Китаѣ, ближе подходятъ къ законамъ и судебной системѣ, дѣйствовавшимъ въ Европѣ въ средніе вѣка, то европейцы и американцы въ Китаѣ, а также и въ другихъ азіатскихъ странахъ, настояли на подсудности своимъ собственнымъ законамъ и на изъятіи изъ-подъ правовыхъ установленій той страны, въ которой они живутъ.

Въ Китаѣ имѣется Верховный Судъ, съ Главнымъ Судьей и другими должностными лицами, состоящій подъ вѣдѣніемъ англійскаго Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Онъ находится въ Шанхаѣ и совершаетъ объѣзды по различнымъ договорнымъ портамъ, когда возникаютъ дѣла, требующія его присутствія, т. е. дѣла среди британскихъ подданныхъ или же дѣла, въ которыхъ одною стороною являются британцы. Консульскіе суды, подъ предсѣдательствомъ британскихъ консуловъ, вѣдаютъ болѣе незначительныя дѣла, или же производятъ предварительное дознаніе въ болѣе важныхъ. Должность главнаго судьи и генеральнаго консула соединены, и генеральный консулъ въ Шанхаѣ въ придачу къ своимъ прямымъ обязанностямъ выполняетъ еще и обязанности главнаго судьи.

Съ другой стороны, если англичанинъ привлекаетъ къ суду китайца, то процессъ ведется въ китайскомъ судѣ, по указанію англійскаго консула. Само собой разумѣется, что этотъ порядокъ не примѣняется въ Гонконгѣ, такъ какъ онъ, въ качествѣ англійской колоніи, образуетъ составную часть Британской Имперіи. Китайскіе преступники убѣгаютъ иногда съ материка на этотъ островъ. Прежде выдачи ихъ китайскимъ властямъ производится допросъ полицейскимъ судьею, который, при явныхъ доказательствахъ преступленія, представляетъ дѣло губернатору колоніи для рѣшенія вопроса о томъ, долженъ ли преступникъ быть выданъ китайцамъ, или нѣтъ. Случалось, что на основаніи акта habeas corpus подавались прошенія Верховному Суду колоніи объ освобожденіи заключенныхъ, ссылаясь на извѣстныя техническія упущенія; но они рѣдко имѣли успѣхъ. Тѣмъ не менѣе китайскія власти въ Кантонѣ принимали это дѣло близко къ сердцу, такъ какъ имъ трудно понять (при ихъ системѣ пытокъ заключенныхъ и свидѣтелей и вынужденныхъ признаній, исторгнутыхъ у первыхъ, а иногда даже и у послѣднихъ) значеніе непоколебимыхъ и вѣрныхъ уликъ и

показаній дѣйствительныхъ очевидцевъ. Неопредѣленность англійскаго закона и ревностная заботливость, оказываемая заключенному въ случаѣ, если онъ окажется невиновнымъ, для нихъ непонятны.

Важнѣйшая литература:—„Exterritoriality. The Law relating to Consular Jurisdiction and to Residence in Oriental Countries», соч. F. T. Piggott, M. A., Ll. M.—„Jurisdiction et Exterritorialité en Chine“, соч. J. Helenius Ferguson.

П. Меньшиковъ.

Воланъ. Въ отношеніи нѣкоторыхъ игръ въ Китаѣ замѣчается та же противоположность нашимъ порядкамъ, которая наблюдается во многихъ другихъ дѣлахъ въ этой странѣ противорѣчій. Вмѣсто того, чтобы воланъ являлся, главнымъ образомъ, игрой дѣвочекъ, онъ всецѣло представляетъ игру мальчиковъ, юношей и мужчинъ. Дѣвочки никогда не играютъ въ него. Почти-что можно сказать, что это національная игра Китая, и что пусканіе бумажныхъ змѣевъ національное времяпрепровожденіе. Послѣднему предаются осенью, первому же зимой, хотя въ воланъ играютъ также и въ другія времена года. Самое любопытное въ отношеніи этихъ двухъ игръ, это то, что хотя дѣти и находятъ въ нихъ извѣстное удовольствіе, но ими наслаждаются и имъ предаются преимущественно тѣ, которыхъ наврядъ-ли можно «назвать дѣтьми, развѣ только присовокупляя для объясненія слова «старшаго возраста».

Китайцами не употребляется воланная ракета; воланъ поддерживается въ воздухѣ ногою, для чего широкая бѣлая подошва китайскаго башмака служитъ прекраснымъ орудіемъ. Два, три, четыре или болѣе игроковъ собираются вмѣстѣ: при двухъ игрокахъ становятся другъ противъ друга, при трехъ, или большемъ количествѣ, образуютъ неправильный кругъ и подбрасываютъ воланъ вверхъ такимъ образомъ, чтобы онъ могъ упасть вблизи другого игрока, такъ что не требуется много движенія помимо того, сколько необходимо для ударовъ ногой. Если ударъ ногою невозможенъ, что бываетъ, когда воланъ упалъ совсѣмъ рядомъ съ игрокомъ, тогда позволяется подбросить его ударомъ руки и такимъ образомъ направлять его къ другому игроку, или же подбить его на воздухъ такъ, чтобы онъ могъ принять положеніе, удобное для удара ногою. Существуютъ различные ножные удары; обычнѣе всего ударяютъ внутренней стороной подошвы праваго башмака. Иногда же ударяютъ и внѣшней стороной подошвы праваго башмака. Другого рода ударъ, который требуетъ нѣкоторой ловкости, дается правою ногой—внутренней частью подошвы праваго башмака—изъ-подъ икры лѣвой ноги. Самая употребительная форма этого удара слѣдующая: лѣвая нога

сгибается такъ, чтобы ступня находилась впереди тѣла и на 10 или 12 дюймовъ надъ землей; это дѣлается во время паденія волана: когда же онъ уже почти достаточно близокъ, чтобы ударить въ него, тогда подпрыгиваютъ на правой ногѣ и немедленно же ударяютъ въ воланъ изъ-подъ лѣвой икры внутренней стороной подошвы правой ноги. Одна изъ разновидностей этого удара состоитъ въ вытягиваніи лѣвой ноги въ наклонномъ направленіи, со ступнею, приподнятою отъ земли на нѣсколько дюймовъ, послѣ чего ударяютъ, какъ выше сказано. Еще другой ударъ производится подошвой правой ноги позади тѣла, причемъ ногой лягаютъ назадъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вверхъ. Многіе изъ такихъ ножныхъ ударовъ подбрасываютъ воланъ па 10, 20 или 30 футовъ на воздухъ, хотя и бываютъ удары впередъ, направляющіе воланъ къ другому игроку и притомъ, быть можетъ, въ нѣсколько восходящемъ направленіи. Игра часто начинается съ того, что одинъ изъ игроковъ подбрасываетъ воланъ рукою вверхъ по направленію къ другому игроку, находящемуся противъ него. Цѣль игры, конечно, заключается въ поддерживаніи волана на воздухѣ, какъ можно дольше. Самъ воланъ по устройству своему отличается отъ волановъ, употребляемыхъ на Западѣ, такъ какъ въ составъ его пробка не входитъ: онъ состоитъ изъ извѣстнаго количества слоевъ кожи; на внѣшніе два слоя употребляется змѣиная кожа, на внутренніе же, какъ говорятъ, акулья; всѣхъ слоевъ отъ десяти до двадцати. Перья употребляются утиныя, и всего ихъ три.

П. Меньшиковъ

Воспитаніе. Китайцы всѣмъ обязаны своей системѣ воспитанія. Она, при всѣхъ династическихъ перемѣнахъ, сохранила ихъ, какъ націю; она крѣпко связала крайніе концы ихъ обширной земли и вызвала одинаковыя стремленія и одинаковый образъ мышленія у людей, различныхъ по происхожденію и по многимъ обычаямъ и привычкамъ; она покорила побѣдоносныя полчища, которыя пронеслись надъ этой страной и основывали на протяженіи ея исторіи не одну чуждую династію.

Когда китайскій мальчикъ начинаетъ свой образовательный курсъ, онъ оказывается связаннымъ по рукамъ и ногамъ, ибо «языкъ семьи не есть языкъ книги», и у него нѣтъ тѣхъ вспомогательныхъ пособій, которыя на первыхъ порахъ, выражаясь языкомъ моряковъ, спускаютъ ребенка на необъятныя воды моря ученія и превращаютъ пріобрѣтеніе познаній въ удовольствіе, какъ это бываетъ въ счастливыхъ Западныхъ домахъ съ ихъ современными, прекрасно иллюстрированными книгами, и съ ихъ

языкомъ, упрощеннымъ для того, чтобы ободрить юнаго новичка:—у него нѣтъ книгъ въ родѣ «Reading Made Easy» (Чтеніе, сдѣланное легкимъ), «Laugh and Learn» (Смѣйся и учись) или «Peep of Day» (Разсвѣтъ), какъ и нѣтъ ни одной изъ остальныхъ многочисленныхъ книгъ, которыя всѣ являются восторгомъ для нашихъ малышей. Хотя не рѣдкость видѣть среди китайцевъ славнаго, понятливаго ребенка, однако же отсутствіе всякихъ пособій, подходящихъ по своему назначенію къ упомянутымъ выше, должно быть ужаснымъ лишеніемъ для бѣднаго малыша поднебесной имперіи. Если бы первая книга, врученная юнцу была названа «Чтеніе, сдѣланное труднымъ» («Reading Made Difficult»), то тогда можно было бы составить себѣ нѣкоторое представленіе о характерѣ ея содержанія; ибо если оставить въ сторонѣ то обстоятельство, что она состоитъ изъ риѳмъ и строчекъ, въ три слова каждая, то въ ней нѣтъ ничего, что бы облегчило тернистый путь для маленькихъ ногъ. Она начинается съ положенія, пониманіе котораго можетъ оказаться трудной задачей даже для умственныхъ способностей и сообразительности философа: «Люди при своемъ рожденіи по природѣ въ основѣ своей добры»; послѣ этого крутого введенія приводятся примѣры ранняго ученія и развитія, всѣ направленные къ тому, чтобы показать необходимость воспитанія. Затѣмъ слѣдуютъ численныя категоріи, такъ излюбленныя китайцами, какъ напримѣръ, три силы—небо, земля и человѣкъ; пять основныхъ добродѣтелей; шесть родовъ хлѣба. Потомъ приводится списокъ книгъ, которыя должно выучить, а за нимъ слѣдуетъ составленное въ наивозможно сжатой формѣ извлеченіе изъ китайской исторіи, и книга заканчивается тѣмъ, что, если бы оно только было изложено въ удобопонятной для мальчика формѣ, было бы самой интересной частью всей книги, а именно:—примѣрами стремленія къ познанію, несмотря на всевозможныя препятствія; ими пользуются для поощренія будущаго претендента на литературную славу въ дальнѣйшемъ пути.

Вначалѣ мальчикъ едва ли вообще понимаетъ что-нибудь изъ того, что онъ читаетъ, но онъ долженъ выучивать все это наизусть, такъ чтобы онъ былъ въ состояніи пересказать все безъ единой ошибки. Первое, само собой разумѣется, ошибка; второе же нѣтъ, ибо опытъ показываетъ, что такой способъ наилучшій для изученія китайскаго языка. Самъ авторъ, будучи мальчикомъ, изучалъ первую свою книгу и нѣсколько другихъ такимъ способомъ, чтобы быть въ состояніи повторить цѣлыя страницы изъ нихъ наизусть, и послѣдующіе годы только усилили его убѣжденіе, что это единственный способъ изучить китайскій языкъ основательно, если, разумѣется, на это дается потребное время.

На самомъ дѣлѣ, если бы у насъ Западныхъ людей не было всегда такой спѣшки и такого недостатка времени, то это было бы прекраснымъ методомъ на первыхъ порахъ изученія любого европейскаго языка; авторъ испробовалъ этотъ способъ на французскомъ языкѣ и нашелъ, что получился превосходный результатъ.—Но вернемся къ нашему китайскому мальчику, котораго оставили среди его затрудненій. Иностранный читатель, быть можетъ, оцѣнитъ ихъ правильнѣе, если дать слѣдующее объясненіе: припомнимъ постановку чтенія въ школѣ англійскаго языка для мальчиковъ, говорящихъ на гельскомъ языкѣ. Учитель заставлялъ мальчиковъ читать одну изъ ихъ англійскихъ учебныхъ книгъ, что ими было исполнено прекрасно; но когда одинъ англійскій посѣтитель сталъ спрашивать ихъ, что они прочитали, то онъ увидѣлъ смущенныя лица, смотрѣвшія на него пристально и съ изумленіемъ, и не было получено ни одного отвѣта. Тогда учитель сообщилъ ему, что мальчики учились только читать по англійски, но не говорить; ихъ произношеніе было превосходно, но они не понимали ни одного слова изъ того, что они читали. Нашъ китайскій мальчикъ на первыхъ порахъ находится въ такомъ же затруднительномъ положеніи; въ продолженіе 4 или 5 лѣтъ онъ изучаетъ чтенія китайскихъ іероглифовъ, но большая часть изъ послѣднихъ для него ничто иное, какъ знаки безъ значенія. Книгу за книгой долженъ онъ выучить такимъ скучнымъ образомъ, страницу за страницей прописей іероглифовъ срисовывать цѣлые томительные дни, не зная ни воскресныхъ, ни середныхъ, ни субботнихъ полупраздниковъ: китайская школа существуетъ для работы, а не для игры; игра считается напрасной тратой времени и должна быть по возможности исключена; нѣтъ никакого разнообразія занятій, и ничего, что бы нарушило однообразіе, тянущееся съ разсвѣта до сумерекъ, и только дается столько свободнаго времени, сколько нужно, чтобы поѣсть. По правдѣ не мудрено, что китайскій школьникъ кажется унылымъ и тупымъ, серіознымъ и важнымъ, и что онъ всегда отличается манерами своего кружка, являясь образцомъ благопристойности, подобно тѣмъ допотопнымъ юношамъ, о которыхъ онъ читаетъ. Наконецъ только позволяется, чтобы небольшой лучъ свѣта блеснулъ въ этой умственной тьмѣ, ибо онъ посвящается въ тайны и преимущества знанія того, что эти тысячи, повидимому, произвольныхъ іероглифовъ значатъ. И вотъ причина, почему такъ много китайцевъ понимаютъ только немного изъ того, что они читаютъ, хотя почти всѣ они (по крайней мѣрѣ въ болѣе цивилизованныхъ частяхъ имперіи) могутъ читать въ большей или меньшей мѣрѣ; многіе изъ нихъ вслѣдствіе бѣдно-

сти не въ состояніи продолжать свой курсъ образованія дальше первоначальной стадіи. Многіе изъ нихъ находятся въ томъ же положеніи, въ какомъ были дочери Мильтона: слѣпой поэтъ научилъ ихъ читать ему по латыни, просто читать, не понимая смысла, а китайскій языкъ, на которомъ говорятъ въ обыденной жизни почти такъ же отличается во многомъ отъ книжнаго языка, какъ любой мертвый языкъ отъ живого.

Въ китайскихъ школахъ нѣтъ классной системы; каждый мальчикъ составляетъ отдѣльный классъ самъ по себѣ: имѣется столько же классовъ, сколько мальчиковъ. Такимъ образомъ тупой школьникъ бойкими мальчиками не увлекается впередъ скорѣе, чѣмъ онъ въ состояніи итти, а болѣе способные ученики не задерживаются въ своихъ успѣхахъ болѣе тупыми дѣтьми. По мѣрѣ того, какъ какой-нибудь мальчикъ выучитъ свой урокъ, онъ отвѣчаетъ его, а продолжительные школьные часы принуждаютъ его выучивать большую часть, если не весь урокъ, въ продолженіе класснаго времени. Китайскую школу слышно гораздо раньше, чѣмъ ее можно видѣть; безпорядочное смѣшеніе звуковъ предупреждаетъ васъ о томъ, что вы приближаетесь къ ней; причина этому та, что каждый мальчикъ учитъ свой урокъ наизусть, громкимъ монотонно-пѣвучимъ голосомъ, повторяя его много разъ до тѣхъ поръ, пока онъ не остается въ памяти. Впечатлѣніе, получаемое отъ голосовъ тридцати, сорока мальчиковъ (къ счастью мало школъ, имѣющихъ больше этого количества учениковъ), которые стараются изо всѣхъ силъ перекричать другъ друга, лучше можно себѣ вообразить, чѣмъ описать, а кто ему разъ подвергся, тотъ никогда его не забудетъ. Въ Англіи школы доставляютъ безпокойство своимъ сосѣдямъ во время, назначенное для игръ, въ китайскихъ же школахъ нѣтъ такого времени, —онѣ, наоборотъ, непріятны, когда мальчики заняты своими уроками.

Въ случаѣ, если обученіе мальчика болѣе продолжительно, то его учатъ, какъ мы уже сказали, переводить этотъ удивительно темный литературный слогъ на болѣе понятный языкъ. Кромѣ того, въ планъ преподаванія включаются еще и слѣдующіе предметы: сочиненія, въ которыхъ правила грамматики блестятъ своимъ отсутствіемъ, разстановка словъ рѣшаетъ все, и прежніе примѣры или древній обычай указываютъ надлежащее распредѣленіе словъ. Въ тѣсной связи съ этимъ находится составленіе антитетическихъ фразъ, въ которыхъ смыслъ, слова и фразы, а также и интонаціи, подбираются съ удивительною заботливостью, точностью и музыкальностью. Учатъ еще одному или двумъ другимъ родамъ сочиненій, и школьникъ изучаетъ искусство писать письма, въ которыхъ

почти каждая возможная идея дается ему въ совершенно опредѣленныхъ и сложившихся готовыхъ выраженіяхъ, изобилующихъ цвѣтистыми намеками и классицизмами. Это весьма важная отрасль китайскаго образованія и требуетъ спеціальнаго изученія. Мы сами однажды присутствовали на собраніи, въ которомъ было прочитано письмо одного господина съ выраженіемъ сожалѣнія по поводу того, что онъ не могъ присутствовать, и съ добрыми пожеланіями для членовъ и для всего общества, къ которому они принадлежали. Такое письмо на англійскомъ языкѣ не потребовало бы никакого объясненія для англійской публики, но китайскій секретарь этого общества счелъ нужнымъ пояснить его содержаніе присутствовавшимъ членамъ, хотя всѣ они получили довольно хорошее образованіе по китайскому языку. Беллетристика также имѣетъ свое мѣсто въ болѣе обширномъ курсѣ ученія. Сборникъ древнихъ авторовъ, составляющій курсъ китайской литературы, проходится студентами; пріобрѣтается кой-какое знаніе китайской исторіи, драгоцѣнное вслѣдствіе того количества намековъ, которое оно ставитъ въ распоряженіе пишущаго; искусство стихотворства тоже пользуется нѣкоторой долей вниманія; и наконецъ изучается составленіе тѣхъ удивительныхъ сочиненій, въ которыхъ разсужденіе развивается въ логическомъ кругѣ и кончается тамъ, гдѣ оно началось, и которыя важны, какъ подготовленіе студентовъ къ экзаменамъ на гражданскую службу, являясь такимъ образомъ конечной ступенью, для которой все предшествующее служило приготовленіемъ, конечной цѣлью, вызвавшей весь этотъ тяжелый трудъ, съ вытекающимъ изъ него въ случаѣ успѣха полученіемъ должности. (См. статью объ *Экзаменахъ*).

Весь кругъ классическихъ книгъ (четверокнижіе и пять классиковъ), равно какъ и комментаріи къ нимъ изучаются во время школьнаго и студенческаго курсовъ, продолжающихся нѣсколько лѣтъ. Изъ этого видно, что географія, ариометика, алгебра, математика и всѣ вообще отрасли прикладныхъ наукъ совсѣмъ неизвѣстны китайскому образовательному курсу. Какой же результатъ всего этого? Не столько пріобрѣтеніе знаній или развитіе ума, сколько выработка удачныхъ составителей сочиненій; удивительная дрессировка памяти и чрезвычайное развитіе подражательныхъ способностей за счетъ всего остального—безъ всякой оригинальности, безъ мѣста для индивидуальности; производство литературныхъ машинъ, фабрикація умственныхъ пишущихъ машинъ, гдѣ стереотипныя формы древности воспроизводятся съ незначительными только измѣненіями. Въ пользу китайской націи говоритъ то

обстоятельство, что, не смотря на все это ограниченіе здоровыхъ стремленій, не смотря на путы, задерживающія всякій прогрессъ, оказалось невозможнымъ окончательно подавить въ ней всякую индивидуальность, воспрепятствовать всякому разнообразію. Справедливо было замѣчено, что, хотя эта система «имѣетъ большое воспитательное значеніе», все же она «ограничиваетъ умственный и нравственный кругозоръ тѣмъ горизонтомъ, который наложилъ свои кандалы на умъ Конфуція двадцать четыре столѣтія тому назадъ; она заковываетъ интеллектъ, убиваетъ ростъ нравственнаго чувства и склоняетъ волю въ сторону антагонизма по отношенію ко всему некитайскому». Также справедливо было сказано, что «громадное большинство образованныхъ китайцевъ и по сей день еще не знаетъ, что обозначаютъ собою самые простые термины нашей педагогической номенклатуры, и гораздо меньше еще они знакомы съ употребленіемъ и важностью указанныхъ въ ней предметовъ, или съ тѣмъ, какъ ихъ должно изучать».

Въ Китаѣ нѣтъ ни присутственныхъ мѣстъ по школьнымъ дѣламъ, ни чего-либо похожаго на Національныя и Британскія школы въ Англіи (National and British Schools in England). Школы открываются учителями съ цѣлью добыванія средствъ къ жизни, или же онѣ основываются мелкой знатью, или же какой-нибудь наставникъ приглашается нѣсколькими семействами, чтобы руководить частной школой, устроенной спеціально для ихъ дѣтей; среднія или, выражаясь точнѣе выше-среднія школы, учрежденныя приблизительно на тѣхъ же основаніяхъ, изобилуютъ во всѣхъ городахъ.

Мы до сихъ поръ говорили только о мальчикахъ, и мы могли бы кончить, совсѣмъ не упоминая о дѣвочкахъ, такъ какъ отношеніе народа, въ смыслѣ цѣлаго, къ воспитанію этого пола почти-что равносильно совершенному пренебреженію. Тѣмъ не менѣе въ китайской исторіи приводится не мало примѣровъ ученыхъ женщинъ; въ настоящее же время, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ частяхъ Китая, очень незначительное меньшинство дѣвушекъ или пытается достигнуть такого поверхностнаго знанія іероглифовъ, чтобы быть въ состояніи читать дешевыя повѣсти, или же, что очень рѣдко, пользуется услугами учителя, нанятаго для нихъ родителями, которые въ нѣкоторыхъ случаяхъ, подстрекаемые примѣромъ школъ миссій, даютъ имъ воспитаніе. На основаніи личнаго соприкосновенія съ тысячами туземцевъ въ теченіе своей оффиціальной службы, авторъ можетъ сказать, что только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ женщина способна подписать свое собственное имя, и когда это

съ громаднымъ трудомъ сдѣлано, оказывается, что это и все, что она въ состояніи писать. Съ другой стороны, однако, преобладающее большинство мущинъ на крайнемъ югѣ Китая, о городахъ уже нечего и говорить, въ состояніи подписать свое имя. Выражаясь въ общемъ, нужно сказать, что великое исключеніе, если женщина въ состояніи подписать свое имя, между тѣмъ какъ, наоборотъ, великое исключеніе если мужчина не въ состояніи сдѣлать это.

Весьма трудно опредѣлить количество людей, которые могутъ не только читать, но и въ состояніи понимать, что они читаютъ. Пропорція различна въ разныхъ частяхъ имперіи, и даже въ одной и той же части, она очень разнится для городовъ и деревень. Dr-Martin (въ Пекинѣ) опредѣляетъ ее, какъ 1:20. Обзоръ воспитанія въ Китаѣ былъ бы неполнымъ, если не упомянуть въ заключеніе о предвѣстникакъ лучшихъ дней. Школы и колледжи миссій можно найти въ различныхъ центрахъ, и они сдѣлали уже хорошее и цѣнное дѣло; есть также школы въ Гонконгѣ, подъ отеческимъ попеченіемъ британскаго колоніальнаго правительства; и что подаетъ еще большія надежды, такъ это то, что тамъ и здѣсь въ нѣсколькихъ важныхъ центрахъ имѣются, устроенныя при большемъ или меньшемъ содѣйствіи китайскаго правительства, школы, какъ напримѣръ, Тунъ-вэнь-гуань' и въ Пекинѣ и Кантонѣ, гдѣ въ совершенствѣ изучается англійскій языкъ, или же, далѣе, такія учрежденія, какъ морскіе и другіе колледжи, въ связи съ арсеналами, въ которыхъ дается техническое образованіе; и наконецъ, весьма знаменательный фактъ, заключающійся въ томъ, что на одномъ изъ провинціальныхъ экзаменовъ въ городѣ У-чанѣ отъ экзаменующихся потребовали, чтобы они сдѣлали сравненіе между древнимъ и современнымъ математическимъ методами, причемъ подъ первымъ разумѣлся туземный, подъ вторымъ же иностранный методъ. Другіе экзаменаціонные центры взялись за то же дѣло, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе указа, изданнаго около десяти лѣтъ тому назадъ, которымъ было приказано провинціальнымъ экзаменаторамъ «допускать кандидатовъ къ конкурсу по математикѣ на всѣхъ годичныхъ экзаменахъ на первую степень». Выдержавшіе экзаменъ съ успѣхомъ должны были подвергнуться въ Пекинѣ спеціальному экзамену по физикѣ, прикладной математикѣ, практической механикѣ, морской и военной тактикѣ, артиллерійскимъ наукамъ и минному дѣлу, или же вмѣсто этого по международному праву, политической исторіи и проч. «Послѣ удачно выдержаннаго испытанія они должны быть допущены въ Пекинѣ къ конкурсу на вторую степень, которая должна даваться въ

пропорціи 1:20, причемъ общій итогъ не долженъ превышать трехъ въ одинъ годъ. Тѣ, которые получили вторую степень, могутъ держать конкурсъ на третью». (См. статью объ *Экзаменахъ*). Нижеслѣдующее, пожалуй, будетъ интереснымъ, какъ примѣръ введенія новаго предмета въ стереотипные китайскіе экзамены:

«Въ лежащей въ западной части Шань-дуна области Дунъ-чанъ-фу въ 1892 году были предложены двѣ задачи на экзаменѣ на первую степень, сю-цай или студента, «по одной изъ которыхъ требовалось опредѣлить площадь поверхности шара въ восемнадцать дюймовъ въ діаметрѣ. Другая была болѣе сложнаго характера и приспособлена для претендентовъ на должности хлѣбныхъ комиссаровъ. Задача:—Если восемь тысячъ пикулей рису перевозятся за тринадцать сотыхъ таэля за пикуль и, если фрахтъ оплачивается рисомъ по расчету двухъ съ половиной таэлей за пикуль, то сколько рису потребуется на уплату фрахта? Говорятъ, что этотъ вопросъ былъ предложенъ не менѣе чѣмъ 10,000 студентовъ въ области Дунъ-чанъ-фу, и что только одинъ попытался дать отвѣтъ, за что экзаменаторъ ему далъ выговоръ, какъ невѣжественному претенденту. И все же, если бы кто-нибудь былъ въ состояніи дать вѣрный отвѣтъ, не дать котораго въ три минуты было бы стыдно для Западнаго мальчика десятилѣтняго возраста, то онъ, вѣроятно, считался бы выдержавшимъ весь экзаменъ. Результатомъ сего, какъ это часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, явилось значительное увеличеніе числа обращающихся къ иностранцамъ за формулой, которая давала бы возможность выводить правильные отвѣты. Нелѣпость предлагать задачи, съ свойствами которыхъ студенты не имѣли никакого случая познакомиться, должна быть очевидной, какъ для экзаменующихъ, такъ и для кандидатовъ. Но черезъ какіе-нибудь три года нѣкоторыя математическія книги, вѣроятно, будутъ внимательно изучены и не напрасно».

Другой, подающій надежды признакъ, это возобновленіе плана о командировкѣ студентовъ въ Западныя страны для продолженія своихъ занятій въ современныхъ центрахъ науки и мысли. Самъ юный императоръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ началъ изучать англійскій языкъ.

«Цзунъ-ли-я-мынь обнародовалъ (въ 1896 г.) словесный указъ императора провинціальнымъ властямъ, требовавшій, чтобы изученіе иностранной математики и разныхъ отраслей политехническихъ

наукъ было съ этого времени обязательнымъ во всѣхъ колледжахъ страны. Кандидаты на литературныхъ экзаменахъ должны будутъ знать, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ послѣднихъ предметовъ, между тѣмъ какъ математика должна будетъ быть постояннымъ предметомъ на этихъ конкурсахъ на ученыя степени».

Этотъ постепенный прогрессъ въ направленіи улучшенія этой удивительной системы экзаменовъ сопровождался указами императора о коренномъ измѣненіи, съ тѣмъ, однако, лишь результатомъ, что все снова было пріостановлено реакціонными мѣрами вдовствующей императрицы. Все это составляетъ предметъ описанія исторіи 1898 года.

Важнѣйшая литература:—«Han Lin Papers», соч. Martin.—См. также извлеченіе изъ статьи Rev. J. C Ferguson въ «Hongkong Daily Press», 7th Jan. 1892. Большинство сочиненій о Китаѣ содержитъ также болѣе или менѣе полные отчеты объ экзаменаціонной системѣ Китая.

П. Меньшиковъ.

Время. Время—но что за представленіе у китайца о времени? Время не входитъ въ составъ его обычныхъ представленій о днѣ или, во всякомъ случаѣ, идея его такъ неопредѣленна, что его представленіе о немъ кажется самымъ элементарнымъ. Въ открытыхъ портахъ и въ ихъ сосѣдствѣ, а также и въ Гонконгѣ и Макао, имѣются стѣнные часы во всякой лавкѣ и сколько угодно карманныхъ, но во многихъ мѣстахъ не имѣется никакого мѣрила точнаго времени, и въ такихъ, гдѣ оно имѣется, на него не обращаютъ никакого вниманія. Жизнь не представляетъ собою такого сумасшедшаго метанія, какъ у насъ, съ нашей лихорадочной погоней за богатствомъ, обезпеченіемъ или знаніями. Вы назначаете время для наема китайца, но онъ приходитъ на полчаса, или даже на 2—3 часа позже, иногда и на нѣсколько дней послѣ назначеннаго дня, не имѣя ни малѣйшаго понятія о томъ, что онъ сдѣлалъ нѣчто несообразное. Вы нанимаете кули, или извощика, или же лодку; и то, что каждый изъ нанятыхъ вами рабочихъ кладетъ въ основаніе при опредѣленіи платы, окажется скорѣе пройденнымъ разстояніемъ, чѣмъ временемъ, издержаннымъ на него, и по сравненію съ своими собратьями на Западѣ онъ терпѣливо ожидаетъ вашего возвращенія, а тѣ минуты и часы, которые за этимъ проходятъ, для него почти ничего не составляютъ. Это же пренебреженіе временемъ видно и на языкѣ, въ которомъ неопредѣленность занимаетъ мѣсто нашей точности. Когда кто-нибудь говоритъ «завтра», то это еще не значитъ, что онъ дѣйствительно имѣетъ въ виду слѣдующій день, а не какое-нибудь неопредѣленное время въ

будущемъ, которое иногда никогда не настаетъ, подобно знаменитому «завтра» Св. Патрика. Помянутый святой, уничтожая змѣй въ Ирландіи, положилъ послѣднюю змѣю въ ящикъ и бросилъ его на дно озера, обѣщавъ выпустить змѣю «завтра»; съ наступленіемъ каждаго новаго дня змѣя просила его выпустить ее, на святой всегда отвѣчалъ, что это «сегодня», а не «завтра».

Въ счисленіи времени китайцы держатся двухъ методовъ. Одинъ изъ нихъ циклъ 60-ти лѣтъ (см. статью о *Циклѣ*); но этотъ способъ счисленія неясенъ, такъ какъ, если нѣтъ прямой оговорки, нельзя напримѣръ, знать, переписана или напечатана данная книга какія-нибудь двадцать или два года тому назадъ, или же восемьдесятъ и больше лѣтъ тому назадъ. Другой болѣе лучшій методъ и при томъ одинъ изъ самыхъ употребительныхъ, принятый въ незначительной степени и у насъ, а именно въ Высочайшихъ манифестахъ, въ Англіи же въ заголовкахъ актовъ парламента, состоитъ въ употребленіи годовъ даннаго царствованія. У китайцевъ, однако, не употребляется имя императора, потомучто оно слишкомъ свято, для того чтобы его можно было такъ унизить, но какая-нибудь высокопарная комбинація словъ, обозначающая все царствованіе императора или только часть его, какъ это часто встрѣчалось въ древней исторіи Китая, когда названіе царствованія мѣнялось по нѣскольку разъ въ продолженіе жизни одного монарха. Для настоящаго обладателя престола были избраны, какъ названіе годовъ царствованія, слова «гуанъ-сюй», которыя можно передать по русски выраженіемъ «блестящее наслѣдіе». Такимъ образомъ 1899 годъ по Р. Х., который мы считаемъ съ величайшаго событія, свидѣтелемъ котораго когда-либо была земля, извѣстенъ китайцамъ, какъ части годовъ У-сюй и Цзи-хай, по циклу, и какъ части 24-го и 25-го годовъ періода «Блестящаго Наслѣдія». Китайскій годъ—лунный, «но начало его регулируется по солнцу». Для тѣхъ, у которыхъ есть астрономическія наклонности, пожалуй, интересно будетъ узнать, что «Новый годъ приходится на первую новую луну послѣ вступленія солнца въ созвѣздіе «водолея», благодаря чему онъ не наступаетъ раньше $^{8}/_{21}$ января и не позже $^{6}/_{19}$ февраля». Въ 1899 году новый годъ былъ 10 февраля н. ст. Такимъ образомъ китайскій годъ отличается отъ магометанскаго, у котораго новый годъ бываетъ то лѣтомъ, то зимой. Китайскіе праздники почти такъ же опредѣленны, какъ наши передвижные европейскіе, такъ какъ путемъ вставленія приблизительно черезъ каждые три года високоснаго мѣсяца разница во времени кое-какъ исправляется; этотъ

экстренный мѣсяцъ является, однако, не 13-мъ и не прибавляется къ концу года, а вставляется въ разные года въ различныя мѣста и носитъ имя того мѣсяца, за которымъ онъ непосредственно слѣдуетъ. Такъ напримѣръ, въ одномъ году онъ можетъ быть вторымъ високоснымъ мѣсяцемъ, въ другомъ же случаѣ, седьмымъ высокоснымъ и т. д. Квакеры не были бы въ Китаѣ исключительнымъ народомъ, насколько дѣло касается ихъ номенклатуры времени, такъ какъ вмѣсто того, чтобы мѣсяцы (въ обиходной рѣчи) имѣли свои названія, какъ у насъ, стоящихъ на Западѣ внѣ ограды квакеризма, китайцы знаютъ ихъ подъ названіемъ перваго, второго, третьяго и т. д. Тѣсная связь между мѣсяцемъ и луною въ китайскомъ языкѣ болѣе замѣтна, чѣмъ у насъ, такъ какъ то же самое слово служитъ для обозначенія обоихъ. Далѣе, неопредѣленность китайскаго взгляда на время видна еще на примѣрѣ дней; хотя они и извѣстный какъ первый, второй и т. д., но они кромѣ того еще дѣлятся на три декады, примѣнительно къ ихъ положенію въ мѣсяцѣ, такъ что китаецъ можетъ говорить объ извѣстномъ дѣлѣ, что оно произошло въ первой, второй или третьей декадѣ, смотря по случаю, и тѣмъ обрадовать свою ненавидящую точность натуру просторнымъ пространствомъ времени въ десять дней.

У китайцевъ нѣтъ недѣли въ нашемъ смыслѣ слова, но многіе изъ нихъ узнали, что такое недѣля, и имѣютъ термины для выраженія ея и ея дней, и это хорошо извѣстно во всѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ иностранцы часто бывали или путешествовали.

Китайскій часъ вдвое длиннѣе нашего, но опять-таки по сосѣдству договорныхъ портовъ, гдѣ распространены часы, широко пользуются болѣе удобной иностранной системой, какъ это доказывается циферблатами этихъ важныхъ и полезныхъ горологическихъ инструментовъ. Пользованіе ими, какъ кажется, увеличивается съ каждымъ годомъ. Мимоходомъ мы можемъ замѣтить, что именно такимъ образомъ достигается въ Китаѣ извѣстный прогрессъ, путемъ усвоенія какого-нибудь иностраннаго изобрѣтенія, которое постепенно распространяется, переходя изъ сферы иностраннаго вліянія или перваго мѣста своего появленія далѣе въ глубь страны. Нѣтъ быстраго, всецѣлаго удаленія прежнихъ предметовъ и ввоза новыхъ идей оптомъ, какъ это часто случалось въ Японіи, гдѣ вслѣдъ за тѣмъ часто являлось отвращеніе или же принятіе чего-нибудь иного и пренебреженіе къ прежнимъ изобрѣтеніямъ, принятымъ на скорую руку. Прогрессъ Китая, хотя и болѣе медленный, но за то болѣе основательный и во всякомъ случаѣ, въ концѣ концовъ, далеко не изъ ненадежныхъ.

Китайская сторожба, подобно западной ночной вахтѣ, продолжается только два часа. Первая сторожба продолжается отъ 7 до 9 часовъ вечера и оповѣщается однимъ ударомъ въ барабанъ таможеннаго судна или однимъ звукомъ изъ бамбуковой дудки ночного сторожа; вторая сторожба продолжается отъ 9 до 11 часовъ вечера и оповѣщается двумя ударами и т. д.; третья, четвертая и пятая сторожбы такой же длины и указываются подобнымъ же образомъ. Каждая изъ этихъ сторожбъ раздѣлена на пять болѣе мелкихъ подраздѣленій, которыя различаются на таможенныхъ судахъ ударами, отъ одного до пяти, въ маленькій гонгъ, причемъ удары въ гонгъ немедленно слѣдуютъ за ударами въ барабанъ. Въ началѣ и концѣ сторожбы, какъ на водѣ, такъ и на сушѣ, бьютъ зорю на барабанѣ или на бамбукѣ, начиная медленными и рѣдкими ударами и постепенно учащая ихъ, пока, въ концѣ концовъ, не получится настоящій грохотъ; это повторяется нѣсколько разъ.

Идіоматическія фразы, которыя можно слышать изъ устъ простого народа для обозначенія краткихъ періодовъ времени, поражаютъ своей древностью. Вотъ нѣсколько примѣровъ такихъ фразъ:

Время потребное, чтобы выпить чашку чаю.
Время потребное, чтобы выпить чашку горячаго чаю.
Время потребное, чтобы съѣсть обѣдъ.
Время потребное, чтобы съѣсть чашку рису.
Время потребное, чтобы выкурить папироску.
Время потребное, чтобы сгорѣла курительная свѣчка.

В. Михайловъ.

Вышивки. Китайцы славятся своимъ искусствомъ вышиванія. Какъ мущины, такъ и женщины заняты производствомъ многочисленныхъ предметовъ для домашняго употребленія, равно какъ и для вывоза. Оффиціальное платье для мандариновъ и ихъ женъ; юбки для дамъ; кошельки для богатыхъ и бѣдныхъ; башмаки для мущинъ и женщинъ, съ естественными ногами, какъ и для женщинъ, ступающихъ на «золотыхъ лиліяхъ»—изуродованныхъ бинтованіемъ ногахъ, которыя только несовершенно исполняютъ свое назначеніе взамѣнъ ногъ естественнаго развитія; шапки для мущинъ и мальчиковъ; принадлежности наряда, какъ-то футляры для очковъ и многочисленные другіе предметы,—всѣ украшаются и отдѣлываются вышивками. Знамена, покрывала для алтарей, пышныя мантіи, надѣваемые на оборванцевъ во всякаго рода процессіяхъ,—всѣ они богаты вышивками.

«Существуетъ много стилей, при которыхъ употребляются шнурки или шелкъ, и которые безконечно разнообразны по качеству, рисунку и красотѣ работы». «Сюжеты» принадлежатъ къ обычному стилю произведеній китайскаго искусства: неуклюжія летучія мыши, длинные извивающіеся драконы, великолѣпные фениксы, геометрическія фигуры, символы геніевъ, плоды, цвѣты и бабочки, все это соединяется вмѣстѣ въ великолѣпнѣйшемъ сліяніи богатѣйшихъ красокъ, или же размѣщается въ болѣе разбросанномъ великолѣпіи на яркомъ фонѣ, сине-голубомъ или изумрудно-зеленомъ или же многочисленныхъ другихъ оттѣнковъ, въ которые пышный востокъ любитъ облачаться. Однако, нужно замѣтить, что, благодаря введенію анилиновыхъ красокъ, въ современномъ шитьѣ изящный видъ утраченъ въ значительной степени, а гармонія его колорита почти совершенно не существуетъ.

Дѣвочки обучаются вышиванію, какъ предмету изящнаго образованія и какъ необходимой обязанности, такъ какъ онѣ дѣлаютъ сами свои крошечные башмачки, а не покупаютъ ихъ готовыми въ лавкахъ, между тѣмъ какъ не одна женщина, сидя на узкой улицѣ у дверей своего скромнаго жилища, увеличиваетъ скромныя средства своей семьи своею ловкостью въ изящной работѣ этого рода. Разнощики ходятъ по улицамъ, вертя маленькою трещеткою, и изъ товаровъ этихъ странствующихъ торговцевъ пополняется обыкновенно домашній запасъ шелка для вышиванія. Самыя нѣжныя тѣни тончайшаго сырцоваго шелка, представляющія собою всю гамму роскошнѣйшихъ красокъ, выставлены въ многочисленныхъ маленькихъ выдвижныхъ ящичкахъ этихъ странствующихъ купцовъ, и въ то же время имѣются къ услугамъ также золотыя и серебряныя нити, которыя вносятся въ шитье для усиленія его красоты.

Множество людей занято производствомъ для вывоза шалей, скатертей и экрановъ. Послѣдніе покрыты «разноцвѣтнымъ шитьемъ съ обѣихъ сторонъ», такъ какъ они во время работы ставятся стоймя между двумя трудящимися надъ ихъ производствомъ рабочими, причемъ игла продѣвается чрезъ нихъ попеременно отъ одного человѣка къ другому, благодаря чему одинъ и тотъ же узоръ и появляется какъ спереди, такъ и сзади. Время не играетъ никакой роли, когда желаютъ достигнуть извѣстнаго эффекта и красоты, между тѣмъ какъ терпѣніе и настойчивость являются тѣми двумя главными факторами, которыми китайцы безгранично пользуются во всѣхъ своихъ промысловыхъ искусствахъ, и которые также не отсутствуютъ и при производствѣ вышивокъ. Говорятъ, что на футлярѣ для очковъ въ шесть дюймовъ длины и два ширины

иногда бываетъ не менѣе 20,000 стежковъ; театральные же костюмы, одежда мандариновъ и платье для дамъ, пожалуй, требуютъ для окончательной своей отдѣлки безпрерывной работы десяти или двѣнадцати женщинъ въ теченіе четырехъ или пяти лѣтъ. Если принять во вниманіе эти обстоятельства, то сразу станетъ ясно, что мода не можетъ измѣняться изъ года въ годъ. «Драпри для стѣнъ такой работы очень дороги. Въ Кантонѣ, гдѣ она доведена до высшаго развитія, они часто доставляли по нѣсколько тысячъ долларовъ. Такая необыкновенно изящная работа, однако, рѣдка. Обыкновенные покупатели требуютъ товара, настоящихъ картинъ, за цѣну не свыше 100 долларовъ за каждую, и предложеніе естественно сообразуется съ спросомъ».

Большія количества старыхъ вышивокъ можно встрѣтить въ ломбардахъ китайскихъ городовъ; и одежда, которую тамъ можно увидѣть, не вся новѣйшаго покроя,—по временамъ встрѣчаются прекрасные образцы стиля, вышедшаго изъ моды или торговаго оборота. Многія иностранныя дамы, которыя не прикоснулись бы къ одеждѣ китайцевъ, тѣмъ не менѣе покупаютъ это старое и загрязненное платье, разные предметы одѣянія, ношеннаго цѣлыми поколѣніями китайцевъ, и употребляютъ вышитые лоскутки на украшеніе подушекъ въ спинкахъ креселъ и пр. Послѣднія, пожалуй, покажутся дешевыми,—безобразны онѣ во всякомъ случаѣ, но все же въ этомъ отнюдь не подходящемъ для этой цѣли климатѣ держится обычай драпировать мебель и обивать стѣны гостиныхъ эквивалентами того, что у насъ засаленный старьевщикъ уноситъ въ мѣшкѣ. На сколько осмысленнѣе было бы, если бы дамы разыскивали образчики искусства, сдѣланныя много лѣтъ тому назадъ ради искусства, какъ напримѣръ, тѣ два, которые глубоко запечатлѣлись въ памяти автора, какъ самые превосходные въ своемъ родѣ. Оба они были круглые и имѣли около одного фута въ діаметрѣ. Одинъ изъ нихъ представлялъ бѣлаго орла, сидящаго на грубой сосновой вѣткѣ, а съ боку была написана строфа прекрасныхъ іероглифовъ, расположенныхъ столбцемъ, и такъ изящно они были сдѣланы, что почти невозможно было замѣтить, что они не были написаны кистью и самой превосходной тушью. Каждое перо птицы было отдѣлано до послѣднихъ мелочей, каждая игла сосны представлена въ натуральныхъ тѣняхъ. Другой изъ нихъ, пожалуй, еще болѣе интересный, изображалъ фигуру танцовщицы, съ развѣвающимися одеждой и лентами, между тѣмъ какъ всевозможные цвѣты покрывали землю,—настоящее чудо изящества работы и утонченнаго сочетанія красокъ. Но увы! черты лица этой нимфы или богини, какъ то не рѣдко бываетъ, были написаны на атласномъ фонѣ, и рисунокъ

художника не согласовался съ вышивкою. Лицо составляло почти одну пятую часть всей фигуры и было очень некрасиво, съ носомъ (отвратительно даже сказать) невозможныхъ въ дѣйствительности и отвратительныхъ въ искусствѣ размѣровъ; во всѣхъ же остальныхъ отношеніяхъ работа эта была шедевромъ.

«Вышивки, какъ древнія, такъ и новѣйшія, всегда въ большомъ спросѣ у восточныхъ народовъ; первыя стоятъ только гораздо дороже. Многіе искусные ремесленники пользуются этимъ обстоятельствомъ и путемъ точнаго подражанія краскамъ, поблекшимъ отъ времени, а также и путемъ секретной химической обработки приготовляютъ вышивки, которыя кажутся полинявшими отъ времени. Такія поддѣлки не легко отличить. Даже когда онѣ обнаружены, и тогда разоблаченіе все же оказывается въ пользу торговца, а не коллекціонера. Античная поддѣлка этого рода была недавно продана въ Гонгконгѣ за 500 долларовъ, а за нее торговецъ двѣ недѣли передъ тѣмъ заплатилъ мастеру 15 долларовъ. Фактъ, что современныя вышивки въ Китаѣ такъ же хороши, какъ и древнія, такъ что безсмысленно платить за какой-нибудь рисунокъ въ десять разъ дороже, чѣмъ слѣдовало бы за другой, равный по достоинству и красотѣ. Это особенно справедливо по отношенію къ тѣмъ прекраснымъ вышивкамъ, которыя помѣщаются въ гостиной такого дома, гдѣ употребляють уголь и газъ... Такъ губительны газы, получающіеся при горѣніи, какъ угля, такъ и свѣтильнаго газа, что единственное вѣрное средство—вставлять вышивки подъ зеркальными стеклами въ непроницаемыхъ для воздуха рамкахъ. Такъ защищенныя, онѣ сохранятъ свой первоначальный блескъ безъ измѣненія, между тѣмъ какъ выставляемыя открыто, онѣ становятся темными и грязными уже чрезъ нѣсколько лѣтъ».

Употребляются различныя стежки. Въ одномъ случаѣ получается прекрасный усиленный эффектъ путемъ обматыванія нитки вокругъ иглы, послѣ чего только дѣлается стежокъ. Никто, насколько намъ извѣстно, спеціально не изучалъ этого предмета, и хотя мы и старались разузнать что-нибудь относительно стежковъ у интересующихся китайскими вышивками, но мы должны признаться, что мы еще не проникли въ сокровенныя тайны этого искусства и должны волей-не-волей довольствоваться тѣмъ, что стоимъ только у порога и любуемся искусствомъ китайцевъ производить такія чудныя сочетанія красокъ.

П. Меньшиковъ.

Вѣера. Едва ли есть на свѣтѣ еще какая-нибудь другая нацiя, которая употребляла бы такую массу вѣеровъ: у насъ вѣера обыкновенно употребляются только прекраснымъ поломъ, и считалось бы изнѣженностью или, во всякомъ случаѣ, страннымъ, если бъ мущина забавлялся ими. У китайцевъ, однако, вѣера употребляются безразлично, какъ мущинами, такъ и женщинами, причемъ вѣерами извѣстной, особенной конструкцiи или формы пользуются одни только мущины. Вѣера приготовляются изъ всевозможныхъ матерiаловъ; пальмовыя листья, которые самой природой уже какъ бы предназначены служить образчикомъ и намекомъ, являются самымъ обычнымъ матерiаломъ; употребляется также шелкъ, бумага, бамбукъ, перья и другiя вещи. Пальмовыя листья самой крупной величины, дiаметромъ почти въ одинъ ярдъ, кругообразной формы, обшиваются изящнымъ ободкомъ, между тѣмъ какъ стебель служитъ естественной ручкой. Такiе гигантскiе вѣера даются невольницамъ и другимъ домашнимъ прислужницамъ для исполненiя той обязанности, противъ которой такъ сильно возсталъ поэтъ въ знаменитыхъ своихъ стихахъ:

«I would not have a slave to till my ground,
«To carry me, to fan me while I sleep,
«And tremble when I wake, for all the wealth
«That sinews bought and sold have ever earned».*)

Меньшiй форматъ того же размѣра, который въ большомъ количествѣ вывозится въ Америку,—извѣстный пальмовой вѣеръ,—употребляется нисшимъ классомъ. Весьма любопытный фактъ представляетъ собою многостороннее употребленiе его въ Китаѣ: онъ вмѣсто мѣховъ употребляется для раздуванiя огня въ глиняныхъ очагахъ, каковой огонь поддерживается дровами или углемъ; старыя ободранныя швеи прикалываютъ его къ верхушкѣ своей прически взамѣнъ шляпы; имъ также пользуются для защиты отъ солнца, наравнѣ съ другими вѣерами, онѣ употребляются какъ махалки, чтобы смести пыль съ сидѣнiя, или чтобы охладить кресло, прежде чѣмъ предложить его посѣтителю; чтобы выгнать москитовъ изъ-внутри сѣтки; для усыпленiя неспокойнаго младенца; для охлажденiя пищи ребенка, и еще для многихъ другихъ различныхъ цѣлей.

Существуетъ большое разнообразiе вѣеровъ, и слѣдующая классификацiи обнимаетъ многiе изъ нихъ, хотя и не всѣ. Различаются вѣера:

---

*) Я не желалъ бы имѣть раба, чтобы обрабатывать мою землю, чтобы носить меня, чтобы обмахивать меня, когда я сплю, и трепетать, когда я не сплю,—ни за все богатство, которое когда-либо прiобрѣли купленныя и проданныя жилы.

перьевые, складные и абажурные; и послѣдніе имѣются различныхъ видовъ, какъ то, «круглые, осьмиугольные, шестиугольные и многоугольные». Молодые китайцы, щеголяющіе своими изящными шелковыми или атласными костюмами, обыкновенно носятъ, въ подходящія времена года, въ своей рукѣ одинъ какой-нибудь изъ указанныхъ вѣеровъ, подаренный имъ, быть можетъ, какимъ-нибудь другомъ съ артистической или литературной стрункой, украсившимъ его какимъ-нибудь пэйзажемъ черной краской на бѣломъ фонѣ, вмѣстѣ съ нѣсколькими строчками собственнаго письма въ прозѣ или стихахъ, или же однѣми только послѣдними. Для примѣра мы здѣсь приводимъ такую надпись, сдѣланную на одномъ изъ вѣеровъ, подаренныхъ одному европейцу. Она не только дастъ понятіе о томъ, въ чомъ заключаются подобныя надписи, но и показываетъ, что такое представляетъ собою письмо изысканной китайской вѣжливости. Единственныя отступленія отъ оригинала заключаются въ измѣненіи собственныхъ именъ. Вотъ эта надпись:

«Замѣчательное Ваше посѣщеніе, которымъ Вы меня удостоили нѣсколько времени тому назадъ, наполнило мою скромную хижину блескомъ славы. Мнѣ думается, что Вы добродѣтельный мужъ, цѣлью котораго является облагодѣтельствованіе міра своимъ добрымъ сердцемъ, которое готово поспѣшить на помощь всѣмъ опечаленнымъ, съ которыми оно встрѣчается. Благодаря тому, что стремленія его именно таковы, многіе бѣдные страдальцы имъ были освобождены отъ хроническихъ своихъ болей и удостоены немедленнаго избавленія отъ великихъ затрудненій. Въ какой большой нуждѣ находится этотъ классъ людей! И далѣе, наша неожиданная встрѣча сдѣлала насъ задушевными друзьями. Рѣдко бываетъ, чтобы такой человѣкъ, какъ я, покинутый всѣмъ свѣтомъ, могъ найти такого вѣрнаго друга, какъ Вы. Для меня было большимъ утѣшеніемъ, когда я услышалъ о Вашемъ назначеніи на должность Главнаго Врача. Вашъ успѣхъ является результатомъ Вашихъ неустанныхъ добрыхъ дѣяній, всегда умножающихъ благословеніе Неба: глазъ Неба ясно видитъ Ваши человѣколюбивые поступки. Хотя я недостоинъ Вашей дружбы, тѣмъ не менѣе я искренно надѣюсь, что Вы не забудете меня, когда Вы отправитесь къ мѣсту Вашего новаго назначенія. Присылайте мнѣ совѣты и указанія, чтобы я могъ исправить свои недостатки. Истинная привязанность къ Вамъ не позволяетъ мнѣ забыть Васъ или перестать о Васъ думать. Моя настойчивая мольба заключается въ томъ, чтобы на-

стало еще разъ время для нашей встрѣчи въ будущемъ и обновленія нашего знакомства.

16-й годъ правленія Гуанъ-сюй, 9-ая луна, осенью. Написано въ крѣпости Цинъ-минъ-дай-тай, въ провинціи Гуанъ-дунъ. Доктору Чжунъ-лэй. Писалъ Чжоу-яо, онъ-же Ши-бинъ».

Шелкъ, изъ котораго приготовляются нѣкоторые вѣера, дѣйствительно вытканъ шелковичными червями на бамбуковой рамкѣ, окружающей вѣеръ. Это можетъ показаться невѣроятнымъ, но авторъ имѣетъ маленькій шелковый кружекъ, въ нѣсколько дюймовъ въ діаметрѣ, который былъ вытканъ на крышечкѣ жестяной коробочки и подаренъ автору однимъ изъ его друзей, въ домѣ котораго онъ дѣйствительно былъ произведенъ. Поэтому не требуется никакой особенной довѣрчивости, чтобы повѣрить, что и вѣеръ, отличающійся нѣсколько болѣе крупными размѣрами, могъ бы быть приготовленъ точно такимъ же образомъ. Складные вѣера распространены повсемѣстно во всемъ Китаѣ, начиная съ самыхъ дешевыхъ сортовъ, сдѣланныхъ изъ грубыхъ бамбуковыхъ расщепъ и черной бумаги съ блестками золота, и вплоть до болѣе дорогихъ; однако, тѣ роскошные складные вѣера, которые отсылаются въ Европу, Америку, не употребляются самими китайцами и приготовляются лишь въ угоду вкусу иностранныхъ варваровъ. Въ Китаѣ можно купить простые бѣлые вѣера съ изображеніемъ на нихъ плана города; китайскій картографъ, однако, подогналъ на нихъ свой планъ къ формѣ вѣера. Многіе изъ перьевыхъ вѣеровъ имѣютъ форму лиры, съ бѣлой ручкой изъ простой или слоновой кости и съ восемью, десятью или цѣлой дюжиной длинныхъ, расположенныхъ по порядку, перьевъ. Такіе вѣера отвѣчаютъ потребностямъ разборчивыхъ мущинъ. Женщины предпочитаютъ вѣера, въ которыхъ собрано, быть можетъ, штукъ двадцать перьевъ, и ширина которыхъ, въ противоположность къ длинной и узкой формѣ мужскихъ вѣеровъ, больше длины. Въ Амоѣ авторъ пріобрѣлъ любопытный вѣеръ, привезенный съ Формозы и состоящій изъ одного волокнистаго, по формѣ напоминающаго форму лиры, листа,въ которомъ въ видѣ украшенія были выжжены горячимъ желѣзомъ нѣсколько листьевъ или вѣтокъ. Сватоускій вѣеръ представляетъ собою другой хорошо извѣстный видъ вѣеровъ: бамбуковая трубочка толщиною въ мизинецъ, служитъ ручкой для того, чтобы получить рамку; бамбукъ, повыше ручки, расщепленъ на тончайшія расщепы, на которыя наклеивается образующая поверхность его бумага, съ изображеніемъ на ней нѣсколькихъ или только двухъ изящныхъ фигурокъ, какой-нибудь птицы или какой-нибудь сцены изъ

китайской исторіи или миѳологіи; верхушка его слегка разогнута. Это— одинъ изъ лучшихъ сортовъ для употребленія.

Потѣшно наблюдать, съ какой интенсивностью китайцы себя обмахиваютъ: не довольствуясь лѣнивымъ обмахиваніемъ своего лица и груди, они засовываютъ свои вѣера еще подъ куртки, какъ впереди, такъ и сзади, и употребляютъ ихъ тамъ, пока не получается желанная прохлада, послѣ чего одинаковая доля вниманія удаляется еще и рукамъ и ногамъ.

Вѣера обыкновенно носятся въ рукахъ, но другое подходящее мѣсто для складнаго вѣера на затылкѣ; иногда же торговцы затыкаютъ его въ верхнюю часть чулка. Степеннымъ китайцамъ вѣеръ замѣняетъ трость, такъ какъ благодаря ему руки ихъ заняты и они, въ возбужденномъ состояніи, могутъ имъ размахивать и жестикулировать. Учителя всегда имѣютъ подъ рукой вѣеръ для того, чтобы дать имъ щелчекъ по головѣ учениковъ, или чтобы привлечь вниманіе ихъ, слегка ударяя имъ по столику. Публичнымъ ораторомъ вѣеръ употребляется для придачи особой силы и выраженія своимъ словамъ; когда ему удалось увлечь съ собою своихъ слушателей, и горячая рѣчь его достигла своей цѣли, такъ что болѣе холодная форма и болѣе спокойный образъ являются болѣе желательными для слѣдующей части рѣчи, тогда онъ раскрываетъ сложенныя ребра вѣера и низводитъ при помощи нѣсколькихъ медленныхъ движеній свою горячность на желанную ступень спокойствія. Вѣеръ придаетъ грацію безукоризненно одѣтой jeunesse dorée; вѣеромъ служанка защищаетъ молодую невѣсту отъ любытныхъ взоровъ толпы; чернорабочій въ моменты отдыха охлаждаетъ себя вѣеромъ послѣ утомительнаго труда, а задыхающагося отъ жары, полуголаго кузнеца передъ пылающимъ горномъ обмахиваетъ вѣеромъ его ученикъ; свита мандарина, везетъ съ собою громадную деревянную иммитацію абажурнаго вѣера, весьма полезную при встрѣчахъ съ другими мандаринами, когда бываетъ некогда тратить по дорогѣ время на привѣтствіе: прислужники выставляютъ эти деревянныя вѣера между чиновниками, такъ что они не видятъ другъ друга, благодаря чему избѣгается необходимость остановить процессіи и сойти для привѣтствія съ паланкиновъ.

Складные вѣера могутъ быть употребляемы во всякое время года; но нѣкоторыми изъ другихъ сортовъ вѣеровъ можно пользоваться только въ извѣстныя времена года. Такъ напримѣръ, вѣера изъ пальмовыхъ листьевъ, а также и вѣера изъ гусиныхъ перьевъ, предназначаются для лѣтняго употребленія; когда же погода не очень холодная и не очень жаркая,

какъ напримѣръ, осенью, а также и въ концѣ весны, тогда по преимуществу можно видѣть круглые шелковые вѣера. Зимѣ не отведены никакіе спеціальные вѣера, по той простой причинѣ, что въ холодную погоду въ вѣерахъ обыкновенно не ощущается никакой надобности.

Вѣера употребляются въ декоративномъ искусствѣ; сквозная работа стѣнъ имѣетъ форму вѣеровъ; бумага для вѣеровъ раскрашивается красками, наклеивается и вставляется въ рамки. Даже боги и геніи изображаются иногда съ этими необходимыми принадлежностями жаркаго климата, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ способны на всякаго рода волшебства.

По извѣстному описательному обороту, постоянно употребляемому китайцами, покинутая жена извѣстна подъ названіемъ «осенняго вѣера». Выраженіе ведетъ свое начало отъ надписи, сдѣланной на вѣерѣ и посланной царственному ея повелителю одной придворной дамой, оказавшейся въ такомъ незавидномъ положеніи двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ. Трогательные стихи этого достопамятнаго вѣера переведены Dr. Martin'омъ на англійскій языкъ слѣдующимъ образомъ:

LINES INSCRIBED ON A FAN.*)

(Written by Pan Tsieh Yu, a lady of the Court, and presented to the Emperor Cheng-ti of the Han Dynasty, B. C. 18).

Of fresh new silk, all snowy white,
And round as harvest moon,
A pledge of purity and love,
A small, but welcome boon—

While summer lasts, borne in the hand,
Or folded on the breast,
'Twill gently soothe thy burning brow,
And charm thee to thy rest.

But ah! when autumn frosts descend,
And autumn winds blow cold,
No longer sought, no longer loved,
'Twill lie in dust and mould.

---

*) Надпись въ стихахъ на вѣерѣ. (Написана придворной дамой Бань Цзѣ-юй и приподнесена императору Ханьской династіи, Чэнъ-ди, въ 18 году до Р. X.).

Изъ свѣжаго новаго шелка, весь снѣжной бѣлизны, и круглый, какъ жатвенная луна, залогъ чистоты и любви, маленькій, но пріятный подарокъ,—

Пока лѣто длится, носимый въ рукѣ или складываемый на груди, онъ нѣжно усладитъ твой горячій лобъ и очаруетъ тебя на твой покой.

Но увы! когда спускаются осенніе морозы и холодно дуютъ осенніе вѣтра, не искомый больше, не любимый больше, онъ будетъ лежать въ пыли и плѣсени.

Этотъ шелковый вѣеръ,—благоволи же принять, злополучную эмблему моей доли, обласканной и лелѣянной одинъ часъ, потомъ быстро забытой.

This silken fan, then deign accept,
Sad emblem of my lot,
Caressed and cherished for an hour,
Then speedily forgot.

Важнѣйшая литература:—«On Chin se Fans», статья, появившаяся первоначально въ «Frasers Magazine, а затѣмъ еще въ «Historic China and other Sketches», соч. H. A. Giles, стр. 294.—Забавная насмѣшка надъ вѣтренностью прекраснаго пола и надъ бракомъ помѣщена въ «China and the Chinese», соч. Davis, т. 2, стр. 119 и слѣд., гдѣ разсказывается исторія вдовы, обмахивающей вѣеромъ могилу своего покойнаго мужа.

Н. Кибардинъ.

Газеты и журналы. Въ нѣкоторыхъ договорныхъ портахъ Китая имѣются иностраныя газеты. Въ Шанхаѣ выходятъ три ежедневныхъ газеты на англійскомъ языкѣ: по утрамъ «The North China Daily News» и по вечерамъ «Shanghai Mercury»; кромѣ того еще« China Gazette». Тамъ же выходятъ еще три еженедѣльныхъ изданія: «The North China Herald», «The Celestial Empire» и «The Temperance Union». Въ Чифу издается «Chefoo Express». Въ Амоѣ печается маленькій портовый листокъ подъ названіемъ «The Amoy Gazette» и имѣется еженедѣльное изданіе «The Amoy Times and Shipping Gazette». Въ Фу-чжоу издается «The Foochow Echo», единственная газета, которой можетъ похвастаться этотъ городъ. Въ Гонконгѣ имѣются три ежедневныхъ изданія: одно утреннее «The Hongkong Daily Press» и два вечернихъ «The China Mail» и «The Hongkong Telegraph»; тамъ же имѣется одно еженедѣльное изданіе «The Overland China Mail». И тамъ же имѣется еще «The Hongkong Weekly Press». Подписчиками всѣхъ этихъ газетъ, главнымъ образомъ, состоятъ иностранцы, но среди нихъ встрѣчается и нѣсколько китайцевъ, знающихъ англійскій языкъ.

Въ Макао и Гонконгѣ издается нѣсколько португальскихъ газетъ, одна изъ которыхъ печатаетъ часть своего содержанія и на англійскомъ языкѣ.

Изъ періодическихъ изданій на англійскомъ языкѣ издается въ Гонконгѣ «China Review» и въ Шанхаѣ «The Chinese Recorder and Missionary Journal», разъ въ мѣсяцъ, и «Woman's Work in the Far East», выходящее по полугодіямъ (см. статью о *Сочиненіяхъ о Китаѣ*). Кромѣ перечисленныхъ имѣются еще два или три журнала, издающихся различными обществами, и «The China Medical Missionary Journal», выходящій четыре раза въ годъ.

Изданіе перваго европейскаго журнала въ Китаѣ «The Canton Register» относится къ 1827 году.

Что касается газетъ на китайскомъ языкѣ*), многія изъ которыхъ представляютъ собою коммерческія предпріятія, то въ Шанхаѣ имѣются «Shun Pao», и «Hu Pao», продающіяся по 10 и 8 чоховъ каждая; онѣ пользуются широкимъ распространеніемъ, какъ и газеты «Sin Wan Pao», «Su Pao» и «Ku Chi Yi Wan Hu Pao». Имѣется также газета для женщинъ: «Nu Hsiao Pao». Далѣе имѣется ежемѣсячный иллюстрированный журланъ: «The Wan Kwo Kung Pao» и ежемѣсячный журналъ «The Chung Si Chao Hui Pao». Журналъ «The Shin Chang Hwa Pao» выходитъ два раза въ мѣсяцъ. Помимо перечисленныхъ имѣется еще два ежемѣсячныхъ журнала «Hwa T'u Sin Pao» и иллюстрированный «Yut Pao». Въ Гонконгѣ выходятъ пять ежедневныхъ газетъ: «The Chung Ngoi San Pò», издающаяся редакціей «Daily Press»; «The Wa Tsz Yat Pò», издающаяся редакціей «China Mail», и, наконецъ, «The Ts'un Wán Yat Pò», «The Wai San Yat Pò», и «The Hönkong T'ung Pò». Въ Кантонѣ издаются газеты «The Ling Nám Yat Pò», «The Kwong Chi Pò» и «The Chung Sai Pò». Въ Макао выходитъ три раза въ недѣлю «The Chi San Pò» и ежедневно газета «O Pò». Тянь-цзинь и Ханькоу имѣютъ точно также свои китайскія газеты: «The Kwok Man Pò» и «The Hòn Pò». Въ Фу-чжоу имѣется еженедѣльная газета «The Man Shang Wúí Pò.»

Всѣ эти китайскія газеты являются прямымъ результатомъ иностраннаго вліянія, такъ какъ до появленія иностранцевъ въ Китаѣ китайцы не имѣли ни одной газеты, въ нашемъ смыслѣ слова. «Цзинъ-бао» (въ англійскомъ переводѣ «The Peking Gazette») единственная газета китайцевъ вплоть до самаго послѣдняго времени, представляетъ собою старѣйшую газету всего міра. Она выходитъ ежедневно и носитъ скорѣе характеръ правительственной газеты, чѣмъ частной. «Она представляетъ собою просто-на-просто запись оффиціальныхъ дѣйствій, назначеній, декретовъ и приговоровъ, безо всякихъ примѣчаній или разъясненій со стороны редакціи, и въ смыслѣ такой записи она весьма цѣнна для пониманія правительственной политики. Она много читается и обсуждается образованной частью населенія городовъ, такъ какъ она знакомитъ ихъ съ характеромъ и дѣйствіями ихъ правителей въ большей

*) Въ виду того, что многіе изъ перечисленныхъ газетъ и журналовъ печатаютъ свои заголовки, помимо іероглифическаго письма, еще и англійской транскрипціей, мы даемъ здѣсь одну только англійскую транскрипцію. *Прим. Ред.*

мѣрѣ, чѣмъ римляне имѣли возможность знать своихъ государей и сенатъ. Въ провинціяхъ цѣлыя тысячи людей занимаются переписываніемъ и сокращеніемъ этой газеты для такихъ читателей, которые не въ состояніи пріобрѣсти полное изданіе ея».

«Печатаніе производится при помощи подвижныхъ деревянныхъ литеръ, которыя, судя по нѣкоторымъ разслѣдованнымъ образчикамъ, приготовляются изъ ивоваго или тополеваго дерева, представляющаго собой дешевый, хотя и не очень прочный матеріалъ... Китайская газета обыкновенной величины состоитъ изъ 10—12 листовъ тонкой, коричневатой бумаги въ $7^{1}/_{2} \times 3^{3}/_{4}$ дм., находящихся между двумя листами—одинъ впереди, а другой позади,—ярко-желтой бумаги, образующими нѣчто въ родѣ обложки. Все это грубо сшивается при помощи двухъ коротенькихъ веревочекъ изъ крученой бумаги, концы которыхъ, пропущенные чрезъ отверстія, сдѣланныя на заднемъ полѣ листовъ, слегка связываются; это составляетъ обыкновенный способъ сшиванія въ Китаѣ маленькихъ памфлетовъ... Внутренніе листы—двойные, какъ это обыкновенно принято въ Китаѣ,—обнимаютъ 20—30 маленькихъ печатныхъ страницъ, каждая изъ которыхъ красными линіями раздѣлена на семь столбцовъ. Въ каждомъ столбцѣ располагается по 14 іероглифовъ, идущихъ сверху внизъ, надъ столбцами же оставляется пустое мѣсто въ 4 іероглифа». «Такъ какъ все, что исходитъ отъ императора, предшествуетъ всему остальному, то его отвѣты на доклады печатаются прежде самихъ докладовъ, къ которымъ они относятся, что производитъ такой же эффектъ, какъ если бы въ отдѣлѣ загадокъ рѣшенія печатались за недѣлю раньше самихъ загадокъ».

Различныя газеты и періодическія изданія выпускаются миссіонерами въ различныхъ частяхъ Китая, причемъ содержаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ носитъ болѣе или менѣе научный и религіозный характеръ; но въ нихъ сообщаются также всевозможныя новости. Нѣкоторыя изъ нихъ уже поименованы нами выше.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ говорили, что на китайскомъ языкѣ издавалось всего 31 періодическое изданіе, изъ которыхъ «15 изданій было религіозныхъ и 16 свѣтскихъ»; но въ настоящее время ихъ уже несравненно больше.

Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что если изданіе этихъ газетъ будетъ находиться въ умѣлыхъ рукахъ, то имъ предназначено быть важ-

нымъ факторомъ въ Китаѣ. Къ несчастію, въ нихъ замѣчается стремленіе потворствовать извращеннымъ вкусамъ въ предметахъ вредныхъ для общественной нравственности; иногда же въ нѣкоторыхъ отрывочныхъ разсказахъ объ иностранцахъ и ихъ дѣйствіяхъ проглядываетъ яростная ненависть противъ нихъ, въ общемъ же можно сказать, что «тенденція ихъ идетъ въ направленіи морали и т. д.».

Важнѣйшая литература:—«List of Periodicals in the Chinese Language», прибавленіе къ Records of the Missionary Conference held in Shanghai, 1890.—«The Peking Gazette», статья въ China Review, т. 3, стр. 12.—См. также статью E. H. Parker: «The Peking Gazette and Chinese Posting» въ Longman's Magazine, Nov. 1896.—Въ China Mail нѣсколько лѣтъ тому назадъ появилась статья Henri Cordier объ европейской прессѣ въ Китаѣ.

Н. Прокоповъ.

География. Китай нашихъ дней далеко не тотъ же, что Китай древности: его границы были значительно расширены, пока дѣлалась исторія Срединной Имперіи. Въ отличіе отъ Англіи, которая должна была искать за морями прибавленій къ своей имперіи, ядро китайскаго народа имѣло подъ рукой около себя свою великую будущность и, хорошо использовавши обстоятельства до крайнихъ предѣловъ возможности, оно развилось до настоящихъ размѣровъ своихъ теперешнихъ широкихъ владѣній, —владѣній, «которыя, со всѣми данническими сосѣдями, являются самыми обширными, которыя только когда-либо управлялись единой властью въ любую эпоху или въ любой части земного шара». Зачатки этого могущественнаго государства, по догадкамъ, могутъ быть отысканы за нѣсколько тысячелѣтій до Р. Х. въ кочевомъ народѣ въ теперешней провинціи Шэнь-си. Осѣвъ въ деревняхъ, онъ обращается къ торговлѣ и земледѣлію, и по выходѣ его изъ смутной завѣсы миѳовъ и преданій, среди которой мы едва можемъ различить что-нибудь съ достаточной ясностью или несомнѣнностью, мы находимъ имперію растущей, получающей морское побережье въ качествѣ границы и расширяющей свои предѣлы. Мы не собираемся давать историческаго обзора географическаго роста имперіи въ настоящемъ короткомъ очеркѣ. Пожелай мы задаться этой цѣлью, она завела бы насъ далеко за рамки предлагаемой статейки и по самому своему существу потребовала бы описанія всѣхъ мелкихъ княжествъ, на которыя дѣлился временами Китай. Достаточно будетъ сказать, что въ теченіе многихъ столѣтій Китай не простирался за великую рѣку, Янъ-цзы-цзянъ. Только впослѣдствіи былъ пущенъ ростокъ къ югу въ восточную часть теперешней Цзянъ-нани и подобно корешкамъ дерева индійской смоковницы, онъ выросъ и далъ со

временемъ другой стволъ, для поддержанія древа имперіи, которому было предназначено покрыть постепенно всю страну. Въ теченіе долгаго періода крайній югъ Китая не входилъ въ составъ собственной имперіи, развѣ только въ качествѣ вассальной территоріи, или съ спазмодическими попытками на управленіе, но потомъ узы, связывавшія его съ сѣверной половиною, постепенно окрѣпли, такъ что онъ образовалъ подъ конецъ интергальную часть Китая.

Нынѣшняя династія вернула себѣ бо̀льшую часть территоріи, которая была утрачена при предшествовавшей Минской династіи, такъ что въ настоящее время китайская территорія почти равняется тому, чѣмъ она была при Хубилаѣ, когда Марко Поло писалъ о немъ: «Въ отношеніи числа подданныхъ, протяженія территоріи и богатствъ казны онъ превосходитъ всѣхъ государей, которые только существовали до него, или вообще существуютъ нынѣ на свѣтѣ». Въ 1840 г. было вычислено, что китайскій императоръ правитъ надъ 5,300,000 кв. миль, отъ 48°10′ с. ш. до 144°50′ вост. д. (отъ Гринвича) въ С.-В. части имперіи, до о-ва Хайнань на югѣ, подъ 18°10′ с. ш. и на крайнемъ Западѣ до 74° в. д. (отъ Гринвича). Съ тѣхъ поръ онъ лишился около полумилліона кв. миль, которыя пошли на увеличеніе владѣній другой колоссальной имперіи на земномъ шарѣ и сосѣда Китая на сѣверѣ, Россіи. Англія и Франція суть колоніальныя державы, которыя также касаются территоріи Китая на югѣ. «Изъ 12,000 миль, которыя образуютъ сухопутный поясъ Китая, 6,000 миль сопредѣльны съ русской территоріей, 4,800—съ англійской и всего лишь 800 съ французской, тогда какъ 800 миль могутъ быть названы сомнительными». Со времени окончанія японо-китайской войны Японія также, благодаря пріобрѣтенію Формозы, была приведена въ близкое сосѣдство съ Китаемъ. Въ самое послѣднее время, Германія утвердилась на берегахъ Шань-дуна, въ Цзяо-чжоу; Россія получила Портъ-Артуръ, а французы предъявили свои права на Гуанъ-чжоу-вань на югѣ; Англія тоже получила въ аренду территорію позади Коу-лунскаго полуострова и нѣкоторые острова. Время покажетъ, что готовитъ Китаю ближайшее будущее: останется-ли неприкосновенной эта великая имперія, столь непрочно сколоченная, или же она разсыплется въ куски передъ соединеннымъ давленіемъ извнѣ и продажностью и разлагающими силами извнутри?

По формѣ, Китайская имперія приближается къ прямоугольнику, съ окружностью въ 14,000 миль, или болѣе половины окружности земного шара; береговая линія ея опредѣляется приблизительно въ

4,400 миль. Эта обширная имперія распадается природнымъ образомъ на 3 дѣленія: собственный Китай, Маньчжурія и колоніальныя земли.

Собственный Китай обнимаетъ всѣ 18 провинцій, равно какъ большой о-въ Хай-нань; Маньчжурія лежитъ на С. отъ Кореи и части собственнаго Китая; и колоніальныя земли включаютъ Монголію, Или. Кукуноръ и Тибетъ.

18 провинцій покрываютъ около 2,000,000 кв. миль; понадобилось бы семь Францій или 15 Великобританій и Ирландій, чтобы покрыть ту же площадь земли. Китай окруженъ различными горными системами,—образующими валъ, идущій почти кругомъ всего его съ ихъ различными хребтами, какъ-то Алтаемъ, Становымъ, Тянь-шанемъ и др.; кромѣ того 4 большія цѣпи лежатъ цѣликомъ внутри его предѣловъ, способствуя разграниченію территоріи; самые высокіе ихъ пики окутаны снѣгомъ круглый годъ. То же можно сказать и о нѣкоторыхъ изъ горъ Юнь-нани, на юго-западѣ имперіи.

Большая часть Китая дѣлится на 3 огромныхъ бассейна, орошаемыхъ соотвѣтственно Хуанъ-хэ, имѣющей до 2,500 миль въ длину. Янъ-цзы-цзяномъ, до 3,000 миль въ длину, тогда какъ Кантонская рѣка и ея многочисленные притоки собираютъ воды съ 130,000 кв. миль. Мы не можемъ привести здѣсь имена всѣхъ другихъ рѣкъ, хотя ихъ не мало, и онѣ никоимъ образомъ не могутъ быть названы маловажными: не даромъ «рѣки Китая составляютъ его славу, и ни одна страна не можетъ сравняться съ нимъ по природнымъ удобствамъ, представляемымъ его внутренней навигаціей».

Изъ озеръ можно упомянуть о Дунъ-тинъ-ху, около 220 миль въ окружности, и о живописномъ По-янъ-ху, съ его многочисленными островами; послѣднее имѣетъ 10 миль въ длину и 20 въ ширину.

Кромѣ 3 бассейновъ, орошаемыхъ 3 большими рѣками, мы имѣемъ Великую равнину въ 700 миль длиною, съ шириной, варьирующей отъ 150 до 400 миль, имѣющую одинаковую площадь съ Бенгальской равниною, орошаемой Гангомъ. Она кормитъ огромное населеніе; въ 1812 г. численность послѣдняго опредѣлялась въ 170,000,000, т. е. $^2/_3$ населенія Европы, такъ что равнина представляла изъ себя наиболѣе густо заселенную область «того же протяженія въ любой части земного шара».

Равнымъ образомъ Китай «можетъ быть раздѣленъ на гористую и холмистую страну и Великую равнину» (См. статью о *Геологіи*). Первая составляетъ почти половину всего Китая; она лежитъ на юго-

востокъ, тогда какъ другая, Великая равнина, находится на сѣверо-востокѣ.

Отъ Янъ-цзы до Хай-наня весь берегъ усѣянъ многочисленными островами и скалистыми островками.

Наиболѣе важные проливы суть: Формозскій, между островомъ Формозою и материкомъ, и Лэй-чжоуской, между островомъ Хай-нань и мысомъ—полуостровомъ Лэй-чжоу.

Самые значительные заливы суть: Ляо-дунскій въ Маньчжуріи, Чжи-лискій (Печилійскій) въ провинціи того же имени и Тонкинскій на крайнемъ югѣ.

Изъ главныхъ полуострововъ и мысовъ заслуживаютъ вниманія: Ляо-дунскій, образующій заливъ того же имени, Шань-дунскій мысъ и полуостровъ, и вышеупомянутый Лэй-чжоу'скій.

Главныя моря суть: Желтое, между Китаемъ и Кореей; Восточное, между Японіей и островами Лю-цю (Рю-кю) съ одной стороны и Китаемъ съ другой; Китайское море на югѣ.

Въ отношеніи политической географіи, собственный Китай дѣлится на 18 провинцій, послѣднія въ свою очередь подраздѣляются на префектуры, а тѣ составляются изъ различнаго рода округовъ и уѣздовъ, могущихъ быть приравненными къ графствамъ въ Англіи. Вполнѣ обычнымъ дѣломъ является группированіе двухъ провинцій вмѣстѣ, для административныхъ цѣлей, какъ-то: «2 Гуанъ»—Гуанъ-дунъ и Гуанъ-си, «2 Ху»—Ху-бэй и Ху-нань.

Положительно невозможно перечислить всѣ важнѣйшіе города: такъ они многочисленны. Столицы каждой изъ 18 провинцій должны были бы подойти подъ эту категорію, такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ могутъ похвастаться милліономъ обитателей, какъ напр., Пекинъ, Кантонъ и др.; далѣе каждая провинція имѣетъ цѣлый рядъ важныхъ центровъ торговли и управленія, какъ напр., рынки и уѣздные города; первые являются средоточіемъ торговой дѣятельности и распредѣлительнымъ центромъ для земледѣльческихъ и прочихъ продуктовъ, направляемыхъ въ сосѣдніе внутренніе округа, тогда какъ вторые заступаютъ мѣсто нашихъ провинціальныхъ городовъ и часто имѣютъ десятки или сотни тысячъ жителей.

Важнѣйшая литература:—«Historical Atlas of the Chinese Empire», соч. E. L. Oxenham, даетъ карты Китая при послѣдовательныхъ династіяхъ и показываетъ самымъ нагляднымъ и примѣчательнымъ образомъ географическій ростъ имперіи; предисловіе, предпосланное картамъ, весьма интересно. Далѣе имѣется нѣсколько сочиненій, трактующихъ каждое какую-нибудь отдѣльную провинцію; изъ

нихъ мы ограничимся указаніемъ на «La Province Chinoise du Yün-nan», соч. Emile Rocher, и «Shan Tung: A Chinese Province», соч. A. Armstrong.

П. Васкевичъ.

Геологія. Геологія китайской имперіи еще не вполнѣ разслѣдована. Въ самомъ дѣлѣ, припомнимъ, что нога человѣка науки еще не успѣла побывать во многихъ обширныхъ областяхъ страны, и мы поймемъ легко, сколько еще должно быть сдѣлано прежде, чѣмъ будетъ достигнуто полное знакомство съ геологическими условіями той обширной части земного шара, которой владѣетъ китайскій императоръ.

Въ центрѣ Китая лежитъ большая аллювіальная равнина, обязанная своимъ существованіемъ большимъ рѣкамъ, Янъ-цзы-цзянъ и Хуанъ-хэ, точь въ точь, какъ Египетъ былъ созданъ Ниломъ. Большія количества ила, наносимыя Желтой рѣкою, вмѣстѣ съ другими причинами, какъ-то обезлѣсеніемъ и пр., порождаютъ періодическія наводненія и принуждаютъ «Скорбь Китая», какъ была мѣтко названа эта рѣка, искать себѣ новые пути къ выходу въ море. Янъ-цзы-цзянъ, получившій прозваніе «Поясъ Китая», лучше выноситъ въ море свой илъ, чѣмъ это дѣлаетъ Желтая рѣка. Количество твердой земли, созданной имъ за время своего существованія, должно быть по истинѣ огромнымъ, такъ какъ было вычислено, что онъ выбрасываетъ въ море каждую секунду 770,397 куб. футовъ воды и «количество плавающаго матеріала, выносимое ежегодно имъ въ море, равно 6,428,858,255 кубическимъ футамъ». Островъ, имѣющій 32 мили въ длину и 10 въ ширину, постепенно образовался со времени XIV ст. въ морскомъ лиманѣ Янъ-цзы. Эта могучая рѣка занимаетъ третье мѣсто въ перечнѣ наибольшихъ рѣкъ земного шара, уступая лишь Амазонкѣ и Конго, но оставляя позади на пятомъ мѣстѣ Миссисипи. По другимъ вычисленіямъ, Янъ-цзы, Хуанъ-хэ и Бай-хэ могли бы образовать въ 66 дней среди моря островъ съ площадью въ 1 квадратную милю,—откуда слѣдуетъ, что въ 36,000 лѣтъ заливы Печилійскій и Ляодунскій, Желтое море и Восточное море, на югѣ почти до полъ-дороги между Нинъ-бо и Вэнь-чжоу и на В. приблизительно до половины разстоянія между берегомъ Китая и Японіей, могли бы сдѣлаться твердой землей. Переходя отъ будущаго къ прошлому, мы можемъ указать здѣсь на то, что, согласно вычисленіямъ, для образованія дельты этой гигантской рѣки (Янъ-цзы) понадобилось 20,000 лѣтъ. Колебанія въ уровнѣ поверхности страны, повидимому, не принимали большого участія въ дѣлѣ ея образованія, такъ какъ въ этой части Китая эти явленія, видимо, носили самый слабый характеръ, во всякомъ случаѣ въ теченіе этого періода.

Даже на исторической памяти Китая, измѣненія, въ этомъ отношеніи, насколько извѣстно, были велики: такъ Шу-цзинъ, содержащій древнѣйшія свѣдѣнія по китайской географіи, упоминаетъ о трехъ устьяхъ Янъ-цзы, хотя нынѣ сохранилось только одно. Въ самомъ началѣ перваго столѣтія по Р. Х. большая часть Шанхайской равнины еще не была отвоевана у моря, и рѣка У-сунъ, или Soo-chow Creek, какъ называютъ ее англичане, была также въ старину большой рѣкою, шириной въ 20 ли (6 или 7 миль) въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ городъ Шанхай. Твердая земля протянулась теперь на 50 миль дальше въ томъ направленіи, гдѣ было тогда море. Относительно залегающаго подъ почвою слоя, или слоевъ, Dr. Macgowan говоритъ: «Мы не можемъ рѣшить, не располагая болѣе подробными данными, удовлетворительнымъ образомъ вопроса, покоится-ли она непосредственно на гранитѣ, который положенъ въ основаніе ближайшихъ горъ, или непосредственно на новомъ красномъ песчаникѣ, который входитъ въ строеніе нѣкоторыхъ ближайшихъ холмовъ, или на известнякѣ, который былъ найденъ, выступающимъ снаружу, у Большого озера (Тай-ху)». Въ 1865 году артезіанской колодезь обнаружилъ на глубинѣ 248 футовъ сѣрый песокъ подъ 10 футами глинозема, и нѣсколько футами ниже булыжникъ; на глубинѣ 240 футовъ былъ найденъ обломокъ известняка.

Было время, когда Шань-дунскій мысъ, вмѣстѣ съ прилегающей частью провинціи того же имени, представлялъ изъ себя островъ, и когда провинція Цзянъ-су вовсе еще не существовала. Степныя равнины Чжи-ли ясно выдаютъ свое недавнее поднятіе надъ моремъ. Съ другой стороны, мы имѣемъ доказательство постепенныхъ захватовъ моремъ суши, но въ менѣе замѣчательной степени. Восточное побережье азіатскаго материка испытало на себѣ процессъ легкаго пониженія, и дѣйствительная восточная береговая линія обнимала прежде Суматру, Яву, Борнео, Филиппинскіе о-ва, Формозу, о-ва Рю кю, Японію и Курильскіе о-ва до Камчатки.

Одной изъ наиболѣе интересныхъ чертъ геологіи сѣвернаго Китая является лёссъ. Онъ покрываетъ обширную площадь страны, охватывая тысячи квадратныхъ миль и достигая нерѣдко нѣсколькихъ сотенъ футовъ въ глубину. Лёссъ представляетъ изъ себя особаго рода почву коричневатаго цвѣта; онъ раскалывается на многочисленныя трещины; имѣетъ тенденцію къ террасо-образному строенію и степнымъ контурамъ; замѣчательно приспособленъ для земледѣльческихъ цѣлей, и поддает-

ся самымъ дѣйствительнымъ образомъ живописному ландшафту. Одна гипотеза относительно его происхожденія предполагаетъ, что лёссъ «является субъ-аэріальнымъ отложеніемъ, восходящимъ по времени образованія къ геологической эпохѣ большой сухости, эпохѣ, предшествовавшей возникновенію Хуанъ-хэ и другихъ рѣкъ сѣверныхъ провинцій». Другое мнѣніе, и болѣе недавнее, видитъ въ лёссѣ осадочное отложеніе, вѣроятно, морского происхожденія.

Въ южномъ Китаѣ, между Кантономъ и Ханькоу, порядокъ наслоенія каменныхъ породъ таковъ: сперва гранитъ, затѣмъ грубый кремнистый песчаникъ и сланецъ (шиферъ); послѣдніе покрыты древними песчаниками, на которыхъ покоится новый рядъ известняковыхъ слоевъ; выше всего, на нѣсколькихъ пластахъ каменнаго угля лежитъ красный песчаникъ. Относительно этой части страны мы находимъ у одного автора:—

«Вся страна... дѣлится на нѣсколько изолированныхъ бассейновъ: любой изъ нихъ можетъ быть изучаемъ самъ по себѣ, такъ какъ, въ большинствѣ случаевъ, демаркаціонныя линіи слѣдуютъ приблизительно за границами политическихъ дѣленій имперіи. Среди этихъ природныхъ дѣленій страны, мы можемъ привести въ примѣръ провинціи двухъ Гуанъ, Цзянъ-си, Фу-цзянь и Чжэцзянъ, Ань-хуй, Гуй-чжоу, Цзянъ-су и др.,—онѣ всѣ образуютъ отдѣльныя области, отдѣленныя другъ отъ друга горными цѣпями и отмѣченныя каждая характерными геологическими чертами».

«Центральная и восточная части Гуанъ-дуна содержатъ, въ предѣлахъ ограниченной площади, связный, послѣдовательный рядъ формацій, восходящихъ отъ древнихъ палеозойскихъ скалъ Гонконга и прилежащаго побережья и острововъ, до новаго краснаго песчаника Кантона и дельты Жемчужной рѣки, перемѣшанныхъ съ кое-какими слѣдами болѣе позднѣйшихъ формацій и сопровождающихся массами породъ огнезданнаго происхожденія, относящихся, вѣроятно, къ еще болѣе близкой намъ эпохѣ». «Начиная съ окрестностей Кантона вплоть до моря, скалы состоятъ изъ краснаго песчаника, покоющагося на гранитѣ, пока мы не достигаемъ группъ острововъ, окаймляющихъ побережье, которыя, по ближайшемъ разсмотрѣніи, оказываются состоящими лишь изъ грубаго гранита, прорѣзываемаго перпендикулярными жилами кварца; огромныя закругленныя глыбы того же камня разбросаны по неровной поверхности острововъ и на вершинахъ наибольшихъ изъ нихъ. Эти глыбы обычно залегаютъ въ грубой почвѣ, которая представляетъ результатъ

разложенія общаго составного вещества островов, и по мѣрѣ того, какъ послѣдняя вымывается изъ-подъ нихъ, скатываются внизъ по крутой наклонности, пока не достигнуть ровнаго мѣста; послѣднимъ является обычно песчаный берегъ островов, который поэтому очень часто окаймленъ цѣлымъ поясомъ подобныхъ скалъ, нагроможденныхъ одна на другую и вѣсящихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ много тоннъ. Ландшафтъ этихъ островов часто приравнивался къ таковому же на Гебридскихъ островахъ, и на самомъ дѣлѣ, онъ носитъ совершенно столь же безплодный характеръ».

«Островъ Kulangsu (Амой)—Гу-ланъ-сюй—является типичнымъ для береговаго строенія южнаго Китая; гранитъ составляетъ его преобладающую черту, и, повидимому, можно принять за общее (правда, не безъ исключеній) правило, что вверхъ, вдоль побережья съ юга на сѣверъ, гранитъ становится болѣе крупно-зернистымъ, менѣе слюдянымъ и болѣе фельдшпатовымъ».

Описаніемъ страны на сѣверномъ Амоѣ можетъ служить слѣдующее извлеченіе:—

«Значительное разнообразіе въ геологическомъ строеніи наблюдается на всемъ пути отъ Амоя до Тамси—наиболѣе сѣверной части провинціи Фу-цзянь, посѣщенной авторомъ; однако, не то мы видимъ въ отношеніи физической географіи, такъ какъ въ послѣднемъ отношеніи страна представляетъ рядъ высокихъ горъ,—общій характеръ которыхъ физически является весьма постояннымъ, хотя геологически варьируется, начиная съ врожденныхъ, или гранитныхъ, плутоническихъ и вулканическихъ породъ въ Амоѣ (онѣ наблюдаются вдоль большей части восточнаго побережья Китая и типически представлены на о-вѣ Гонконгѣ), до переходныхъ или метаморфическихъ осадочныхъ породъ, развивающихся, по мѣрѣ того, какъ подвигаться на сѣверъ; послѣднія кульминируютъ въ производныхъ породахъ: субакватическихъ, заключающихъ цѣлыя серіи палеозойскаго періода, причемъ девонская, каменноугольная и плитно-известняковая системы являются (особенно вторая) высоко развитыми, и субаэріальныхъ, представленныхъ въ мезозойскомъ періодѣ, главнымъ образомъ верхнимъ краснымъ новопесчаникомъ въ тріасской системѣ. Вся страна, должно быть, испытала, долгое время спустя послѣ мезозойскаго періода, необычайныя природныя потрясенія. Одинъ «взбросъ жилы» въ каменноугольной группѣ, которую авторъ имѣлъ хорошую возможность

изучить, тянулся на разстояніи 8 миль;—горы, въ которыхъ онъ былъ наблюдаемъ, поднимались болѣе, чѣмъ на 1,500 футовъ, надъ сосѣдней долиною, стоя подъ косымъ угломъ около 8 градусовъ, и обнаруживая, среди прочихъ группъ системы, угольные пласты въ многочисленныхъ жилахъ, толщиною не менѣе, чѣмъ въ 300 футовъ».

Шань-дунъ является въ высшей степени интересной съ геологической точки зрѣнія провинціей.

Слѣдующая выдержка изъ «Across Shan-tung», соч. S. B. J. Skertchly, даетъ въ сжатомъ видѣ описаніе геологическаго строенія восточной части Китая:

«Путешествуя въ сѣверномъ направленіи изъ Гонконга черезъ Амой, Фу-чжоу, Нинъ-бо, Шанхай до Чифу, мы переходимъ, говоря вообще, отъ болѣе древнихъ къ новѣйшимъ породамъ. Гранитныя породы Гонконга съ сопутствующими имъ слоями діоритическаго и фэльдшпатоваго порфира суть древнѣйшія породы Китая, такъ сказать, позвоночный столбъ въ геологическомъ смыслѣ, на которыхъ были уложены болѣе новѣйшіе пласты, образующіе поверхность значительно большей части этой обширной имперіи. Эти породы показываются снова въ Амоѣ и Фу-чжоу, чтобы опять скрыться подъ новѣйшими вулканическими породами въ Нинъ-бо, гдѣ прекрасный пестрый вулканическій конгломератъ даетъ красивый строительный камень, придающій такое изящество архитектурѣ Шанхая; затѣмъ страна спускается къ широкой равнинѣ могучаго Янъ-цзы; на смѣну означеннымъ породамъ являются древнія кристаллическія породы, вѣроятно, Лаврентійской эпохи, которыя тянутся на всемъ протяженіи вплоть до Чифу у Печилійскаго залива; сѣверные берега послѣдняго въ Маньчжуріи и Чжи-ли составлены изъ пластовъ, принадлежащихъ къ каменноугольной системѣ.

Путешествуя вглубь страны, мы наталкиваемся на подобныя же серіи породъ; гранитъ прикрывается сверху кристаллическимъ сланцемъ, гнейсомъ и кварцевыми породами, на которыхъ лежатъ, въ свою очередь, каменноугольные пласты, съ залежами волитическихъ породъ, заключая тамъ и сямъ, какъ и въ восточномъ Шань-дунѣ, прекрасные образцы ископаемыхъ рыбъ.

Гранитныя скалы поднимаются въ видѣ смѣлыхъ холмовъ и горъ, вывѣтренныхъ въ округленныя массы, которыя подчасъ дѣлаются совершенно изолированными и стоятъ точно огромные валуны

Мая 13, 1891 г.—Анти-иностранные безпорядки въ У-ху. Католическая миссія, Императорская Морская Таможня и британское консульство разграблены и сожжены.

Мая 18, 1891 г.—Возмущеніе противъ иностранцевъ въ Ху-чжоускомъ округѣ. Возмущеніе противъ иностранцевъ въ Ань-цинѣ.

Мая 25, 1891 г.—Анти-иностранные безпорядки въ Ань-цинѣ. Нѣсколько иностранныхъ домовъ разграблено и сожжено.

Іюня 1, 1891 г.—Анти-иностранные безпорядки въ Тань-янѣ, въ 20 миляхъ отъ Чжэнь-цзяна. Католическая миссіонерская собственность уничтожена.

Іюня 5, 1891 г.—Анти-иностранные безпорядки въ У-сюе, близъ Хань-коу. Иностранная собственность уничтожена, Reverend Argent, г. Green и агенты Императорской Морской таможенной службы убиты.

Іюня 7, 1891 г.—Попытка къ анти-иностраннымъ безпорядкамъ въ Цзю-цзянѣ.

Іюня 8, 1891 г.—Истребленіе собственности французскихъ миссіонеровъ въ У-си, близъ Фу-чжоу, враждебно настроенною противъ иностранцевъ чернью.

Іюня 9, 1891 г.—Нападеніе на миссію въ Су-чжоу. Мятежники разсѣяны.

Іюня 14, 1891 г.—Миссіонерская собственность сожжена въ Ша-си.

Іюня 20, 1891 г.—Безпорядки въ г. Ха-мяни на р. Янъ-цзы-цзянѣ. Католическая собственность уничтожена.

Іюня 25 и 26, 1891 г.—Попытки на безпорядки въ Цинъ-цзянъ-пу и Ху-нань-фу на Великомъ каналѣ подавлены.

Іюня 30, 1891 г.—Чернь грабитъ и сжигаетъ католическія часовню и школы въ Янь-као, близъ Тунъ-чжоу, на р. Янъ-цзы-цзянѣ.

Іюль 1891 г.—Безпорядки въ Юнь-янъ-сянѣ, почти на половинѣ пути между И-чжаномъ и Чунъ-циномъ.

Сентября 2, 1891 г.—Безпорядки въ И-чжэнѣ. Почти вся иностранная собственность уничтожена.

Іюля 1, 1893 г.—Два шведскихъ миссіонера убиты чернью въ Сунъ-пу въ центральномъ Китаѣ.

Іюнь 1894 г.—Чернь напала на двухъ женщинъ-врачей миссіонерокъ въ Хонамѣ (въ Кантонѣ) за то, что одна изъ нихъ оказала помощь заболѣвшему чумой, и нѣсколько дней спустя, 20 іюня 1894 года, въ Шеклун'ѣ, въ уѣздѣ Тунъ-гуанѣ, чернью была разрушена пресвитеріанская часовня, причемъ одинъ человѣкъ былъ убитъ.

Мая 29, 1895 г.—Анти-иностранные безпорядки въ Сы-чуани.

Августа 1, 1895 г.—Гу-чэнская рѣзня близъ Фу-чжоу, при каковомъ случаѣ были умерщвлены Rev. Stewart и десять беззащитныхъ женщинъ и дѣтей.

Мая 12, 1896 г.—Серіозные безпорядки въ Цзянъ-инѣ. Собственность миссіи совершенно уничтожена.

Ноября 1, 1897 г.—Убійство въ Янь-чжоу двухъ нѣмецкихъ католическихъ священниковъ толпою въ 20 человѣкъ, что повело къ захвату нѣмцами Цзяо-чжоу.

Апрѣля 9, 1898 г.—Безпорядки въ Ша-си. Уничтожены строенія иностранной концессіи.

Апрѣля 16, 1898 г.—Американская миссія въ предмѣстьѣ Чунъ-цина разорена чернью, а китайцы-помощники врачей подвергнуты истязаніемъ, и одинъ изъ нихъ умерщвленъ.

Іюля 8, 1898 г.—Мятежники аттаковали протестантскую и католическую миссіи въ Чунь-цинъ-фу въ Сы-чуани. Французскій священникъ захваченъ въ плѣнъ разбойниками.

Октября 15, 1898 г.—Безпорядки въ Хэ-чжоу, въ 50 миляхъ отъ Чунъ-цина. Станціи американскихъ и французскихъ миссій аттакованы и сожжены.

Октября 25, 1898 г.—Безпорядки въ Шань-мынѣ въ Кантонѣ.

Января 8, 1899 г.—Серіозные безпорядки близъ Нинъ-бо изъ-за попытки приступить къ разработкѣ рудниковъ. На 10,000 долларовъ уничтожено имущества рудниковъ.

Нѣтъ возможности дать полный отчетъ о всѣхъ маленькихъ, незначительныхъ безпорядкахъ и возмущеніяхъ. По временамъ безпорядки казались неизбѣжными и въ нѣсколькихъ случаяхъ дѣйствительно происходили, но безъ потери жизней и почти безъ вреда для собственности.

Важнѣйшая литература.—„The Anti-foreign Riots in China in 1891 г.“—«The Sources of the Anti-Foreign Disturbances in China», соч. Rev Gibbert Reid, M. A.—Полный отчетъ о безпорядкахъ, направленныхъ противъ Шведской миссіи, и о всѣхъ связанныхъ съ ними событіяхъ содержится въ Hongkong Daily Press, Feb. 21st, 1894.

П. Меньшиковъ.

Библіографія. «Manual of Chinese Bibliography», соч. Möllendorff'а, представляетъ собою весьма цѣнную справочную книгу объ европейскихъ сочиненіяхъ, штудіяхъ и статьяхъ о Китаѣ вплоть до 1876 года. Существуетъ также энциклопедическое сочиненіе Henri Cordier, «Bibliotheca Sinica: Dictionnaire Bibliographique des Ouvrages Relatifs à l'Empire Chinois», въ двухъ большихъ томахъ въ 1396 страницъ. Сочи-

ненiе это представляетъ собою настоящее хранилище свѣдѣнiй о книгахъ, относящихся къ Китаю; къ нему изданъ еще дополнительный томъ, чтобы довести сообщаемыя свѣдѣнiя до настоящаго времени. Что касается сочиненiй о туземныхъ книгахъ, то трудъ Wylie «Notes on Chinese Literature» неоцѣнимъ; онъ содержитъ свѣдѣнiя о 1,745 китайскихъ сочиненiяхъ. Отчетъ о громадныхъ компендiяхъ болѣе раннихъ сочиненiй, составленныхъ по приказанiю различныхъ императоровъ, можно найти въ статьѣ Mayer'a «Bibliography of the Chinese Imperial Collection of Literature», обнародованной въ «China Review», томъ VI, стр. 223—286.

Ботаника. Китай представляетъ для ботаниковъ громадную, неизслѣдованную еще область, и имъ предстоитъ еще очень много труда по собиранiю коллекцiй растенiй, изученiю ихъ и сообщенiю о добытыхъ результатахъ мiру.

> «Китайская флора чрезвычайно богата. Лѣсовъ въ европейскомъ смыслѣ мало, но вѣчно-зеленѣющiе, цвѣтущiе кустарники и особенно смолистыя деревья произрастаютъ въ чрезвычайномъ разнообразiи. Переходъ отъ флоры Маньчжурiи на югъ къ тропической флорѣ Индо-Китая совершается постепенно. Поэтому въ нѣкоторыхъ центральныхъ областяхъ замѣчается удивительное смѣшенiе растительныхъ видовъ, принадлежащихъ къ различнымъ зонамъ: бамбукъ встрѣчается рядомъ съ дубомъ, пшеничныя и кукурузовыя поля перемѣшаны съ полями малайскаго риса, сахарными и хлопчатобумажными плантацiями. Въ общемъ культурные виды вездѣ перемежаются съ дикою флорою».

Только-что представленная цитата заимствована изъ «Asia», соч. A. H. Keane, изд. Sir Richard Temple.

Благодаря муссонамъ имѣется «болѣе правильное распредѣленiе дождей» и весеннiй дождевой перiодъ, результатомъ чего является «регулярная смѣна временъ года, а это... способствуетъ рачительному садоводствообразному земледѣлiю». На сѣверѣ культивируются пшеница и просо, на югѣ растутъ рисъ, тростниковый сахаръ, тутовое дерево, чайные кусты и апельсины. Въ Китаѣ производятся также хлопокъ и индиго.

Однимъ изъ самыхъ выдающихся явленiй, невольно бросающимся въ глаза каждому вновь прибывшему въ Китай, особенно на югѣ, является совершенное отсутствiе луговъ и пастбищъ. «Гонконгъ въ своихъ болѣе закрытыхъ долинахъ и оврагахъ представляетъ необыкновенно разнообразную флору», сродную съ флорою Сиккима, Ассама, Хазiи и Сѣверо-

восточной Индіи, «и въ будущемъ, вѣроятно, окажется имѣющимъ съ послѣднею связь, выражающуюся въ постепенномъ переходѣ къ ней по южному Китаю». Многіе изъ другихъ видовъ болѣе тропически, подобно видамъ Индійскаго архипелага, Малайскаго полуострова и даже Цейлона и Африки. «Къ сѣверу отъ Гонконга растительность какъ будто начинаетъ болѣе быстро измѣняться. Лишь очень немногіе изъ видовъ, о которыхъ извѣстно, что они простираются отъ Гималаевъ до Японіи, какъ полагаютъ, заходятъ значительно южнѣе Амоя, гдѣ, не смотря на то, что разница заключается только въ двухъ градусахъ широты, тропическій характеръ Гонконгской флоры (насколько мы это знаемъ) уже совершенно исчезаетъ». Прямо-таки поразительно, какое «весьма большое количество растительныхъ видовъ скучено на такомъ небольшомъ островкѣ», какъ эта маленькая Гонконгская колонія. По описанію «Flora Hongkongensis» Bentham'a, здѣсь насчитывается свыше 1,000 видовъ и 500 родовъ фанерогамическихъ растеній. Послѣ опубликованія помянутаго изданія въ Гонконгѣ было еще открыто около 240 видовъ, благодаря чему общій итогъ мѣстныхъ растеній доводится до того же самаго количества, какое извѣстно на всѣхъ Британскихъ островахъ.

Въ новомъ сочиненіи F. B. Forbes, F. L. S., и W. B. Hemsley, F. R. S, F. L. S. «Index Florae Sinensis», составляющемъ отдѣльное приложеніе къ «Linnean Society's Journal», перечисляются подробно всѣ растенія, извѣстныя въ собственномъ Китаѣ, на Формозѣ, Хай-нанѣ, въ Кореѣ, на Ліу-кіускомъ архителагѣ и на остр. Гонконгѣ. Всего оказывается 120 классовъ, болѣе 1,000 родовъ и около 5,000 видовъ. Вполнѣ законченное сочиненіе будетъ заключать въ себѣ, вѣроятно, перечень 7,000 или болѣе видовъ, представляющихъ все разнообразіе растеній, въ настоящее время дѣйствительно существующее въ Китаѣ. Количество это постоянно увеличивается благодаря изысканіямъ ревностныхъ ботаниковъ въ различныхъ частяхъ страны, и въ теченіе шести лѣтъ открыта тысяча растеній или даже больше.

Водъ списокъ нѣкоторыхъ родовъ растеній, болѣе многочисленныхъ своими видами:

Clematis, 31.	Rhododendron, 65.
Anemone, 16.	Primula, 48.
Ranunculus, 15.	Lysimachia, 35.
Nasturtium, 9.	Ardisia, 18.
Stellaria, 16.	Sumplocos, 18.
Camellia, 14 или больше.	Jasminum, 15.
Ilex, 20.	Ligustrum, 14.

Euonymus, 19.	Cynanchum, 24.
Vitis, 24.	Gentiana, 57.
Acer, 15.	Ipomoea, 26.
Crotalaria, 14.	Solanum, 13.
Indigofera, 14.	Veronica, 14.
Astragalus, 21.	Pedicularis, 94.
Desmodium, 25.	Plectranthus, 18.
Prunus, 21.	Scutellaria, 17.
Spiræa, 19.	Amarantus, 9.
Rubus, 41.	Chenopodium, 9.
Potentilla, 26.	Polygonum, 63.
Rosa, 17.	Rumex, 11.
Pyrus, 14.	Aristolochia, 10.
Saxifraga, 20.	Piper, 9.
Sedum, 28.	Chloranthus, 11.
Eugenia, 14.	Machilus, 16.
Viburnum, 27.	Litsea, 23.
Lonicera, 34.	Lindera, 20.
Hedyotis, 21.	Wikstrœmia, 13.
Vernonia, 12.	Elæagnus, 12.
Aster, 31.	Loranthus, 14.
Artemisia, 22.	Euphorbia, 23.
Senecio, 35.	Phyllanthus, 11.
Saussurea, 28.	Glochidion, 10.
Lactuca, 21.	Mallotus, 13.

Къ родамъ, богатымъ видами, принадлежатъ:

Ranunculaceæ, 107.	Asclepiadeæ, 59.
Leguminosæ, 301.	Gentianacæ, 81.
Saxifragaceæ, 70.	Convolvulaceæ, 49.
Umbelliferæ, 56.	Scrophularineæ, 200.
Caprifoliaceæ, 78.	Acanthaceæ, 51.
Rubiaceæ, 106.	Verbenaceæ, 56.
Compositæ, 325.	Labiatæ, 136.
Ericaceæ, 79.	Polygonaceæ, 80.
Primulaceæ, 97.	Laurineæ, 73.
Oleaceæ, 52.	Euphorbiaceæ, 131.

Кромѣ перечисленныхъ существуютъ еще разнообразные виды Solanaceae, Amaryllideae, Liliaceae, Aroideae, Orchideae, Labiatae и Coniferae.

Многія злаковыя и чесночныя растенія культивируются для пищи,—но мы должны остановиться, потомучто пищевые продукты Китая доставляютъ такой богатый матеріалъ, что возможно написать громадныя сочиненія по этой экономической ботаникѣ. Мы не можемъ закончить съ китайскими растеніями, не остановившись на бамбукѣ въ нѣкоторыхъ его разновидностяхъ, употребляемыхъ въ пищу, на одежду, мебель, постройку кораблей, лодокъ и домовъ и, вообще, на изготовленіе всего необходимаго для человѣка и того, гдѣ возможно приложеніе человѣческаго искусства. (См. статью о *Бамбукѣ.)* Достойны также упоминанія вѣерообразныя пальмы южнаго Китая, которыя доставляютъ хорошій матеріалъ для приготовленія предметовъ необходимости въ жаркомъ климатѣ, не только для домашняго рынка, но и для обширнаго вывоза въ Америку и другія страны. Въ Китаѣ въ огромномъ количествѣ разводятъ также земляные орѣхи и растеніе, изъ котораго выдѣлываются легкія травянныя полотна.

Китайская ботаника, если только она заслуживаетъ такого научнаго термина, совершенно ненаучна по своей системѣ. Правда, нѣкоторыя иллюстраціи ботаническихъ сочиненій такъ вѣрно сдѣланы, что если только извѣстенъ родъ, то не представляется уже никакихъ затрудненій для быстрой идентификаціи; но, съ другой стороны, въ нихъ нисколько не заботятся о представленіи зерновиковъ и цвѣтовъ, такъ что совершенно невозможно сказать, къ какому виду принадлежатъ изображаемыя растенія, если это только ранѣе не извѣстно. Китайцы не раздѣляютъ растеній по классамъ, родамъ или видамъ; у нихъ болѣе распространена слѣдующая классификація: пять отдѣловъ растительнаго царства, а именно травы, зерновый хлѣбъ, овощи, фрукты и деревья. Отдѣлы, въ свою очередь, подраздѣляются на семейства, хотя и растенія, группируемыя по нимъ, очень различны. Тотъ же терминъ примѣняется и для низшаго дѣленія, а иногда имъ обозначается и родъ, и видъ, и даже разновидность. Травы раздѣляются на девять семействъ: «горныя растенія, пахучія, вредныя, вьющіяся или ползучія, водяныя, каменныя и мшистыя, и растенія, не употребляемыя въ медицинѣ». Этого будетъ достаточно, чтобы дать нѣкоторое понятіе о способѣ классификаціи китайской ботаники, такъ какъ мы не можемъ слѣдовать за ней по остальнымъ четыремъ крупнымъ дѣленіямъ.

А. Хіонинъ.

Бракъ. Бракъ является единой, конечной цѣлью, предназначенной для дѣвушки: это та цѣль, ожидать которую ее наставляютъ, и о которой ради

дѣвушки заботятся ея родители, такъ какъ это дѣло мало зависитъ отъ самой дѣвушки. Ея какъ бы не существуетъ въ данномъ случаѣ: ея желаній не принимаютъ въ соображеніе, она часто совсѣмъ не видитъ своего будущаго мужа; ее иногда даже просватываютъ предположительно, такъ сказать, за случайнаго мужа, т. е. двѣ супружескія четы уславливаются, что если одна изъ нихъ будетъ имѣть сына, а другая—дочь, то онѣ поженятъ ихъ, когда тѣ выростутъ. Изъ послѣдняго видно, что положеніе мущины въ данномъ случаѣ не многимъ лучше положенія женщины. Иногда въ Сватоускомъ округѣ два семейства обмѣниваются дѣвочками съ тѣмъ, чтобы онѣ, выросши, стали невѣстками въ семействахъ, которыя ихъ удочерили. Большая выгода отъ такого порядка составляетъ его экономія. Сами брачущіеся здѣсь не причемъ, ибо личность въ Китаѣ не играетъ роли,— принимаются въ соображеніе только семейства. Мущина въ Китаѣ женится не столько для своего благополучія, сколько для пользы семьи: чтобы продолжать фамильное имя; чтобы доставлять потомковъ для поддержанія культа предковъ, и чтобы дать своей матери невѣстку, которая ухаживала бы за нею, и которая, вообще, была бы для нея дочерью. Подобныя идеи доходятъ до того, что, когда будущій мужъ умретъ до брака, его нареченная жена, если она только примѣрная дѣвушка, оставляетъ свое собственное семейство и переселяется на житье въ семейство покойнаго жениха и дѣлаетъ все, что отъ нея требуется ея новымъ положеніемъ.

Коль скоро дѣвушка помолвлена, у нея сразу исчезаютъ почти всѣ утѣхи жизни, которыхъ у нея и такъ очень мало. Она удаляется въ болѣе строгое уединеніе, чѣмъ прежде, и должна быть очень осмотрительной въ своихъ сношеніяхъ даже съ родными братьями. Противорѣчило бы человѣческой природѣ, если бы она иногда не попробовала хоть мелькомъ увидать своего будущаго мужа, такъ какъ всетаки не всегда для нея невозможно увидѣть его; что же касается ухаживанья, то таковое въ силу чопорности конфуціанскаго ученія, общественныхъ обычаевъ и нравовъ, совершенно воспрещающихъ подобныя вещи, показалось бы въ высшей степени безнравственнымъ.

Брачные обычаи различны въ разныхъ частяхъ страны, но существенныхъ церемоній, какъ предшествующихъ, такъ и сопровождающихъ бракъ, насчитывается шесть, которыя впрочемъ въ деталяхъ своихъ очень различны. (См. статью о *Помолвкѣ*).

Когда все устроено надлежащимъ образомъ, и деньги, слѣдующія по договору, уплачены отцу дѣвушки, тогда совершается обрядъ, которымъ

она передается своему мужу. Она одѣвается въ лучшія одежды и, когда процессія приходитъ за ней, помѣщается въ большомъ красномъ свадебномъ паланкинѣ, въ которомъ ей потомъ уже никогда больше не приходится сидѣть. Паланкинъ этотъ представляетъ собою тяжелую, громоздкую, деревянную вещь, богато украшенную рѣзьбой и перьями зимородка; невѣста совершенно защищена отъ любопытныхъ взглядовъ, и въ жаркіе лѣтніе дни положеніе ея не можетъ быть завиднымъ, хотя китайскія дѣвушки, вѣроятно, его переносятъ лучше, чѣмъ любая англійская дѣвушка, привыкшая къ свѣжему воздуху и свободѣ движеній; но даже для китайскихъ дѣвушекъ эта пытка иногда не по силамъ, и случается, что женихъ, открывши дверь паланкина, находитъ, что его бѣдная, маленькая невѣста уже свободна отъ всякихъ будущихъ заботъ брачной жизни. Иногда брачный паланкинъ на своемъ пути долженъ переправиться чрезъ рѣку, и горе дѣвушкѣ, если тяжелый паланкинъ опрокинетъ валкое перевозное суднышко. Въ случаѣ если избранная невѣста умретъ до брака, будущій мужъ всетаки женится на ней, но такъ какъ китайскіе обычаи по отношенію къ мущинамъ отличаются отъ таковыхъ-же по отношенію къ женщинамъ, то онъ въ правѣ вновь жениться. День бракосочетанія назначается не дѣвушкой, какъ у насъ, а отцомъ жениха.

Приданое невѣсты отсылается въ ея будущій домъ еще до брака, что представляетъ собою случай для торжественной процессіи,—носильщики приданаго одѣваются въ красныя куртки и торжественно шествуютъ по улицамъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней, предшествующихъ свадьбѣ, дѣвушка вмѣстѣ съ своими сестрами и подругами «горюетъ и оплакиваетъ предстоящій отъѣздъ изъ своего родительскаго дома». Брачный паланкинъ, о которомъ уже упоминали, несется въ концѣ брачной процессіи; изъ нея также не изгоняютъ цѣлаго ряда деревянныхъ павильончиковъ рѣзной работой (рѣзные, открытые деревянные ставцы съ крышками и безъ нихъ) съ сластями, неизбѣжной музыки, фонарей и другихъ предметовъ, составляющихъ необходимыя принадлежности всякой китайской процессіи. Все это направляется къ дому невѣсты, гдѣ другъ жениха подноситъ ей письмо на красной бумагѣ съ золотистымъ отливомъ, убѣждающее ее явиться. Это письмо заботливо сохраняется невѣстою и въ нѣкоторой степени равносильно «брачному свидѣтельству» (marriage lines) въ Англіи. Послѣ совершенія извѣстныхъ церемоній появляется невѣста, но черты лица ея совершенно скрыты, не подъ бѣлымъ покрываломъ (бѣлый цвѣтъ обозначаетъ трауръ), а подъ кускомъ краснаго шелка. Сдѣлавъ привѣтствіе другу жениха, она входитъ въ па-

ланкинъ и отправляется при громѣ гонговъ и игрѣ китайскаго брачнаго марша въ домъ жениха. Ей предшествуетъ, въ родѣ нашихъ подружекъ невѣсты, женская прислуга, а младшій братъ ея слѣдуетъ за ней въ обыкновенномъ паланкинѣ. По прибытіи въ ея будущій домъ, паланкинъ ставится на землю. Женихъ уже стоитъ у дверей со своимъ вѣеромъ, и ударяетъ имъ въ дверки паланкина, которыя открываются подружками, послѣ чего выходитъ укутанная въ красное покрывало невѣста, все еще не показывая лица.

«Ее помѣщаютъ на спину служанки и проносятъ надъ тлѣющими углями... Когда она переносится надъ тлѣющими углями, другая служанка поднимаетъ надъ ея головой подносъ, на которомъ лежатъ нѣсколько паръ палочекъ для ѣды, немного рису и бетелевые орѣхи. Тѣмъ временемъ женихъ уже занялъ свое мѣсто на высокомъ стулѣ, чтобы встрѣтить невѣсту, которая падаетъ ницъ къ его ногамъ и выражаетъ этимъ свое послушаніе своему господину. Высокій стулъ указываетъ на великое превосходство мужа надъ женой... Сойдя съ своего возвышеннаго положенія, женихъ снимаетъ красное шелковое покрывало. Теперь онъ въ первый разъ мимолетно видитъ лицо своей жены. Лицо ея, однако, все еще болѣе или менѣе закрыто нитями жемчуга, падающими съ брачнаго вѣнца. Брачная чета вводится въ залъ предковъ, гдѣ она падаетъ ницъ передъ алтаремъ, на которомъ разставлены таблички предковъ. Небо и Земля, божества главныхъ дверей дома и родители невѣсты составляютъ ближайшій предметъ ихъ поклоненія. Послѣ того какъ надлежащимъ образомъ исполненъ однимъ только женихомъ дальнѣйшій актъ почитанія, состоящій въ возліяніи предкамъ жертвеннаго напитка, счастливая чета сопровождается въ брачную комнату, гдѣ она на свадебномъ ложѣ находитъ апельсинное дерево со связками чоховъ,—эмблемы плодовитости и богатства, и горящія восковыя свѣчи, составлявшія часть принадлежностей процессіи. Съ верха постели свѣшиваются три длинныхъ полоски красной бумаги, содержащія добрыя пожеланія, одно изъ которыхъ читается: «Да будетъ у васъ сто сыновей и тысяча внуковъ». «Послѣ того какъ женихъ сдѣлалъ привѣтствіе невѣстѣ, они садятся и принимаютъ немного чаю и свадебнаго пирога». Невѣста при этомъ случаѣ изо всѣхъ силъ старается сѣсть на одежды жениха, ибо, если это ей удастся, то ея первенство надъ нимъ будетъ обезпечено; женихъ же, съ своей стороны, пытается помѣшать ей въ этомъ и старается

самъ сдѣлать то же самое. Нитки жемчуга, которыя спускаются съ ея вѣнца, теперь «убираются въ сторону прислужницами, для того чтобы дать жениху возможность увидѣть черты лица невѣсты, которая для того, чтобы онъ могъ получить правильное представленіе о нихъ, занимаясь туалетомъ, предусмотрительно не употребляетъ румянъ... Въ то время какъ обрачная пара занята вышеуказаннымъ, нѣкоторые изъ родственниковъ и друзей, собравшихся на брачное торжество, входятъ въ комнату и, не стѣсняясь, дѣлаютъ замѣчанія о наружности невѣсты». Это должно быть тяжелымъ испытаніемъ для скромной и привыкшей къ замкнутой жизни дѣвушки, такъ какъ замѣчанія дѣлаются такъ громко, что всѣ ихъ могутъ слышать. Новые ея родственники и друзья желаютъ ей имѣть много дѣтей; женихъ скоро оставляетъ ее, чтобы присоединиться къ гостямъ. «Въ семь часовъ вечера невѣстою устраивается пиршество въ честь свекра и свекрови. Когда все готово, родители входятъ въ залъ, гдѣ невѣста, принесши изъ кухни главное блюдо или *caput coenum* и поставивши его собственноручно на столъ, занимаетъ положеніе прислужницы. Наполнивъ виномъ чашу своего свекра, она ее подноситъ ему, держа ее обѣими руками, и, въ то время, какъ онъ пьетъ содержимое, она становится на колѣни у его ногъ и дважды бьетъ челомъ объ землю. Своей свекрови, чашу которой она послѣ этого наливаетъ, она отдаетъ такое же почтеніе. По окончаніи пира, свекорь и свекровь умываютъ свои руки, и послѣ этого только невѣста приглашается принять ѣду. На столѣ, который по приказанію свекра слуги помѣщаютъ на верхнихъ ступенькахъ, ведущихъ въ залъ, разставляются разныя кушанья, и невѣста приглашается занять мѣсто на восточной сторонѣ стола. Свекровь наливаетъ чашу виномъ и подноситъ ее невѣсткѣ. Невѣстка, однако, прежде чѣмъ взять ее, поднимается съ своего стула и, ставъ на колѣни у ногъ свекрови, кланяется ей дважды, ударяя челомъ о полъ... Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ около Кантона нерѣдко невѣстѣ приходится бодрствовать большую часть ночи, отвѣчая на загадки, которыя ей обыкновенно задаютъ родственники и друзья жениха. Гости иногда напиваются до-пьяна, и дѣло доходитъ до буйства».

Остается сказать, что на третій день снова поклоняются предкамъ, и что молодая дѣлаетъ визитъ своимъ отцу и матери; въ тотъ же день дѣлаетъ такой визитъ и молодой супругъ. На четвертый день вечеромъ

устраивается обѣдъ для друзей новобрачныхъ, причемъ женщины и мущины ѣдятъ отдѣльно, а новобрачные прислуживаютъ своимъ гостямъ. Вотъ краткій отчетъ о нѣкоторыхъ изъ церемоній сопровождающихъ браки въ Кантонѣ. Народъ, живущій на лодкахъ, имѣетъ иные обычаи, и каждый уѣздъ Китая болѣе или менѣе разнится въ этомъ отношеніи.

Въ Сватоу невѣста не пользуется краснымъ брачнымъ паланкиномъ подобно Кантонскимъ невѣстамъ. Паланкинъ не дѣлается изъ дерева, какъ въ Кантонѣ, и невѣста не запирается въ немъ; занавѣски изъ красной матеріи покрываютъ паланкинъ, который помѣстительнѣе обычныхъ паланкиновъ и похожъ на чиновничій. Одинъ или два кэтти сырой свинины привѣшиваются на веревкѣ снаружи дверей паланкина. По прибытіи въ домъ жениха невѣста шагаетъ черезъ пылающій на землѣ костеръ, сложенный изъ нѣсколькихъ зажженыхъ связокъ сѣна. Цѣль этого, какъ говорятъ, очищеніе невѣсты отъ оскверненія какимъ-нибудь демономъ или вообще чѣмъ-нибудь нечистымъ, что могло съ нею встрѣтиться по пути. Невѣста возвращается домой для посѣщенія своихъ родителей не на третій день послѣ свадьбы, а черезъ четыре мѣсяца: На третій день послѣ брака Сватоускую невѣсту навѣщаетъ ея младшій братъ или, въ случаѣ если нѣтъ таковаго, какой-нибудь мальчикъ, живущій по сосѣдству съ домомъ ея родителей. Младшій братъ или мальчикъ приноситъ немного масла для свѣтиленъ (лампъ), приготовленнаго изъ земляного орѣха. Сватоуская невѣста совершаетъ поклоненіе въ залѣ предковъ въ 15 день первой луны въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ послѣ свадьбы (женщина считается «молодой» въ теченіе трехъ лѣтъ); въ первый годъ мужчины и женщины, какъ чужіе, такъ и знакомые, всѣ свободно могутъ приходить и смотрѣть на нее. Въ такихъ случаяхъ она угощаетъ дѣтей апельсинами, а взрослымъ предлагаетъ чай, между тѣмъ какъ женатые люди дарятъ ей чохи или серебро, завернутые въ красной бумагѣ.

Странный свадебный обычай существуетъ въ провинціи Юнь-пань. Китайцы называютъ его «женитьбой женщины на мужчинѣ». Обычай этотъ описывается однимъ путешественникомъ слѣдующимъ образомъ:

> «Церемоніи, сопровождающія такого рода бракъ, меньшихъ размѣровъ, чѣмъ церемоніи, наблюдаемыя при обыкновенныхъ бракахъ, и состоятъ главнымъ образомъ въ приходѣ мущины въ домъ женщины, гдѣ она и ея семейство и друзья собраны для этого случая. Дверь заперта, и мущина долженъ стучать. Его будущая жена тогда спрашиваетъ, кто тутъ; въ отвѣтъ на это онъ сообщаетъ свое имя

и нѣкоторыя подробности. Тогда она спрашиваетъ его, желаетъ ли онъ войти къ ней въ домъ и остаться у нея, на что онъ отвѣчаетъ, что онъ войдетъ и будетъ жить съ нею въ добромъ согласіи. Тогда дверь отворяютъ, мущина принимается, и начинается пиршество. Жена, вышедшая за мужъ такимъ образомъ, обязуется содержать своего мужа во всѣхъ отношеніяхъ, но помимо того она не беретъ на себя никакихъ обязательствъ по отношенію къ нему. Домъ ея, и она можетъ дѣлать въ немъ все, что захочетъ. Съ другой стороны, до тѣхъ поръ пока мужъ живетъ въ домѣ и ведетъ себя какъ послушный мальчикъ, онъ выполняетъ свою часть уговора, такъ какъ никакой работы отъ него не требуютъ. Такіе браки бываютъ тогда, когда родители, имѣя только дочерей, достаточно богаты, чтобы содержать мужей ихъ и желаютъ имѣть внуковъ; дѣти отъ такихъ браковъ принимаютъ фамильное имя жены и принадлежатъ ей и ея семейству».

Когда мущины нѣтъ дома, и неизбѣжныя обстоятельства препятствуютъ ему вернуться для женитьбы, то въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Кантонской провинціи заключается странный бракъ при посредствѣ повѣреннаго лица. Мы не знаемъ, существуетъ ли такой обычай еще и въ другихъ частяхъ имперіи или нѣтъ. Но куріозно въ этомъ то, что, вмѣсто того, чтобы въ качествѣ повѣреннаго дѣйствовалъ какой-нибудь мущина, роль жениха исполняетъ пѣтухъ. Послѣдній посылается женихомъ на брачную церемонію; впрочемъ даже нѣтъ необходимости, чтобы онъ былъ присланъ женихомъ, такъ какъ одного присутствія пѣтуха при заключеніи брака достаточно.

Въ Китаѣ дѣвушки только однажды законно выходятъ замужъ; онѣ сидятъ въ брачномъ паланкинѣ только разъ, и только тогда, когда, онѣ законныя, главныя жены. Не такъ дѣло обстоитъ по отношенію къ мущинѣ: онъ можетъ жениться сколько разъ угодно. Только одна женщина въ домѣ мущины занимаетъ положеніе настоящей жены; всѣ другія—а онъ можетъ взять сколько женъ пожелаетъ,—не суть главныя жены, или законныя, а только второстепенныя, или наложницы, хотя дѣти ихъ и считаются на равнѣ съ дѣтьми первой жены. Женщинамъ, которыя берутся въ качествѣ наложницъ, иногда мужья говорятъ, что онѣ будутъ ихъ считать равными съ первой женой.

Что касается того, счастлива ли китайская брачная жизнь или нѣтъ, то слѣдуетъ сказать, что ни мущина, ни женщина не знаютъ у нихъ никакого другого рода брачной жизни. Однимъ изъ обильныхъ источ-

никовъ раздоровъ является допущенная обычаемъ полигамія, такъ какъ ссоры и драки, ревность и зависть, раздоры и пререканія являются болѣе или менѣе достояніемъ многоженнаго хозяйства; а тяжбы объ имуществѣ, оставленномъ многоженцемъ-китайцемъ, усложняются благодаря различнымъ интересамъ четырехъ, пяти или шести женщинъ, которыя всѣ имѣютъ въ лицѣ покойника своего бывшаго мужа.

Важнѣйшая литература:—«China», соч. Archdeacon Gray, т. I, гл. VII, содержитъ весьма подробныя частности относительно брачныхъ церемоній въ Кантонѣ, и мы широко воспользовались этой книгой.—«Social Life of The Chinese», соч. Doolittle, разбираетъ обычаи, дѣйствующіе въ Фу-чжоу.—Статья въ «China Mail, 10th July, 1890, повидимому, написана съ сѣверной точки зрѣнія.—Брачные обычаи хаккасцевъ изложены въ одной изъ цѣлаго ряда статей объ этомъ племени въ «Hongkong Daily Press», за 1861 годъ.

П. Меньшиковъ.

Бронза. Китайское искусство выдѣлки и орнаментаціи бронзы, какъ кажется, было извѣстно въ глубокой древности. Во времена Шаньской династіи (1783—1134 г. до Р. Х.) бронзовая работа уже стояла на довольно высокой ступени развитія. Она была тѣсно связана съ древними религіозными вѣрованіями китайцевъ, такъ какъ бронзовыя вазы и всевозможные сосуды были въ употребленіи въ этихъ самыхъ примитивныхъ культахъ, которые и по нынѣ свободно властвуютъ надъ умомъ китайца: поклоненіе природѣ во всѣхъ видимыхъ проявленіяхъ неба и земли, звѣздъ, вѣтровъ, рѣкъ и горъ, составляло оффиціальную религію китайцевъ, принадлежавшую исключительно правящимъ классамъ; въ отношеніи отдѣльныхъ лицъ и семействъ оно получило дополненіе въ лицѣ поклоненія предкамъ. Къ несчастью строгое направленіе китайскаго поклоненія древностямъ и установившимся формамъ такъ привязало ихъ къ точному воспроизведенію всего, что сдѣлано ихъ предшественниками, что всѣ тѣ бронзовые сосуды, которые выдѣлывались въ продолженіе двадцати и болѣе вѣковъ, въ самыхъ незначительныхъ деталяхъ копируются и до настоящаго времени. Художественный вкусъ благодаря этому задерживался въ своемъ развитіи и долженъ былъ довольствоваться воспроизведеніемъ того, что считалось образцовыми произведеніями древности: игра личнаго вкуса и воображенія была ограничена и строго заключена въ границы, съ весьма немногими, и во всякомъ случаѣ незначительными, толчками извнѣ. Китайское искусство оставалось въ такомъ положеніи до перваго вѣка, когда новыя вліянія оказали на него благодѣтельное воздѣйствіе.

Прежде, однако, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію вліянія на него

буддизма, интересно отмѣтить наличность извѣстнаго рода декоративнаго рисунка, извѣстнаго на Западѣ подъ именемъ «греческаго», такъ какъ память о немъ сохранилась въ греческомъ и этрусскомъ искусствахъ. Естественнымъ образомъ возникаютъ вопросы: 1) Былъ ли рисунокъ этотъ заимствованъ китайцами отъ грековъ? Отвѣтъ тотъ, что это кажется невѣроятнымъ. 2) Изобрѣтенъ ли этотъ рисунокъ самостоятельно обоими народами? Отвѣтъ тотъ, что это невѣроятно, такъ какъ китайскій рисунокъ немногимъ отличается отъ греческаго. Существуетъ указаніе, что онъ сложился благодаря изображенію двухъ проникающихъ всю природу принциповъ «Янъ» и «Инь». 3) Относится ли этотъ рисунокъ къ такой отдаленной древности, чтобы онъ могъ вести происхожденіе свое отъ какой-нибудь общей колыбели человѣческой расы и благодаря этому первоначально быть общимъ для обоихъ народовъ? Казалось бы, что судя по настоящему состоянію нашихъ знаній, вопросъ этотъ долженъ оставаться открытымъ.

Первоначально единственными моделями для китайскихъ жертвенныхъ сосудовъ были животныя формы, но не онѣ однѣ только, такъ какъ имѣются вазы странныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ древнихъ формъ, какъ и чаши для возліяній, сдѣланныя въ формѣ опрокинутаго шлема на трехъ ножкахъ. Кромѣ двухъ вышеозначенныхъ цѣлей бронзовыя работы употреблялись еще и для приготовленія всевозможныхъ подарковъ, раздававшихся императорами.

Буддизмъ, на который мы уже сдѣлали намекъ, принесъ съ собою предметы рѣдкостные и искусства, которые китайцы могли копировать, онъ же послужилъ и стимуломъ тѣмъ, что предоставилъ въ распоряженіе китайскаго художника болѣе широкое поле для болѣе свободныхъ движеній и менѣе ограниченное, чѣмъ прежнія узкія рамки, имѣвшіяся подъ его руками. Многія изъ сокровищъ искусства, обязанныя своимъ происхожденіемъ его вліянію, безъ сомнѣнія, погибли во времена различныхъ преслѣдованій, которымъ не разъ подвергалась эта религія послѣ своего появленія въ Китаѣ. Человѣческія фигуры съ того времени начали служить сюжетомъ китайскаго художника, несмѣтное количество боговъ и богинь было изображено, и вотъ именно въ этой отрасли искусства можно встрѣтить лучшіе образцы китайскаго искусства, изъ которыхъ самые прекрасные были созданы около 1426 года по Р. Хр. и съ 1621 по 1643 годъ. Кульминаціонный же пунктъ былъ достигнутъ во время царствованія императора Канъ-си, въ 1662 году по Р. Х.

Даосскіе идолы и символы играли роль въ снабженіи китайскаго бронзовыхъ дѣлъ мастера предметами искусства. Во времена монгольскихъ правителей Китая и арабское или персидское искусство оказали нѣкоторое вліяніе на китайское бронзовое искусство, давши ему нѣсколько красивыхъ, недостававшихъ ему прежде, формъ и декоративныхъ и орнаментальныхъ рисунковъ. Въ связи съ этимъ слѣдуетъ указать на бронзовые астрономическіе инструменты въ Пекинской обсерваторіи, изготовленныя во времена Хубилай-хана. Только мимоходомъ мы можемъ упомянуть о золотыхъ инкрустаціяхъ или объ орнаментаціяхъ съ нѣжными фигурами и цвѣтами черной работы изъ серебряной или золотой проволоки, вдѣланной въ вырѣзанные на металлѣ или бронзѣ жолобки, чѣмъ весьма увеличивается красота. Точно также мы можемъ сдѣлать одно лишь указаніе на вороненое искусство, принесенное, по всей вѣроятности, изъ Индіи, какъ и на позолоченную бронзу, обязанную буддійскому вліянію на китайское искусство.

Важнѣйшая литература:—„L'Art Chinois", соч. M. Paléologue.

А. Хіонинъ.

Буддизмъ. Китай представляетъ небывалое зрѣлище того, что три могущественныхъ, такъ называемыхъ религіи совмѣстно господствуютъ надъ многомилліоннымъ его населеніемъ, и не смотря на сильную оппозицію со стороны старшаго изъ членовъ этой троицы—конфуціанства—по отношенію къ двумъ младшимъ членамъ, въ настоящее время существуетъ между ними внѣшній миръ. Каждая изъ трехъ религій дополняетъ другія и старается отвѣчать на различныя потребности человѣческой натуры: конфуціанство обращается къ нравственности и поведенію, даосизмъ—матеріалистическаго направленія, и буддизмъ—метафизическаго. Только двѣ изъ нихъ возникли въ Китаѣ: буддизмъ же чужестраннаго происхожденія и былъ введенъ въ 61 году по Р. Х., когда императоръ увидѣлъ во снѣ гигантскую золотую фигуру и послалъ въ Индію отыскивать новую религію. Нѣкоторые, однако, думаютъ, что она была извѣстна въ Китаѣ еще до этого. Первые вѣка буддизма въ Китаѣ ознаменовались переводами на китайскій языкъ многочисленныхъ буддійскихъ сочиненій, также значительнымъ прогрессомъ въ пріобрѣтеніи прозелитовъ, и въ IV в. девять десятыхъ населенія Китая были буддистами. Невозможно дать цифру численности ихъ въ настоящее время, такъ какъ каждый китаецъ, если онъ только не магометанинъ или христіанинъ, буддистъ, а также и даосистъ и конфуціанецъ, и часто еще въ одно и то же время. Эклектическая натура китайцевъ и взаимное приспособленіе религіозныхъ системъ

одной къ другой, путемъ взаимныхъ заимствованій, въ теченіе столѣтій совмѣстнаго обладанія китайскимъ религіознымъ настроеніемъ, привели въ результатѣ къ амалгаціи или, правильнѣе, къ механическому соединенію всѣхъ трехъ системъ. Ихъ соединеніе не такого тѣснаго характера, чтобы его можно было сравнить съ соединеніемъ химическимъ, гдѣ различные элементы соединяются во едино для образованія новой субстанціи. Всѣ три онѣ одинаково признанныя вѣры Китая: ихъ мудрецы и божества допускаются въ государственный пантеонъ и пользуются государственнымъ покровительствомъ. Какъ будто напрашивается сравненіе этой комбинаціи трехъ, иногда такъ тѣсно переплетенныхъ между собою, системъ съ тройственнымъ соединеніемъ тѣла, души и духа: конфуціанство съ его вездѣсущей сущностью, проникающей весь политическій организмъ и всю соціальную систему, образуетъ душу,—но здѣсь сравненіе должно остановиться, такъ какъ оно при соблюденіи хотя бы нѣкоторой доли приближенія къ истинѣ, не можетъ быть доведено дальше того, что можно сказать, что въ этомъ союзѣ имѣется еще два члена.

Буддизмъ распадается на двѣ большихъ вѣтви: сѣверную и южную. Къ сѣверной принадлежитъ буддизмъ Китая, Непала, Тибета, Монголіи, Кореи, Японіи и Кохинхины, къ южной—буддизмъ Цейлона, Бирмы и Сіама. Между сѣверной и южной вѣтвями существуетъ нѣкоторая разница: священныя книги сѣверныхъ буддистовъ написаны на санскритскомъ языкѣ, или же представляютъ собою переводы съ него, между тѣмъ какъ у южныхъ священнымъ языкомъ является пали. Сѣверные буддисты знаютъ разсказъ о западномъ раѣ, вытекающій, быть можетъ, изъ источника человѣческой души, какъ результатъ страстной мечты объ осязаемомъ мѣстонахожденіи будущаго блаженства, каковая мечта не удовлетворяется доктриной о Нирванѣ съ ея погруженіемъ въ безстрастное состояніе. Въ этой чистой странѣ Запада священные мужи свободны отъ страданія, смерти, полового различія, окружены великолѣпнѣйшей мѣстностью и живутъ цѣлыя эоны, наслаждаясь абсолютнымъ блаженствомъ. Богиня Милосердія, занимающая во многихъ отношеніяхъ то же мѣсто, что и Дѣва Марія у римско-католиковъ, принадлежитъ этой вѣтви буддизма. Южно-буддійская вѣтвь придерживается по отношеніи къ космогоніи и миѳологіи болѣе строго индусскихъ традицій, тогда какъ сѣверная вѣруетъ въ сравнительно новую и болѣе обширную вселенную съ соотвѣтствующимъ числомъ божествъ.

Хотя эти три религіи, особенно же даосизмъ и буддизмъ, такъ тѣсно переплетаются и смѣшиваются одна съ другой, но все же послѣдняя

гой стороны, дозволяется жить и вести торговлю иностраннымъ купцамъ. Первый подобный договоръ былъ подписанъ въ 1842 году въ Нанкинѣ, почему онъ и извѣстенъ подъ названіемъ Нанкинскаго договора. Въ силу этого договора пять городовъ, а именно Кантонъ, Амой, Фу-чжоу, Нинъ-бо и Шанхай были объявлены договорными портами.

По Тянь-цзиньскому договору, названному такъ вслѣдствіе того, что онъ былъ заключенъ въ Тянь-цзинѣ въ 1858 году, хотя и ратификованъ въ Пекинѣ въ 1860 году, были открыты для иностранной торговли порты: Ню-чжуанъ, Дэнъ-чжоу (Чифу), Тайвань (Формоза), Шань-тоу (Сватоу) и Цюнъ-чжоу.

По Чифускому договору, подписанному въ Чифу въ 1876 году, хотя и не ратификованному раньше, чѣмъ въ 1886 году въ Лондонѣ, были открыты для торговли «И-чанъ, въ провинціи Ху-бэй, У-ху въ Ань-хуй, Вэнь-чжоу въ Чжэ-цзянѣ и Бэй-хай» (по мѣстному произношенію Пакхой) въ Гуанъ-дунѣ; тамъ же были учреждены консульства. Чунъ-цинской торговой конвенціей, заключенной въ февралѣ 1890 года, было опредѣлено, что Чунъ-цинъ въ провинціи Сы-чуань долженъ быть договорнымъ портомъ, но что грузы должны перевозиться на туземныхъ лодкахъ, принадлежащихъ китайцамъ или иностранцамъ, пока не начнутъ ходить вверхъ по Янъ-цзы-цзяну до Чунъ-цина пароходы, принадлежащіе китайцамъ, въ какомъ случаѣ могутъ быть отправляемы туда и англійскіе пароходы.

Чифуской конвенціей города Да-тунъ и Ань-цинъ въ провинціи Ань-хуй, Ху-коу въ Цзянъ-си, У-сюэ, Лу-ци-коу и Ша-ши въ Ху-нанѣ, всѣ на Янъ-цзы, хотя и не считались договорными портами, но въ нихъ было дозволено останавливаться рѣчнымъ пароходамъ, но свозить грузъ и пассажировъ дозволялось только на туземныхъ лодкахъ.

По Бирманскому пограничному договору Западная рѣка была названа открытой для торговли 11-го іюня 1897 года и два порта на ней, Сань-шуй (Samshui) и У-чжоу-фу, были сдѣланы договорными портами, и кромѣ того еще были учреждены четыре порта для захода судовъ, а именно города Цзянъ-мынь (Koug-mun), Гань-чжоу (Kumchuk), Чжао-цинъ-фу (Shuching) и Дэ-цинъ-чжоу (Tak-king).

Въ 1899 году Сань-ду-ао тоже попалъ въ списокъ договорныхъ портовъ.

Все вышесказанное было устроено англійскимъ правительствомъ. Французы въ своемъ договорѣ 1858 году (ратификованномъ въ 1860 году), упоминаютъ, въ добавленіе къ нѣкоторымъ изъ портовъ англій-

скихъ договоровъ, Нанкинъ, какъ открытый портъ, причемъ предполагалось, что Нанкинъ будетъ «пользоваться тѣми же привиллегіями, какъ и Кантонъ, Шанхай, Нинъ-бо и Фу-чжоу». Однако, Нанкинъ сталъ открытымъ портомъ не раньше 1-го мая 1899 году, несмотря на то, что онъ уже раньше былъ объявленъ таковымъ; безъ сомнѣнія, французское правительство могло требовать открытія его, если бы оно того пожелало. Въ силу мирнаго договора между Франціей и Китаемъ, подписаннаго въ 1860 году, Тянь-цзинь, въ провинціи Чжи-ли, былъ объявленъ договорнымъ портомъ.

Далѣе по договору, заключенному между Франціей и Китаемъ и подписанному 9-го іюня 1885 года было, установлено, чтобы еще два мѣста, хотя и расположенныя внутри страны близъ французскихъ владѣній въ Тонкинѣ, пользовались одинаковыми привиллегіями съ договорными портами, и послѣдующими торговыми правилами для Аннамской границы, совмѣстно установленными Франціей и Китаемъ и подписанными въ 1886 году, было рѣшено, чтобы два мѣста были открыты на указанныхъ условіяхъ; эти два мѣста указаны въ добавочной конвенціи между Франціей и Китаемъ 1887 года, а именно Лунъ-чжоу въ провинціи Гуань-си и Мэнъ-цзы въ Юнь-нани; кромѣ того еще другое мѣсто, Мань-хао, отнесено къ той же категоріи.

«На основаніи конвенціи, заключенной между Франціей и Китаемъ и подписанной въ Пекинѣ 20-го іюня 1895 года, 20-го октября 1895 г. было учреждено вице-консульство въ Дунъ-синѣ, береговомъ порту, на границѣ съ Китаемъ, миляхъ въ 80-ти на западъ отъ Пакхоя и напротивъ деревни Монкай въ Тонкинѣ; французскій консулъ въ Пакхоѣ былъ представителемъ своей страны и въ Дунъ-синѣ.

Согласно постановленіямъ, содержащимся въ § 3 Добавочной пограничной конвенціи Жерарда 1895 года, Сы-мао былъ открытъ для пограничной торговли 2-го января 1897 г.

Въ силу той же Добавочной конвенціи между Китаемъ и Франціей... въ августѣ 1890 г. въ Сы-мао было открыто французское консульство, и 22-го августа было учреждено вице-консульство, подчиненное Мэнъ-цзыскому консульству, въ небольшой деревнѣ Хэкоу, напротивъ Лаокай на лѣвомъ берегу Красной рѣки, при сліяніи ея съ Нань-сиской рѣкой».

Далѣе слѣдуетъ участіе Германіи въ дѣлѣ вынужденія уступокъ у Китая: въ договорѣ, заключенномъ между Пруссіей и Китаемъ, подпи-

санномъ въ 1861 г. (ратификованномъ въ 1863 г.), названія договорныхъ портовъ перечислены въ ст. 6, причемъ имена рѣчныхъ портовъ Чжэньцзянъ, Цзю-цзянъ и Ханькоу присоединяются къ городамъ, въ то время уже предоставлѳннымъ Англіи и Франціи. По добавочной конвенціи между Германіей и Китаемъ, подписанной въ 1860 г. (ратификованной въ слѣдующемъ году) нѣмецкимъ судамъ дозволяется заходить въ У-сунъ въ провинціи Цзянъ-су для нагрузки или выгрузки товаровъ, направляемыхъ въ Шанхай или происходящихъ изъ Шанхая.

Помимо всѣхъ этихъ портовъ слѣдуетъ упомянуть еще Кантонскій портъ Вампоа (Whampoa съ произношеніемъ Wong-po), теперь уже утратившій всю свою прежнюю славу.

> «По новому договору съ Китаемъ, Россіи дозволяется учреждать консульства въ центральномъ Китаѣ, въ Монголіи и Маньчжуріи. Главная цѣль учрежденія этихъ консульствъ распространеніе русской торговли въ этихъ мѣстностяхъ».

Китайское таможенное комисарство учреждается въ Ятунѣ, пограничной станціи на Тибетской сторонѣ, въ 250 миляхъ отъ Хлассы, открытой 1-мая 1894 года.

Японія, извлекая выгоды изъ войны съ Китаемъ, помимо другихъ вещей, добилась еще и открытія для торговли нѣкоторыхъ другихъ договорныхъ портовъ. По договору между Китаемъ и Японіей, подписанному 17-го апрѣля 1895 года въ Симоносеки и ратификованному въ Чифу 8-го мая 1895 г., по ст. 6, слѣдующія мѣста были «открыты для торговли, жительства, промышленности и мануфактуры», «а именно Шаши въ Ху-бэѣ, Чунъ-цинъ въ Сы-чуани, Су-чжоу въ Цзянъ-су и Ханъ-чжоу въ въ Чжэ-цзянѣ», по той же статьѣ было разрѣшено «пароходное движеніе для кораблей подъ японскимъ флагомъ по верхнему Янъ-цзы отъ Ичана до Чунъ-цина» и «по р. У-суну и Каналу отъ Шанхая до Сучжоу и Ханъ-чжоу». Протоколомъ, составленнымъ въ Пекинѣ 19-го октября 1896 года въ добавленіе къ торговому и мореходному договору между Китаемъ и Японіей (заключенному въ Пекинѣ 21-го іюля 1896 г.), были приготовлены мѣста для устройства спеціальныхъ японскихъ сетльментовъ въ Шанхаѣ, Тянь-цзинѣ, Амоѣ и Ханькоу въ дополненіе къ спеціальнымъ японскимъ сетльментамъ, которые должны были быть устраиваемы въ указанныхъ выше вновь открытыхъ для торговли мѣстахъ. 5-го апрѣля 1898 г. Китай заявилъ объ открытіи для торговли трехъ портовъ: Фу-нинъ-фу въ Фу-цзянѣ, Іо-чжоу на озерѣ Дунъ-тинѣ, и Цинь-ванъ-дао близъ Шань-хай-гуаня. Они были открыты въ 1899 г.,

причемъ Сантуао является договорнымъ портомъ Фу-цзяньской провинціи въ заливѣ Самса. У-сунъ въ настоящее время тоже сдѣланъ договорнымъ портомъ. Сы-мао былъ открытъ для пограничной торговли согласно общей добавочной пограничной конвенціи Жерарда 1895 г.

Нань-нинъ-фу, въ провинціи Гуанъ-си, съ населеніемъ въ 120,000 человѣкъ, скоро также будетъ договорнымъ портомъ.

Нижеслѣдующая таблица, дающая положеніе и другія частности о различныхъ договорныхъ портахъ, судоходныхъ станціяхъ и пр., составлена нами въ той надеждѣ, что она можетъ представлять извѣстный интересъ для нашихъ читателей. Слѣдуетъ помнить, что попытка дать численность населенія китайскихъ городовъ представляетъ собою часто одну догадку составителей такихъ таблицъ, которыя въ лучшемъ случаѣ неточны.

ДОГОВОРНЫЕ ПОРТЫ.

Провинція.	Порты.	Годъ открытія.	Населеніе.	Примѣчанія.
Шэнъ-цзинъ.	Ню-чжуанъ.	1860	60,000	На р. Ляо въ 13 миляхъ отъ устья ея, близъ Шань-хай-гуаня.
Маньчжурія.	Цинь-ванъ-дао.	1899	—	—
Чжи-ли.	Тянь-цзинь.	1860	950,000	На р. Пейхо (Бай-хэ).
Шань-дунъ.	Чифу.	1863	30,000	—
Цзянъ-су.	Шанхай.	1843	400,000	При сліяніи рѣкъ Хуанъ-пу и У-суна, въ 24 миляхъ отъ моря.
	У-сунъ.	1898	35,000	На р. У-сунѣ, въ 12 миляхъ отъ моря.
	Су-чжоу.	1896	500,000 слишкомъ	Въ 80 миляхъ внутрь страны отъ Шанхая.
	Чжэнь-цзянъ.	1861	140,000	На р. Янъ-цзы, въ 150 миляхъ отъ устья ея, при сліяніи ея съ Великимъ каналомъ.
	Нанкинъ.	1899	150,000	На южномъ берегу Янъ-цзы, въ 45 миляхъ отъ Чжэнь-цзяна.
Ань-хуй.	У-ху.	1877	79,000	Въ 282 миляхъ отъ моря, на р. Янъ-цзы.
Цзянъ-си.	Цзю-цзянъ.	1861	55,000	На р. Янь-цза, въ 466 миляхъ отъ моря, близъ выхода изъ озера Бо-яна.
Ху-бэй.	Ханькоу.	1861	1,000,000	На рѣкѣ Хань, при сліяніи ея съ Янъ-цзы, въ 600 миляхъ отъ Шанхая.
	Ша-ши.	1896	83,400	Въ 836 миляхъ отъ моря, на Янъ-цзы, и въ 85 миляхъ ниже И-чана.

Провинція.	Порты.	Годъ открытія.	Населеніе.	Примѣчанія.
Ху-бэй.	И-чанъ.	1877	35,000	На р. Янъ-цзы, въ 393 миляхъ выше Ханькоу и въ 966 миляхъ отъ моря.
Ху-нань.	Іо-чжоу-фу.	1899	60,000	На р. Янъ-цзы, въ 722 миляхъ отъ моря.
Сы-чуань.	Чунъ-цинъ.	1891	300,000	На р. Янъ-цзы въ 1,400 миляхъ отъ моря.
Чжэ-цзянъ.	Ханъ-чжоу.	1896	750,000	Въ 50 миляхъ на Ю. З. отъ Шанхая.
	Нинъ-бо.	1842	255,000	На р. Юнъ.
	Вэнь-чжоу.	1877	800,000	На р. Оу, въ 20 миляхъ отъ устья ея.
Фу-цзянь.	Фу-чжоу.	1842	650,000	На р. Минь, въ 34 миляхъ отъ моря.
	Амой.	1842	300,000	При устьѣ Драконовой рѣки.
	Сантуао.	1899	—	Близъ залива Сань-ша; портъ —Фу-нинъ.
Гуанъ-дунъ.	Сватоу.	1860	30,000	На р. Хань. Настоящій договорный портъ Чао-чжоу-фу на растояніи 35 миляхъ отъ Сватоу.
	Кантонъ.	1842	2,500,000	На Жемчужной рѣкѣ, въ 50 м. отъ устья ея.
	Пакхой.	1877	20,000	—
	Самшуй.	1897	30,000	Близъ сліянія Сѣверной, Западной и Кантонской рѣкъ, въ двухъ миляхъ отъ берега; портомъ является Ху-коу.
	Хай-коу.	1876	12,000	Цюнъ-чжоу, съ населеніемъ въ 41,000 чел., настоящій договорный портъ въ 3½ миляхъ отъ Хай-коу.
Гуанъ-си.	У-чжоу.	1897	50,000	На Западной рѣкѣ при сліяніи ея съ р. Кассія, въ 220 миляхъ отъ Кантона.
	Лунъ-чжоу.	1889	22,000	При сліяніи рр. Сунъ-чони и Гао-бинъ.
Юнь-нань.	Мэнъ-цзы.	1889	12,000	Былъ открытъ вмѣстѣ съ Манъ-хао, на лѣвомъ берегу Красной рѣки.
	Сы-мао.	1897	15,000	—
	Ху-коу.	1896	4,000	При сліяніи р. Мань-си и Красной рѣки.
Тибетъ.	Я-тунъ.	1894	—	Въ 250 миляхъ отъ Хлассы.
Чжи-ли.	Таку.	—	—	При устьѣ р. Пэй-ліо, портъ Тянь-цзиня, въ 67 миляхъ отъ него.
Цзянъ-си.	Да-тунъ.	1886	—	—
Ху-гуанъ т. е..	Ань-цинъ.	1886	—	—
Ху-бэй и Хунань	У-суэ.	1886	—	—

Провинцій.	Порты.	Годъ открытія.	Населеніе.	Примѣчанія.
Ху-гуанъ т. е. Ху-бэй и Хунань	Лу-ци-коу.	1886	—	—
	Ша-ши.	1886	—	—
Цзянъ-су.	У-сунъ.	1861	35,000	Новый договорный портъ.
Гуанъ-дунъ.	Вампоа.	1842	—	Портъ Кантона, въ 12 миляхъ отъ него, на Жемчужной или Кантонской рѣкѣ.
	Ху-коу.	1897	—	Гавань Самшуй'я.
	Цзянъ-мынь.	1898	100,000	На дельтѣ Кантонской рѣки.
	Ганъ-чжоу.	1898	—	Тоже.
	Чжао-цинъ-фу.	1898	—	На Западной рѣкѣ.
	Дэ-цинъ-чжоу.	1898	—	Тоже.
	Дунъ-синъ.	1895	—	Въ 80 миляхъ на западъ отъ Пакхоя; въ немъ устроено французское вице-консульство.

Иностраннымъ подданнымъ дозволяется путешествовать въ продолженіе пяти дней на разстояніи 100 ли, около тридцати трехъ миль. отъ договорныхъ портовъ, но для болѣе продолжительныхъ и болѣе далекихъ путешествій необходимы паспорта, получаемые отъ подлежащихъ консульствъ.

Въ договорныхъ портахъ имѣются опредѣленные участки для пользованія иностранцами; ихъ часто называютъ иностранными концессіями, хотя въ то же время иностранцамъ дозволяется жить и среди китайцевъ.

Обыкновенно участки эти принадлежали всѣмъ иностранцамъ сообща, но у французовъ былъ отдѣльный участокъ въ Шанхаѣ и у американцевъ въ Хунъ-коу (Honkew). За послѣдніе годы развилось сильное стремленіе обезпечить за отдѣльными національностями владѣніе отдѣльными участками вмѣсто того, чтобы соединиться вмѣстѣ, какъ то по большей части практиковалось до сихъ поръ, и теперь имѣется извѣстное количество подобныхъ концессій въ различныхъ договорныхъ портахъ. Часть Шамяня въ Кантонѣ отдѣлена для французовъ. Въ Тянь-цзинѣ имѣются концессіи для англичанъ, французовъ, нѣмцевъ и японцевъ, а въ Ханькоу для японцевъ, нѣмцевъ, англичанъ, французовъ и русскихъ. Въ Ню-чжуанѣ японцы пріобрѣли кусокъ земли для концессіи, равно какъ и англичане для той же цѣли. Японцы имѣютъ также сетльменты въ Ша-ши. Ханъ-чжоу и Су-чжоу.

Кромѣ указанныхъ договорныхъ портовъ имѣются еще различные порты или участки земли, принадлежащіе или отданные въ аренду иностраннымъ націямъ.

Сюда относится Портъ-Артуръ, защищающій Сѣверный входъ въ Печилійскій заливъ,—вмѣстѣ съ Да-лянь-ванемъ и русской сферой вліянія. Затѣмъ Вэй-хай-вэй, находящійся въ рукахъ англичанъ съ 24-го мая 1898 г., у самой провинціи Шань-дунъ, защищающій южный входъ въ вышепомянутый заливъ, открывающій доступъ къ Тянь-цзину и Пекину, съ участкомъ земли, который на картѣ отмѣченъ, какъ сфера вліянія Англіи. Нѣсколько миль южнѣе, внизъ по берегу, лежитъ Цзяо-чжоу, находящійся въ рукахъ нѣмцевъ, вмѣстѣ съ германской сферой вліянія. Цзяо-чжоу былъ объявленъ свободнымъ портомъ 2-го сентября 1898 г. На югѣ расположена важная англійская колонія Гонконгъ, которая на противоположномъ берегу материка два раза прихватила куски земли. Въ сорока миляхъ отъ Гонконга расположенъ древній португальскій сетльментъ (а теперь колонія) Макао, которому насчитываютъ лѣтъ триста. Далѣе къ югу имѣется самый послѣдній изъ всѣхъ владѣній, Гуанъ-чжоу-вань, съ принадлежащей къ нему землей, на которой утвердились французы, поднявъ свой трехцвѣтный флагъ 2-го апрѣля 1898 года.

Слѣдуетъ помнить, что Гонконгъ и Коу-лунъ (англійскій), Макао (португальскій), Портъ-Артуръ (русскій), Цзяо-чжоу (нѣмецкій), Вэй-хай-вэй (англійскій) и Гуань-чжоу-вань (французскій) не договорные порты, а колоніи или сетльменты, принадлежащіе различнымъ вышепомянутымъ національностямъ. Почти-что необходимо обратить на это вниманіе, такъ какъ нерѣдко бываютъ случаи, что въ британской *колоніи* Гонконгъ получаются письма, адресованныя британскому *консулу*, или поручаемыя его храненію для выдачи адресатамъ, и бываетъ, что китайцы обращаются къ британскимъ чиновникамъ, называя ихъ чиновниками таможенной службы Соединенныхъ Штатовъ.

Важнѣйшая литература:—«The Treaty Ports of China and Japan», соч. W. F. Mayers, N. B. Dennys и C. King.—„The China and Hongkong Directory".

Доктора. Китайскій докторъ—оригинальное явленіе: онъ не подвергается никакому экзамену, къ нему не предъявляютъ никакихъ требованій. Ему раньше, можетъ быть, не повезло въ торговомъ дѣлѣ, и вотъ онъ устроился въ качествѣ врача, для чего онъ не нуждается ни въ какой обстановкѣ, такъ какъ медицинскіе инструменты почти-что неизвѣстны (см. статью объ *Акупунктурѣ*). Если онъ можетъ достать старую книгу рецептовъ отъ какого-нибудь бросающаго свое ремесло практиканта, тѣмъ лучше для него. Тогда онъ совершенно приготовленъ, чтобы убивать или вылечивать паціентовъ, смотря по удачѣ, или, какъ

то рѣшать его невѣжество или счастливыя обстоятельства. Тотъ докторъ пользуется самымъ большимъ вліяніемъ въ глазахъ своихъ земляковъ, отецъ котораго также былъ докторомъ, и это вліяніе еще больше возрастаетъ въ случаѣ, если и его дѣдъ былъ докторомъ. Можно было бы предположить, что это происходитъ отъ невѣжественной вѣры въ вліяніе наслѣдственности, но въ дѣйствительности, какъ увѣряютъ сами китайцы, самое драгоцѣнное въ ихъ глазахъ то, что сынъ или внукъ, владѣютъ книгами съ рецептами своихъ отцовъ. Съ такими пособіями доктору ничего не мѣшаетъ начать свою эмпирическую карьеру. Гонораръ разнится, смотря по разряду доктора и его паціентовъ, а также и по мѣсту жительства: находится ли оно въ модномъ кварталѣ, или въ бѣдныхъ предмѣстьяхъ, въ городѣ ли, или въ деревнѣ. Если докторъ является къ больному въ паланкинѣ, то, пожалуй, можетъ быть поставлена въ счетъ огромная сумма въ 30 центовъ, или даже въ 1/2 доллара; но изъ этой суммы большая часть идетъ на плату за паланкинъ, и только остатокъ поступаетъ въ пользу самого доктора. Если же докторъ принадлежитъ къ болѣе низшиму разряду и приходитъ пѣшкомъ, то ему полагается и соотвѣтственно меньшая плата. Докторъ дѣлаетъ торжественный видъ и сильно напоминаетъ сову, когда онъ въ полутемной китайской спальнѣ смотритъ чрезъ свои громадные выпуклые очки, каждое стекло которыхъ имѣетъ два дюйма въ ширину и вставлено въ неуклюжую, огромную мѣдную оправу. Предметомъ первой важности является пощупываніе различныхъ пульсовъ организма, каковыхъ китайцы насчитываютъ не мало. Ощупывается пульсъ на обѣихъ рукахъ; пульсъ распадается на три части, каждая изъ которыхъ смотря по болѣе легкому или сильному удару указываетъ на какой-нибудь отдѣльный органъ тѣла; такимъ образомъ, при помощи пощупанія пульсовъ опредѣляютъ состояніе цѣлой дюжины дѣйствительныхъ или воображаемыхъ органовъ. Узнавъ по ударамъ трехъ пульсовъ каждой руки мѣстонахожденіе болѣзни, докторъ, можетъ быть, предложитъ еще нѣсколько вопросовъ, къ чему, впрочемъ, рѣдко прибѣгаютъ. Лекарство, иногда составляемое изъ ужасной и отвратительной смѣси, приготовляется въ большихъ дозахъ, такъ какъ, по мнѣнію китайцевъ, чѣмъ больше доза лекарства, тѣмъ больше и вѣроятности, что оно окажетъ благотворное дѣйствіе. Иностранные доктора, предписывая китайцамъ лекарства, должны быть очень осторожны, такъ какъ происходили весьма комичные случаи, въ родѣ того, что невѣжественный больной проглатывалъ не только порошокъ или пилюли, но и бумажку, въ которую они были завернуты.

Кромѣ нѣкоторыхъ медикаментовъ, имѣющихся и въ нашей Западной Materia Medica, у нихъ употребляются еще, какъ лекарство, змѣиныя шкурки, ископаемыя, стружки рога носорога или оленя, шелковичные черви, человѣческія выдѣленія, асбестъ, ночныя бабочки, устричныя раковины и т. д. и т. д. Почти все, что отвратительно, считается хорошимъ лекарствомъ. Вездѣ существуютъ аптекарскія лавки, гдѣ изготовляются лекарства по рецептамъ докторовъ, или гдѣ сами паціенты покупаютъ такія лекарства, которыя, по ихъ мнѣнію, имъ нужны. Почти на всѣхъ свободныхъ стѣнахъ расклеены шарлатанныя докторскія рекламы.

Манера обращенія китайцевъ съ своими докторами нѣсколько оригинальна. Если способъ леченія доктора не приноситъ быстраго выздоровленія, то паціентъ призываетъ другого доктора; и если отъ этого не лучше, то третьяго, и такъ далѣе, въ быстрой послѣдовательности, пока, когда всякая человѣческая помощь окажется недѣйствительной, онъ, наконецъ, не обратится къ своимъ богамъ, если онъ уже не прибѣгалъ къ нимъ раньше.

Часто можно видѣть, что женщина, идя по улицѣ, размахиваетъ дѣтскою курткою и взываетъ монотоннымъ голосомъ къ духу больного ребенка, чтобы онъ вернулся въ тѣло его, откуда онъ, по общераспространенной вѣрѣ ушелъ, что видно изъ того, что ребенокъ находится въ безсознательномъ или сонливомъ состояніи.

Во времена эпидемій устраиваются разными торговыми цехами большія процессіи, къ денежному участію въ которыхъ призываются всѣ лавочники и домовладѣльцы.

Важнѣйшая литература: «Middle kingdom», соч. Williams.

А. Кобелевъ.

Дороги. На югѣ Китая рѣки являются естественными путями, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ особенности въ дельтѣ Кантонской рѣки, вся страна буквально изрѣзана рѣками и ручьями, соединенными между собою каналами, благодаря чему каждая пядь земли дѣлается легко доступной для рѣчного сообщенія. Отъ этой рѣчной сѣти идутъ дорожки, соединяющія торговые города и деревни. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти тропинки вымощены гранитными плитами. Исправлять или устраивать заново дороги считается великой заслугой.

Окрестности Сватоу изобилуютъ водными путями сообщенія; на нѣкоторыхъ рѣкахъ имѣются многочисленныя суда самой разнообразной конструкціи. Общественныя дороги въ этой мѣстности, вообще, хороши, хотя онѣ скорѣе представляютъ собою тропинки. Онѣ часто сдѣланы изъ

огромныхъ плитъ извѣстнаго рода цемента, шириною около одного ярда и болѣе; иногда же цементъ употребляется для того, чтобы залить имъ камни, образующіе мостовую; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ употребляются четыреугольники нѣсколько иной структуры, чѣмъ въ другихъ частяхъ дороги, напоминающіе собою конгломератъ, и, наконецъ, мѣстами употребленъ одинъ простой камень. Дороги въ этой мѣстности не прямыя, но вьются вкось и вкривь между рисовыми полями.

Въ окрестностяхъ Амоя, повидимому, нѣтъ такого оживленія на рѣкахъ, и то же самое, какъ говорятъ, можно сказать и о великомъ Янъцзы-цзянѣ въ центрѣ Китая.

На сѣверѣ Китая дороги такъ изъѣзжаны телѣгами, что онѣ лежатъ ниже окружающей ихъ земли, благодаря чему онѣ при сильныхъ дождяхъ образуютъ естественные водостоки для массы дождевой воды; когда онѣ находятся въ такомъ состояніи, путешественникамъ нерѣдко приходится переплывать черезъ нихъ, и извѣстны случаи, что путешествующіе прямо-таки тонули на такихъ дорогахъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ существуютъ дороги, устроенныя пятьсотъ и даже цѣлыя тысячи лѣтъ тому назадъ.

Было бы возможно сильное развитіе торговли и значительное облегченіе сообщенія, если бы появился какой-нибудь китайскій MacAdam, или, если бы китайское правительство, вмѣсто того чтобы покупать иностранные военные матеріалы, посвятило свою энергію на устройство этихъ артерій торговли. При той странной манерѣ китайцевъ дѣлать все шиворотъ-на-выворотъ, которая у нихъ вообще наблюдается, не такъ ужъ невѣроятно, что желѣзныя дороги прорѣжутъ имперію своими паутинообразными линіями вдоль и поперекъ, прежде чѣмъ система надлежащимъ образомъ устроенныхъ дорогъ явится въ этой странѣ *fait accompli*.

П. Меньшиковъ.

Драконы. Драконъ является эмблемой китайской имперіи, эмблемой императорскаго всемогущества и символомъ для выраженія всего того, что относится къ императору: его особа называется «особой дракона», его лицо «лицомъ дракона», его глаза «глазами дракона»; его руки—«лапы дракона», и его рукава—«рукава дракона»; его дѣти—«сѣмя дракона»; его кисть (т. е. автографъ императора)—«кисть дракона»; его тронъ—«сѣдалище дракона»; когда императоръ восходитъ на тронъ, то это дѣйствіе называютъ «полетомъ дракона»; его постель—«ложе дракона»; о его кончинѣ, смягчая суровую истину, говорятъ, что «импера-

торъ сѣлъ на дракона, чтобы быть гостемъ на небесахъ», и праотеческая табличка императора называется «табличкой дракона».

Драконъ, служащій эмблемой императорской власти изображается на мебели, фарфорѣ и тканяхъ о пяти когтяхъ; драконъ же, употребляемый народомъ, имѣетъ только 4 когтя. Одинъ китайскій писатель даетъ слѣдующее описаніе дракона.

> «Его голова похожа на голову верблюда, его рога напоминаютъ оленьи рога, а глаза—заячьи глаза; уши подобны ушамъ быка; шея похожа на шею змѣи; брюхо его, какъ у болотной саламандры; чешуя, какъ у карпа; когти орлиные; лапы, какъ у тигра. Онъ покрытъ 81 чешуйкой, что представляетъ собою произведеніе изъ 9×9, почитаемое (самымъ нечетнымъ или) счастливымъ числомъ. Его голосъ напоминаетъ звуки гонга. Съ обѣихъ сторонъ его пасти имѣются усы; подъ его подбородкомъ находится ярко-блестящій перлъ; чешуя подъ горломъ перевернута. На головѣ имѣется «бо-тань», называемое нѣкоторыми деревяннымъ указнымъ футомъ. Драконъ безъ этого указнаго фута не можетъ подниматься на небеса. Изъ его дыханія образуются облака, переходящія иной разъ въ дождь, порой же въ огонь».

Къ этому точному описанію этого удивительнаго созданія (одного изъ 4-хъ сверхъ-естественныхъ, по китайскимъ вѣрованіямъ, или духовно-одаренныхъ созданій: драконъ, черепаха, линь и фынъ) остается только добавить, что «оно обладаетъ силой воплощенія и даромъ дѣлаться, по собственному своему желанію, видимымъ или невидимымъ». Другой китайскій авторитетъ сообщаетъ, что «драконъ, по своему желанію можетъ уменьшаться до величины шелковичнаго червя или же увеличиваться до такой степени, что заполняетъ собой все пространство между небомъ и землей. При желаніи подниматься онъ поднимается, пока не упирается въ облака; при желаніи спускаться онъ спускается, пока не исчезаетъ подъ сокровенными ключами въ неизмѣримой глубинѣ». Китайцы искренно вѣрятъ въ дѣйствительность существованія этого таинственнаго и чудеснаго существа; оно фигурируетъ въ ихъ древней исторіи; будійскія легенды полны разсказовъ о немъ; даоскія сказанія содержатъ самыя подробныя описанія его дѣяній; вся страна наполнена разсказами о его скрытыхъ обиталищахъ и грозныхъ появленіяхъ. Въ то же время онъ занимаетъ выдающееся мѣсто въ псевдонаукѣ гаданія по линіямъ и точкамъ. Его изображенія можно встрѣтить въ частныхъ жилищахъ и въ храмахъ; оно въ качествѣ орнамента, архитектурнаго, художественна-

го или промышленнаго, даже болѣе распространено, чѣмъ извѣстный, причудливыхъ формъ, левъ.

Драконовъ много, слишкомъ много для того, чтобы хотя вкратцѣ перечислить ихъ здѣсь. Цѣлые томы можно заполнить исторіей этого удивительнаго, допотопнаго существа, наполняющаго собою китайскую литературу и народную память.

Между прочими ролями драконъ играетъ роль современнаго китайскаго Нептуна. Въ качествѣ таковаго онъ обитаетъ на днѣ морскомъ, во дворцѣ, построенномъ изъ перловъ, и посылаетъ дождь и воду на томящуюся жаждой землю.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Англіи автору пришлось встрѣтиться съ однимъ почтеннымъ старикомъ, весьма интересовавшимся Китаемъ, который былъ твердо убѣжденъ въ томъ, что китайцы покланяются дьяволу, такъ какъ они воздаютъ божескія почести змѣю-дракону. Это только одинъ изъ цѣлой массы примѣровъ, рисующихъ ошибочность мнѣній европейцевъ о китайцахъ. Правда, китайцы покланяются дракону, но изъ этого еще далеко не слѣдуетъ, что ихъ драконъ нашъ «старый змѣй», т. е. дьяволъ.

Среди разнаго рода драконовъ имѣется еще короткохвостый драконъ, производящій вихри. Китайцы полагаютъ, что пагубный вихрь, разразившійся нѣсколько лѣтъ тому назадъ надъ Кантономъ, обязанъ своимъ происхожденіемъ именно этому дракону.

Мѣстность на материкѣ, лежащая какъ разъ противъ англійской колоніи Гонконга, называется Коу-лунъ (Kau-lung, обыкновенно же англичане пишутъ Kowloong или Kowloon) или же «Девятью Драконами», каковое названіе, вѣроятно, произошло отъ многочисленныхъ рядовъ холмовъ, которые, подобно гигантскимъ чудовищамъ, извиваясь тянутся вдоль берега; при этомъ необходимо знать, что девять драконовъ у китайцевъ излюбленное число, изображеніе девяти драконовъ можно видѣть въ нѣкоторыхъ древнихъ сочиненіяхъ, трактующихъ о знаменахъ. Національный флагъ Китая, принятый въ той части его флота, которая состоитъ изъ судовъ иностранной постройки, представлялъ собой раньше треугольный желтый флагъ, съ изображеніемъ на немъ дракона. Впослѣдствіе форма этого флага, однако, была измѣнена въ продолговатую для того чтобы онъ по формѣ не отличался отъ флаговъ другихъ національностей; но девизъ на немъ оставленъ прежній.

Общепринятыя изображенія дракона, какъ мы уже видѣли, бываютъ обыкновенно двухъ родовъ: императорскій драконъ изображается въ ви-

дѣ змѣеобразнаго существа, съ четырьмя ногами, съ громадной головой и съ лапами о 5 когтяхъ. Онъ разстилается на блюдѣ, или на какомъ-нибудь другомъ плоскомъ предметѣ такъ, что закрываетъ собою большую часть его. На вазахъ, употребляемыхъ народомъ въ видѣ украшенія, искусству предоставлена извѣстная свобода тѣмъ, что допускается изображать на вазѣ нѣсколько такихъ существъ (но только о четырехъ когтяхъ) въ различныхъ положеніяхъ, причемъ встрѣчаются лицевыя положенія ихъ, такъ что видны оба рога. Въ настѣнной живописи и на картинахъ, писанныхъ по дереву и помѣщаемыхъ надъ дверями, изображается обыкновенно драконъ дождя. Здѣсь видъ этого страшнаго чудовища производитъ впечатлѣніе безобразной пестрой змѣи, такъ какъ посреди кучъ облаковъ видны изгибы очень толстаго и огромнаго змѣеподобнаго тѣла; такое таинственное, на половину сокрытое, положеніе дракона усиливаетъ, пожалуй, представленіе о его величинѣ, между тѣмъ какъ прямо на зрителя глядитъ страшная, полнолицая голова, со всей ея отталкивающей громадностью. Въ книгахъ, напечатанныхъ по высочайшему повелѣнію или императорскимъ иждивеніемъ, заголовокъ обыкновенно окруженъ двумя драконами, борющимися, не какъ левъ и единорогъ англійскаго государственнаго герба изъ-за короны, а изъ-за жемчужины. Далѣе существуетъ два рода драконовъ, носимыхъ во время процессій, до которыхъ китайцы такіе охотники. Въ такихъ случаяхъ они представляются въ видѣ длинныхъ змѣевидныхъ чудовищъ, весьма толстыхъ и имѣющихъ 150—200 фт. въ длину, сдѣланныхъ изъ веселаго, ярко раскрашеннаго крепа и искрящихся вслѣдствіе помѣщенныхъ въ крепѣ крошечныхъ блестящихъ зеркалъ. Приблизительно черезъ каждый ярдъ видна пара человѣческихъ ногъ, принадлежащихъ носильщикамъ и обутыхъ въ великолѣпные шелковые башмаки; головы же и плечи этихъ людей скрыты. Впереди имѣется огромная голова страшнаго вида, передъ раскрытой пастью которой идетъ человѣкъ съ большой жемчужиной, ловя которую драконъ становится на дыбы и извивается. Разница между указанными двумя родами этихъ драконовъ та, что одинъ изъ нихъ представляется всегда съ блестящей золотой чешуей, тогда какъ другой съ серебристой. То обстоятельство, что эта разница не является продуктомъ досужей фантазіи, видно изъ того факта, что въ Индіи различаютъ три разновидности дракона: одинъ, живущій въ горахъ, съ золотистой чешуей; другой, живущій въ пещерахъ и на равнинахъ, съ серебристой чешуей; и наконецъ, третій, скрывающійся въ болотахъ и трясинахъ, весь чернаго цвѣта. Драконъ дождя, принятый въ изображеніяхъ настѣнной живописи, представляется болѣе похожимъ на драконовъ по-

слѣдняго рода. Слѣдующія свѣдѣнія о предполагаемомъ происхожденіи дракона заимствованы нами изъ ученаго труда Charles Gould'a:

«Болѣе вѣроятно, что онъ (драконъ) когда-то существовалъ въ дѣйствительности, а не является только продуктомъ праздной фантазіи... Повидимому, это была длинная земноводная ящерица, проводившая зиму въ спячкѣ, плотоядная, обладавшая способностью сокращать свое змѣеобразное тѣло и хвостъ; можетъ быть, что она была снабжена крылообразными отростками своихъ внѣшнихъ покрововъ, на манеръ Draco volans, и обладала способностью, коекакъ передвигаться, на заднихъ ногахъ, когда она была возбуждена во время борьбы. Тѣло ея, повидимому, было защищено броней съ торчащими иглами, подобно тѣмъ, которыя наблюдаются у Moloch horridus и Megalania prisca; она, вѣроятно, была болѣе родственна этой послѣдней, чѣмъ какой-нибудь иной намъ извѣстной породѣ; она, вѣроятно, предпочитала мѣста песчаныя и открытыя мѣстамъ лѣсистымъ. Родиной ея являлись плоскогорья Центральной Азіи. Время исчезновенія этого вида, вѣроятно, должно быть отнесено къ эпохѣ библейскаго потопа... Хотя она была земноводнымъ пресмыкающимся, но она, вѣроятно, наравнѣ съ большей частью пресмыкающихся, часто купалась, а въ остальное время, если она только не грѣлась на солнцѣ, она уединялась подъ выдающіеся берега или въ какую-нибудь пещеру. Мысль о томъ, что она больше всего любила ласточекъ и обладала способностью привлекать ихъ къ себѣ, о чемъ упоминается въ нѣкоторыхъ преданіяхъ, вѣроятно, произошла отъ того факта, что эти птицы охотились около нея за мухами, причемъ онѣ, преслѣдуя послѣднихъ, пролетали черезъ открытую ея пасть, которая своими клейкими выдѣленіями привлекала мухъ».

Важнѣйшая литература:—«Mythical Monsters» соч. C. Gould., B. A. Scraps from Chinese Mythology», статья Rev. Dyer Ball, M. A, M. D., съ примѣчаніями J. Dyer Ball, въ «China Review», т. 13.

Н. Воробьевъ.

Дѣти. Китай кишитъ дѣтьми. Если Франція въ процентномъ отношеніи между взрослыми и дѣтьми стоитъ на одномъ концѣ, то Китай въ этомъ отношеніи стоитъ на противоположномъ, и китайская нація охотно согласится съ словами великаго еврейскаго псалмопѣвца: «Счастливъ человѣкъ, у котораго ихъ полный колчанъ», хотя она, пожалуй, выразилась бы нѣсколько иначе, замѣнивъ слово «дѣти» словомъ «мальчики». Дѣйствительно вся страна кишитъ ими и не только земля, но и

даже вода. Небольшія лодки въ Кантонѣ, играющія тамъ отчасти такую же роль, какъ экипажи и телѣги на Западѣ, имѣютъ на себѣ представителей не только прошлаго поколѣнія въ лицѣ какой-нибудь древней бабушки, уже слишкомъ старой, чтобы управлять весломъ, или настоящаго въ лицѣ здоровой и веселой матери, но и будущаго, олицетворенного полдюжиной мальчиковъ и дѣвочекъ всѣхъ возрастовъ и величинъ, начиная съ крошечной малютки (которую носитъ на спинѣ почти такой же величины сестренка), и кончая старшей сестрой-невѣстой—ей уже пятнадцать лѣтъ,—представляющей собою нѣчто среднее между дѣвочкой и женщиной. Зайдя въ любую деревушку или поселокъ, вы встрѣтите цѣлую толпу дѣтишекъ, точно такую же многочисленную, какъ рой комаровъ и москитовъ надъ вашей головой. Вы только удивляетесь, откуда они берутся, гдѣ и какъ они живутъ. Одежда ихъ стоитъ немного: нѣсколько старыхъ тряпокъ для свивальника—это все, что заготовляется для новорожденнаго; въ деревняхъ, по крайней мѣрѣ лѣтомъ, для дѣтей одной какой-нибудь куртки уже достаточно, а иногда и ихъ собственная мѣдно-красная кожа служитъ имъ единственнымъ одѣяніемъ. Вмѣстѣ съ возрастающими годами увеличивается и количество одежды, преимущественно у дѣвочекъ, тогда какъ у мальчиковъ она даетъ себя ждать гораздо дольше.

Для европейскаго взгляда дѣти, окруженныя всей грязью, всей нищетой, присущей китайской городской и деревенской жизни, не покажутся особенно привлекательными; но не смотря ни на какую бѣдность, дѣти все же на бѣломъ свѣтѣ вездѣ и всюду останутся дѣтьми, и они даже у кажущихся безчувственными китайцевъ въ состояніи вызвать самыя лучшія, обыкновенно остающіяся скрытными, чувства. Ихъ лепетъ приводитъ въ восторгъ любящаго отца, каждая черта лица котораго сіяетъ гордостью; нѣжность и милые порывы дѣтской души ихъ не стушевываются даже непривлекательностью ихъ миндалевидныхъ глазъ и бритыхъ головокъ.

Относительное положеніе, занимаемое обоими полами при вступленіи ихъ въ свѣтъ, наглядно представляется въ слѣдующей хорошо извѣстной выпискѣ изъ одной изъ классическихъ книгъ:

Родился мальчикъ...
Кладутъ спать его на кровать,
Надѣваютъ длинное платье,
Позволяютъ играть яшмовымъ жертвеннымъ значкомъ.
Если онъ заплачетъ, такъ громко...
Его красные наколѣнники внушительны,

Ибо онъ изъ царской семьи...
Родилась дѣвочка...
Спать тебѣ на полу...
Носить ночное одѣяніе...
Играть глиняной принадлежностью ткацкаго станка...
Относятся къ тебѣ безразлично...
Роль твоя не пойдетъ дальше заботъ о питьѣ и пищѣ,
И родители не оставятъ наслѣдства.*)

Въ теченіе перваго мѣсяца китайское дитя остается безъ имени, потомъ, когда оно перестаетъ быть одной лишь численной единицей въ дѣтскомъ мірѣ, въ его честь устраиваютъ пиръ; тогда ему даютъ, такъ сказать, пробное имя, или, слѣдуя выразительной фразеологіи китайцевъ, ласкательныя названія его, «малютка» или «милочка», перемѣняются на нѣчто болѣе отличительное; голову его бреютъ, что представляетъ собою чрезвычайно мудрый обычай въ странѣ, гдѣ съ паразитами мирятся, какъ съ казнью, ниспосылаемой провидѣніемъ для наученія людей терпѣнію. Строгость считается настоящимъ способомъ обращенія съ дѣтьми; естественная привязанность, однако, часто одерживаетъ верхъ, слѣдствіемъ чего является постоянный конфликтъ между этими двумя принципами, подобно тому, какъ, по представленію персовъ, существуетъ постоянная борьба между добромъ и зломъ; однако, ни то, ни другое не является въ данномъ случаѣ ни безпредѣльной добротой, ни безпредѣльной жестокостью. Когда дитя плачетъ, то въ большинствѣ случаевъ немедленно же исполняются всѣ его желанія. Иногда же родители поддаются неудержимымъ порывамъ гнѣва, стараясь привести къ послушанію непослушное дитя; тогда они его бьютъ весьма жестоко по головѣ или гдѣ попало, полѣномъ дровъ или чѣмъ-нибудь другимъ, оказавшимся подъ руками, и такіе свирѣпые взрывы гнѣва, подобно тайфуну, уносятъ все передъ собою.

Несмотря на всѣ эти испытанія и на существующую въ Китаѣ теорію, что игра—пустая трата времени, китайскій ребенокъ имѣетъ въ

*) Предлагаемый переводъ стиховъ Ши-цзина представляетъ собою прямой переводъ съ китайскаго, обязательно поставленный въ наше распоряженіе профессоромъ А. В. Рудаковымъ; помѣщенный же въ англійскомъ оригиналѣ сей книги переводъ въ стихахъ Legge мы намѣренно исключаемъ, какъ не отличающійся, на нашъ взглядъ, никакими литературными достоинствами и дающій лишь самое отдаленное представленіе о китайскомъ оригиналѣ. Придерживаясь китайскихъ коментаторовъ, къ первой строчкѣ нашего перевода слѣдовало бы прибавить слова: „въ царской семьѣ", неимѣющіяся въ китайскомъ оригиналѣ. *Прим. Ред.*

своемъ распоряженіи очень много развлеченій, которыя онъ вполнѣ умѣетъ цѣнить и употреблять въ дѣло. Имѣются массы свадебныхъ праздненствъ и похоронъ, устраиваемыхъ на самыхъ признанныхъ, душеспасительныхъ принципахъ съ хорами музыки; процессіи и пиры; игрушки, примитивныя по устройству и, конечно, чрезвычайно дешевыя по матеріалу—какое дитя не умѣетъ наслаждаться игрушками!—спеціально приготовлены для его удовольствія, и надо видѣть, какъ онъ умѣетъ найти во всемъ для себя интересъ.

Новый годъ самое славное время для маленькаго китайчонка. Въ лучшемъ своемъ платьѣ онъ тащится рядомъ съ своимъ отцомъ, чтобы принять участіе въ новогоднихъ визитахъ; маленькій его умъ весь занятъ вычисленіемъ того, сколько чоховъ удастся ему получить въ подарокъ отъ знакомыхъ своего отца, который въ то же время думаетъ о всевозможныхъ выгодныхъ дѣлахъ, которыми его обрадуетъ Новый годъ. «Kung Hei, fát ts'oí»,—вотъ они! маленькій человѣчекъ кланяется, шаркаетъ ножками и сжимаетъ свои толстенькіе крошечные пальчики, точь-въ-точь подражая взрослымъ. Являясь, такъ сказать, настоящей, неподдѣльной щепкой со стараго чурбана, онъ относится къ своему удовольствію серіозно; но какъ только визиты окончены, онъ, повидимому, уже веселится во всю, когда онъ при помощи зажженной палки, подобно усердному тряпичнику, бережно переворачиваетъ кучи дымящейся бумаги, оставшейся отъ той длинной цѣпи швермеровъ, которые только-что пустилъ на воздухъ его старшій братъ, чтобы вознаградить себя нѣсколькими парами изъ нихъ, давшими осѣчку.

Однако, не проходитъ много лѣтъ, какъ дѣтскій возрастъ уже оконченъ, и начинается ученіе; имя ребенка опять передѣлывается на новое, хотя и въ то же время онъ сохраняетъ и свое дѣтское или, какъ его иногда называютъ, «молочное имя», въ теченіе всей жизни.

В. Рыпинъ.

Дѣтоубійство. Чѣмъ дольше живешь въ Китаѣ, тѣмъ больше чувствуешь необходимость быть крайне осторожнымъ въ утвержденіяхъ, что то-то существуетъ тамъ, и что того-то нѣтъ. О чемъ мы въ молодыхъ годахъ авторитетно утверждали, что этого никогда не бываетъ въ Китаѣ,—въ существованіи того намъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ приходилось убѣдиться собственными глазами и ушами. Что это справедливо не только по отношенію къ намъ, о томъ, безъ сомнѣнія, могли бы свидѣтельствовать многіе изъ Западныхъ старожиловъ въ Китаѣ. Нѣкоторые авторы значительно грѣшили въ этомъ направленіи въ своихъ описаніяхъ тѣхъ

незначительныхъ частей Китая, въ которыхъ имъ приходилось жить: они судили обо всей громадной имперіи, съ различными ея жителями, обычаями и нравами, по одной небольшой части ея, превращая такимъ образомъ извѣстную математическую аксіому, что цѣлое содержитъ въ себѣ свои части, въ абсурдное утвержденіе, что «одна незначительная часть содержитъ въ себѣ цѣлое».

Быть можетъ, никакой другой вопросъ не доказываетъ въ такой степени справедливость этихъ словъ, какъ вопросъ о дѣтоубійствѣ, такъ какъ то, что совершенно вѣрно для одного какого-нибудь незначительнаго округа, совершенно ложно въ приложеніи къ другимъ, болѣе обширнымъ мѣстностямъ. Далѣе слѣдуетъ сказать, что то, что въ одно какое-нибудь время, въ исключительныхъ случаяхъ, является возможнымъ, можетъ больше и не повторяться даже въ тѣхъ же самыхъ округахъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ.

Чтобы сдѣлать приблизительно вѣрную оцѣнку этому страшному преступленію въ Китаѣ, необходимо, чтобы систематическія изслѣдованія были произведены за большое число лѣтъ во всей странѣ.

Какъ общее утвержденіе можно предпослать то, что въ нѣкоторыхъ частяхъ имперіи, въ извѣстные періоды времени, это преступленіе совершается прямо-таки въ ужасающихъ размѣрахъ. Такъ одинъ авторъ говоритъ, что «ежегодно убиваются тысячи дѣвочекъ».

Что подобные ужасы часто совершаются въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ—отрицать безполезно. При наличности извѣстныхъ обстоятельствъ они получаютъ даже извѣстную quasi-санкцію разсказомъ объ одномъ человѣкѣ, не имѣвшемъ достаточно средствъ для того, чтобы содержать своего старика-родителя и собственное свое семейство, благодаря чему онъ вмѣстѣ съ своей женой рѣшилъ принести въ жертву ребенка, чтобы имѣть достаточно средствъ для его дѣдушки. Когда этотъ заблудившійся и жестокій отецъ—по китайскимъ же понятіямъ весьма почтительный сынъ,—хотѣлъ похоронить живымъ своего ребенка, тогда небо наградило его и удержало его отъ окончательнаго исполненія этого рода сыновней почтительности тѣмъ, что дало ему открыть горшокъ съ золотомъ въ той ямѣ, которую онъ выкопалъ для своего ребенка. Этотъ разсказъ, встрѣчающійся въ числѣ 24-хъ моральныхъ (?) повѣстей, выставляется обыкновенно какъ примѣръ для поощренія людей на исполненіе сыновнихъ обязанностей. Что же удивительнаго послѣ этого, если нѣкоторые слѣдуютъ этому примѣру? Если бы даже самые факты дѣтоубійства не были извѣстны, то всетаки существованіе его нашло бы себѣ доказатель-

ство въ прокламаціяхъ, издаваемыхъ по временамъ властями противъ этого зла. Далѣе можно услышать еще подтвержденіе этого факта изъ устъ самихъ сознавшихся въ томъ родителей, что они избавлялись отъ своихъ дѣтей именно этимъ способомъ. И наконецъ, у автора есть небольшое сочиненіе, изданное съ благословенія богини Милосердія; которое возстаетъ противъ этого обычая и описываетъ способы его совершенія.

Съ другой стороны, не слѣдуетъ думать, что всѣ дѣтскія тѣла, плывущія внизъ по рѣкамъ, являются жертвами дѣтоубійства, или что всѣ дѣтскія тѣла, брошенныя по сторонамъ дороги или въ горахъ, непремѣнно жертвы безсердечныхъ рукъ; дѣло въ томъ, что китайцы не хоронятъ маленькихъ дѣтей съ той же заботливостью, которую они оказываютъ взрослымъ, благодаря чему дѣтей часто бросаютъ въ рѣку или же на поле.

Одной изъ главныхъ причинъ дѣтоубійства является бѣдность. Другой является низкій почетъ, оказываемый дѣвочкамъ, и все то зло, которое естественно вытекаетъ изъ низкаго положенія, занимаемаго ими въ обществѣ, ибо бываетъ весьма рѣдко, чтобы убивались мальчики. Это даетъ намъ указаніе еще на одну, третью причину, а именно, что тѣ случаи, когда убиваются мальчики, по всей вѣроятности, вызываются какими-нибудь физическими недостатками ихъ, каковая причина иногда играетъ роль и при убійствѣ дѣвочки.

«Въ своей книжкѣ: «The Diseases of China» Dr. Dudgeon говоритъ на стр. 56 слѣдующее: «Одно несомнѣнно, что дѣтоубійство не такъ распространено, какъ мы обыкновенно это думаемъ; и на сѣверѣ, откуда Европа главнымъ образомъ получала свои представленія о Китаѣ чрезъ посредство іезуитовъ въ прошломъ*) столѣтіи, этого обычая не существуетъ вовсе». Эти замѣчанія не относятся къ Шань-си, гдѣ обычай этотъ очень распространенъ. Китайскіе учители отрицаютъ фактъ, убійства дѣвочекъ, но простолюдины легко сознаются, что они истребляютъ многихъ дѣвочекъ. Среди бѣднаго класса сравнительно мало найдется старухъ, которыя не были бы виновны въ этомъ преступленіи. Авторъ самъ знаетъ нѣсколько примѣровъ подобнаго рода».

Въ окрестностяхъ Ханькоу наблюдается много такихъ случаевъ среди бѣднаго и сельскаго населенія. Говорятъ, что обычай этотъ въ большомъ ходу и у хаккасцевъ; нѣсколько рѣже онъ практикуется въ Кантонѣ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Фу-цзяньской провинціи это, пови-

*) Рѣчь идетъ о XVIII столѣтіи. *Прим. Ред.*

димому, составляетъ обычное явленіе. По справкамъ, наведеннымъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ этой провинціи, оказалось, что среднимъ числомъ около 40°/₀ всѣхъ дѣвочекъ убивается такимъ преступнымъ образомъ (какъ мы это называемъ), но ни китайскій законъ, ни общественное мнѣніе не считаютъ это преступленіемъ!

Въ областномъ городѣ, близъ Сватоу, авторъ видѣлъ за городской стѣной прислоненную къ стѣнѣ корзину, которая издали походила на колыбель. Надъ ней былъ прикрѣпленъ кусокъ цыновки, образуя нѣчто въ родѣ крыши для защиты отъ дождя и солнца. Родители, которые желаютъ избавиться отъ дѣтей, кладутъ ихъ въ такія корзины, и всякій мягкосердечный человѣкъ, если хочетъ, можетъ взять покинутаго ребенка къ себѣ. Когда же такая помощь не является, ребенка постигаетъ судьба многихъ дѣтей въ Китаѣ. Приготовленія, дѣлаемыя для дѣтоубійства въ одномъ большомъ и важномъ областномъ городѣ близъ Амоя, не такъ человѣчны: дѣтей кладутъ просто въ большую дыру въ городской стѣнѣ. Въ сѣверномъ Китаѣ имѣются «дѣтскія башни», устроенныя среди другихъ цѣлей, вѣроятно, и для этой, хотя ими главнымъ образомъ и пользуются для помѣщенія въ нихъ труповъ дѣтей. Иногда устраивается на различныхъ сторонахъ башни по одной дырѣ для помѣщенія труповъ мальчиковъ отдѣльно отъ дѣвочекъ для того, чтобы предупредить всякую возможность искушенія къ безнравственнымъ поступкамъ между душами маленькихъ дѣтей.

П. Шкуркинъ.

Евразіаты*). Дѣти европейскихъ отцовъ и азіатскихъ матерей, или наоборотъ, называются евразіатами, отъ соединенія первыхъ слоговъ обоихъ словъ. Нѣкоторые изъ нихъ одѣваются по иностранному, другіе же по туземному: первые кажутся болѣе похожими на своихъ китайскихъ матерей, чѣмъ на своихъ отцовъ; вторые же выглядываютъ очень бѣлыми и похожи на иностранцевъ. Глаза ихъ обыкновенно черные; потомки второго и третьяго поколѣній часто очень красивы, съ темноватыми волосами и иногда съ болѣе свѣтлыми глазами. Соединеніе двухъ расъ, на сколько это касается мужчинъ, производитъ, какъ кажется, болѣе живую расу, чѣмъ китайцы, и притомъ такую, органы рѣчи которой болѣе приспособлены къ произношенію англійскихъ словъ, чѣмъ органы чистокровныхъ китайцевъ, ибо очень рѣдко случается, чтобы китаецъ

*) Считая образованіе этого слова довольно удачнымъ, мы его переносимъ въ русскій языкъ въ надеждѣ, что не будетъ препятствій къ привитію его.

Прим. Ред.

говорилъ по англiйски правильно, почти такъ же рѣдко, какъ англичанинъ говоритъ по китайски, какъ китаецъ, хотя бы они цѣлые годы прожили, второй въ Китаѣ, а первый въ Англiи. Нѣкоторые дѣвушки, въ которыхъ преобладаетъ англiйская кровь, очень миловидны и красивы. Къ несчастью, большинство дѣвочекъ воспитывается для безнравственныхъ цѣлей и продается для нихъ подобно невольницамъ.

Въ Шанхаѣ имѣется евразiатская школа. Большое количество дѣтей въ Diocesan Home и Orphanage въ Гонгконгѣ принадлежитъ къ этому же разряду; очень большое число ихъ имѣется также въ Центральной Правительственной Школѣ (Government Central School), теперь названной Колледжемъ Королевы (Queen's College), въ той же колонiи. Изъ этихъ учрежденiй они поступаютъ въ адвокатскiя и другiя конторы, гдѣ становятся очень полезными клерками и переводчиками, благодаря знанiю, какъ китайскаго, такъ и англiйскаго языковъ.

Не всѣ потомки смѣшанныхъ браковъ подходятъ подъ эту категорiю, такъ какъ многiе изъ нихъ идутъ подъ названiемъ португальцевъ. ка овое названiе на Дальнемъ Востокѣ присваивается не только тѣмъ, кому оно дѣйствительно принадлежитъ, но обыкновенно употребляется и для обозначенiя всѣхъ, кто, имѣя въ своихъ жилахъ нѣсколько капель иностранной крови, предпочитаетъ называться такъ, равно какъ предпочитаетъ одѣваться въ иностранную одежду и говорить на какомъ-то жаргонѣ, величаемомъ именемъ португальскаго языка, но на самомъ дѣлѣ представляющемъ родъ португальскаго *пиджина*, на столько не понятнаго для новыхъ пришельцевъ изъ Португалiи, что они для пониманiя его нуждаются въ переводчикахъ. Макаосцы было бы лучшимъ названiемъ для нихъ, такъ какъ большинство изъ нихъ или родилось въ Макао или же произошло отъ жителей этого города. Волосы ихъ имѣютъ всѣ оттѣнки красокъ и ихъ тѣлосложенiе указываетъ на слѣды индiйскихъ (Goa), китайскихъ, японскихъ и европейскихъ предковъ во всѣхъ пропорцiяхъ смѣшенiя. Торговыя конторы переполнены ими. Они имѣютъ хорошiй почеркъ и служатъ клерками, но рѣдко достигаютъ какой-либо довѣрительной должности. Они работаютъ вообще изъ-за куска хлѣба, и бѣднѣйшiе изъ нихъ живутъ скученно подобно китайцамъ. Лишь очень немногiе занимаются самостоятельными торговыми дѣлами.

Н. Меньшиковъ.

Евреи. Много лѣтъ тому назадъ произвело большую сенсацiю открытiе колонiи этого древняго народа внутри Китая, а именно въ главномъ городѣ провинцiи Хэ-нань, Кай-фынѣ. Говорятъ, что они пере-

селились въ Китай во времена Ханьской династіи, хотя и относительно точнаго времени этого переселенія ничего достовѣрнаго неизвѣстно.

Неоднократно посѣщали ихъ въ Кай-фынѣ, и при такихъ случаяхъ отъ нихъ было получено нѣсколько экземпляровъ еврейскихъ рукописей, но «оказалось, что нѣтъ никакой существенной разницы по содержанію между этими рукописями и печатными еврейскими библіями въ Европѣ». Рукописи эти хранятся въ разныхъ учрежденіяхъ, какъ-то въ City Hall Library въ Гонгконгѣ, въ British Museum и въ Bodleian.

Потомки этой еврейской колоніи въ Кай-фынъ-фу погрязли въ невѣжествѣ и бѣдности; ни одинъ изъ нихъ не умѣетъ читать по еврейски; синагоги ихъ больше не существуетъ, и никакихъ службъ не производится; и черезъ нѣсколько лѣтъ послѣдніе слѣды этой еврейской общины, состоящей изъ 200—400 душъ, вѣроятно совершенно исчезнутъ въ массѣ окружающихъ ее язычниковъ и магометанъ. Съ тѣхъ поръ, какъ написаны эти строки, это, кажется, случилось уже почти, если даже не совсѣмъ.

Важнѣйшая литература:—Въ приложеніи къ «Christian Progress in China», соч. Arnold Foster, B. A., обыкновенный читатель найдетъ сжатый отчетъ объ этой интересной еврейской колоніи.—См. также «Middle Kingdom», соч. Williams.—«The Jews in China», соч. J. Finns.—«The Orphan Colony of Jews in China», соч. J. Finns, M. R. A. S.—«Fac-similes of the Hebrew Manuscripts obtained af the Jewish Synagogue in K'ae-Fung Foo».

П. Шкуркинъ.

Желѣзныя дороги. Китай казался бы идеальной страной для гигантской системы желѣзныхъ дорогъ, такъ какъ это «страна громадныхъ разстояній»; но это также и страна «изумительныхъ предразсудковъ»; поэтому неудивительно, что желѣзныя дороги въ Китаѣ находятся въ младенческомъ состояніи. «Европа имѣетъ милю желѣзныхъ дорогъ на каждыя 2400 жителей; Китай же не имѣетъ даже мили на каждый милліонъ своего населенія». Великолѣпныя водяныя сообщенія доставляютъ большія удобства для транзита, и «Китай лучше снабженъ водяными путями, какъ природными, такъ и искусственными, чѣмъ всякая другая страна въ мірѣ, исключая, быть можетъ, только Голландію», но вдали отъ нихъ провозъ часто бываетъ очень дорогъ. Провозъ каменнаго угля сухимъ путемъ въ Китаѣ иногда обходится въ два шиллинга за тонну съ мили, между тѣмъ какъ въ Великобританіи отъ полупенса до одного пенса, а въ Соединенныхъ Штатахъ одинъ фартингъ (четверть пенса) за тотъ же вѣсъ и то же разстояніе. Въ Китаѣ на-

ходятся обширныя залежи каменнаго угля. Напр., одна только провинція Шань-си имѣетъ площадь антрацита въ 13500 миль, равнаго по качеству самому лучшему пенсильванскому, отъ 15 до 40 футъ толщиною. Въ той же провинціи имѣются также богатыя битуминозныя залежи, такъ что одна толька перевозка каменнаго угля составляла бы прекрасное будущее для желѣзныхъ дорогъ въ Китаѣ; прибавьте къ этому могущій быть проѣздъ пассажировъ, товарные поѣзда, нагруженные провизіей, и проч., и проч., и проч.

Около сорока лѣтъ тому назадъ, Sir R. Stephenson выступилъ съ планомъ всеобщей системы желѣзныхъ дорогъ въ надеждѣ на возможность осуществленія его. Всѣ иностранцы въ Китаѣ естественно высказались въ пользу такого плана; только одинъ или два человѣка указывали на то, что китайцы еще не подготовлены къ этому, и что не скоро еще наступитъ такое время, и что, при настоящемъ положеніи вещей, безъ сомнѣнія, изъ этого ничего не выйдетъ.

Въ 1873 г. небольшая желѣзнодорожная линія, въ 10 миль длиною, была устроена одной англійской фирмой между Шанхаемъ и У-Суномъ, у устья Шанхайской рѣки. Движеніе было большое, но китайское правительство было недовольно тѣмъ, что это предпріятіе находилось въ рукахъ иностранцевъ; поэтому оно купило эту дорогу и закрыло ее въ 1877 году; потомъ оно сняло ее, и рельсы и подвижной составъ были перевезены на о. Формозу, гдѣ они лежали, ржавѣя, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Желѣзная дорога на Формозѣ была построена китайцами, и этотъ матеріалъ и подвижной составъ нашли себѣ примѣненіе на этомъ отдаленномъ островѣ китайской имперіи, гдѣ то зло, которое могла причинить желѣзная дорога, было слишкомъ далеко въ сторонѣ, чтобы вліять на устойчивость могущественныхъ владѣній Сына Неба. Кромѣ того Китай имѣлъ еще контроль надъ этой дорогой въ своихъ рукахъ. (См. исторію У-сунской жел. дороги, «Hongkong Daily Press», 27th September 1892). Эта линія между Шанхаемъ и У-суномъ была вновь возстановлена и открыта въ 1898 году.

Слѣдующая линія, послѣ указанной У-сунской жел. дороги, была проведена отъ каменноугольныхъ копій въ Кай-пинѣ къ морскому берегу, откуда она была доведена до фортовъ Таку. Она сначала была открыта для перевозки каменнаго угля къ берегу канала, но въ настоящее время она развилась въ очень большое предпріятіе, и можно почти сказать, что все благосостояніе прилегающей мѣстности зависитъ отъ нея. Помѣщеніе капитала оказалось очень выгоднымъ. Эта желѣзная до-

рога была чрезвычайно полезна китайцамъ для передвиженія войскъ во время японской войны, но постройка ея была пріостановлена во время конфликта между двумя націями. Поѣзда въ 1000 футовъ длиною не представляли на ней рѣдкаго зрѣлища.

Нѣсколько времени тому назадъ писали слѣдующее:

«Нѣсколько времени тому назадъ занимались постройкой (и примѣръ этой постройки укажетъ на нѣкоторыя обстоятельства, мѣшающія развитію желѣзныхъ дорогъ въ Китаѣ) императорской желѣзной дороги, которой предполагалось соединить Тянь-цзинь съ Гириномъ въ Маньчжуріи. Девяносто четыре мили (отъ Тянь-цзина до Kuyeh) были въ дѣйствіи съ 1891 года, а въ теченіе 1892 года было перевезено 488,300 пассажировъ». Линія «ежегодно увеличивалась на 50 миль».

«На главной станціи Тянь-цзинь работаетъ около 100 китайскихъ клерковъ, болѣе половины которыхъ, какъ удостовѣрено, совершенно безполезно, «будучи друзьями и паразитами». На другихъ станціяхъ наблюдается то же положеніе дѣла. «Плата за проѣздъ въ первомъ классѣ немного больше полъ-пенса за милю, во второмъ—немного больше одного фартинга, а въ третьемъ даже еще дешевле. Вся выручка за проѣздъ во всѣхъ трехъ классахъ за цѣлый годъ (1892 г.), на протяженіи всѣхъ вышеуказанныхъ девяноста четырехъ миль, равнялась только 10,000 фунт. стерлинговъ, считая 1 таэль въ 6 шилл. 8 пенс. Доходы, согласно любопытному отчету консула Brenan'a, со всѣхъ источниковъ были только 226,000 таэлей или 75,500 ф. ст., и даже эта послѣдняя цифра, по общему курсу, показано слишкомъ высоко».

«Туземные капиталисты имѣютъ лишь мало довѣрія къ «Императорской линіи» въ отношеніи помѣщенія капитала. Кромѣ того, не публикуются никакіе отчеты о томъ, какъ расходуются деньги. Правительство даетъ ежегодно около 600,000 ф. ст. субсидіи для поддержанія линіи, которая содержится единственно съ стратегическими цѣлями, хотя по первоначальной мысли ею хотѣли пользоваться исключительно какъ коммерческимъ предпріятіемъ. Указанное обстоятельство съ коррупціей администраціи, дурнымъ управленіемъ и дѣйствительнымъ бойкотомъ со стороны капиталистовъ, очевидно, не въ состояніи дать хорошую надежду на успѣхъ. «Желѣзнодорожная администрація намѣревается построить вспомогательную линію къ Мукдену, между тѣмъ какъ главная линія на сѣверѣ

имѣетъ быть продолженной до Гириня... Отъ Лань-чжоу предполагается постройка другой линіи въ западномъ направленіи, къ сѣверу отъ Тунъ-чжоу (близъ Пекина), а отсюда до главнаго города провинціи Чжи-ли, Бао-динъ-фу.

Линія Общества Кайпинскихъ угольныхъ копей сначала предполагалась единственно для перевозки каменнаго угля къ берегу канала, но потомъ она была продолжена до Тянь-цзиня и открыта для проѣзда пассажировъ. Участокъ Тянь-цзиньской линіи до Шань-хай-гуаня, гдѣ Великая стѣна доходитъ до моря, былъ оконченъ; равно была санкціонирована и линія отъ Линь-си до Ню-чжуана и дальше до Гириня (см. ниже). Линія отъ Тянь-цзиня до Пекина была открыта въ 1897 г., и она, при помощи примыкающаго къ ней электрическаго трамвая, доходитъ до самыхъ воротъ Пекина, а именно до воротъ «Юнъ-динъ-мынь».

Соображенія военной обороны дѣйствуютъ на китайское правительство при возбужденіи вопроса о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ гораздо сильнѣе, чѣмъ что-либо другое. Даже короткая линія на сѣверѣ оказалась полезной во время недавняго мятежа.

> «Главная цѣль китайскаго правительства при проведеніи желѣзныхъ дорогъ, это—обезпеченіе удобства передвиженія войскъ и военныхъ припасовъ, а не споспѣшествованіе торговлѣ или поощреніе промышленности».

Проектъ всякой новой желѣзной дороги, повидимому, долженъ выдержать при самомъ своемъ появленіи сильное противодѣйствіе. Существовала прогрессивная партія, покровительствовавшая проведенію желѣзныхъ дорогъ, но существовала и другая партія, противная прогрессу, состоявшая изъ консервативныхъ чиновниковъ. Но обѣ партіи, повидимому, вмѣстѣ держались общей идеи устранить всякое иностранное вмѣшательство. Китайцы, боясь иностраннаго вліянія въ своей странѣ, не откажутся отъ какого бы то ни было сопротивленія дѣлу развитія желѣзнодорожныхъ плановъ для Китая, пока ихъ не заставятъ силою допустить это. «Китай для китайцевъ» служитъ ихъ девизомъ и изъ боязни, какъ бы среди нихъ не появилась какая-нибудь чужеземная власть, они не хотѣли и слушать никакихъ просьбъ о дозволеніи строить линіи. Настолько они были осторожны въ этомъ дѣлѣ, что рѣшили даже плавить свою собственную руду и выдѣлывать свои собственныя рельсы, покупая, какъ можно меньше на иностранныхъ рынкахъ. Если бы они остались при этомъ рѣшеніи, то, вѣроятно, прошло бы много лѣтъ прежде, чѣмъ у нихъ мог-

ли дѣйствовать желѣзныя дороги болѣе крупныхъ размѣровъ. Съ этой цѣлью китайцы основали въ окрестностяхъ Хань-коу обширные желѣзодѣлательные заводы и проложили въ Хань-коу маленькую линію для подвоза руды; эта линія была названа Да-э'ской желѣзной дорогой и шла въ Хуанъ-ши-гань, на разстояніи—60 ли (20 миль). Въ отдаленномъ будущемъ имъ неясно представлялась главная линія отъ Пекина черезъ У-чанъ въ Кантонъ. Приступятъ ли они къ сооруженію этой линіи дѣйствительно еще въ этомъ столѣтии*), или же проектъ этотъ будетъ отложенъ на неопредѣленное время,—было сомнительно. Вице-король, который имѣлъ въ своихъ рукахъ предпріятіе, послѣ траты громадныхъ суммъ денегъ въ первомъ періодѣ указанныхъ выше работъ, очутился въ серіозныхъ финансовыхъ затрудненіяхъ, и было весьма сомнительно, чтобы онъ былъ способенъ продолжать работы въ болѣе значительной мѣрѣ, такъ какъ капитала для постройки желѣзныхъ дорогъ въ Китаѣ не было: у правительства нужныхъ денегъ не имѣлось; занять у иностранцевъ—не хотѣлось; а на частныя предпріятія не соглашались. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ было сдѣлано другое предложеніе—построить линію отъ Кантона до Сань-шуй-бо, недалеко отъ Международныхъ доковъ (Cosmopolitan Docks), расположенныхъ на британской территоріи, на материкѣ напротивъ Гонконга. Были произведены изысканія, и получено разрѣшеніе на постройку линіи, но проектъ такъ и заглохъ. Эта линія должна была проходить чрезъ весьма важный городъ Шекълунъ, а также и чрезъ другія мѣста, простираясь во всю длину на 380 ли (около 127 миль). Но, подобно другимъ желѣзнымъ дорогамъ, ни одинъ иностранецъ не имѣлъ права владѣть акціями. Позднѣе была проектирована желѣзная дорога между Сватоу и областнымъ городомъ Чаочжоу-фу. Питали надежду, что линія, въ какія-то 30 миль, будетъ предвѣстникомъ другихъ короткихъ линій на югѣ Китая; но въ результатѣ появилось одно разочарованіе.

Послѣдній отдѣлъ нашей статьи показываетъ одну ступень (а именно—вторую; первая заключала въ себѣ сильнѣйшую оппозицію, какъ выше объ этомъ сказано) въ исторіи желѣзнодорожныхъ предпріятій въ Китаѣ. Съ тѣхъ поръ произошли большія перемѣны, и въ продолженіе нѣкотораго времени въ связи съ Китаемъ было только и слышно о сферахъ вліянія, желѣзнодорожныхъ, промышленныхъ и другихъ концесіяхъ: Россія, Франція, Германія и Англія, равно какъ и другія страны, всѣ стучались въ двери Китая.

---

*) Рѣчь идетъ о XIX столѣтіи.

Прим. Ред.

Предполагается соединить русскую систему желѣзныхъ дорогъ съ китайской: съ Маньчжуріей, какъ русской сферой вліянія, это легко будетъ выполнимо. Франція, кажется, желаетъ проникнуть въ Китай со своими желѣзными дорогами изъ своихъ Индо-Китайскихъ владѣній, сосѣднихъ съ Юнь-нанемъ, между тѣмъ какъ многіе англичане также заявляютъ желаніе, чтобы британскія линіи проникли въ Западный Китай въ связи съ англійскими азіатскими владѣніями.

Вся исторія разныхъ желѣзнодорожныхъ концессій такъ описывается въ докладѣ «China Association» за 1899—1898 г.г.

«Избравъ соотвѣтственныя сферы (вліянія), державы стали отмѣчать ихъ, какъ бы съ общаго молчаливаго согласія, желѣзнодорожными и горнопромышленными концессіями. Россія дала примѣръ этому въ соглашеніи (помѣч. сент. 1896 г.) относительно постройки Восточно-Китайской желѣзной дороги въ Маньчжуріи.

Франція вслѣдъ за нею выступила въ Цзунъ-ли-я-мынѣ въ іюнѣ 1897 г. съ требованіемъ, чтобы китайское правительство обѣщало, что оно само обратится къ Fives-Lille Company для продолженія линіи Ланъ-цунъ—Лунь-чжоу въ направленіи къ Нань-нин'у и Би-чжи, а также пригласитъ французскихъ инженеровъ для разработки рудниковъ въ Гуанъ-дунѣ, Гуанъ-си и Юнь-нани.

Преслѣдуя защиту своихъ интересовъ въ провинціяхъ, смежныхъ съ Тонкиномъ, Франція достала въ маѣ 1898 г. концессію на желѣзную дорогу отъ Бэй-хой (Пакхой) до верховьевъ Западной рѣки, съ правомъ сооруженія въ будущемъ линій, выходящихъ изъ Бэй-хой.—Этимъ случаемъ воспользовалась China Association, чтобы подтвердить свой протестъ, сдѣланный еще въ апрѣлѣ противъ утвержденія французскаго вліянія въ провинціи, которая въ коммерческомъ, равно какъ и географическомъ, отношеніи естественно тяготѣетъ къ Гонконгу.

Американскій синдикатъ получилъ концессію на южное продолженіе главной линіи—отъ береговъ Янъ-цзы противъ Ханькоу до Кантона, а Sir Claude Mac Donald получилъ, наконецъ, концессію на право постройки желѣзной дороги отъ Кантона до морского берега (Коу-лунъ) противъ Гонконга.

Были получены различныя другія концессіи, съ меньшимъ политическимъ, но весьма важнымъ финансовымъ значеніемъ. Русско-китайскій банкъ взялъ на себя постройку боковой линіи отъ Чэнъдина (городъ на Лу-ханьской линіи въ Печили) до главнаго города Шань-си, Тай-юаня,

Синдикатъ, состоящій изъ британскихъ и итальянскихъ капиталистовъ, получилъ право разработки обширныхъ каменноугольныхъ копій въ Шэнь-си, вмѣстѣ съ правомъ проведенія желѣзной дороги къ р. Хань у Сянъ-яна.

Британскій подданный, Mr. Pritchard Morgan, заключилъ соглашеніе, цѣль котораго состояла въ разработкѣ руды и развитіи въ связи съ этимъ желѣзныхъ дорогъ въ Сы-чуани. Говорятъ, что Франція протестовала противъ этого соглашенія, какъ противорѣчащаго соглашенію, заключенному между обоими правительствами: не домогаться исключительныхъ привиллегій въ Юго-Западномъ Китаѣ, но этотъ протестъ кажется декоративнымъ.

Откровенно говоря, Китай такимъ образомъ подраздѣленъ на «сферы промышленныхъ интересовъ, которыя могутъ сдѣлаться сферами политическаго вліянія, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, появленію которыхъ настоящее правительство, быть можетъ, само еще содѣйствуетъ».

«Англо-итальянскій синдикатъ получилъ право на постройку линіи отъ Чжэ-янь, въ Ху-бэѣ, до Дао-чжао, въ Шэнь-си, а г.г. Jardine, Matcheson & Co обезпечили за собою право на линію отъ Си-ань-фу, въ Хэ-нанѣ, до Нанкина чрезъ Лу-чжоу, въ Ань-хуй'ѣ».

«Соперничество съ Англіей по торговлѣ въ Юнь-нанѣ дѣятельно продолжается и въ другихъ отношеніяхъ, такъ какъ французская палата гарантировала заемъ въ 70,000,000 франковъ, которые должны быть употреблены на постройку желѣзной дороги по долинѣ Красной рѣки до Юнь-нань-фу.

Великобританія, съ другой стороны, получила разрѣшеніе расширить линію Kunlon-Ferry Line внутрь Юнь-наня.

Германія съ самаго начала дала знать, что она намѣрена держать въ своихъ рукахъ постройку и завѣдываніе желѣзными дорогами въ Шань-дунѣ.

Въ соглашеніи (помѣч. 2 сент. 1896 г.) между англійскими и германскими капиталистами на постройку линіи между Тянь-цзинемъ и Чжэнь-цзяномъ сфера германскихъ интересовъ опредѣлена бассейномъ притоковъ Хуанъ-хэ, а англійскихъ—бассейномъ притоковъ Янъ-цзы. Слѣдовательно, отъ Тянь-цзиня до южныхъ границъ Шань-дуна линія будетъ подъ контролемъ нѣмцевъ, а продолженіе ея чрезъ Цзянь-бэй—подъ контролемъ британцевъ. Равнымъ образомъ получилось то, что британско-китайское общество

(The British and Chinese Corporation) получило безъ дальнѣйшей конкуренціи концессію на постройку линій между Шанъ-хаемъ, Сучжоу и Нанкиномъ.

Около того же времени помянутымъ британско-китайскимъ о-вомъ, при поддержкѣ англійскаго правительства, были закончены переговоры о распредѣленіи линіи Тянь-цзинь—Шань-хай-гуань, вверхъ по западному побережью Ляо-дунскаго залива, до Синь-минь-дина, на верховьяхъ р. Ляо, и до Ню-чжуана.

Болѣе важной, чѣмъ всѣ другія линіи, въ глазахъ китайцевъ является главная линія, которая должна соединить Пекинъ съ Ханькоу. Первоначально уступленная бельгійскому синдикату въ 1897 г., послѣ безуспѣшныхъ переговоровъ съ американскими и британскими финансистами, эта концессія была упразднена и возобновлялась нѣсколько разъ, пока не былъ подписанъ, въ іюнѣ, при поддержкѣ русско-французской дипломатіи, настоящій контрактъ такъ называемымъ бельгійскимъ синдикатомъ.

Съ тѣхъ поръ оба эти контракта являются предметомъ обостренной борьбы на томъ основаніи, что они являются вторженіемъ въ чужія сферы вліянія. Протестъ русскаго министра противъ Ню-чжуанскаго соглашенія былъ встрѣченъ полнымъ отказомъ отъ всѣхъ ипотечныхъ правъ на часть линіи за Великой стѣной. Протестъ британскаго министра противъ заключеннаго Лу-ханьскаго контракта былъ оставленъ Цзунъ-ли-я-мыпемъ безъ вниманія, и китайское правительство было наказано за такое пренебреженіе и нарушеніе честнаго слова тѣмъ, что у него были взяты нѣкоторыя другія желѣзнодорожныя концессіи. Такъ какъ контрактъ даетъ франко-русско-бельгійской коалиціи полное право, въ случаѣ неуплаты процентовъ, залога и захвата линіи, проникающей въ сердце долины Янъ-цзы, то, въ случаѣ приведенія его въ исполненіе, онъ долженъ быть пересмотрѣнъ на тѣхъ же основаніяхъ».

Слѣдующія замѣтки заключаютъ въ себѣ дальнѣйшія подробности, касающіяся нѣкоторыхъ вышеупомянутыхъ концессій:

«Переговоры касательно постройки Цзинь-чжэньской (Тянь-цзинь—Чжэнь-цзянъ) желѣзной дороги были удачно заключены между Англіей, Германіей и Китаемъ. Было условлено, что участки дороги между Тянь-цзинемъ и Цзи-нань-фу, а также между Цзи-нань-фу и И-чжоу, должны быть поставлены подъ контроль Германіи, участокъ же между И-чжоу и Чжэнь-цзянемъ—подъ контроль Британіи. Дорога должна быть окончена въ пять лѣтъ».

Изъ того, что распланировано такъ много желѣзныхъ дорогъ, не слѣдуетъ однако заключать, что желѣзно-дорожное дѣло въ Китаѣ въ полномъ ходу. Недавно были опубликованы двѣ—три карты Китая, на которыхъ черными линіями и инымъ способомъ указаны концессіи и проч.; на основаніи этого недавно пріѣхали два машиниста изъ Австраліи, въ полной увѣренности поступить на службу на одну изъ этихъ многочисленныхъ желѣзнодорожныхъ линій.

Важнѣйшая литература:—Передовая статья «The Hongkong Daily Press», 9-th September, 1891, даетъ интересныя свѣдѣнія о развитіи Тянь-цзиньской желѣзной дороги изъ семи-мильной линіи до настоящихъ размѣровъ.—Въ «The Engineer» была помѣщена интересная статья объ исторіи и постройкѣ формозской желѣзной дороги. Она была перепечатана въ «London and China Express» и въ «The Hongkong Telegraph», 10-th August, 1892. Изъ просмотра этой статьи станетъ ясной вся бездна китайскаго невѣжества, предразсудковъ и подкупа, ставящія такія преграды къ исполненію подобнаго рода работъ.—«Railway Enterprises in China», статья B. Taylor въ «Chambers s' Journal», May, 1899.

Д. Панчеха.

Женщина и ея положеніе. Женщина вращается въ Китаѣ въ совершенно иной сферѣ, чѣмъ мущина; хотя сфера ея дѣятельности по необходимости и должна соприкасаться въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ со сферой мущины, но по возможности ее слѣдуетъ отдѣлять отъ послѣдней. Въ древности уже въ раннемъ возрастѣ семилѣтніе мальчики и дѣвочки не занимали одной и той же циновки и не ѣли вмѣстѣ, и это разобщеніе доходитъ въ настоящее время до того, что женское платье нельзя вѣшать на одинъ и тотъ же гвоздь съ мужскимъ, и нельзя женщинѣ пользоваться одной и той же посудой для купанья. Чопорная безсмыслица, которая производитъ все это, доходитъ до абсурда: даже считается неприличнымъ женѣ ѣсть вмѣстѣ со своимъ мужемъ. Среди низшихъ классовъ, къ счастью, приличія въ этомъ отношеніи чаще нарушаются, чѣмъ соблюдаются, и пріятно видѣть рабочаго и его жену совмѣстно за своимъ скромнымъ обѣдомъ; здравый смыслъ и требованія совмѣстной жизни одерживаютъ побѣду надъ ложной философіей.

Женщина въ Китаѣ создана для служенія и невольничество ея часто бываетъ продолжительнымъ и горькимъ: жизнь рабыни у своихъ родителей; жизнь въ покорности свекру и свекрови и ожиданіе жизни невольницы у своего мужа и на томъ свѣтѣ, такъ какъ она и тамъ принадлежитъ своему прежнему мужу, почему собственно ей, по мнѣнію народа, и не позволяется выходить замужъ за другого по смерти мужа. Рожде-

ніе сына освобождаетъ ее до нѣкоторой степени отъ низкаго ея положенія, ибо это возвышаетъ ее на нѣкоторую степень равенства со своимъ мужемъ, но только въ домѣ. Всѣ эти унизительные обычаи основываются на той мысли, что женщина занимаетъ низшее положеніе, чѣмъ мущина: онъ существо высшее, она же существо низшее; то, что небо представляетъ собою по отношенію къ землѣ, то и представляетъ собою мущина по отношенію къ женщинѣ. Все ее воспитаніе имѣетъ единственной цѣлью научить ее совершенному подчиненію всепреобладающему авторитету мущины; она не должна имѣть собственной воли: ея воля должна быть въ полномъ подчиненіи его волѣ. Могутъ ли ея мужа посѣщать друзья?—Но она незрима, она безымянная вещь, ибо было бы оскорбленіемъ, если бы посѣтитель спросилъ о женѣ хозяина. Нуждаются ли мущины въ женскомъ обществѣ? Нелѣпое уединеніе почтенныхъ женщинъ принуждаетъ ихъ искать общества куртизанокъ, которыя, для того чтобы быть приготовленными для такой жизни, обучаются музыкѣ и такимъ свѣтскимъ совершенствамъ, которыя въ состояніи сдѣлать ихъ общество болѣе пріятнымъ; онѣ до нѣкоторой степени невольно напоминаютъ греческихъ гетеръ.

Такъ мало значенія имѣетъ въ Китаѣ женщина, что отецъ, въ отвѣтъ на вопросъ о количествѣ дѣтей, пожалуй, опуститъ дочерей изъ общаго числа; или же если онъ не имѣетъ сыновей, его отвѣтъ, пожалуй, будетъ: «только одна дочь», что имъ произносится съ такой интонаціей, какъ будто съ цѣлью вызвать сочувствіе у своего слушателя къ несчастному своему положенію.

Въ громадномъ большинствѣ случаевъ дѣвушекъ не учатъ ни читать, ни писать; не потому, чтобы боялись, какъ это было съ нашими прабабушками, какъ бы онѣ не научились писать любовныя письма (ибо billet-doux не процвѣтаетъ въ Китаѣ), а по той простой причинѣ, что дѣвушкамъ безполезно учиться читать. (См. статью о *Воспитаніи*). Вышиваніе, шитье, производство крошечныхъ башмаковъ для ихъ изуродованныхъ ногъ, этихъ «золотыхъ лилій», какъ ихъ иносказательно называютъ, и безконечныя сплетни наполняютъ монотонную женскую жизнь, которая даже не прерывается удовольствіемъ ежедневной прогулки, такъ какъ женщина должна быть наглухо закрытой въ своемъ паланкинѣ, когда позволяетъ себѣ дѣлать визиты. Рыцарство Запада, съ его современнымъ, воспринятымъ христіанствомъ, шаблоннымъ «place aux dames» и другими девизами вѣжливаго поведенія, когда дѣло касается слабаго пола, совершенно неизвѣстно, какъ о томъ свидѣтельствуютъ

грубыя насмѣшки, доходящія иногда даже до безстыдства, всякій разъ, когда юная дѣва или дама покажется на улицѣ: всякій мущина считаетъ долгомъ обернуться и таращить на нее глаза: какъ бы почтенна она ни была, дѣлаются громкія шутки надъ ея красивымъ лицомъ; она должна пройти сквозь градъ насмѣшекъ толпы грубыхъ мущинъ, которыя ей тѣмъ труднѣе перенести, что она обычно изолирована отъ всей внѣшней жизни, а такъ какъ ея маленькія ножки не позволяютъ ей итти скоро, то грубый пріемъ толпы становится для нея медленной пыткой.

Свѣтская мать въ Англіи, лишенная всякаго инстинкта естественной привязанности и отдающая свою дочь, выдавая ее замужъ, въ жертву положенію или богатству, походитъ именно на китайскую мать и отца, которые отнюдь не больше принимаютъ въ соображеніе чувства своей дочери, какъ если бъ они намѣревались пригласить ее летать. Замкнутая во «внутреннихъ покояхъ», этомъ китайскомъ эквивалентѣ индійской зенаны, хотя это и не столь ужасная тюрьма, какъ послѣдняя,— юная дѣва, когда она развивается въ женщину, имѣетъ лишь мало шансовъ увидать своего будущаго мужа, какъ о томъ поетъ китайскій поэтъ:

«A mien severe and eyes that freeze,
Become the future bride:
No whispering underneath the trees,
Ere yet the knot be tied» *).

Но было бы чуждо человѣческой природѣ, если бы такія запретныя удовольствія не услаждали иногда жизнь и китайской дѣвушки; и если ей случайно какъ-то удалось познакомиться съ печатными китайскими іероглифами, то чтеніе романовъ иногда даетъ ея естественнымъ чувствамъ такой толчекъ, что въ ней развиваются скрытые инстинкты любви и она въ состояніи пробиться, хотя бы черезъ часть жеманства неестественной системы конфуціанства.

Человѣческая природа вездѣ та же на всемъ бѣломъ свѣтѣ, и сердца китайскихъ мальчиковъ и дѣвушекъ отлиты въ той же формѣ, какъ и сердца на Западѣ, но, къ несчастью, только сердца дѣвушекъ, подобно ихъ ногамъ, выправлены и изуродованы до неузнаваемости. Всякая склонность къ любви между мущиной и женщиной считается безнравственной и должна быть подавлена, а будучи подавленной въ своемъ естественномъ и чистомъ направленіи, она принимаетъ неестественное

*) Видъ суровый и глаза холодящіе приличествуютъ будущей невѣстѣ; не бываетъ шопота подъ деревьями, пока (брачный) узелъ еще не стянутъ.

направленіе, ибо многимъ китайскимъ дѣвушкамъ и женщинамъ приходится довольствоваться положеніемъ второй жены; мужья ихъ, женившись на первой, законной женѣ, изъ семейныхъ расчетовъ, могутъ избрать себѣ вторыхъ, или слѣдующихъ послѣ главной, женъ, по чистой любви. Иногда женщины такимъ образомъ спасаются отъ безнравственной жизни и вводятся въ семью, но среда, въ которой нѣсколько женъ присваиваютъ себѣ то мѣсто, которое должно было бы принадлежать только одной, далеко не доходитъ до нашего понятія слова семьи. Иногда мужъ распредѣляетъ свои «болѣе слабые сосуды» по столькимъ же отдѣльнымъ домамъ, сколько у него женъ, для того, чтобы уменьшить или предупредить ревность и ссоры, которыя часто возникаютъ, когда всѣ живутъ вмѣстѣ въ одномъ домѣ. Въ послѣднемъ случаѣ онѣ иногда размѣщаются по всему дому, который тогда долженъ быть довольно большимъ. Кстати сказать, на это намекаетъ китайская пословица, что «одинъ ключъ не звенитъ, а два ключа бренчатъ».

Не смотря на всѣ стѣснительныя обстоятельства, при которыхъ женщины трудятся въ Китаѣ, онѣ иногда подпимаются выше ихъ и, поборовъ всѣ препятствія на своемъ пути, занимаютъ передовое положеніе, не только въ государствѣ, но и въ болѣе скромной сферѣ семейной, а равно и въ труднѣйшей области литературы и учености.

Въ нѣкоторыхъ китайскихъ сочиненіяхъ встрѣчаются мѣста, показывающія, что авторы ихъ смотрятъ иногда на бракъ во всѣхъ отношеніяхъ такъ же, какъ и мы на Западѣ,—напримѣръ:

«Они вмѣстѣ ѣли отъ того же самаго животнаго и вмѣстѣ ужинали изъ чашъ, сдѣланныхъ изъ одной и той же тыквы, показывая этимъ, что они теперь составляютъ едину плоть, занимаютъ одинаковое положеніе и дали обѣтъ взаимной любви».

«Цѣлью церемоніи брака было служить узами любви между двумя лицами съ разными фамиліями»,—затѣмъ рѣчь переходитъ къ культу поклоненія предкамъ и т. п.

Какую бы привязанность дѣвушка ни чувствовала къ своему собственному семейству,—она должна прервать съ ней съ выходомъ замужъ, такъ какъ она послѣ этого важнаго событія почти совершенно потеряна для своихъ собственныхъ родственниковъ и переходитъ къ родственникамъ своего мужа. Этого принципа придерживаются до такой степени, что въ случаѣ смерти жениха считается добродѣтельнымъ поступкомъ со стороны дѣвушки оставить своихъ собственныхъ родственниковъ и пріютиться въ семействѣ умершаго жениха, чтобы тамъ жить

въ подчиненіи матери умершаго до тѣхъ поръ, пока смерть не соединитъ чету, которую судьба разъединила на землѣ. Женщина никогда дважды не можетъ выйти замужъ законнымъ бракомъ, мущина, полюбившій вдову, можетъ взять ее только въ наложницы. Женщина только однажды ѣдетъ въ красныхъ посилкахъ и только тогда, когда она выходитъ замужъ въ качествѣ законной, т. е. первой жены.

Въ нѣкоторыхъ частяхъ Китая считается высокимъ образцомъ женской добродѣтели совершить самоубійство по смерти мужа или жениха: въ нѣкоторыхъ случаяхъ родственники принуждаютъ вдову или невѣсту къ этому въ надеждѣ на извѣстный эффектъ и на сооруженіе каменной арки, на что, по соотвѣтствующемъ представленіи даннаго случая, правительство можетъ дать свою санкцію. Остаться вѣчной вдовой, никогда не бывши замужемъ (въ случаѣ смерти жениха), служитъ дальнѣйшей, весьма сильной рекомендаціей для воздвиженія сказанныхъ памятниковъ добродѣтели. Что-же послѣ этого удивительнаго, если въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣвушки образуютъ союзы, давая обѣтъ безобрачія, и кончаютъ самоубійствомъ, во избѣжаніе насильной выдачи замужъ!

Женщины низшихъ классовъ населенія пользуются въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ большей свободой дѣйствій, т. е. онѣ не прикованы къ дому, и соотвѣтственно требованіямъ, предъявляемымъ имъ жизнью, онѣ вращаются открыто въ обществѣ для исполненія своихъ обязанностей: швеи сидятъ на углахъ улицъ и чинятъ одежду; жены земледѣльцевъ участвуютъ въ полевыхъ работахъ; служанки выходятъ на улицу за покупками; домашнія невольницы бѣгаютъ на посылкахъ; жницы бродятъ по склонамъ горъ, срѣзая траву для корма скоту и для топлива; крестьянки ходятъ въ большихъ городахъ изъ дома въ домъ и собираютъ всякіе отбросы для корма свиньямъ; мусорщицы заняты своимъ дѣломъ въ узкихъ переулкахъ и на полныхъ народа улицахъ, причиняя немалое неудобство пѣшеходамъ; дѣвушки сортируютъ чайныя листья у дверей чайныхъ складовъ; нищія ходятъ массами или по одиночкѣ среди толпы; слѣпыя пѣвицы, въ сопровожденіи старухъ, ищутъ заработка, и маленькія шампунки управляются женщинами и дѣвушками.

Однако, пользованіе трудомъ женщинъ внѣ дома не одинаково распространено въ разныхъ частяхъ страны; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ женщинъ внѣ дома совершенно не видно, между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстахъ занятіе ихъ такой работой, для которой онѣ менѣе пригодны, чѣмъ мущины, дѣлаетъ ихъ присутствіе болѣе замѣтнымъ. Человѣку, привыкшему въ Кантонѣ и его окрестностяхъ постоянно видѣть жен-

щинъ на поляхъ и улицахъ, на рѣкѣ и на морѣ, занятыхъ разнаго рода ручнымъ трудомъ, странно замѣтить ихъ полное отсутствіе, за незначительными лишь исключеніями, въ окрестностяхъ Сватоу. То же самое въ значительной степени справедливо и по отношенію къ Амою.

Важнѣйшая литература:—Двѣ брошюрки Rev. E. Faber, Dr. Theol.: «The Status of Women in China» и «The Famous Women of China».—Извлеченіе изъ китайскаго сочиненія «Повѣствованіе о добродѣтельныхъ женщинахъ древнихъ и новыхъ временъ», подъ заглавіемъ: «Typical Women of China», соч. г-жи A. C. Safford. См. также статью въ журналѣ Chinese Recorder and Missionary Journal, Vol. XXVIII, стр. 10—18, подъ заглавіемъ «Chinese Women from a Chinese Standpoint» by I. T. Headland.

П. Меньшиковъ.

Жэнь-шэнь. Kaempfer говоритъ, что вслѣдъ за чаемъ жэньшэнь, извѣстный благодаря своему корню, является самымъ прославленнымъ растеніемъ на всемъ Востокѣ. Его, по справедливости, назвали универсальнымъ лекарствомъ, такъ какъ китайцы имѣютъ удивительнѣйшую вѣру въ его цѣлительныя и укрѣпительныя свойства, благодаря чему его и назвали «хиной Китая». Онъ считается «лекарствомъ противъ лихорадокъ и хилости всякаго рода,—самымъ главнымъ и самымъ дорогимъ медикаментомъ».

Растеніе это принадлежитъ къ семейству Araliaceae; научное имя его Panax Ginseng. Въ дикомъ состояніи его находятъ въ гористыхъ дубровахъ Восточной Азіи, отъ Нипала до Маньчжуріи. Прежде оно произрастало въ Фу-цзянѣ, Цзянъ-нани и Шань-си. „Его запасы, повидимому, тамъ истощились, или же, быть можетъ, отказались отъ способа культивированія его изъ сѣмянъ, какъ то описано въ сочиненіи Бэнь-цао-ганъ-му, въ виду растущей популярности маньчжурскаго дикаго жэньшэня". Жэнь-шэнь—одно изъ сокровищъ Маньчжуріи. Dr. Lansdell въ своей книгѣ «Through Siberia» пишетъ о немъ слѣдующее:

«Жэнь-шэнь встрѣчается главнымъ образомъ въ долинахъ верхняго теченія р. Уссури, гдѣ онъ культивируется на грядкахъ, посаженный рядами. Почва должна быть тучная, черноземъ и лессъ. Когда растеніе достигло высоты 4—5 дюймовъ, оно поддерживается палкой. Грядки заботливо полются, поливаются и защищаются отъ солнца посредствомъ тентовъ или деревянныхъ навѣсовъ. Дикій жэнь-шэнь считается самымъ лучшимъ. Отъ мая до сентября сотни людей выходятъ на поиски этого растенія... Цѣны, которыя требовали... за этотъ корень, были почти сказочныя: одинъ коре-

шокъ оцѣнивался въ Маньчжуріи отъ 250—300 фунтовъ стерлинговъ. На рѣкѣ мнѣ сообщили, что жэнь-шэнь продаютъ за 30 фунт. стерлинговъ за одинъ русскій фунтъ, но что въ плохой годъ китайцы цѣнятъ его на вѣсъ золота и даютъ до 40 ф. ст. за одинъ фунтъ... По формѣ своей корень прямой, веретенообразный, узловатый и имѣетъ до $^1/_2$ д. въ діаметрѣ и 8 д. длины. Листья отрѣзываются, и корень варится въ водѣ, повидимому, для того, чтобы удалить извѣстныя вредныя качества. Послѣ надлежащаго приготовленія корня цвѣтъ его получается прозрачно-бѣлый, иногда съ красноватымъ или оранжевымъ оттѣнкомъ; тогда онъ по внѣшности своей походитъ на сталактитъ. Его заботливо высушиваютъ, завертываютъ въ непроклеенную бумагу и посылаютъ на рынокъ».

Dr. Porter Smith посвятилъ жэнь-шэню длинную статью, въ которой онъ между прочимъ говоритъ слѣдующее:

«Корень жэнь-шэня заботливо отыскиваются маньчжурами, которые хвастаются тѣмъ, что сорныя травы ихъ родины являются лучшими лекарственными снадобьями китайцевъ. Корни, послѣ старательной отдѣлки ихъ бамбуковыми ножами, высушиваются на слабомъ огнѣ, а затѣмъ имъ придаютъ форму какой-нибудь части человѣческаго тѣла. По большей части они походятъ на миніатюрную человѣческую руку, такъ какъ основная часть корня бываетъ величиной съ мезинецъ и помимо нея имѣются еще 2—4 пальцеобразныхъ боковыхъ ростка. Корни желтоватаго цвѣта, полупрозрачны, тверды, до нѣкоторой степени хрупки, сладковато-слизистаго вкуса, сопровождаемаго легкой горечью... Разсказываютъ сказочныя исторіи объ открытіи цѣлыхъ спеціальныхъ залежей этого корня, открытіи, сопровождаемомъ путеводными голосами, звѣздами и иными благознаменательными и мирными предзнаменованіями... Торговля этими снадобьями представляетъ собою спеціальность. Требуется много заботъ для охраненія отборныхъ экземпляровъ отъ пагубнаго вліянія влажности и нападенія червей, которымъ они весьма легко подвергаются. Лекарство приготовляется въ видѣ экстракта или же въ видѣ отвара, по правилу, непремѣнно въ серебряныхъ сосудахъ... Различные случаи, въ которыхъ пріемомъ извѣстныхъ дозъ этого лекарства жизнь, повидимому, была продолжена на нѣкоторое время, такъ что умирающему было возможно разумно распорядиться своимъ имуществомъ, указываютъ на то, что въ этой породѣ растеній дѣйствительно кроются нѣкоторыя положительныя свойства подкрѣпительнаго характера».

Маньчжурія не даетъ достаточнаго количества жэнь-шэня, чтобы отвѣчать на постоянный спросъ на него; правда, жэнь-шэнь доставляютъ и Корея и Японія, но этотъ послѣдній, корейскій и японскій, жэньшэнь по качеству своему не считается равнымъ маньчжурскому. Дикій маньчжурскій жэнь-шэнь составляетъ китайскую правительственную монополію и собирается „отрядами солдатъ, откомандируемыми для этой цѣли". Императоръ иногда даритъ его высокимъ чиновникамъ въ знакъ своей особой милости. Въ Аппалахскихъ горахъ въ Америкѣ существуетъ разновидность жэнь-шэня, которая экспортируется изъ Филадельфіи и Балтимора въ Сѣв.-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ (а также и изъ Западныхъ Штатовъ) въ Китай. Въ 1877 г. его было послано въ Небесную Имперію приблизительно на 700,000 долл Но торговля эта не увеличивается, оставаясь неподвижной, благодаря тому, что это растеніе (Panax Quinquefolius) постепенно исчезаетъ и не можетъ съ успѣхомъ искусственно культивироваться.

П. Тишенко.

Законы. Кѣмъ-то было замѣчено, что

«Законы народа представляютъ собою самую интересную части его исторіи». «Легко себѣ представить, что законы китайцевъ, взятые въ самомъ обширномъ значеніи слова, должны быть особенно многочисленны и сложны соотвѣтственно тому, что они, какъ то и было на самомъ дѣлѣ, созданы мудростью и опытомъ длинныхъ рядовъ вѣковъ и, какъ то наблюдается на самомъ дѣлѣ, отлично пригодны для управленія имперіей, не имѣющей равной себѣ на протяженіи всей исторіи по обширности и народонаселенію. А что еще больше поражаетъ, такъ это то, что они обыкновенно до такой степени перемѣшаны разными деталями, касающимися древней исторіи и фактическаго положенія гражданскихъ, политическихъ и церемоніальныхъ учрежденій имперіи, что монографіи по этимъ вопросамъ иногда доходятъ до громадныхъ размѣровъ сотни томовъ, причемъ, конечно, и сводъ матеріаловъ соотвѣтственно громаденъ».

О китайскомъ кодексѣ уголовныхъ законовъ писали, что «онъ представляетъ собою, если и не самый справедливый и безпристрастный кодексъ изъ всѣхъ когда-либо существовавшихъ, то, по крайней мѣрѣ, самый обстоятельный, однообразный и наиболѣе соотвѣтствующій духу того народа, для котораго онъ предназначенъ».

«Гражданскія и военныя установленія, государственные дохо-

ды и расходы, національные обряды и церемоніи, общественныя работы и отправленіе правосудія,—всѣ они урегулированы своими спеціальными кодексами законовъ и постановленій; но законы имперіи въ самомъ непосредственномъ и настоящемъ значеніи слова, которые притомъ можно назвать «уголовными законами», составляютъ спеціальную и исключительную область послѣдняго изъ упомянутыхъ отдѣловъ».

Китайцы, какъ вообще въ отношеніи всего важнаго, касающагося ихъ государства, относятъ первоначальное обнародованіе своей системы законовъ къ глубокой древности, а именно ко временамъ Яо (2356 г. до Р. X.) и его преемника Шун'я, хотя и по ихъ собственному свидѣтельству о царствованіи Яо въ тѣ времена, повидимому, мало было нужды въ какомъ бы то ни было репрессивномъ законодательствѣ, потомучто управленіе Яо было идеаломъ совершеннаго правительства въ Китаѣ, состояніемъ почти полной благодати, проистекавшей изъ добродѣтелей правителя и чиновниковъ, потомучто такой человѣкъ, какъ Яо, своимъ поведеніемъ и своими наставленіями, въ состояніи превратить вора въ честнаго человѣка и создать такое положеніе безопасности, что мѣшокъ съ деньгами, потерянный на дорогѣ, остается нетронутымъ или же заботливо уносится въ безопасное мѣсто, до возвращенія потерявшаго его. Но не смотря на блестящія добродѣтели этихъ древнихъ монарховъ, второму изъ нихъ, Шун'ю, приписывается введеніе слѣдующихъ пяти наказаній: клейменіе лба, отрѣзываніе части носа и ногъ, кастрація и смертная казнь. Народъ, однако, былъ въ тѣ времена такъ повиненъ и добродѣтеленъ, что прошло много вѣковъ, прежде чѣмъ понадобилось примѣненіе этихъ наказаній.

Каждая перемѣна династіи въ Китаѣ можетъ быть сравниваема съ новымъ геологическимъ періодомъ, потомучто не смотря на совершенное упраздненіе прежняго правительства и уничтоженіе утвержденнаго предшествовавшей династіей порядка, все же при образованіи и составленіи новыхъ законовъ, на подобіе расположенія новыхъ геологическихъ наслоеній, придерживаются прежнихъ общихъ условій и принциповъ: въ Китаѣ съ каждой послѣдующей перемѣной царствующаго дома обыкновенно составляется и новый кодексъ. Дѣйствующій въ настоящее время кодексъ вступилъ въ силу, когда въ Китаѣ воцарились маньчжуры; но обращаясь снова къ тому же самому сравненію, какъ и выше, можно сказать, что въ этомъ новомъ кодексѣ, какъ и въ болѣе новыхъ геологическихъ наслоеніяхъ, находятся остатки древности;

и если тщательнымъ изслѣдованіемъ замѣнить поверхностный обзоръ, то окажется, что подобно матеріалу, образующему позднѣйшія отложенія земной коры, и масса законовъ является того же состава и матеріала, какъ и болѣе древніе законы, только лишь кодифицированными и измѣненными согласно съ измѣнившимися обстоятельствами времени и жизни: нѣкоторыя изъ древнѣйшихъ формъ вымерли, а болѣе новыя установленія, вызванныя въ силу развитія событій, даютъ всему новую жизнь и силу.

Первый регулярный кодексъ уголовныхъ законовъ приписывается Ли-Гуай'ю, жившему 2000 лѣтъ тому назадъ. Этотъ кодексъ описывается, какъ «простой по своей системѣ и конструкціи, заключавшійся только въ 6 книгахъ, первыя двѣ изъ которыхъ, повидимому, служили введеніемъ; третья была посвящена тюрьмамъ; четвертая—полицейскому управленію, пятая—мелкимъ и смѣшаннаго характера проступкамъ; шестая же всѣмъ крупнымъ и уголовнымъ преступленіямъ, направленнымъ противъ общественной правды». Предполагаютъ, что этотъ кодексъ вступилъ въ силу при Циньской династіи (249 г. до Р. Х.). Хотя онъ и былъ кодифицированъ въ этотъ періодъ времени, но главныя характерныя черты его принадлежатъ болѣе отдаленной древности. Измѣненія и расширенія его, какъ въ отношеніи плана, такъ и въ отношеніи подраздѣленія кодекса, имѣли мѣсто съ началомъ каждой послѣдовавшей династіи, а именно при династіяхъ Хань, Цзинь, Танъ, Сунъ Юань, Минъ и нѣсколькихъ менѣе значительныхъ династіяхъ и, наконецъ, при настоящей, Цинской династіи.

Какъ и въ европейскихъ кодексахъ, такъ и въ китайскомъ, воздвиженіе новыхъ матеріаловъ на старой подкладкѣ и по устарѣвшему плану, вмѣсто уничтоженія ихъ и новой постройки по новой схемѣ, болѣе приспособленной къ требованіямъ измѣнившагося и прогрессивнаго состоянія общества, порождаетъ двусмысленность, спутанность понятій, сложность, затруднительность и неудобства. Искуственное и сложное построеніе кодекса служитъ другой причиной его неясности. Не слѣдуетъ думать, чтобы всѣ тѣ превосходные принципы, которые содержатся въ нашихъ европейскихъ системахъ законовъ, и которые являются результатомъ многихъ лѣтъ прогрессивной борьбы за достиженіе справедливости и результатомъ другой системы жизни и условій ея, могутъ быть открыты въ сводѣ законовъ, составлявшемся при такихъ отличныхъ условіяхъ; тѣмъ не менѣе китайскій уголовный кодексъ въ общемъ удивительно хорошо приспособленъ къ потребностямъ многочисленнаго населенія Китая, состояща-

го изъ преданныхъ закону подданныхъ, конечно, если принять во вниманіе величайшую разницу въ основныхъ принципахъ, на которыхъ основана вся надстройка.

Родительскій авторитетъ ясно выступаетъ въ качествѣ одной изъ великихъ созидательныхъ причинъ, дѣйствующихъ съ отдаленныхъ временъ и вплоть до настоящаго. Отъ узкаго круга семьи, состоящей изъ нѣсколькихъ лицъ, родительскій авторитетъ распространяется все болѣе и болѣе расширяющимися кругами на цѣлый кланъ, состоящій изъ собранія многихъ семей, и достигаетъ своихъ конечныхъ границъ въ лицѣ правительства, основаннаго на томъ же самомъ принципѣ родительскаго авторитета; и изъ этого принципа, въ связи съ нѣкоторыми другими, безъ сомнѣнія, проистекаетъ та консервативная и охранительная сила, которая, при наличности многихъ разнородныхъ элементовъ и даже вопреки имъ, соединила китайскій народъ въ одно единое цѣлое на протяженіи многихъ вѣковъ, и которая все еще сохраняетъ свою объединяющую силу и, пожалуй, сохранитъ ее на безчисленныя будущія поколѣнія.

Слѣдующее извлеченіе изъ китайской газеты The Chung Ngoi San Po, издаваемой въ Гонконгской колоніи, дастъ намъ нѣкоторое представленіе о дѣйствіи закона въ Китаѣ:

«Губернаторъ Luk Chuen Iam приказалъ властямъ округовъ Нань-хай и Пань-юй не задерживать людей, причастныхъ къ судебнымъ дѣламъ, подлежащимъ ихъ разбирательству, будь то обвинитель или обвиняемый, развѣ только въ случаяхъ крайней необходимости. Это распоряженіе горячо одобряется всѣми китайцами, потомучто задержаніе людей въ ямыняхъ во время производства слѣдствія по подлежащимъ дѣламъ доставляло служащимъ въ ямыняхъ удобный случай для вымогательствъ, и общеизвѣстно, что китайцы скорѣе готовы переносить сколько угодно страданій, чѣмъ являться къ мандаринамъ и подвергаться обидамъ и вымогательствамъ со стороны служащихъ въ ямыняхъ, которые отъ мандариновъ не получаютъ никакого жалованья и просто выжидаютъ случаевъ для вымогательствъ. Люди, которыхъ власти задерживаютъ въ ямынѣ, поступаютъ въ вѣдѣніе ямыньскихъ служащихъ, которые ихъ запираютъ въ чрезвычайно грязныхъ помѣщеніяхъ, не даютъ имъ ни пищи, ни подстилки для спанья, пока не явятся ихъ друзья и родственники съ хорошими подарками.

Случается, что человѣка держатъ въ ямынѣ въ теченіе многихъ лѣтъ, несмотря на то, что его дѣло, быть можетъ, принадлежитъ къ числу мелкихъ, если только у него нѣтъ вліятельнаго человѣка, который могъ бы поручиться за него, причемъ такое поручительство заключается въ вліяніи даннаго лица, а не въ деньгахъ. Часто китайцы такъ удачно подкупаютъ ямыньскихъ гонцовъ, что послѣдніе ихъ не отправляютъ къ властямъ, приказавшимъ ихъ арестовать».

Съ арестованнымъ, все равно окажется ли онъ впослѣдствіи невиновнымъ или виновнымъ,—не обходятся уже съ той нѣжностью, которая свойственна нашей цивилизаціи двадцатаго вѣка: не всѣ усилія дѣлаются, чтобы доказать невинность арестованнаго, если это возможно, и обстоятельства не толкуются въ его пользу. Китайскій законъ, повидимому, лучше приспособленъ къ обезпеченію наказанія большему числу виновныхъ лицъ, чѣмъ, напримѣръ, англійскій, но очень можетъ быть, что иногда и невинное лицо попадается въ его сѣти и, не будучи въ силахъ выпутаться изъ нихъ, наказывается; но и англійскій законъ не свободенъ отъ этого недостатка, даже въ томъ случаѣ, когда дѣло касается такой драгоцѣнной вещи, какъ человѣческая жизнь. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что не смотря на несчастія, которыя въ Китаѣ постигаютъ нѣкоторыхъ невиновныхъ лицъ, благополучіе народной массы всетаки лучше охраняется, чѣмъ при господствѣ такой системы, гдѣ чувство склонно одержать верхъ. Это, конечно, говорится нами безъ отношенія къ господствующему въ Китаѣ универсальному взяточничеству, преобладающему разврату и примѣненію пытки.

Англійскіе принципы, по которымъ человѣкъ считается невиновнымъ до тѣхъ поръ, пока не доказана его виновность, и по которымъ никто самъ себя не обвиняетъ, китайцамъ незнакомы; но съ другой стороны, требуется, чтобы преступникъ сознался, прежде чѣмъ возможно его наказаніе, ибо никакое преступное дѣло не можетъ быть закончено безъ признанія преступника. Къ несчастію, однако, полезность этой заручки уменьшается до нѣкоторой степени или даже совсѣмъ уничтожается примѣненіемъ, въ случаѣ надобности, пытки для вынужденія признанія. Примѣненіе пытки въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ характера того чиновника, во власти котораго въ данный моментъ находится преступникъ. Бѣглый обзоръ свода уголовныхъ законовъ, пожалуй, можетъ привести къ заключенію, что тѣлесныя наказанія и въ связи съ

ними пытка являются всеобщимъ институтомъ; но прежде, чѣмъ прійти къ такому поспѣшному заключенію, должно принять во вниманіе нѣкоторыя обстоятельства, которыя должны измѣнить такое рѣшеніе. Первымъ долгомъ слѣдовало бы китайцевъ сравнить съ другими азіатскими народами, наказанія которыхъ во многихъ случаяхъ окажутся гораздо болѣе жестокими. Рассматриваемое при такихъ обстоятельствахъ примѣненіе пытки для вынужденія правды, повидимому, не покажется уже такимъ ужаснымъ для восточныхъ народовъ; слѣдуетъ также припомнить, что всего лишь нѣсколько вѣковъ тому назадъ пытка была въ ходу и въ нашихъ просвѣщенныхъ западныхъ странахъ, и наконецъ, существуетъ такъ много исключеній и поводовъ къ смягченію, что всеобщность тѣлесныхъ наказаній и въ связи съ ними пытки окажется въ значительной степени затронутой ими.

Китайскій законъ вмѣшивается во многія такія дѣйствія, которыя на западѣ остаются внѣ его ограды. По этому поводу было замѣчено, что

«Въ странѣ, въ которой законы не испытываютъ никакой дѣйствительной конкурренціи со стороны понятія чести или же понятія религіи, быть можетъ, крайне необходимо, чтобы они обнимали своимъ вѣдѣніемъ такой широкій кругъ. Опытъ, быть можетъ, подсказалъ необходимость такого непосредственнаго вмѣшательства ихъ въ дѣло поддержанія всѣхъ тѣхъ народныхъ обычаевъ и нравовъ, сохраненіе которыхъ, поскольку они отличаются извѣстной моральной или разумной тенденціей, безъ сомнѣнія, должно быть существенно важнымъ, какъ для безопасности правительства, такъ и для счастія народа».

Мы снова приведемъ выписку изъ вступленія къ сочиненію Staunton'a «Penal Code of China»:

«Другой пунктъ, съ которымъ, какъ, кажется на всемъ протяженіи кодекса, при установленіи и выработкѣ шкалы преступленій и наказаній, въ большинствѣ случаевъ сообразовались, заключается въ наиболѣе возможной комбинаціи противоположныхъ другъ другу выгодъ суровости въ привлеченіи къ суду и мягкости исполненія наказаній».

Китайскіе законы раздѣляются на основные или *люй*, и дополнительные или *ли*; первые постоянны; вторые же, могущіе быть пере-

сматриваемы каждыя пять лѣтъ, являются «измѣненіями, развитіемъ и ограниченіемъ основныхъ законовъ». Каждая статья основныхъ законовъ объяснена или перифразирована императоромъ Юнъ-чжаномъ, и весь текстъ кромѣ того еще объясненъ извлеченіями изъ толкованій различныхъ комментаторовъ. Эти разъясненія, повидимому, нарочито написаны для пользованія чиновниками, и указанія ихъ слѣдовательно и образуютъ сводъ справочныхъ свѣдѣній по юридическимъ вопросамъ, санкціонированный какъ таковой правительствомъ».

Законы классифицированы слѣдующимъ образомъ: «Общіе, гражданскіе, фискальные, церемоніальные, военные, уголовные и относящіеся къ общественнымъ работамъ; всѣ они содержатся въ 436 отдѣлахъ первоначальныхъ законовъ; кромѣ того имѣется еще гораздо болѣе многочисленное количество дополнительныхъ законовъ, имѣющихъ къ кодексу такое же отношеніе, какое имѣютъ судебные законы и послѣдующія узаконенія во Франціи и новые законы и авторитетныя толкованія въ Пруссіи къ Code Napoléon и Code Frédéric.

Staunton характеризуетъ китайскій уголовный кодексъ, какъ выдающійся по сжатости и простотѣ изложенія; вмѣстѣ съ симъ онъ обращаетъ вниманіе на трудность выясненія, безъ различныхъ справокъ и значительныхъ поисковъ, наказанія, которому данный преступникъ въ дѣйствительности подлежитъ. Далѣе онъ говоритъ,

> «что отдѣлы китайскаго кодекса, быть можетъ, не совсѣмъ неудачно могутъ быть сравниваемы съ собраніемъ послѣдовательныхъ математическихъ проблемъ, съ тѣмъ лишь дополнительнымъ и поражающимъ обстоятельствомъ, что вѣрное и полное пониманіе каждаго отдѣла въ отдѣльности требуетъ общаго знакомства со слѣдующими, а равно и съ предшествующими».

> „Самой достопримѣчательной чертой этого кодекса представляется его выдающаяся разумность, ясность и основательность, дѣловитая краткость и непосредственность различныхъ его постановленій, а равно и простота и умѣренность ихъ изложенія. Въ немъ нѣтъ и намека на чудовищную многосложность большинства другихъ азіатскихъ произведеній, нѣтъ суевѣрнаго пустословія, жалкой безсвязности, страшныхъ непослѣдовательностей и вѣчныхъ повтореній подобнаго рода вѣщательныхъ произведеній, нѣтъ ни намека даже на пышную лесть, награможденные эпитеты и томящее самохвальство другихъ восточныхъ системъ деспотизма, — въ немъ имѣется спокойный, сжатый и отчетливый рядъ законоположеній,

всегда проникнутыхъ практическимъ разумомъ и европейскимъ здравымъ смысломъ, и хотя онъ и не всегда совпадаетъ съ нашими усовершенствованными идеями должнаго, но онъ въ общемъ подходитъ къ нимъ гораздо ближе, чѣмъ кодексы большинства другихъ націй. Въ самомъ дѣлѣ, когда мы отъ безсмыслицъ Зендавесты или Пураны переходимъ къ смыслу и дѣловитости этого китайскаго кодекса, тогда мы, кажется, какъ бы переходимъ изъ тьмы къ свѣту, отъ ребяческаго лепета къ проявленію высокаго пониманія. Юридическая максима de minimis non curat lex не извѣстна въ Китаѣ; мало тщательнаго вниманія посвящается пустякамъ. Мы едва-ли знакомы съ какимъ-нибудь европейскимъ кодексомъ, который въ то же время былъ бы такимъ обширнымъ и состоятельнымъ, или который былъ бы до такой же степени свободенъ отъ запутанности, ханжества и выдумокъ. Правда, во всемъ томъ, что относится къ политической свободѣ или индивидуальной независимости, онъ ужасающе недостаточенъ; но въ отношеніи подавленія безпорядковъ и умѣреннаго обуздыванія огромнаго населенія онъ кажется не только мягкимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣйствительнымъ. Положеніе общества, для котораго онъ былъ созданъ, пожалуй, покажется низкимъ и несчастнымъ; но какимъ образомъ составители его могли найти болѣе мудрые способы для поддержанія въ немъ мира и спокойствія?“.

«Народъ относится къ кодексу съ большимъ уваженіемъ, и все, что онъ желаетъ, повидимому, заключается въ правомъ и безпристрастномъ его примѣненіи, независимо отъ личныхъ прихотей и взяточничества... Въ пользу китайской системы можно сказать, что имѣются вѣскія причины думать, что выдающіяся или повторныя несправедливыя дѣйствія, въ какомъ бы положеніи или должности они ни совершались, не очень часто избѣгаютъ конечнаго наказанія».

«Помимо указанныхъ законовъ и ихъ многочисленныхъ пунктовъ каждый высокій провинціальный чиновникъ имѣетъ право издавать распоряженія по общественнымъ дѣламъ, требующимъ извѣстной регламентаціи; нѣкоторыя изъ нихъ относятся даже къ жизни и смерти, другія же воскресаютъ какой-нибудь старый законъ или же относятъ его къ данному случаю, со внесеніемъ въ него такихъ измѣненій, какія покажутся необходимыми. Чиновникъ о такихъ своихъ дѣйствіяхъ обязанъ доносить подлежащему министерству въ Пекинѣ. Ни одно изъ этихъ распоряженій, имѣю-

щихъ силу закона, формально не отмѣняется, но они мало-по-малу забываются, пока обстоятельства снова не потребуютъ ихъ возстановленія. Такой способъ обнародованія положеній вызываетъ въ деревняхъ нѣчто въ родѣ обычнаго и неписаннаго закона, подчиняться которому иногда заставляетъ совѣтъ старшинъ; другой причиной приведенія его въ дѣйствіе является также и продолжительная практика».

«Китайское обычное право... несомнѣнно покоится, па подобіе римскаго права до опубликованія двѣнадцати таблицъ, на mores majorum, т. е., говоря словами лорда Mackenzie, на «обычаяхъ, соблюденныхъ въ теченіе долгаго времени и санкціонированныхъ согласіемъ народа». Мы склонны думать, что невѣроятно, чтобы китайцы послѣ составленія Чжоу-гуномъ «Чжоускихъ церемоній» и Конфуціемъ «Записей о церемоніяхъ» еще что-нибудь прибавили къ основнымъ общественнымъ принципамъ или внесли въ нихъ болѣе чѣмъ только поверхностныя измѣненія; указанные два сборника... по всей вѣроятности, привели соціальные принципы китайцевъ къ опредѣленному кодексу, соединяя ихъ съ принципами царствовавшей въ то время династіи, и вплоть до настоящаго времени продолжаютъ имѣть глубокое вліяніе на китайскій умъ. Подъ основными принципами мы понимаемъ такіе, какъ пратріархальный принципъ... и братскій принципъ..., которые—въ особенности же первый изъ нихъ, являющійся, очевидно, праотцомъ остальныхъ,— проходятъ черезъ законъ и обычаи китайцевъ совершенно такъ же, какъ то было съ patria potestas въ юриспруденціи Рима. Китайскій обычный законъ служитъ постояннымъ «предостереженіемъ» (по выраженію сэра Henry Maine) «для тѣхъ, которые вмѣстѣ съ Bentham'омъ и Austin'омъ расчленяютъ каждый законъ въ элементы *предписанія* законодателя, *обязанности*, наложенной благодаря первому на гражданъ, и *санкціи*, угрожающей въ случаѣ непослушанія». «Принципъ *сяо*, который, какъ мы думаемъ, въ самомъ широкомъ его значеніи, содержитъ въ себѣ дружбу *(синь)* и преданность *(чжунъ)*, равно какъ и сыновнюю *(сяо)*, братскую *(ю* и *гунъ* или *ти)* и супружескую почтительность или обязанность *(шунь)*, является, безъ сомнѣнія, субстратомъ китайской соціальной и правовой мастерской».

«Китайское право, какъ обычное, такъ и законодательное, даетъ намъ громадное количество косвенныхъ доказательствъ въ пользу

теорія Maine'а о томъ, что путь развитія прогрессирующихъ обществъ до сихъ поръ былъ движеніемъ отъ статута (Status) къ договору (Contract) или отъ семей въ смыслѣ единицъ къ индивидамъ въ смыслѣ единицъ. Оно въ особенности полезно для поясненія этого, быть можетъ, даже полезнѣе Индускаго обычнаго права... Многочисленность примѣровъ является наиболѣе цѣннымъ обстоятельствомъ, тѣмъ болѣе что Китай еще не вышелъ изъ состоянія Статута, и насколько дѣло касается patria potestas, права передачи наслѣдства, положенія женщинъ и рабовъ, фикціи усыновленія и почти совершеннаго отсутствія какихъ-бы то ни было писанныхъ «договорныхъ» законовъ, оно остается въ положеніи римскаго права, не римскаго права позднѣйшей имперіи или эры Антонина, даже не римскаго права ранней имперіи или республики въ ея начаткахъ, но римскаго права, предшествовавшаго обнародованію двѣнадцати таблицъ, т. е. римскаго права 2,200 лѣтъ тому назадъ. Въ самомъ дѣлѣ, вмѣстѣ съ китайскимъ правомъ, равно какъ и съ китайскимъ языкомъ, мы переносимся назадъ въ такое положеніе, съ котораго мы, такъ сказать, можемъ наблюдать за живымъ прошлымъ и говорить съ людьми каменнаго вѣка».

«Судебные секретари... какъ провинціальные, такъ и столичные, являются вѣрными и почти единственными хранителями въ Китаѣ жизни права и жизни оффиціальнаго языка. Они являются юрисконсультами чиновниковъ, на подобіе того, какъ и римскіе юристы были юрисконсультами народа. Правда, большинство китайскихъ чиновниковъ основательно знакомы съ главными принципами и хорошо знаютъ детали своего не очень обширнаго кодифицированнаго права, но судебные секретари подыскиваютъ и примѣняютъ законы къ каждому данному случаю, и они составляютъ донесенія, которыя представляются апелляціоннымъ судамъ въ Пекинѣ, — Великому Суду Ревизіонному и Министерству Наказаній.., а также и Высшему Трибуналу, состоящему или изъ одного только императора или изъ него и особыхъ сановниковъ, которыхъ онъ по своему усмотрѣнію себѣ назначаетъ въ помощники, и которые, въ свою очередь, опять-таки имѣютъ своихъ секретарей — помощниковъ. Этотъ хорошо оплачиваемый классъ сановниковъ, пользующійся громадной косвенной властью и отправляющій свои функціи обыкновенно съ наивозможно меньшей внѣшней показной стороной, даетъ нерѣдко изъ своихъ рядовъ самыхъ способныхъ госу-

дарственныхъ дѣятелей имперіи. Полководецъ Цзо Цзунъ-танъ, который... вернулъ имперіи Кашгарію, можетъ быть приведенъ какъ знаменитый примѣръ; а... записка, представленная имъ трону, въ которой онъ просилъ объ оказаніи посмертныхъ почестей четыремъ своимъ секретарямъ, ясно указываетъ на цѣнность, которая придается услугамъ подобныхъ людей, и на важное участіе, которое они принимаютъ въ дѣлахъ имперіи».

Наказанія, налагаемыя въ настоящее время за нарушеніе закона, слѣдующія: —наказаніе бамбуковыми палками; ссылка въ болѣе или менѣе отдаленныя мѣстности на опредѣленный срокъ или пожизненно; смертная казнь, распадающаяся на два способа, —черезъ удушенія и черезъ обезглавленіе.

Употребляются желѣзныя кандалы и деревянныя и канга, особаго устройства сооруженіе, состоящее изъ тяжелыхъ деревянныхъ досокъ, въ которыя задѣлываются шея и руки. Для цѣлей пытки оффиціально закономъ допускаются два инструмента: одинъ для сдавливанія щиколотокъ и другой для пальцевъ; но употребляются и другія орудія пытки, хотя и можетъ быть, не такъ часто, какъ это иногда предполагаютъ.

Не всякое преступленіе передается въ судъ, нѣкоторыя преступленія, какъ напримѣръ, мелкое воровство, наказываются, такъ сказать, сокращеннымъ порядкомъ самимъ окрестнымъ населеніемъ: воръ прогоняется по улицамъ той мѣстности, въ которой онъ совершилъ кражу.

Въ случаѣ передачи дѣла въ судъ обвинитель или истецъ долженъ начать дѣло «въ низшемъ судебномъ учрежденіи своего округа», изъ котораго дѣло, если оно не будетъ рѣшено сокращеннымъ порядкомъ, можетъ быть передано въ высшіе суды. Въ Китаѣ нѣтъ адвокатовъ въ нашемъ смыслѣ слова, но существуетъ особый классъ людей, которые помогаютъ тяжущимся безъ вѣдома судьи путемъ приготовленія доказательствъ, составленія прошеній и пр.

Эти «адвокаты составляютъ въ Китаѣ презираемый классъ, не признанный закономъ и безъ права появленія въ судѣ. Они въ состояніи служить своимъ кліентамъ только за кулисами, составляя для нихъ петиціи и встрѣчныя петиціи».

Все, имѣющее отношеніе къ праву и правовымъ дѣламъ, въ Китаѣ такъ своеобразно, что европейцу угрожаетъ постоянная опасность непониманія и неправильной оцѣнки народа въ связи съ подобнаго рода дѣлами. Прежде всего подача показаній по на-

слышкѣ всецѣло допустима, и данное лицо можетъ быть подвергнуто крайней карѣ законовъ даже въ томъ случаѣ, если противъ него не имѣется никакихъ иныхъ уликъ, кромѣ подобныхъ показаній. Въ китайскомъ судѣ не приводятъ къ присягѣ. Когда данное дѣло представляется сомнительнымъ, присяга приносится въ храмѣ передъ богами или же на открытомъ воздухѣ въ присутствіи неба; состоитъ она въ поклоненіи, сопровождаемомъ отсѣченіемъ головы живого пѣтуха или сожиганіемъ молитвъ, написанныхъ на желтой бумагѣ. Въ деревняхъ иногда сломаютъ при принесеніи присяги какой-нибудь глиняный предметъ, напримѣръ, посуду. Обращеніе къ небу, безъ сомнѣнія, самое лучшее.

Въ связи съ этимъ въ англійскихъ судахъ въ Гонконгѣ часто бываетъ, что истецъ, боясь, какъ бы дѣло не приняло оборотъ противъ него, или замѣчая, что его противникъ точно такъ же упорно придерживается своей собственной версіи, какъ и онъ самъ своей, предлагаетъ обратиться къ болѣе сильному средству, чѣмъ простыя заявленія, принятыя въ англійскихъ судахъ, а именно къ присягѣ на голову пѣтуха, которая при этомъ отсѣкается.

Истецъ въ китайскомъ судѣ не приводитъ съ собой свидѣтелей и не требуетъ ихъ вызова подъ страхомъ пени. Это уже обязанность или функція властей или судьи: если въ теченіе подачи показаній, или раньше, выяснится, что присутствіе ихъ необходимо, то судья посылаетъ за ними своихъ ликторовъ. Вслѣдствіе этого тяжущіеся являются и въ англійскіе суды постоянно безъ своихъ свидѣтелей, и часто они, по китайскому обычаю, просятъ судью послать за ними.

Китайскій судья функціонируетъ и въ качествѣ прокурора, а равно и въ качествѣ обыкновеннаго судьи, что отчасти походитъ на французскій порядокъ (такъ какъ нѣтъ адвокатовъ въ нашемъ смыслѣ слова, а слѣдовательно и нѣтъ отдѣльныхъ обвинителей, ни прокуроровъ и т. п.); судья иногда разрѣшаетъ тяжущимся сторонамъ вступать въ препирательства и взаимныя обвиненія, спокойно слушая ихъ и стараясь уловить какіе-нибудь новые факты, относящіеся къ дѣлу.

Среди всѣхъ аномалій китайскаго отправленія правосудія имѣется одна хорошая черта, состоящая въ томъ, что судья, если онъ только не находится подъ вліяніемъ подкупа, всегда старается постановить разумное, здравое рѣшеніе. Хотя и въ качествѣ его руководителей имѣется и законъ и обычай, но онъ не связанъ желѣзными узами прецедентовъ, и законъ и обычай, конечно, въ извѣстныхъ границахъ, могутъ

быть пренебрегаемы имъ, если у него достаточно ясные глаза, чтобы найти лучшій и болѣе разумный исходъ.

Слѣдующія выдержки объяснятъ намъ еще одну или двѣ черты китайскаго характера въ отношеніи правовыхъ вопросовъ:

«Хотя и существуетъ подробный уголовный кодексъ, и хотя проведена разница между различными родами убійства, но для простого народа все это составляетъ одно лишь дѣло и его крикъ заключается въ словахъ:—жизнь за жизнь. Тѣмъ не менѣе денежная компенсація часто успокаиваетъ пораненныя чувства. Когда, однако, родственники настаиваютъ на мести, дѣло должно быть передано на разсмотрѣніе мандариновъ».

Когда въ судѣ появляется китайскій свидѣтель, то онъ «ожидаетъ, что судья у него спроситъ названіе его родного округа, его собственное имя, возрастъ, возрастъ его отца и матери (если они еще въ живыхъ), дѣвичье имя его жены, ея возрастъ, число и возрасты его дѣтей и еще много вопросовъ подобной же практичности и важности, и только послѣ этого судья дѣлаетъ попытку выяснить какой-нибудь изъ фактовъ, относящихся къ подслѣдственному дѣлу. Въ отношеніи такого стереотипичнаго народа, какъ китайцы, неумѣстно пренебреженіе подобными пустяками формы и обычая; напротивъ, казалось-бы цѣлесообразнымъ позволить свидѣтелю по собственному его желанію углубляться въ подобныя безполезныя частности, пока ему не удастся собрать свои разсѣянныя мысли, и пока не представится возможность ласково побудить его показать что-нибудь болѣе похожее на показаніе».

Важнѣйшая литература:—«Ta Tsing Leu Lee; Being the Fundamental Laws and a Selection from the Supplementary Statutes of the Penal Code of China», translated by Sir G. T. Stauntan, Bart, F. R. S.—«The Middle Kingdom», соч. Williams'a, т. I, стр. 384 и слѣд.—«Historic China and other Sketches», соч. Giles'a, стр. 125 и слѣд.—«Comparative Chinese Family Law», соч. Parker'a.

Н. Успенскій.

Запрашиваніе. Почти каждый китайскій купецъ или торговецъ, показывая цѣну на свои товары, болѣе или менѣе запрашиваетъ. Единственное исключеніе, въ числѣ чисто туземныхъ предпріятій, представляютъ чайныя, кондитерскія и аптекарскія лавки, потомучто въ подобнаго рода торговыхъ заведеніяхъ нѣтъ надобности торговаться. Исключеніе составляютъ также лавки, имѣющія почти исключительно

дѣло съ европейцами: во многихъ изъ нихъ начинаютъ сообразоваться съ иностранными порядками и устанавливаютъ опредѣленныя цѣны.

Китаецъ старается выручить за свой товаръ по возможности больше и, какъ общее правило можно предположить, что онъ запрашиваетъ на четверть или треть больше того, сколько онъ думаетъ выручить; поэтому предлагайте ему половину того, что онъ спрашиваетъ, и по мѣрѣ того, какъ онъ будетъ постепенно понижать цѣну, постепенно увеличивайте предлагаемую вами, до тѣхъ поръ, пока не будетъ достигнуто нейтральной почвы, и послѣ раздѣленія разницы китаецъ, вѣроятно, съ удовольствіемъ возьметъ то, что вы ему дадите. Но все это вами должно быть продѣлано съ совершеннымъ хладнокровіемъ, нисколько не показывая вида, что дорожите пріобрѣтеніемъ даннаго предмета; ни одно похвальное слово не должно сорваться съ вашихъ устъ; малѣйшіе недостатки въ предметѣ должны быть рѣзко указаны: «и это плохо и то не годится,—говоритъ покупатель; но вернувшись домой, онъ хвастается своею покупкою».

Когда сомнѣваешься въ цѣнѣ какой-нибудь вещи, самое лучшее пойти и поторговаться на нее въ нѣсколькихъ различныхъ лавкахъ. Такимъ образомъ можно себѣ составить нѣкоторое, довольно вѣрное предположеніе о настоящей цѣнѣ предмета, ибо когда торговецъ замѣтитъ, что покупатель намѣревается оставить его лавку, онъ понизитъ цѣну почти или совсѣмъ до той цифры, которую онъ предполагалъ выручить.

Китаецъ питаетъ особенную любовь къ торговлѣ и находитъ положительное удовольствіе «торговаться» о цѣнѣ, что иностранецъ (для котораго время—деньги) едва ли въ состояніи оцѣнить. Съ европейской точки зрѣнія просто страшно подумать о тѣхъ часахъ, дняхъ, недѣляхъ, мѣсяцахъ и годахъ, которые въ конечномъ итогѣ тратятся въ Китаѣ въ угоду этой восточной черты характера его населенія.

Giles даетъ намъ въ своемъ сочиненіи «Historic China and other Sketches» забавный переводъ, представляющій собою восхитительную пародію на языкъ рынка и лавокъ, въ которой осмѣивается этотъ обычай китайцевъ. Статья озаглавлена «Страна джентельменовъ», и въ ней представлено идеальное состояніе общества, въ которомъ роли измѣнены,—покупатель, чрезмѣрно хваля предметы, которые онъ покупаетъ, съ настойчивостью предлагаетъ продавцу взять высшую цѣну противъ той, которую онъ проситъ, между тѣмъ какъ послѣдній, хуля свой товаръ, требуетъ за нихъ слишкомъ мало; и такимъ образомъ оба долгое

время торгуются о цѣнѣ, точь-въ-точь какъ то бываетъ въ повседневной жизни Китая, съ той лишь разницей, что покупатель и продавецъ помѣнялись своими мѣстами.

Д. Щербаковъ.

Землевладѣніе. Земельнымъ источникомъ въ Китаѣ является непосредственно казнь; нѣтъ свободной отъ оброка собственности, и нѣтъ фидеикоммиснаго закона. Какъ уже неоднократно было указано, семья является въ Китаѣ общественной единицей, потому и естественно, что семья или кланъ владѣетъ крупными участками земли, хотя и часто бываетъ, что и отдѣльныя лица помѣщаютъ свои сбереженія въ рисовыхъ поляхъ южнаго Китая.

«Условіями обыкновеннаго владѣнія является взносъ ежегодной подати, уплата пошлины за отчужденіе вмѣстѣ съ денежнымъ выкупомъ отъ личной службы правительству, каковой сборъ обыкновенно включается въ прямой налогъ, какъ нѣчто въ родѣ барщинной повинности».

Поземельная подать составляетъ отъ $1^1/_2$ до 10 центовъ за *моу* или китайскую десятину, т. е. отъ 10 до 66 центовъ за англійскій акръ; величина ея зависитъ отъ качества земли и трудности обработки ея, плодородности ея, положенія, а также и цѣли, для которой она употребляется. Если считать эту подать въ среднемъ по 25 ц. за одинъ акръ, то китайское правительство должно было бы имѣть изъ этого источника около 150.000.000 долларовъ ежегоднаго дохода, конечно, если бы всѣ эти деньги поступили въ императорскій кошелекъ безъ уплаты дани цѣлой шайкѣ жадныхъ подчиненныхъ чиновъ, писцовъ и полицейскихъ, и всѣмъ тѣмъ многочисленнымъ субъектамъ, которые являются, чтобы получить свою долю изъ добычи.

«Такъ какъ взысканія за право отчужденія при продажѣ земли высоки, доходя иногда до одной трети продажной цѣны, то народъ довольствуется незасвидѣтельствованными документами какъ доказательствомъ собственности и ручательствомъ за уплату податей. Иногда первоначальное *хунъ-ци*, безъ котораго подобныя частныя сдѣлки подозрительны, если даже не безцѣнны, сопровождаютъ двадцать, тридцать такихъ частныхъ документовъ о продажѣ. Съ цѣлью обезпеченія за правительственными мѣстами возможности имѣть свѣдѣнія объ отчужденіяхъ земли, въ видахъ выясненія податей, принято представлять такъ называемое *kai'mei* или «результатъ сдѣлки», съ указаніемъ въ немъ условій продажи и коли-

чества подати, приходящейся на данную собственность. Иныхъ доказательствъ собственности не требуется. Простота и цѣлесообразность такого способа передачи земли представляютъ собою рѣзкій контрастъ съ неудобными правилами, установленными въ западныхъ государствахъ.»

Старшій сынъ наслѣдуетъ собственность отца, но, судя по народнымъ обычаямъ, скорѣе кажется, какъ будто собственность переходитъ къ нему въ качествѣ депозита, которымъ онъ завѣдываетъ для блага семьи, потомучто всей семьѣ разрѣшается проживать на ней и извлекать изъ нея изъ поколѣнія въ поколѣніе средства къ жизни, если она, конечно, того пожелаетъ, въ противномъ случаѣ «возможенъ дружескій выкупъ».

Ипотечный кредиторъ вступаетъ во владѣніе собственностью и «беретъ на себя отвѣтственность за уплату податей». Земля въ любое время можетъ быть выкуплена путемъ уплаты ссуженной суммы, если платежъ послѣдуетъ въ теченіе тридцати лѣтъ.

Китайское правительство обходится весьма либерально съ лицами, которыя пріобщаютъ къ культурѣ пустынные склоны горъ или бѣдную почву, или которыя впервые культивируютъ вновь образовавшіяся аллювіальныя полоски земли: въ первыхъ случаяхъ культиватору дается достаточно времени для обратнаго полученія затраченныхъ имъ на обработку земли денегъ, прежде чѣмъ послѣдняя будетъ обложена податью: въ послѣднемъ же случаѣ требуется одно лишь извѣщеніе властей.

«Со всѣхъ построекъ правительство получаетъ участковую ренту, но не доступны никакія данныя для сравненія этой подати съ податью, взимаемой въ западныхъ городахъ. Правительство выдаетъ собственнику участка Хунъ-ци или «красную грамоту» въ удостовѣреніе права его на владѣніе; эта грамота оставляетъ за нимъ право владѣнія до тѣхъ поръ, пока онъ платитъ подати (участковую таксу). Въ мѣстныхъ ямыняхъ имѣются конторы для регистраціи такихъ документовъ».

Важнѣйшая литература.—«The Middle Kingdom», соч. Williams'a.—«Land and Landtax», статья T.T. Meadows въ Transactions N. C. Br. R. A. S. 1848, Vol. I.

В. Михайловъ.

Земледѣліе. Слава земледѣльца состоитъ въ томъ, что среди другихъ работниковъ на его долю выпало творчество. Вся торговля въ

конечномъ итогѣ основывается на его примитивной дѣятельности. Такими словами Emerson начинаетъ свое сочиненіе «Essay on Farming». Подобнаго рода взглядъ заставилъ китайцевъ поставить землепашцевъ тотчасъ послѣ ученаго и выше торговца и ремесленника; это тѣ четыре класса, на которые народъ раздѣленъ въ Китаѣ. Съ самаго ранняго періода легендарной исторіи земледѣліе почиталось китайцами какъ высокое и благородное занятіе. Но все это, конечно, только въ теоріи— на бумагѣ, въ книгахъ, документахъ, прокламаціяхъ, наказахъ и увѣщаніяхъ, а между тѣмъ въ дѣйствительной повседневной жизни мужикъ (въ первоначальномъ значеніи этого слова), т. е. простой, неуклюжій деревенскій житель осуждается на подчиненное положеніе, по сравненію съ относительно болѣе культурнымъ городскимъ жителемъ. Но не смотря на все это, многими установившимися обычаями, свойственными китайцамъ, земледѣльцу укзывается высокое идеальное положеніе. Указаніемъ на это можетъ служить примѣръ, даваемый каждымъ китайскимъ императоромъ: пахать каждый годъ во время весенняго равноденствія въ Храмѣ земледѣлія въ Пекинѣ, освящая такимъ образомъ начало земледѣльческаго періода. Ту же самую церемонію ежегодно исполняютъ и вице-короли и губернаторы различныхъ провинцій. Исполненіемъ этихъ обрядовъ дается назидательный урокъ всему народу по всему лицу имперіи и выражается «глубокій смыслъ важности земледѣлія для общественнаго благосостоянія». Земледѣліе важно въ трехъ отношеніяхъ: во первыхъ—оно регулярно снабжаетъ народъ и пищей и работой; во вторыхъ—правительственныя нужды покрываются умѣренными податями, хотя и къ несчастію, благодаря плохому управленію и корыстолюбію чиновниковъ, эти подати часто увеличиваются въ шесть разъ противъ номинальныхъ, и наконецъ, въ третьихъ—опытъ показываетъ, что легче управлять земледѣльческимъ населеніемъ, чѣмъ чисто торговымъ или военнымъ.

Не только сынъ неба показываетъ примѣръ даже самому простому землепашцу тѣмъ, что онъ царственной своей рукою правитъ плугомъ, но и китайское правительство вообще выступаетъ въ роли благодѣтеля смиренныхъ земледѣльцевъ и своими милостивыми дѣйствіями въ значительной степени поощряетъ эту важную отрасль труда. Въ видахъ этого подати взимаются сообразно продуктивности обрабатываемой земли; благодаря льготности условій рекламація полей по берегамъ рѣкъ и моря легко осуществима; пустыри на склонахъ холмовъ или въ ровныхъ мѣстахъ (въ случаѣ, если бѣдность почвы требуетъ отъ трудолюбиваго зем-

ледѣльца продолжительнаго времени, чтобы окупить затраченный капиталъ) не облагаются податью до тѣхъ поръ, пока не истечетъ достаточно времени, чтобы труды земледѣльца могли окупиться при наличности соотвѣтственнаго обложенія: въ свободное распоряженіе земледѣльца, сѣвшаго на подобную дѣвственную землю, предоставляется пять урожаевъ. Несмотря, однако, на всѣ эти поощренія, масса земель до сихъ поръ еще остается невоздѣланной, и нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ къ наиболѣе плодороднымъ во всей странѣ; это происходитъ частью отъ того, что народъ не располагаетъ потребными знаніями и капиталомъ, чтобы дренировать землю и сдѣлать ее продуктивною, частью же отъ того, что онъ не имѣетъ достаточной увѣренности въ выгодности предпріятія, чтобы рѣшиться на необходимыя затраты; иногда же его удерживаетъ и страхъ передъ мѣстными разбойниками, нападенія которыхъ дѣлаютъ жизнь въ отдаленныхъ мѣстностяхъ опасной.

Изобрѣтеніе и введеніе земледѣлія въ Китаѣ приписывается священному землепашцу Шэнь-нун'у, миѳическому или полумиѳическому монарху, царствовавшему за 2700 л. до Р. Х.

Профессоръ Rein начинаетъ свое великолѣпное сочиненіе «The Industries of Japan» слѣдующими словами:

«Въ противоположность кочевымъ народамъ центральной Азіи, обитатели области муссоновъ въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій были привязаны къ землѣ. Они съ высшимъ напряженіемъ занимаются земледѣліемъ, въ особенности въ Китаѣ и Японіи. Для скотоводства въ этихъ странахъ мало благопріятныхъ условій, и такъ какъ ощущается недостатокъ въ лугахъ и пастбищахъ, то молоко, масло и сыръ—главная пища кочевыхъ монгольскихъ племенъ—совершенно неизвѣстны китайцамъ и японцамъ. Яйца и продукты рыболовства и охоты играютъ гораздо болѣе важную роль, чѣмъ мясо домашнихъ животныхъ... Вслѣдствіе того, что въ Китаѣ рѣдко занимались овцеводствомъ, . . . шерсть прежде имѣла мало значенія въ костюмномъ дѣлѣ. Пеньковыя и бумажныя матеріи, а у богатыхъ шелковыя ткани, въ особенности зимою, являются матеріалами, изъ которыхъ народонаселеніе шьетъ себѣ одежду».

Было бы вполнѣ естественно ожидать, что различіе климатическихъ условій столь обширной имперіи,—простирающейся отъ равнинъ Маньчжуріи до узкихъ долинъ Юнь-нани и отъ приморскихъ провинцій до высокихъ горъ и громадныхъ плоскогорій Тибета,—выразится въ разнообразіи и несходствѣ продуктовъ, добываемыхъ въ различныхъ мѣст-

ностяхъ, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ Китая; но несмотря на всю разновидность произведеній большая часть ихъ всетаки производится для пищевыхъ цѣлей. Только хлопокъ, пенька, индиго и тутовыя деревья, для цѣлей шелководства, являются единственными важными растеніями, которыя не культивируются въ пищевыхъ интересахъ. Бассейнъ Янъ-цзы-цзяна образуетъ громадный хлопчатый районъ; пенька воздѣлывается въ широкихъ размѣрахъ въ мѣстностяхъ, лежащихъ къ сѣверу отъ Мэй-линъ'а, а также и въ провинціи Фу цзянь; южныя провинціи производятъ въ громадномъ количествѣ рисъ, который образуетъ главную пищу для милліоновъ китайцевъ; между тѣмъ какъ сѣверные, болѣе холодные округа являются наиболѣе пригодными для воздѣлыванія проса и вообще зерновыхъ хлѣбовъ. Чайное дерево совершенно неизвѣстно въ сѣверныхъ провинціяхъ; оно по преимуществу произрастаетъ въ солнечной и влажной атмосферѣ между 23 и 35 градусами сѣверной широты; сахарный тростникъ можно только видѣть въ южныхъ и юго-восточныхъ частяхъ Китая; культура же мака, къ несчастію, быстро распространяется по разнымъ провинціямъ—на востокѣ, западѣ, сѣверѣ и югѣ, и въ дѣйствительности составляетъ третью часть всей земледѣльческой промышленности провинціи Юнь-нань.

Неутомимое прилежаніе китайца прекрасно проявляется въ неослабномъ трудѣ земледѣльца: въ потѣ лица онъ добываетъ себѣ насущный хлѣбъ; недѣлю за недѣлей, съ утра до вечера онъ занятъ работою; то онъ своимъ примитивнымъ плугомъ бороздитъ землю; то онъ зловоннымъ удобреніемъ приходитъ на помощь своимъ растеніямъ (китайское удобреніе прилагается скорѣе къ самимъ растеніямъ, чѣмъ къ почвѣ); то онъ съ помощью своего сына ногами двигаетъ колесо своей своеобразной водяной мельницы, чтобы наполнить водой искусственныя оросительныя канавки; то онъ быстрымъ шагомъ или даже полубѣгомъ, съ ведрами, наполненными водой (громадные водяные сосуды) спѣшитъ между грядами растеній, орошая искусственнымъ дождемъ свою ниву. Но его остроумныя изобрѣтенія въ области искусственнаго орошенія не останавливаются на этомъ: естественные ручейки страдаютъ недостаткомъ неправильнаго направленія теченія и, спускаясь тамъ и сямъ по склонамъ холмовъ, они оживляютъ жаждущія терассы полей, какъ попало; поэтому земледѣлецъ пристраиваетъ къ нимъ громадныя колеса, съ прикрѣпленными къ нимъ ведрами, которыя, медленно вращаясь, поднимаютъ ежедневно по нѣсколько сотъ тоннъ воды изъ ручейковъ, которые, являясь для этихъ колесъ движущей силой, въ то же время

съ каждымъ поворотомъ ихъ лишаютъ себя части своихъ водяныхъ богатствъ; при помощи журавовъ (напоминающихъ египетскія shâdnf) вычерпывается содержаніе бассейновъ, устроенныхъ для собиранія дождевой воды; даже ведра и плоскіе сосуды, съ привязанными къ нимъ по обѣимъ сторонамъ веревками, употребляются для поднятія драгоцѣнной влаги прямо изъ текущаго ручья;—для этой цѣли на каждомъ берегу ручья стоитъ по одному человѣку; при помощи качательнаго движенія они погружаютъ сосудъ подъ поверхность ручья, какъ разъ настолько, чтобы захватить достаточное количество воды, послѣ чего они его поднимаютъ и порывистымъ движеніемъ опоражниваютъ; все это продѣлывается съ замѣчательною быстротою и плавностью движеній. Такимъ образомъ прилагается и дополняется человѣческій трудъ разнообразными способами различныхъ ухищреній; иногда колесо приводится въ движеніе при помощи животныхъ и, какъ мы видѣли выше, даже самъ ручей принуждается служить для той же цѣли. Все сказанное можно наблюдать въ южныхъ провинціяхъ.

> «Въ сѣверныхъ провинціяхъ, гдѣ пшеница, просо и другіе хлѣба воздѣлываются въ большомъ количествѣ, необходимую для нихъ влагу въ обыкновенный годъ доставляютъ лѣтомъ дожди, а зимою снѣгъ».

Въ сѣверныхъ и восточныхъ провинціяхъ Китая на крестьянскихъ дворахъ рѣдко, если вообще, можно видѣть телѣги; самъ крестьянинъ представляетъ собою вьючное животное; крестьянки, правда, помогаютъ въ этомъ дѣлѣ, но въ нѣкоторыхъ округахъ, женщины вовсе не участвуютъ въ полевыхъ работахъ.

Удобное коромысло съ ведрами, корзинками или бамбуковыми петлями (смотря по надобности), подвѣшенными по концамъ его, служитъ всѣмъ нуждамъ транспортировки и является вполнѣ пригоднымъ для переноски хлѣбныхъ растеній, травы, воды, удобренія и вообще всякихъ вещей, подлежащихъ переноскѣ на болѣе длинныя или короткія разстоянія. Работы, которыя въ другихъ странахъ предоставляются лошадямъ или воламъ, исполняются въ Китаѣ самимъ крестьяниномъ, и это доходитъ до того, что часто можно видѣть, какъ китайскій крестьянинъ несетъ свой плугъ въ поле или возвращается съ нимъ съ поля; однако, когда плугомъ взрываютъ землю, тогда запрягаютъ въ него буйвола; то же животное обыкновенно таскаетъ и борону къ полю по ровной поверхности земли, а также и тогда, когда ею переворачива-

ютъ грязное дно полуводяныхъ рисовыхъ полей. Этихъ странныхъ и на видъ неуклюжихъ животныхъ гонятъ на работу и съ работы домой мальчики, которые ими и управляютъ во время работы, и интересно наблюдать за той совершенной властью, которую эти крошечные мальчишки имѣютъ надъ этими огромными, неуклюжими и съ виду туповатыми животными.

Земледѣльческія орудія, употребляемыя въ Китаѣ, очень немногочисленны и самой незатѣйливой конструкціи; по всей вѣроятности, эти орудія, если они уже не изобрѣтены самимъ почтеннымъ Шеньнунъ'омъ, употребляются уже цѣлыя столѣтія безъ всякихъ измѣненій или улучшеній. Одинъ писатель слѣдующимъ образомъ описываетъ китайскій плугъ и борону:

«Плугъ дѣлается весь изъ дерева, за исключеніемъ остраго желѣзнаго сошника, который лежитъ плашмя и врѣзывается въ землю приблизительно на пять дюймовъ. Все это изобрѣтеніе такъ просто и грубо, что невольно представляешь себѣ изобрѣтателя-работника, который, утомленный работою заступомъ, взялъ себѣ на помощь быка, а свою лопату прикрѣпилъ къ бруску;—привязавъ животное къ одному концу и самъ управляя другимъ, онъ былъ такъ доволенъ полученнымъ облегченіемъ, что онъ никогда и не подумалъ о дальнѣйшемъ усовершенствованіи своего изобрѣтенія, ограничиваясь лишь тѣмъ, что заострилъ лопату, благодаря чему получился сошникъ, а къ бруску придѣлалъ дышло и рукоятку. Борона представляетъ изъ себя тяжелый брусъ, съ прикрѣпленнымъ къ нему единственнымъ рядомъ крѣпкихъ деревянныхъ зубовъ, снабженный надстройкой, для того чтобы можно было ею управлять, или же она представляетъ собою треугольное орудіе съ нѣсколькими рядами желѣзныхъ зубовъ, на верху котораго сидитъ самъ погонщикъ, чтобы своимъ вѣсомъ глубже погружать его въ землю».

Эти два орудія употребляются при обработкѣ рисовыхъ полей, на сухихъ же поляхъ и рыхлыхъ земляхъ обыкновенно работаютъ простою киркою; сила удара увеличивается тяжестью большого деревяннаго клинка, снабженнаго желѣзнымъ наконечникомъ или же всецѣло сдѣланнаго изъ желѣза. По сравненію съ западными странами, къ заступу прибѣгаютъ лишь сравнительно рѣдко. Такъ какъ сѣмена не разбрасываются рукою, то крестьянину представляется возможность разрыхлять землю при помощи кирки и содержать свои пашни совершен-

но чистыми отъ сорныхъ травъ. Никакихъ другихъ орудій, кромѣ тѣхъ, которыя были указаны, не имѣется на крестьянскихъ дворахъ. Впрочемъ, употребляются еще кирки, грабли, сдѣланныя изъ бамбука, рѣзаки, замѣняющіе косы, садовые ножи и серпы. Цѣпы употребляются на токахъ, пространствомъ въ нѣсколько квадратныхъ футовъ, для молотьбы риса, гороха, горчицы, рѣпы и другихъ сѣмянныхъ растеній; для той же цѣли употребляются и неподкованные волы.

Китайскій земледѣлецъ, какъ общее правило, представляетъ собой скорѣе крестьянина-собственника, чѣмъ земледѣльца въ нашемъ значеніи этого слова, хотя въ пограничныхъ и сѣверныхъ провинціяхъ мѣстами можно встрѣтить и обширныя хозяйства. Подраздѣленія полей бываютъ иногда такъ ничтожны, что въ одномъ и томъ же полѣ одна или двѣ борозды картофеля или какого-нибудь другого растенія принадлежатъ одному лицу, а вся остальная часть поля раздѣлена на подобныя же крошечныя части. Въ этомъ отношеніи не лишены интереса слѣдующія извлеченія изъ донесенія о земледѣліи въ Китаѣ, опубликованнаго министерствомъ земледѣлія въ Вашингтонѣ:

«Такимъ образомъ въ Гуанъ-дунѣ... одна шестая акра земли поддерживаетъ существованіе одного человѣка, а собственникъ двухъ акровъ хорошей земли, при семействѣ въ пять человѣкъ, можетъ жить безъ постороннихъ занятій на произведенія этого своего маленькаго участка. Семь акровъ земли въ Китаѣ считается уже за богатство, и лишь немногіе собственники обладаютъ сотней акровъ». Эмиграція «и дѣтоубійство... являются единственнымъ средствомъ противъ такого избытка населенія, при которомъ существованіе на земельныя средства сдѣлалось бы невозможнымъ для всего населенія страны. На сѣверѣ, гдѣ земля менѣе плодородна, владѣнія гораздо обширнѣе, и уровень народнаго благосостоянія выше. Въ Маньчжуріи фермы въ 500 акровъ не представляютъ ничего необыкновеннаго, и тамъ же существуютъ и болѣе обширныя имѣнія; но большія имѣнія обыкновенно обрабатываются сообща нѣсколькими семействами, нѣкоторыя изъ которыхъ состоятъ изъ 200 лицъ. Говорятъ, что даже на сѣверѣ семейство изъ шести или семи лицъ можетъ существовать при трехъ акрахъ земли, а пять акровъ составляютъ уже роскошь или во всякомъ случаѣ то, что признается роскошью людьми, довольствующимися покрытіемъ однѣхъ только острыхъ нуждъ существованія».

Приведенное свидѣтельство о положеніи земледѣлія въ Гуанъ-дунской провинціи, кажется, основано на показаніяхъ госпожи Fielde о земледѣльческихъ дѣлахъ въ округѣ Сватоу. Та же писательница говоритъ:

«При такихъ размѣрахъ производства и потребленія годная для земледѣлія земля Нью-Іоркскаго штата, не смотря на сокращеніе, по причинѣ болѣе сѣвернаго расположенія, получаемыхъ съ нея доходовъ на половину, была бы въ состояніи содержать все наличное въ настоящее время населеніе Соединенныхъ Штатовъ; а вся вообще воздѣлываемая въ настоящее время площадь земли Соединенныхъ Штатовъ, несмотря на уменьшенную по причинѣ климата продуктивную силу ея на половину, по сравненію съ продуктивной силой Сватоускихъ земель, была бы въ состояніи прокормить населеніе, равное населенію всего міра, или свыше 1,400,000,000 человѣкъ».

Другой авторъ говоритъ:

«Китайцы представляютъ собою скорѣе огородниковъ, чѣмъ земледѣльцевъ, если принять во вниманіе незначительные размѣры ихъ земель. Они незнакомы со многими операціями, при помощи которыхъ неплодородные отъ природы участки превращаются въ плодородные, и они не знаютъ ничего о естественной плодородности почвы, поддерживаемой самымъ дешевымъ образомъ путемъ подходящаго удобренія и смѣны культуръ; но они искупаютъ всѣ эти недостатки вспомогательныхъ средствъ тяжелымъ трудомъ».

По склонамъ холмовъ часто устраиваются терассы для воздѣлыванія риса, и мѣста, которыя иначе представляли бы пустыри, утилизируются для производства этого полезнаго злака, а равно и другихъ растеній; однако, ошибочно предполагать, чтобы весь Китай представлялъ собою одинъ сплошной садъ, и чтобы каждый холмъ былъ изрѣзанъ рядами ступеней отъ основанія до вершины. Рисъ, являясь коренною пищею населенія южныхъ провинцій, культивируется въ обширныхъ размѣрахъ, почему и въ продолженіе большей части года поля находятся подъ водою. Небольшія тропинки, достаточныя лишь для одновременнаго прохода одного человѣка, раздѣляютъ рисовыя поля другъ отъ друга. Ровныя низменныя равнины, образовавшіяся отъ рѣчныхъ наносовъ, являются наиболѣе пригодными и излюбленными мѣстами для подобнаго рода полей, которыя, представляя по виду какъ-бы одну громадную шахматную доску, защищены отъ наводненій огромными плотинами, воз-

двигнутыми по берегамъ рѣкъ. Наверху плотинъ обыкновенно проложена тропинка (болѣе широкая, чѣмъ въ центрѣ полей), а откосы ихъ утилизируются для воздѣлыванія фруктовыхъ деревьевъ, какъ то—райской смоковницы и др. Въ теченіе года снимается два или три урожая, а также производится два улова рыбы, которая, будучи впущена въ воду, покрывающую поля, маленькою, въ теченіе короткаго промежутка времени подростаетъ и становится годною для пищи. Въ нѣкоторыхъ округахъ страны воздѣлываются также земляные орѣхи, сахарный тростникъ и туземный табакъ. Можно видѣть и массу овощей. Большая часть изъ нихъ, въ качественномъ отношеніи стоитъ гораздо ниже европейскихъ овощей, причемъ среди нихъ есть и такія, которыя совершенно неизвѣстны на западѣ. Значительная часть китайскаго земледѣлія занимается исключительно воздѣлываніемъ этихъ растеній. Сладкій картофель, ямсъ, бобы, огурцы, разнаго рода тыквы, арбузы, дыни и проч.,—всѣ они привлекаютъ вниманіе китайскаго земледѣльца и служатъ ему и многимъ его соотечественникамъ приправой къ сваренному на водѣ рису, которому кромѣ того небольшія порціи соленой или свѣжей рыбы или же мяса иногда придаютъ немного больше вкуса. При такой скудной, иногда даже еще болѣе убогой, пищѣ китайскій земледѣлецъ и цѣлые милліоны китайскаго рабочаго люда выполняютъ свою ежедневную трудную работу.

Китайцы очень искусны въ дѣлѣ удобренія земли, и поддерживаютъ такимъ образомъ ея плодородіе, вмѣсто того чтобы держаться плодосмѣнной системы, хотя, какъ говорятъ, послѣдняя практикуется, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ провинціяхъ. Нечистоты отхожихъ мѣстъ городовъ и даже самой маленькой деревушки и содержаніе устроенныхъ по сторонамъ дороги примитивныхъ писуаровъ заботливо сохраняются и затѣмъ утилизируются къ полному отвращенію лицъ, обладающихъ чуткимъ обоняніемъ и не привыкшихъ къ подобному устарѣлому способу. Съ тою же самою цѣлью собираются и другіе матеріалы, ибо въ Китаѣ дѣйствуетъ девизъ, чтобы ничего безцѣльно не уничтожалось, и дѣйствительно кажется, что въ Китаѣ ничего и не пропадаетъ безъ пользы: тина рѣкъ, каналовъ и водоемовъ, представляющая великолѣпное удобреніе въ странѣ, подобной Китаю, гдѣ рѣки служатъ главными водосточными трубами и собирателями пыли, и гдѣ цѣлая масса притоковъ снабжаетъ главныя водяныя жилы достаточнымъ количествомъ всякаго рода матеріаловъ, оторванныхъ теченіемъ отъ обваливающихся плотинъ, чтобы образовать богатѣйшіе аллювіаль-

ные осадки; уличный мусоръ, волосы изъ парикмахерскихъ лавокъ, негодная бумага отъ взорванныхъ хлопушекъ и ракетъ, известь, и штукатурка, пропитанная въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ древесной сажей и собранная на кухняхъ и старыхъ постройкахъ, настоящая сажа, старыя кости, отбросы отъ рыбъ, животныхъ и птицъ,—все это жадно собирается во всѣхъ мѣстахъ и утилизируется; то же самое дѣлается и съ остатками отъ растеній, которые, обуглившись подъ вліяніемъ торфа, представляютъ богатый черноземъ, который кладется непосредственно надъ посѣянными сѣменами; выжимки, остающіяся при приготовленіи масла изъ земляныхъ орѣховъ, бобовъ, овощей, сала, чая, капустныхъ сѣмянъ и проч., смѣшиваются съ землею и продаются въ плиточномъ видѣ земледѣльцамъ.

Человѣку, привыкшему видѣть поля, засѣянныя травою и клеверомъ, странно замѣтить полное отсутствіе ихъ: все то, что могло бы служить пастбищемъ или лугомъ, а именно долины и равнины, утилизируется для воздѣлыванія риса и другихъ хлѣбовъ.

Весна и лѣто на югѣ характеризуются сравнительно высокою температурою, слабыми вѣтрами, влажностью и частыми дождями, чередующимися съ сухою погодою; но ранняя зима представляетъ сухое время года, въ теченіе котораго преобладаетъ ясное небо, сопровождаемое пониженіемъ температуры, прогрессивно увеличивающимся до новаго года; мѣсяцы январь, февраль и мартъ отличаются суровой температурой и крайне непріятны влажностью, которая сопутствуетъ имъ въ значительной степени подъ видомъ дождей, тумановъ и мглы. Тайфуны, которые приносятъ съ собою потоки дождя, являются частыми посѣтителями въ лѣтніе мѣсяцы, когда дуетъ юго-западный муссонъ,—зимою же дуетъ сѣверо-западный муссонъ. Растительность и земледѣліе, конечно, находятся въ большой зависимости отъ этихъ климатическихъ условій: обильные дожди, ясная солнечная погода и горные туманы,—всѣ они принимаютъ участіе въ быстромъ произрастаніи растеній. Природа сама заботливо ухаживаетъ за своими произведеніями, и мгла и туманы, вмѣстѣ съ апрѣльскими дождями, начинаютъ орошать землю, разсохшую и высушенную бездождіемъ въ концѣ года. По мѣрѣ того, какъ затвердѣвшая земля постепенно пропитывается влагою и такимъ образомъ дѣлается лучше подготовленной къ воспріятію небесныхъ потоковъ, вслѣдъ за незначительными дождями слѣдуютъ болѣе сильныя бури съ грозой и обильные дожди, а за ними спѣшатъ воды разсвирѣпѣвшихъ горныхъ потоковъ, эти спутницы грозныхъ

циклоновъ. Въ сосѣдствѣ Гонконга и Кантона въ общемъ не бываетъ никакихъ значительныхъ морозовъ. но въ болѣе высокихъ широтахъ дѣло обстоитъ совершенно иначе.

Дороговизна и трудность перевозки, безъ сомнѣнія, сильно задерживаютъ развитіе китайскаго земледѣлія.

Какъ общее правило на югѣ жилые дома китайскихъ фермеровъ не расположены въ центрѣ обрабатываемаго участка, а въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него, образуя въ своей совокупности цѣлую маленькую деревушку, изъ которой люди рано утромъ отправляются на мѣста работы, и куда они возвращаются обратно, по окончаніи работъ. Это дѣлается въ цѣляхъ экономіи мѣста и для болѣе полнаго обезпеченія безопасности отъ нападенія разбойниковъ, хотя и непонятно, какое искушеніе можетъ быть у послѣднихъ, когда сами земледѣльцы находятся почти-что у самаго порога крайней бѣдности. Небольшія сами по себѣ имѣнія и фермы иногда дробятся еще на болѣе мелкія части, потомучто по смерти владѣтеля имущество его часто дѣлится между членами семейства,—таковъ общій результатъ постановленій закона о наслѣдованіи въ Китаѣ. Споры изъ-за наслѣдованія оставшейся послѣ смерти земли даютъ поводъ къ враждѣ и многимъ преступленіямъ. Подобные семейные споры часто служатъ главной завязкой китайскихъ романовъ.

«Чтобы найти параллель для подобныхъ условій земледѣлія въ Китаѣ, мы должны обратиться къ нашимъ (англійскимъ) колоніямъ, гдѣ поселенцы просятъ поселиться на необитаемыхъ земляхъ и получаютъ права надъ ними за небольшіе ежегодные взносы. Это тотъ принципъ, на основаніи котораго въ прежнія времена пріобрѣтались земли и отдавались въ аренду земледѣльцамъ. Земля, отдаваемая подобнымъ образомъ, обыкновенно берется цѣлымъ родомъ, члены котораго обрабатываютъ ее въ общемъ на общинныхъ основаніяхъ... Десять семействъ, по правилу, составляютъ деревню, и каждое семейство обрабатываетъ около десяти акровъ. Подобной общинѣ удѣляется одинъ общій участокъ, который попеременно обратывается каждымъ семействомъ, и урожай съ котораго собирается для уплаты податей. Остающійся же послѣ уплаты излишекъ, если таковой вообще остается, дѣлится между семействами. Въ концѣ года собирается міръ, на которомъ происходитъ дѣленіе прибылей при соблюденіи лишь одного условія: фермеръ, который не въ состояніи представить расписку въ уплатѣ

подати съ обрабатываемаго имъ участка, не имѣетъ права участвовать въ прибыляхъ съ общиннаго участка».

Важнѣйшая литература: Соч. Williams'a «Middle Kingdom», т. II стр. 1-14.—Соч. Douglas'a «Society in China», стр. 120-136.—Соч. Lay'я «The Chinese As They Are», гл. XII.—«Husbandry of the Chinese».—«A Corner of Cathay», соч. Miss Fielde.—Глава V Jour. Ch. Br. R. A. S. New Series, т. XXIII., No. 2. 1888.—См. статьи настоящей книги: *Буйволъ, Землевладѣніе, Шелкъ, Чай и Рисъ.*—Описаніе обряда паханія, исполняемаго императоромъ, см. въ Гонконгскихъ ежедневныхъ газетахъ отъ 24 и 25 апрѣля 1893 г. н. ст.

Д. Щербаковъ.

Землетрясенія. Землетрясеніе не есть явленіе, слишкомъ часто испытываемое иностранцемъ въ Китаѣ. Очень слабые толчки иногда ощущались въ Гонконгѣ; но они были столь незначительны, что для большинства оставались совершенно неизвѣстными вплоть до слѣдующаго дня, когда въ газетахъ появлялось сообщеніе о нихъ. Въ другихъ же мѣстахъ Китая землетрясенія являются уже не столь пустячнымъ дѣломъ. Въ Хай-нани они наблюдаются довольно часто, и однажды они сопровождались бурями, голодомъ и моромъ, благодаря чему населеніе значительно убавилось. Вообще же можно сказать, что подземные удары въ Китаѣ бываютъ не часто и не имѣютъ серіознаго значенія. Въ слѣдующемъ мы приведемъ краткій, но къ сожалѣнію неполный, списокъ землетрясеній, такъ какъ вопросъ этотъ пока еще не удостоился того вниманія и изученія, котораго онъ заслуживаетъ.

1037 г.—Сильное землетрясеніе, разразившееся въ Хэ-нани и Шань-си и стоившее жизни болѣе чѣмъ 22.000 чел., не считая 5—6,000 чел. раненыхъ и изувѣченныхъ.

1295—1308 г.г.—Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ этого періода произошли «значительныя землетрясенія въ Тай-юанѣ и Да-тунѣ въ Шань-си. Въ первомъ изъ этихъ городовъ свыше 800 домовъ было разрушено и погибла масса народа. Да-тунъ, однако, пострадалъ еще больше. Здѣсь до 5,000 домовъ было превращено въ развалины, подъ коими было погребено свыше 2,000 чел.».

1334 г.—Было нѣсколько случаевъ землетрясенія. То же наблюдалось и въ теченіе нѣсколькихъ послѣдовавшихъ лѣтъ.

Въ ранніе дни существованія Минской династіи (династія эта царствовала съ 1368 по 1643 г. по Р. Х.) «страшное земле-

трясеніе посѣтило равнину Цзянь-чапь ***. Древній городъ Нинъ-юань провалился въ землю, а на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ, появилось большое озеро, лежащее къ Ю.-В. отъ современнаго города того же имени».

1662 г.—Наблюдалось исключительное въ Китаѣ землетрясеніе, во время котораго въ одномъ только Пекинѣ погибло до 30,000 чел.

1731 г.—Произошло другое столь же ужасное землетрясеніе, при которомъ въ Пекинѣ погибло до 100,000 чел.

1847 г.—13 ноября было землетрясеніе въ Шанхаѣ.

1850 г.—Городъ Нинъ-юань, въ западномъ Китаѣ, о которомъ мы уже упоминали раньше, былъ снова разрушенъ землетрясеніемъ.

1852 г.—16-го декабря въ 8 ч. 15 м. пополудни въ Шанхаѣ раздался сильный подземный ударъ: другой болѣе слабый толчокъ былъ въ 10 ч. пополуд. Серіозныхъ послѣдствій не было. Толчки испытывались въ тотъ же день въ Нинъ-бо въ 8 ч. 9 м. пополуд. и 3 часа спустя. Нѣсколько ударовъ послѣдовало кромѣ того въ Шанхаѣ два дня подъ-рядъ.

1854 г.—Чувствовался подземный толчокъ въ Кантонѣ, и приблизительно въ этомъ же году былъ испытанъ въ Цзинь-цзянѣ настолько сильный толчокъ, что люди были сброшены на землю.

1867 г.—Рѣзкій ударъ въ Нинъ-бо, 17 декабря, спустя нѣсколько минутъ послѣ 10 час. утра. Колокола сами зазвонили, часы остановились, люстры качались, и вода въ каменныхъ кувшинахъ сильно плескалась. Болѣе слабый ударъ чувствовался въ Шанхаѣ.

1871 г.—11 апрѣля. Значительное землетрясеніе произошло въ западной части Сы-чуани—въ Батанѣ—въ 11 час. пополуд. Зданія правительственныхъ учрежденій, храмы, хлѣбные склады, магазины и укрѣпленія и цѣлая масса частныхъ жилищъ были опрокинуты и большинство жителей убито. Въ четырехъ мѣстахъ выходило изъ земли пламя, переставшее пылать лишь 16-го числа. Шумъ же отъ подземнаго рокота продолжался, подобно раскатамъ отдаленнаго грома, и земля вздрагивала и колебалась, и лишь по прошествіи 10 дней земля, наконецъ, успокоилась. За нѣсколько дней до землетрясенія воды, преодолѣвъ сопротивленіе плотинъ, разлились по

окрестностямъ; земля потрескалась, и черная вонючая вода била ключемъ черезъ трещины. Дѣйствіе этого землетрясенія распространилось одновременно на площадь окружностью въ 400 миль слишкомъ. Во время землетрясенія было убито 2,298 чел. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крутые холмы были разрушены и превращены въ глубокія пропасти; въ другихъ же мѣстахъ плотины, построенныя на совершенно ровныхъ мѣстахъ, оказались послѣ землетрясенія на крутыхъ скатахъ; дороги и горныя тропы стали непроходимыми.

1874 г.—23-го іюня слышенъ былъ слабый толчокъ въ Гонконгѣ.

1890 г.—Замѣчено 5 отдѣльныхъ толчковъ въ теченіе года въ пров. Шань-си: сильнѣйшій былъ весной, и въ это время погибло свыше 100 чел. 15 октября чувствовалось два удара въ Фынь-чжоу-фу. Этотъ годъ былъ исключительнымъ годомъ. Говорятъ, что въ этой провинціи подземные полчки слышатся только одинъ разъ въ теченіе 10 лѣтъ.

1891 г.—12 или 13 апрѣля въ теченіе дня послѣдовало три удара въ Тай-юань-фу въ Шань-си.

1891 г.—17 апрѣля былъ сильный толчокъ въ Фынь-чжоу-фу въ Шань-си, въ половинѣ 7-го ч. утра. Это самое сильное землетрясеніе, случившееся въ этихъ мѣстахъ въ теченіе 30 лѣтъ. Много домовъ и въ самомъ городѣ и его окрестностяхъ было опрокинуто; 8 или 10 чел. было убито. Наибольшее разрушеніе причинено домамъ деревенскихъ жителей. Толчокъ распространился во всѣ стороны, не менѣе чѣмъ на разстояніи 100 ли. «Нѣсколько удивительно, что это происшествіе не причинило значительно большаго вреда, такъ какъ вся мѣстность колебалась, подобно кораблю, качающемуся на волнахъ моря. Землетрясеніе продолжалось только одну минуту; но нѣкоторые изъ потрясенныхъ имъ домовъ свалились послѣ, въ теченіе дня. Народъ говоритъ, что землетрясенія производятся большой рыбой, пробуждающейся послѣ многолѣтняго сна и дающей при пробужденіи толчокъ».

1891 г.—21 іюля было землетрясеніе въ Пикѣ (Peak) и Коулунѣ (Цзю-лунъ) въ 6 ч. 40 мин. попол.

1891 г.—3-го августа нѣкоторыми обитателями Гонконга былъ замѣченъ слабый толчокъ въ 2 ч. 10 м. пополудни.

1892 г.—22 апрѣля. Отчетливый и продолжительный рядъ

толчковъ въ теченіе нѣсколькихъ секундъ чувствовался въ Гонконгѣ, съ боковыми вибраціями и рокочащими звуками; но вреда причинено не было. Чувствовалось также нѣсколько толчковъ въ прибрежныхъ портахъ Китая.

1892 г.—21 іюля. Слабый ударъ чувствовался въ Пикѣ (Peak) и Коулунѣ (Цзю-лунъ) въ 6 часовъ 40 м. по полуп.

1892 г.—28 іюля. Сильный подземный толчокъ въ Хой-хоу. Этотъ толчокъ чувствовался во всѣхъ окрестныхъ мѣстахъ. Дома,—видно было и чувствовалось,—тряслись и качались самымъ угрожающимъ образомъ... Явленіе сопровождалось подземнымъ шумомъ, раздававшимся громче, чѣмъ громовые раскаты... Туземцы говорятъ, что въ Хай-коу подобныхъ толчковъ не было въ теченіе цѣлаго столѣтія. Даже слабый толчокъ явленіе необычное.

1892 г.—14 августа. Слабый ударъ чувствовался въ Гонконгѣ.

1892 г.—16 декабря. Толчокъ въ 3 ч. попол. въ Амоѣ: жители были пробуждены отъ сна. Явленіе продолжалось нѣсколько секундъ.

1893 г.—29 августа. Послѣдовало страшное землетрясеніе, опустошившее площадь въ 9,000 кв. миль въ Тибетскомъ округѣ Када, смежномъ съ пров. Сы-чуань. Далайламскій большой монастырь Хуй-юань и 7 небольшихъ ламайскихъ обителей были погребены подъ собственными развалинами. 804 дома, принадлежавшіе туземцамъ и тибетскимъ солдатамъ и ихъ семьямъ, постигла та же участь. 74 буддійскихъ монаха и 137 китайцевъ и тибетцевъ было убито и сверхъ того масса народа была ранена.

1893 г.—17 октября. Было нѣсколько явственныхъ ударовъ въ Дай-бэй-фу, на Формозѣ, а 16-го числа сильный ударъ чувствовался въ Амоѣ и Гу-ланъ-су въ 2 ч. 30 м. попол.

1893 г.—8 декабря. Сильный подземный ударъ въ Фу-чжоу, въ 10 ч. 10 м. пополудни.

1894 г.—20 іюня. Значительный толчокъ чувствовался въ Амоѣ и Гу-ланъ-су въ 6 ч. 30 м. или въ 6 ч. 45 м. попол. Весьма слабый толчокъ былъ замѣченъ за 2 дня до этого въ 2 ч. пополудни. Было разрушено 3 дома.

1894 г.—11 августа были слабые удары въ Гонконгѣ въ 10 ч. 55 м. пополудни.

1895 г.—30 августа. Подземные удары были въ Гонконгѣ, Сватоу, Хуй-чжоу и Хай-фынѣ. Землетрясеніе было сильное въ Сватоу, гдѣ оно произошло въ 5 ч. 50 м. пополудни. Ему предшествовалъ необыкновенно жаркій день, съ какимъ-то удушливымъ и угнетающе дѣйствовавшимъ неподвижнымъ воздухомъ. Только-что передъ тѣмъ прошелъ сильнѣйшій дождь. Землетрясеніе продолжалось 15—20 секундъ по однимъ показаніямъ, и 2 минуты, по другимъ. Слабый толчокъ былъ замѣченъ около 3 ч. 30 м. пополудни. Рядъ болѣе слабыхъ ударовъ слѣдовалъ безпрерывно до 3 ч. 15 м. пополудни въ субботу. Значительный вредъ былъ причиненъ туземной собственности на берегу и нѣсколько меньшій—иностранной, въ видѣ треснувшихъ стѣнъ и потолковъ. Суда, стоявшіе на рейдѣ, содрогались отъ раксъ-клотовъ до кильсоновъ. Цвѣтъ воды въ рѣкѣ отъ поднятой грязи превратился изъ синяго въ коричневый, и море къ югу отъ Ламокса имѣло какой-то неопредѣленный цвѣтъ. Направленіе землетрясенія было съ В. на З. Это было самое ужасное изъ всѣхъ испытанныхъ въ Сватоу землетрясеній. Оно описано въ Гонконгѣ слѣдующимъ образомъ: «Горизонтальное колебаніе отъ В. къ З. было рѣзко замѣтно; вертикальнаго колебанія не было; направленіе было чуть замѣтно. Первое явное колебаніе наблюдено въ 5 часовъ 14 или 15 минутъ и продолжалось около 30 секундъ. Болѣе слабыя вздрагиванія замѣчались нѣсколько минутъ спустя. Второй ясный толчокъ былъ замѣченъ около 11 ч. 30 м. пополудни. Тѣ, кто въ это время сидѣли или лежали, ясно замѣтили его; а равно и тѣ, кто въ это время писали. Особенно рѣзко явленіе было замѣтно въ высокихъ зданіяхъ. Два господина, находившіеся въ верхнемъ этажѣ гостиницы «Hongkong Hotel», почувствовали головокруженіе и подумали, что гостинница проваливается. Бутылки и стаканы зазвенѣли въ нѣкоторыхъ домахъ. Кули, сидѣвшій на тротуарѣ, въ страхѣ бросился на середину улицы, крича, что дома сваливаются».

1895 г.—Августъ—октябрь. Толчки землетрясенія въ Цзѣянѣ, въ 30 мил. отъ Сватоу, съ 30 августа по 11 октября. Окрестности на 18 миль кругомъ представлялись раіономъ землетрясенія. 2 небольшихъ толчка наблюдалось, примѣрно, въ концѣ сентября въ Сватоу; но вреда причинено не было. Изъ г. Чэнъ-хая въ Чжао-чжоуской префектурѣ было получено извѣстіе

о томъ, что тамъ наблюдалось нѣсколько подземныхъ толчковъ съ гибельными послѣдствіями: болѣе 100 домовъ было разрушено и около 40 чел. было убито во время ихъ паденія. Удары въ Цзѣянѣ были сравнительно слабѣе.

1896 г.—22 іюня жители Тянь-цзина почувствовали сильный толчокъ около 8 ч. 52 м. пополудни. «Колебанія земли сопровождались подземнымъ гуломъ и непріятнымъ шумомъ, какъ бы отъ большого количества кирпичей, сразу сброшенныхъ на землю съ телѣгъ; послѣ двухъ секундъ послѣдовало снова очень замѣтное колебаніе земли, которое продолжалось 2—3 секунды... Это самое сильное землетрясеніе, наблюдавшееся въ Тянь-цзинѣ, послѣ 1888 г.».

1898 г.—12 ноября. Подземный ударъ наблюдался въ гор. Сю-синъ (въ 70—80 миляхъ отъ Кантона) и въ его окрестныхъ деревняхъ. Дома, окна, мебель и висячія лампы, все замѣтно колебалось и трещало такъ, какъ будто готовилось упасть. Разбуженный этимъ явленіемъ народъ въ страхѣ метался, ибо этого дотолѣ ему не приходилось испытывать. Деревенскіе старшины наводили справки, желая узнать, что предвѣщаетъ это явленіе—хорошее ли, или нѣчто дурное.

Н. Воробьевъ.

Знать. Въ Китаѣ нѣтъ настоящаго дворянства. Mayers въ своемъ неоцѣнимомъ трудѣ объ оффиціальныхъ титулахъ говоритъ:

«Существующая въ Китаѣ система пожалованія патентовъ дворянства и почетныхъ титуловъ связана непрерывною цѣпью преемственности съ исторіей феодальныхъ государствъ седьмого столѣтія до Р. Хр.; она увѣковѣчила въ своей номенклатурѣ, съ одной стороны, титулы полунезависимыхъ принцевъ того времени, а, съ другой, наименованія служебныхъ степеней, которыя въ продолженіе многихъ вѣковъ на практикѣ утратили всякое значеніе... Титулы, жалуемые въ настоящее время, должны быть разсматриваемы не иначе, какъ служебныя отличія извѣстнаго класса, и на нихъ нельзя смотрѣть, какъ на признаки аристократическаго достоинства или привиллегій въ европейскомъ смыслѣ слова. Девять степеней дворянства, которыя жалуются въ настоящее время, и которыя наслѣдственны въ предѣлахъ извѣстнаго числа поколѣній... или же

вѣчно,... жалуются исключительно, какъ награды за военныя заслуги».

Пять высшихъ наслѣдственныхъ степеней дворянства слѣдующія: *гунъ*, *хоу*, *бо*, *цзы* и *нанъ;* они обыкновенно переводятся словами герцогъ или князь, маркизъ, графъ, виконтъ и баронъ. Каждый изъ этихъ титуловъ подраздѣленъ на классы или степени. «Къ титуламъ первой, второй и третьей степени прибавляются почетные титулы или эпитеты, указывающіе на тѣ спеціальныя услуги, за которыя былъ пожалованъ титулъ». Кажется, что никогда еще не было сдѣлано попытки передать четыре низшихъ степени соотвѣтствующими европейскими выраженіями. Всякая попытка подобнаго рода была бы, навѣрное, еще менѣе удачна, чѣмъ указанная передача пяти высшихъ степеней. Къ этимъ низшимъ степенямъ «иногда прибавляется слѣдующая высшая степень,... благодаря чему носители титула имѣютъ право числиться рядомъ, но всетаки послѣ обладателей непосредственно предшествующаго титула». Всѣ различныя степени, кромѣ самаго низшаго, «наслѣдственны въ опредѣленномъ числѣ поколѣній, въ теченіи двадцати шести поколѣній для герцоговъ перваго класса, и въ теченіе одного для восьмой степени. Любой титулъ дѣлается наслѣдственнымъ, будучи пожалованъ въ качествѣ посмертной почести... офицерамъ, убитымъ во время войны». Заслуженные общественные дѣятели также награждаются путемъ пожалованія наслѣдственныхъ служебныхъ ранговъ соновьямъ, внукамъ, младшимъ братьямъ и племянникамъ. Вся система направлена противъ постоянной наслѣдственности ранга и, за исключеніемъ лишь немногихъ случаевъ, по малочисленности своей наврядъ-ли достойныхъ упоминанія, сыновья получаютъ все низшіе и низшіе титулы, пока не будетъ достигнуто общаго положенія простолюдина. Самыя замѣчательныя исключенія въ этомъ отношеніи составляютъ прямой потомокъ Конфуція, носящій титулъ герцога, и потомки Мэнція и Коксинга (завоевателя Формозы), носящіе титулъ маркиза; затѣмъ еще сыновья особенно прославившихся лицъ, какъ, напримѣръ, сынъ перваго маркиза Цзэна, извѣстный посланникъ въ Англіи, который пользуется наслѣдственностью титула; но титулъ не передается дальше, если дѣянія сына не окажутся таковыми, чтобы вызвать передачу его внуку.

Почетные титулы жалуются также, какъ награды «за заслуги или службу, или какъ знаки императорскаго благоволенія въ торжественно-радостныхъ случаяхъ». Такіе титулы даруются самому чиновнику, его женѣ, родителямъ, дѣду и бабушкѣ, если они еще живы, или же «какъ

посмертное отличіе... его умершимъ предкамъ». Имѣются различные титулы для каждой изъ девяти степеней служебнаго ранга (см. статью о *Мандаринахъ)* и ихъ подраздѣленій; въ общей сложности ихъ восемнадцать, для мандаринскихъ женъ же имѣется ихъ всего только девять. Военные чины также получаютъ почетные титулы, но только военнаго характера.

Посмертные почетные титулы могутъ быть жалуемы чиновникамъ, потерявшимъ «свою жизнь на морѣ или на какой-нибудь изъ рѣкъ во время исполненія служебныхъ обязанностей»; старшимъ сыновьямъ ихъ присвояется оффиціальный рангъ. Китайцы весьма разумно опредѣляютъ знатность человѣка на основаніи его заслугъ, а не на основаніи одного лишь признака родовитости. Классъ, который въ европейскихъ государствахъ составлялъ бы аристократію, въ Китаѣ находится, сравнительно, въ невыгодномъ положеніи. Имѣются извѣстные классы, пользующіеся титулами по причинѣ родства съ императоромъ, но и въ такихъ случаяхъ наслѣдственность титула составляетъ исключеніе, и титулъ (который уменьшается въ степени при переходѣ отъ отца къ сыну) исчезаетъ у потомковъ принца приблизительно черезъ двѣнадцать поколѣній. Единственныя исключенія среди этихъ классовъ составляютъ восемь «желѣзныхъ принцевъ», являющихся потомками главныхъ родоначальниковъ, непосредственно предшествовавшихъ императорамъ. Сюда относится еще принцъ И, потомокъ тринадцатаго сына второго императора царствующей династіи, Канъ-си. Всѣ они сохраняютъ наслѣдственность своихъ титуловъ.

Г. Дуля.

Зоологія. Не смотря на то, что Китай густо заселенная страна, въ немъ всетаки имѣются обширныя малонаселенныя пространства, въ которыхъ встрѣчается достаточно много разнообразныхъ породъ животныхъ, чтобы пріохотить къ изученію зоологіи, и открытіе отъ поры до времени нѣкоторыхъ новыхъ породъ животныхъ придаетъ занятіямъ зоологіей особенную привлекательность.

Фауна южнаго Китая, острова Хай-наня и извѣстной части материка до нѣкоторой степени тропическаго характера, но сѣверный Китай и Маньчжурія напоминаютъ своей зоологіей Корею и Японію.

Что касается обезьянъ, то ихъ въ Китаѣ имѣется нѣсколько разновидностей, и нѣкоторыя изъ нихъ отличаются весьма достопримѣчательнымъ видомъ; китайцы обучаютъ нѣкоторыхъ изъ нихъ извѣстнымъ фо-

кусамъ. Летучихъ мышей, согласно новому списку ихъ, имѣется двадцать породъ. Имѣются черные и бурые медвѣди, помимо другихъ разновидностей ихъ. Плотоядные звѣри, правда, не представляютъ такой язвы, какъ въ Индіи, но они въ нѣкоторыхъ частяхъ страны все еще встрѣчаются довольно часто, а въ извѣстныхъ густо-населенныхъ мѣстностяхъ они служатъ для жителей причиной немалой боязни. Среди нихъ стоитъ упоминанія тигръ (см. статью о *Тиграхъ),* распространенный по обширнымъ округамъ южныхъ провинцій; не безызвѣстны барсы, леопарды и тигрокоты. Въ Гонконгѣ встрѣчаются иногда дикія кошки. Въ Китаѣ имѣются также цибеты и куницы. Домашняя кошка пользуется широкимъ распространеніемъ, въ частности же въ Пекинѣ обращается много вниманія на родъ ангарской кошки. Что касается собакъ, то при взглядѣ на нихъ невольно припоминаются изображенія эскимосскихъ собакъ. Среди мѣстныхъ англичанъ онѣ извѣстны подъ названіемъ chow dogs или wonks, и онѣ въ молодости выглядываютъ очень красивыми, съ своей пушистой, желтой, черной или красноватой шерстью; но по мѣрѣ того, какъ онѣ старятся, красивый видъ ихъ теряется, хотя и нельзя утверждать, чтобы мнѣнія въ этомъ отношеніи сходились, такъ какъ иногда можно наблюдать, какъ съ ними, не смотря на старость ихъ, нѣжатся иностранцы. Страннымъ представляется, что языки и морды собакъ и кошекъ часто чернаго или черно-синяго цвѣта (см. статью о *Собакахъ).* Волки, лисицы и еноты встрѣчаются часто. Китайскія лошади и рогатый скотъ малорослы и нѣкоторые представители послѣдняго имѣютъ горбы. Водяной буйволъ представляетъ собой неуклюжее, большое и на видъ безобразное животное и употребляется для передвиженія сохи, а равно и для другихъ земледѣльческихъ цѣлей, а молоко буйволихи болѣе жирно, чѣмъ молоко обыкновенной коровы. И у буйволовъ наблюдаются черный языкъ и морда (см. статью о *Буйволѣ).* Яки (конехвостые быки) встрѣчаются въ Тибетѣ и Кукунорѣ. Овцы изобилуютъ на сѣверѣ страны, а козы водятся во всемъ Китаѣ. Извѣстны сайги и олени одиннадцати разновидностей,—олени содержатся въ Китаѣ въ садахъ знатныхъ людей не менѣе, чѣмъ въ Англіи,—и къ китайской фаунѣ относятся еще и многія другія породы жвачныхъ животныхъ. Кабарга представлена тремя разновидностями. Мулы и ослы служатъ на сѣверѣ вьючными животными и въ Кукунорѣ встрѣчается дикій оселъ или онагръ. Въ Юнь-наньскихъ лѣсахъ водятся слоны, носороги и тапиры, а кабаны встрѣчаются на сѣверѣ и въ Чжэцзянѣ. На сѣверѣ и югѣ изобилуютъ разныя породы свиней, и свинина потребляется китайцами въ большихъ количествахъ. Верблюдъ пред-

ставляетъ собою вьючное животное Маньчжуріи, Монголіи и сѣвернаго Китая. Среди болѣе мелкихъ животныхъ слѣдуетъ упомянуть о ласочкѣ, выдрѣ (ею пользуются при рыбной ловлѣ, и она спеціально дрессируется для этой цѣли), барсукѣ, соболѣ, харькѣ, бѣлодушкѣ, морской выдрѣ, кротѣ, выхухолѣ, землеройкѣ, ежѣ и суркѣ.

Имѣется нѣсколько породъ грызуновъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ встрѣчаются въ большомъ числѣ зайцы и кролики, въ другихъ же они почти неизвѣстны или же не попадаются вовсе. Извѣстны десять или двѣнадцать породъ простыхъ бѣлокъ, равно какъ и два рода летучихъ бѣлокъ. Изъ имѣющихся въ Китаѣ двадцать пять породъ крысъ и мышей только три породы имѣются въ другихъ странахъ свѣта. Одна порода окрещена въ честь Конфуція mus Confucianus, отъ каковой чести этотъ мудрецъ, если бъ онъ о ней зналъ, вѣроятно, отказался бы, другая же порода названа именемъ Коксинга, завоевателя Формозы. Одинъ китайскій мудрецъ даетъ о чешуйчатомъ муровьятникѣ или панголинѣ слѣдующее описаніе: «По виду своему онъ походитъ на крокодила; онъ можетъ передвигаться по сушѣ, а равно и въ водѣ; у него четыре ноги. Днемъ онъ подымается на рѣчной берегъ и, прилегши, широко раскрываетъ свои чешуйчатые покровы; такъ онъ лежитъ, притворяясь мертвымъ. Тѣмъ временемъ въ чешую его забираются муровьи, и какъ только чешуя заполнилась ими, муровьятникъ, закрывши чешую, возвращается въ воду, гдѣ онъ ее опять раскрываетъ. Изъ чешуи выходятъ мертвые муравьи, а муровьятникъ ихъ спокойно пожираетъ».

Въ устьѣ Кантонской рѣки, въ Сватоу, а равно и въ Янъ-цзы-цзянѣ водится большой бѣлый Delphinus Chinensis. Весьма забавно наблюдать за ними, когда они по одиночкѣ или вдвоемъ въ теченіе часа или болѣе продолжительнаго времени плаваютъ впереди парохода. Между Формозой и Хай-нанемъ встрѣчается родъ кита. Тюлени играютъ на берегахъ Шань-дуна и Гуанъ-дуна.

Списки Swinhoe'a David'a содержатъ двѣсти породъ млекопитающихъ; но послѣ составленія этихъ списковъ открыто много новыхъ породъ.

Что касается птицъ, то до сихъ поръ уже описано болѣе 700 породъ. («Авифауна долины Янъ-цзы-цзяна содержитъ по крайней мѣрѣ... 359 породъ, изъ которыхъ 97 принадлежатъ къ перелетнымъ»). Весьма распространены ястреба, орлы и рыбные орлы; золотистый орелъ обучается въ Монголіи для цѣлей охоты; соколы часто видны въ ули-

цахъ Пекина, гдѣ они исполняютъ роль мусорщиковъ. Имѣются на лицо драхва, коршунъ, ястребъ и ласточка, отъ послѣдней имѣется пятнадцать породъ. Перья зимородка употребляются для декоративныхъ цѣлей. Имѣются потатуйки, щурки и кукушки, а равно и одиннадцать породъ балабановъ и многія другія птицы, какъ-то: кедровки, древолазы, пищухи, корольки, каменки, пѣночки обыкновенныя и горихвостки. Имѣется большое разнообразіе пѣвчихъ птицъ, какъ-то: дрозды и жаворонки, которыхъ китайцы очень любятъ; за монгольскаго жаворонка даютъ двадцать пять долларовъ. (См. статью о *Пѣвчихъ птицахъ*). Среди другихъ птицъ можно указать на трясогузокъ, иволгъ, соекъ (чрезвычайно красивыя сойки встрѣчаются въ Гонконгѣ), сорокъ, галокъ, воронъ, черныхъ дроздовъ, совъ, плистовокъ, зеленыхъ дятловъ, попугаевъ, четырнадцать породъ голубей, золотистыхъ и серебристыхъ фазановъ и другихъ, а также и на домашнихъ птицъ, среди которыхъ лучше всего извѣстны простыя курицы, Шанхайскія и маленькія бѣлыя Бантамскія. Нѣкоторыя изъ китайскихъ куръ, какъ будто имѣютъ черныя кости благодаря тонкой плевы этого цвѣта, окружающей кости. Кромѣ перечисленныхъ птицъ имѣются еще тетерева, перепела, лѣсныя куропатки, сѣрыя куропатки, бекасы, журавли, кулики, каравайки, цапли, ибисы, колпики и дергачи. Нѣкоторыя породы китайскихъ фазановъ успѣшно переселены въ Англію. Въ Китаѣ извѣстны шестьдесятъ пять породъ лапчатоногихъ птицъ, среди которыхъ имѣется десять породъ утокъ. Морской берегъ оживленъ чайками, чагравами и гагарами; а на внутреннихъ водахъ водятся лебеди, гуси и дикія утки. Мандаринская утка, встрѣчающаяся въ центральныхъ провинціяхъ, представляетъ собою роскошную птицу съ такими же блестящими перьями, какъ у попугаевъ.

Аллигаторы встрѣчаются сравнительно рѣдко, но ихъ всетаки можно ловить въ одномъ или двухъ мѣстахъ; вѣроятно, ихъ а равно и крокодиловъ въ прежнія времена было больше, чѣмъ теперь. Змѣй имѣется въ изобиліи, и многія изъ нихъ ядовиты. Лягушекъ имѣется чрезвычайно много, и онѣ идутъ въ пищу. Въ большомъ количествѣ имѣются также и черепахи разныхъ породъ. «Рыбное богатство Китая занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ мірѣ, но можетъ быть, что это такъ только кажется благодаря большому количеству пищи, извлекаемому изъ воднаго царства, и на самомъ дѣлѣ не основано на дѣйствительномъ изобиліи рыбы». Въ настоящее время въ Китаѣ извѣстны около тысячи различныхъ рыбьихъ породъ. Говорятъ, что желающіе могутъ имѣть въ Макао въ теченіе всего года каждое утро по новой породѣ

рыбы къ завтраку, если они только согласны ѣсть всѣ сорта рыбы, употребляемые китайцами въ пищу. Изъ китайской рыбы заслуживаютъ упоминанія скумбрія, гоби, селедка, акула, скатъ, пила-рыба, осетръ, камбала, голавль, бѣлая рисовая рыба (или серебряная рыба, какъ она называется на нѣкоторыхъ китайскихъ діалектахъ), желѣзница и карпъ. Послѣдняго имѣется по крайней мѣрѣ 52 породы. Золотая рыбка представляетъ собою крайне смѣшной образчикъ изъ карикатурной мастерской природы: глаза походятъ на очки и выдаются далеко изъ головы, а хвостъ и плавники—пучкообразной формы и въ значительной степени вздуты. «Золотая рыбка впервые сдѣлалась извѣстной въ Китаѣ; въ Европу она была ввезена въ XVII вѣкѣ». Китайцы говорятъ, что первоначальной родиной ея было озеро Чао въ провинціи Ань-хуй. Другую разновидность представляетъ серебряная рыбка. Нельзя закончить списокъ китайскихъ рыбъ, не упомянувши о красномъ угрѣ, щукѣ съ зелеными костями, красивомъ попугаѣ-рыбѣ, самглавѣ, рогоносѣ, лещѣ, пискарѣ, анчоусѣ, окуни и триглѣ. Имѣются весьма разнообразныя породы моллюсковъ, повсюду встрѣчаются устрицы, креветы, шримпсы, крабы и раки. Къ самымъ страннымъ породамъ относится Avicula [malleus] vulgaris, встрѣчающійся въ Сватоу.

Китайскія насѣкомыя почти неизвѣстны натуралистамъ. Имѣются сотни различныхъ породъ пауковъ; нѣкоторые изъ нихъ достигаютъ величины маленькихъ птицъ и перекидываютъ паутину свою высоко на воздухѣ съ дерева на дерево. Саранча, стоножки, скорпіоны, шелковичные черви, свѣтляки, разнаго рода свѣтящіеся червячки и жуки, а также и другія безчисленныя породы насѣкомыхъ имѣютъ свою родину въ Китаѣ.

Важнѣйшая литература:—«Middle Kingdom», соч. Williams'a, т. I, стр. 313—354, содержитъ хорошій, популярный и сжатый очеркъ китайской зоологіи. См. также статьи настоящей книги о *Тиграхъ* и о *Буйволѣ*.—Относительно птицъ см. майскую книжку 1871 года журнала «Proceedings of the Zoological Society», содержащую статью покойнаго Swinhoe.—«Les oiseaux de la Chine», соч. аббата A. David. См. также статьи настоящей книги о *Пѣвчихъ птицахъ*, *Бакланѣ-рыболовѣ* и конецъ статьи о *Мандаринахъ*.—Относительно рыбы см. Report of the British Association for the Advancement of Science» за 1845 годъ.—Относительно насѣкомыхъ см. «Natural History of the Insects of China», соч. Donovan'a, а также и статьи настоящей книги о *Насѣкомыхъ* и *Шелкѣ*.

В. Михайловъ.

Имена личныя.—Различныя имена, которыя имѣетъ каждый

китаецъ, ставятъ европейца прямо-таки въ тупикъ. Почти каждый китаецъ имѣетъ по нѣскольку именъ. Правда, китайцы сохраняютъ, какъ и мы, свое фамильное имя въ продолженіе всей жизни, но при каждомъ выдающемся событіи своей жизни, какъ-то первое посѣщеніе училища, вступленіе въ бракъ и пр. они берутъ себѣ новыя имена. Поэтому, когда китаецъ представляется вамъ подъ нѣкоторыми именами, вы не должны думать, что онъ дѣлаетъ попытку выдавать себя за какое-нибудь другое лицо. Не можетъ быть, конечно, сомнѣнія, что подобная система многочисленности именъ очень удобна для людей, склонныхъ къ обману.

Итакъ, китайское фамильное имя неизмѣнно и состоитъ въ большинствѣ случаевъ изъ одного слога или іероглифа, хотя и имѣются нѣкоторыя имена, состоящія изъ двухъ или трехъ слоговъ (іероглифовъ). Сперва идетъ фамильное имя, а затѣмъ слѣдуютъ другія имена; такимъ образомъ, китайцы придерживаются удобнаго порядка, примѣняемаго въ нашихъ словаряхъ. Имѣя это въ виду, иностранецъ не попытается прибавить слово «господинъ» къ имени собственному китайца. Слово «господинъ», прибавляемое къ китайской фамиліи звучитъ довольно странно, являясь какъ-бы попыткой смѣшенія двухъ цивилизацій, которыя наврядъ ли когда-либо гармонично сойдутся, но еще гораздо болѣе странно будетъ, если мы слово «господинъ» будемъ прибавлять къ имени собственному. Для примѣра скажемъ, что такого-то китайца зовутъ *Чунъ Хуа-фу*. *Чунъ* будетъ его фамиліей, а *Хуа-фу* является его собственнымъ, такъ сказать, крестнымъ именемъ. Съ прибавленіемъ слова «господинъ» это будетъ «*господинъ Чунъ*» или же «*господинъ Чунъ Хуа-фу*», но ни въ какомъ случаѣ «*господинъ Хуа-фу*» или «*господинъ Фу*», точно также, какъ и мы не скажемъ вмѣсто «Иванъ Ивановичъ Поповъ» господинъ Иванъ или господинъ Ивановичъ, а скажемъ «господинъ Поповъ».

Хотя и по общему правилу первый слогъ или слово (іероглифъ) изъ трехъ слоговъ, образующихъ полное имя китайца, является фамильнымъ именемъ его, но отсюда не слѣдуетъ, чтобы это во всѣхъ случаяхъ было такъ: и китайцы имѣютъ двойныя фамиліи, какъ и русскіе; они имѣютъ иногда даже тройныя фамиліи. Одной изъ самыхъ употребительныхъ двойныхъ фамилій южнаго Китая представляется Оу-янъ, такъ что, напримѣръ, въ комбинаціи Оу-янъ Да первые два слога составляютъ фамилію, а послѣдній имя собственное.

Около мѣсяца послѣ рожденія мальчика устраивается торжество,

на которомъ ему даютъ такъ называемое «молочное имя». Имя это остается за нимъ всю жизнь, какъ то, впрочемъ, бываетъ и со всѣми вообще именами, которыя ему даются. Это молочное имя отличается среди всѣхъ именъ большимъ значеніемъ, такъ какъ оно употребляется его родными, родственниками и сосѣдями, а также и въ оффиціальныхъ дѣлахъ въ томъ случаѣ, если у него нѣтъ такъ называемаго «книжнаго имени». Это имя ранняго дѣтства состоитъ часто изъ одного только іероглифа. На крайнемъ югѣ Китая къ такимъ именамъ обыкновенно приставляется префиксъ Ah, такъ что мальчика, имя котораго Ch'un Luk, обыкновенно называютъ Ch'un Ah Luk, хотя это Ah и не составляетъ настоящей части его имени.

При началѣ школьнаго обученія мальчикъ получаетъ другое имя, такъ называемое «книжное». Оно обыкновенно состоитъ изъ двухъ іероглифовъ, подобранныхъ соотвѣтственно положенію мальчика, возлагаемымъ на него надеждамъ, его занятіямъ или какому-либо случаю, имѣющему отношеніе къ жизни мальчика. Это имя употребляется учителемъ мальчика, его товарищами и въ оффиціальныхъ и всякаго рода учебныхъ дѣлахъ.

При вступленіи въ бракъ молодой человѣкъ получаетъ опять новое имя, такъ называемое прозвище или «великое имя». Этимъ именемъ называютъ его отецъ, мать и родственники, которые, впрочемъ, продолжаютъ пользоваться и его молочнымъ именемъ.

Послѣ этого можетъ быть принято еще одно имя, такъ называемое «второе прозвище», которое употребляется знакомыми и друзьями, но никогда не употребляется родителями и родственниками. Послѣдніе пользуются правомъ называть его молочнымъ именемъ; но у состоятельныхъ людей, имѣющихъ больше одного имени, для лицъ, не принадлежащихъ къ тѣсному кругу семьи, считается неприличнымъ называть кого-нибудь «молочнымъ именемъ»; исключеніе составляютъ, конечно, крестьяне, рабочіе и лица, принадлежащія къ другимъ низшимъ слоямъ общества, имѣющія только одно имя.

При полученіи ученой степени, вступленіи на государственную службу, а также и при полученіи какого-нибудь оффиціальнаго отличія или ранга, китаецъ выбираетъ себѣ еще одно новое имя, такъ называемое «оффиціальное».

Послѣ смерти китаецъ получаетъ еще одно имя, подъ которымъ онъ извѣстенъ въ храмѣ предковъ.

Кромѣ упомянутыхъ именъ заслуживаютъ вниманія еще два другія наименованія. У южныхъ китайцевъ очень принято давать людямъ, отличающимся какимъ-нибудь личнымъ недостаткомъ или какой-нибудь особой характерной чертой характера, особую отличительную кличку, причемъ обыкновенно передъ кличкою ставится для благозвучія слогъ А, благодаря чему иностранцы очень часто принимаютъ эту кличку за настоящее имя. Кличка эта, слѣдуетъ замѣтить, почти-что равносильна настоящему имени, такъ какъ всѣ и всякій называютъ данное лицо этой кличкой. Самъ же носитель клички покорно подчиняется, хорошо зная, что онъ волей-неволей долженъ принять кличку. Такія клички называются «цвѣточными именами». Когда онѣ заключаютъ въ себѣ больше одного слога, то опускается приставка «А», и онѣ употребляются уже вмѣстѣ съ личнымъ именемъ, хотя и не всегда. Примѣромъ клички можетъ служить названіе въ родѣ «Великанъ А-янъ; въ этомъ случаѣ А-юнъ представляетъ собою настоящее собственное имя даннаго лица; сюда же относятся названія въ родѣ «Карликъ», «Толстякъ» и проч. Очень распространенной кличкой, употребляемой безъ настоящаго имени, является, напримѣръ, Ah Pin—плоскій, въ значеніи приплюснутаго носа. Часто слышна также и кличка Tau p'éí, (на сѣверѣ: Ма-цза) означающая человѣка, имѣющаго на лицѣ слѣды бывшей у него оспы.

Чтобы обмануть злыхъ духовъ, могущихъ лишить родителей сына, послѣднему можетъ быть дано унизительное имя, въ родѣ «щенокъ»; съ тою же цѣлью мальчику бреютъ голову и называютъ его именемъ «буддійскаго жреца». Довольно часто бываетъ, что въ данномъ семействѣ дѣтей называютъ числительными именами: первый, второй, третій и т. д.; но подобныя имена представляются довольно смѣшными, когда они не ограничиваются первыми числами, и когда вы слышите, что ребенка или какую-нибудь шлюпочницу называютъ именемъ «Двѣнадцать».

Существуетъ еще одно очень важное имя, такъ называемое «*тунъ*». Трудно передать значеніе его однимъ словомъ, но оно можетъ быть переведено словами: *имя, унаслѣдованное отъ предковъ*, или *семейное имя*, или же *домовое имя*. При этомъ, конечно, слѣдуетъ помнить, что всѣ эти термины, въ примѣненіи къ китайцамъ, имѣютъ нѣсколько иное значеніе, чѣмъ у насъ. Можно принять за достовѣрное, что человѣкъ со средствами, имѣющій собственный домъ, имѣетъ и такое имя; онъ, по всей вѣроятности, наслѣдовалъ его отъ своего отца или предковъ, за исключеніемъ, конечно, того случая, когда данное лицо вышло изъ низ-

шаго сословія и само оказалось вынужденнымъ избрать себѣ такое имя. Имя это обыкновенно пишется надъ дверями на маленькой дощечкѣ. Оно принадлежитъ не только непосредственному своему собственнику, но до нѣкоторой степени и всему его семейству. Послѣ смерти обладателя его сыновья его (въ случаѣ если они продолжаютъ жить вмѣстѣ въ томъ же самомъ семейномъ домѣ, что очень часто бываетъ въ Китаѣ) сохраняютъ это имя и употребляютъ его всѣ вмѣстѣ или въ отдѣльности. Это имя очень часто употребляется въ торговыхъ дѣлахъ: одни участники извѣстны именно подъ этимъ именемъ, другіе же подъ какимъ-нибудь другимъ изъ своихъ прочихъ именъ. Въ такихъ случаяхъ *тунъ* можетъ представлять одного человѣка или одно цѣлое семейство. Не трудно себѣ представить, какая путаница происходитъ при такихъ условіяхъ въ случаѣ банкротства. Возможенъ случай, что въ книгахъ извѣстной фирмы «*тунъ*» относится только къ одному члену даннаго семейства, но въ другомъ случаѣ «*тунъ*» относится не только къ одному члену семейства, а ко всему семейству; къ тому же во многихъ случаяхъ не имѣется никакихъ положительныхъ доказательствъ, кто именно представленъ этимъ „*тунъ*",—одно только лицо или цѣлое семейство. Если же послѣ смерти отца сыновья расходятся по различнымъ домамъ и живутъ отдѣльно, то они къ «*тунъ*» прибавляютъ извѣстныя слова, означающія «2-е семейство», «3-е семейство» и т. д., смотря по тому, идетъ ли рѣчь о вторыхъ, третьихъ или прочихъ сыновьяхъ. Въ концѣ названія «*тунъ*» прибавляется и само слово «*тунъ*». Предшествующее ему названіе обыкновенно составлено изъ какихъ-нибудь словъ съ благознаменательнымъ значеніемъ, какъ напримѣръ: Юнъ-шаньтанъ, что можетъ быть переведено словами: Храмъ вѣковѣчнаго добра.

Одна изъ самыхъ смѣшныхъ ошибокъ, дѣлаемыхъ иностранцами въ Китаѣ, заключается въ томъ, что они часто называютъ китайцевъ по названію ихъ фирмы. Правда, что китаецъ, если къ нему обратиться на мѣстномъ англійскомъ жаргонѣ съ вопросомъ: «Who you b'long?» (по Владивостокскому: кто твоя?), можетъ быть, отвѣтитъ: Шунь-Шэнъ; подобно этому и иностранецъ, принадлежащій къ какой-нибудь иностранной фирмѣ, иногда отвѣтитъ: Smith, Brown & Co. Однако, называть такого китайца господиномъ Шунь-Шэнъ или принимать это за его фамилію, представляется болѣе нелѣпымъ, чѣмъ назвать иностранца господиномъ Smith Brown; ибо въ послѣднемъ случаѣ еще возможно, что его фамилія дѣйствительно Smith или Brown, между тѣмъ какъ почти что невозможно, чтобы данный китаецъ дѣйствительно назывался Шунь-Шэнъ.

Болѣе ясную идею о нелѣпости называть такимъ образомъ китайца можно себѣ составить, предположивши, что иностранецъ, очутившійся въ Россіи и увидѣвшій на вывѣскѣ фирмы слова «Общественная Польза», назоветъ хозяина фирмы «Г-нъ Общественная Польза». Бываетъ, однако, что въ Китаѣ различные мелкіе мастера, какъ-то каменьщики и пр., къ концу своей фамиліи и имени прибавляютъ слово Kée и употребляютъ эту комбинацію въ смыслѣ торговаго названія или въ дѣлахъ. Такимъ образомъ, напримѣръ, человѣкъ по имени Ch'an Ah Luk можетъ принять въ смыслѣ торговаго имени комбинацію Ch'an Luk Kée. Это представляется единственнымъ случаемъ, тогда фамилія и имя собственное появляются па вывѣскѣ; большинство же торговыхъ именъ представляетъ собою комбинаціи въ родѣ «Взаимная Выгода», «Обширное Согласіе», «Небесное Счастье» и пр.

Человѣкъ, занимающійся различными профессіями, часто присваиваетъ себѣ и различныя названія для каждаго дѣла, или же прибѣгаетъ къ какому-нибудь другому способу для различенія отдѣльныхъ своихъ занятій.

Что касается дѣвушекъ, то о нихъ въ отношеніи именъ не особенно заботятся. Онѣ должны довольствоваться молочнымъ именемъ, затѣмъ брачнымъ и, наконецъ, кличками. По выходѣ замужъ онѣ удерживаютъ свои фамильныя имена, или другими словами, замужняя женщина считаетъ свое прежнее дѣвичье фамильное имя своей настоящей фамиліей и въ случаѣ надобности показываетъ только его; изъ вѣжливости называютъ ее по фамиліи мужа, что соотвѣтствуетъ нашему «госпожа такая-то». Въ оффиціальныхъ документахъ показываются обѣ ея фамиліи, т. е. фамилія мужа и ея собственная, одна за другой, и получающаяся комбинація изъ двухъ фамилій служитъ ея фамиліей. Напримѣръ, если дѣвичье имя женщины было *Ли*, а фамилія ея мужа *Чань*, то ее будутъ называть *Чань-Ли ши*, причемъ «*ши*» указываетъ на то, что она урожденная *Ли*.

Дамы изъ хорошаго общества никогда не говорятъ своего имени. Авторъ слышалъ, какъ одна китайская дама въ камерѣ суда на вопросъ, какъ ее зовутъ, отвѣчала, что у нее нѣтъ имени. Посторонній человѣкъ долженъ довольствоваться указанной выше комбинаціей обѣихъ ея фамилій; ибо существуетъ ярко выраженное чувство, основанное частью на скромности, частью же на боязни, что какой-нибудь нескромный незнакомецъ изъ одного простого нахальства въ состояніи

назвать ее собственнымъ ея именемъ, если онъ его узнаетъ. Жены рабочихъ и лицъ низшаго сословія не такъ щепетильны и не скрываютъ своего имени, по крайней мѣрѣ въ Кантонѣ. Зная это, авторъ былъ пораженъ, когда онъ по личному опыту убѣдился, что женщины низшихъ классовъ въ Чао-чжоу-фу не отвѣчали на вопросъ о ихъ имени, и онъ долженъ былъ довольствоваться именемъ собственнымъ мужа (не фамиліей) съ прибавленіемъ, смотря по возрасту женщины, слова сестра, тетка или мать.

Императоры Китая имѣютъ также множество именъ, что весьма затрудняетъ иностранцевъ, изучающихъ исторію Китая. Послѣ смерти императоръ извѣстенъ подъ своимъ посмертнымъ титуломъ, въ родѣ «Великій Предокъ», «Воинственный Предокъ» и пр. Въ періодъ его царствованія годы правленія его имѣютъ свое собственное названіе, служащее одновременно и эквивалентомъ имени самого императора. Названіе годовъ правленія состоитъ изъ двухъ іероглифовъ, комбинація которыхъ имѣетъ какое-нибудь прекрасное значеніе. Къ счастью, при нынѣ царствующей династіи каждое отдѣльное царствованіе имѣетъ только одно названіе; но не всегда это было такъ, и получалась страшная путаница, когда черезъ каждыя нѣсколько лѣтъ царствованія одного и того же императора, вслѣдствіе какихъ-либо неблагопріятныхъ событій, мѣнялись названія годовъ правленія. Такія перемѣны названій происходили неоднократно. Изъ этого видно, что имя, подъ которымъ извѣстенъ китайскій императоръ, не составляетъ одного изъ его собственныхъ именъ, какъ это бываетъ у европейскихъ государей. Личное имя китайскаго императора слишкомъ священно для того, чтобы оно могло быть произносимо устами народа, и никому не дозволено произносить или писать это имя, пока царствуетъ та же династія, даже и тогда, когда данный императоръ уже умеръ; во избѣжаніе возникающихъ отсюда затрудненій іероглифы, составляющіе имя императора, измѣняются въ нѣкоторыхъ своихъ чертахъ. Аналогично этому и ребенку не приличествуетъ употреблять собственнаго имени отца; это считается непочтительнымъ. Имя отца для него запретное, какъ бываетъ запретнымъ для жены имя ея мужа. Послѣднее обстоятельство доходитъ иногда въ Китаѣ до того, что многимъ женамъ даже совершенно неизвѣстны собственныя имена ихъ мужей. Послѣ всего сказаннаго, конечно, не покажется страннымъ, что никому не дозволяется употреблять имена Конфуція и Мэнція. Фамиліи этихъ мудрецовъ, однако, не считаются священными. Великій китайскій мудрецъ имѣетъ многихъ потомковъ, носящихъ и въ настоящее время его прославленное имя.

Китайскіе писатели, какъ и европейскіе, очень любятъ псевдонимы, и если припомнимъ, что Китай называется «страной цвѣтовъ», то не трудно будетъ себѣ представить, какія фантастическія формы иногда принимаютъ эти псевдонимы.

Н. Прокоповъ.

Инбирь. Большинство производимаго на всемъ свѣтѣ инбиря получается изъ корня растенія Zingiber officinale (Roscoe); но китайскій и сіамскій инбирь представляютъ собою продуктъ изъ другого растенія — Alpinia galangas. «Однако принимая во вниманіе обширное распространеніе Zingiber officinale, возможно предположить, что, можетъ быть, и настоящій инбирь культивируется въ нѣкоторыхъ частяхъ Китая».

Инбирь широко распространенъ въ провинціи Гуанъ-дунъ, гдѣ онъ находится почти во всѣхъ ея округахъ. Племя Мяо-цзы культивируетъ его въ большихъ количествахъ. Самый лучшій инбирь и самыя большія количества его въ окрестностяхъ Кантона происходятъ изъ Нань хай'скаго уѣзда, въ территоріи которато частью расположенъ самъ провинціальный городъ.

Въ другомъ уѣздѣ, въ нѣсколькихъ дняхъ ѣзды отъ Кантона, засажено инбиремъ три десятыхъ равнины и семь десятыхъ обрабатываемой нагорной земли.

> «Дѣлаютъ различіе между инбиремъ, растущимъ въ равнинахъ,... отличающимся обыкновенно нѣжностью и деликатностью, и горнымъ инбиремъ,... хрупкимъ и очень острымъ на вкусъ. Онъ идетъ главнымъ образомъ на домашнее потребленіе; китайцы маринуютъ его въ уксусѣ. Дорогой... инбирскій сиропъ потребляется почти исключительно иностранцами или же экспортируется».

Инбирь культивируется въ большихъ размѣрахъ также въ Хубэй'ѣ и Цзянъ-си, гдѣ его ѣдятъ въ свѣжемъ видѣ. Говорятъ, что этотъ инбирь средняго Китая очень пахучъ, но слишкомъ липокъ, «чтобы быть пригоднымъ для очень хорошихъ консервовъ».

Въ Китаѣ инбирь употребляется какъ лекарство. Авторъ видѣлъ, какъ онъ вылечиваетъ страшную головную боль, когда его употребляютъ на китайскій манеръ: свѣжій инбирь нагрѣваютъ въ огнѣ и разрѣзываютъ на тоненькіе кусочки, которые прикладываются ко лбу и вискамъ.

Alpinia galangas произрастаетъ въ дикомъ видѣ въ Гонконгѣ и представляетъ собою въ долинахъ и на склонахъ горъ во время цвѣтенія роскошное растеніе съ узкими, длинными листьями и яркими метелками цвѣтовъ, каждый изъ которыхъ имѣетъ почти дюймъ въ длину.

П. Тишенко.

Иностранцы въ Китаѣ. Если исторія китайскихъ сношеній съ Западомъ интересна, то должно допустить, что и разсказы о приключеніяхъ и путешествіяхъ иностранцевъ въ далекомъ Китаѣ не менѣе интересны и занимательны. Ихъ можно найти въ безчисленныхъ томахъ, опубликованныхъ въ теченіе послѣднихъ столѣтій; они изложены устарѣлымъ языкомъ средневѣковыхъ писателей, и они такъ полны чудесъ, что приводили въ крайнее изумленіе современниковъ, которые иногда и ничего не хотѣли знать объ этихъ повѣствованіяхъ путешественниковъ и смотрѣли на нихъ, какъ на разсказы барона Мюнхгаузена.

Хотя успѣхи торговли, и въ общемъ описаны болѣе трезвымъ образомъ, но они иногда всетаки обладаютъ привлекательностью романа. Имѣются отрывочные разсказы о ранней торговлѣ китайцевъ съ сосѣдними и болѣе отдаленными народами въ покрытые мракомъ неизвѣстности отдаленные періоды древности; самое же начало и болѣе раннія дѣянія этого примитивнаго періода теряются въ туманной неизвѣстности древнихъ временъ. Serica vestis прельщала даже практическихъ римлянъ на такія лишенія и трудныя путешествія, о которыхъ большинство нашихъ современныхъ торговцевъ имѣетъ лишь мало представленія; не менѣе богаты приключеніями были и продолжительныя путешествія арабскихъ купцовъ. На португальцевъ, занимавшихъ въ XVI вѣкѣ передовое мѣсто среди остальныхъ націй, выпала честь быть піонерами современной европейской торговли съ Китаемъ, въ 1576 г. по Р. Х. За ними въ болѣе поздніе годы послѣдовали испанцы, голландцы и русскіе. «Сношенія англичанъ съ Китаемъ, хотя и начались болѣе поздно, чѣмъ сношенія остальныхъ мореходныхъ націй Европы, имѣли гораздо болѣе важныя послѣдствія, и торговля ихъ по количеству значительнѣе, чѣмъ торговля всѣхъ остальныхъ иностранныхъ націй вмѣстѣ». Она началась въ 1635 г. по Р. Х. Американская торговля съ Китаемъ началась въ 1784 году. (См. статью о *Торговлѣ*).

Въ настоящее время въ различныхъ прибрежныхъ портахъ и по

большимъ рѣкамъ вліяются различные иностранные сеттльменты, а единичныя личности и семейства встрѣчаются разбросанными по разнымъ мѣстамъ китайской имперіи.

Большую часть иностранцевъ въ Китаѣ въ настоящее время образуютъ англійскіе подданные. Въ 1890 году отдѣльныя національности, общей численностью въ 8,081 душу, были представлены въ Китаѣ въ слѣдующемъ количествѣ:

Австрійцевъ	65	Итальянцевъ	74
Американцевъ (С. А. С. Ш.)	1,153	Нѣмцевъ	648
Англичанъ	3,317	Португальцевъ	610
Бельгійцевъ	28	Русскихъ	131
Бразильцевъ	2	Французовъ	589
Голландцевъ	41	Шведовъ и норвежцевъ	155
Датчанъ	81	Японцевъ	883
Испанцевъ	304		

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что Гонконгъ и Макао не включены въ указанныя числа, такъ какъ они въ политическомъ отношеніи не образуютъ части китайской имперіи, хотя они въ географическомъ отношеніи и относятся къ Китаю. Перепись 1891 года опредѣлила все число европейцевъ и американцевъ въ англійской колоніи въ Гонконгѣ въ 8,545 душъ, населеніе всей же англійской и иностранной колоніи въ 10,446 душъ. По даннымъ 1879 года въ Макао было 4,476 португальцевъ и 78 лицъ, принадлежавшихъ къ другимъ національностямъ, за исключеніемъ китайцевъ.

Интересной темой разслѣдованія могли бы служить благодѣянія, которыя иностранныя сношенія оказали Китаю, а равно и обзоръ обратной стороны дѣла, но мы, не смотря на всю заманчивость такой работы, должны отъ нея отказаться.

Важнѣйшая литература: Среди многихъ изданій, содержащихъ интересныя свѣдѣнія о сношеніяхъ иностранцевъ съ Китаемъ, заслуживаютъ спеціальнаго упоминанія соч. Williams'а «Middle Kingdom», «The Chinese Repository» и «The China Review».

И. Васкевичъ.

Искусство. Живопись находится въ Китаѣ еще до сихъ поръ на низкой ступени развитія; законы перспективы, свѣта и тѣней почти неизвѣстны; хотя на перспективу иногда и обращается нѣкоторое вниманіе. Высота обыкновенно изображаетъ на китайскихъ картинахъ разстояніе, т. е. отдаленные предметы помѣщаются на верху картины, а

болѣе близкіе подъ ними; что же касается величины ихъ, то въ этомъ отношеніи дѣлается лишь самая незначительная разница. Въ отношеніи тѣней можно сказать, что во многихъ китайскихъ ландшафтахъ онѣ совершенно отсутствуютъ, хотя и Paléologue свидѣтельствуетъ, что нѣкоторые китайскіе художники иногда доходятъ до передачи самыхъ художественныхъ и нѣжныхъ свѣтовыхъ и тѣневыхъ эффектовъ; при этомъ онъ указываетъ на крупную школу пейзажистовъ при Танской династіи, которая производила законченныя работы въ этой отрасли живописи. Расположенію предметовъ и группировкѣ людей въ натуральныхъ позахъ, повидимому, не обучаютъ, по крайней мѣрѣ не согласно съ нашими понятіями объ этихъ вопросахъ. Китайцы больше всего стремятся къ достиженію извѣстной симметріи; второстепенныя части карты отдѣлываются съ такой же тщательностью, какъ и главныя; мельчайшія детали вырисовываются съ такой же аккуратностью, какъ и самыя важныя части. Лица почти всегда рисуются en face, а головы часто бываютъ наклонены впередъ къ туловищу подъ угломъ 45°. Это обычная поза ученаго, и она кромѣ того вообще указываетъ на усиленныя занятія. Для китайскаго художника представляетя вопросомъ первостепенной важности передача положенія даннаго лица, ранга, занимаемаго имъ на государственной службѣ, ученой степени или соціальнаго положенія. Изображеніе же живой, чувствующей души, отражающейся на лицѣ, отставляется на задній планъ по сравненію съ передачей внѣшнихъ признаковъ положенія и благополучія, или же по сравненію съ передачей разорванныхъ и развѣвающихся по вѣтру тряпокъ стараго нищаго. Большой популярностью пользуются эскизы-наброски, написанные тушью и изображающіе людей и ландшафты. На нихъ рисуются невозможныя горы, хоатическія массы скалъ, цвѣтовъ, деревьевъ и лодокъ, и притомъ въ такомъ видѣ, что они способны вызвать со стороны европейца развѣ только самое умѣренное чувство восторга.

Въ качествѣ рисовальщиковъ главная сила китайцевъ заключается въ срисовываніи какой-нибудь отдѣльной части творенія природы. Многія изъ нихъ они анализировали съ большой тщательностью и изучили до такой степени, что въ состояніи воспроизвести ихъ нѣсколькими штрихами кисти... Китайцы обладаютъ особенностью, проистекающей изъ совершеннаго господства ими надъ кистью: — они держатъ ее почти въ перпендикулярномъ направленіи къ бумагѣ, и поэтому они, благодаря тонкому кончику кисти, въ состояніи чертить самыя тончайшія линіи; въ то же время они, благодаря эластичности волосъ кисти, въ состояніи придать имъ какую угод-

по толщину. Широкіе штрихи, которыми рисуются рѣсницы и борода, дѣлаются однимъ простымъ нажимомъ кисти.

Замѣчено, что китайское письмо требуетъ особаго воспитанія глаза и руки, въ родѣ того, которое, требуется для рисованія. Ежедневныя упражненія въ употребленіи кисти, этого пера китайцевъ, вызываютъ извѣстную легкость и непринужденность штриха и экспрессіи.

Китайскій художникъ изучилъ урокъ, который мы поняли только въ послѣдніе годы благодаря нашимъ музеямъ по естествовѣдѣнію:—онъ копируетъ всѣ части птицы въ ихъ деталяхъ, а потомъ уже онъ, какъ то было мѣтко замѣчено,

«изучаетъ позы и особенныя наклонности, выражаемыя этими различными позами, и благодаря этому представляетъ птицъ такими, какими онѣ бываютъ въ дѣйствительности... хотя онѣ въ нѣкоторыхъ деталяхъ, можетъ быть, и грубо изображены. Эта вѣрность изображенія не ограничивается одними только птицами, и она кромѣ того не представляетъ собою никакого направленія въ ихъ искусствѣ, такъ какъ мы читаемъ о знаменитомъ художникѣ третьяго столѣтія Цао Фу-синѣ, что онъ нарисовалъ ширму для императора, на которой изобразилъ муху въ такомъ натуральномъ видѣ, что императоръ поднялъ руку, чтобы ее схватить».

Мы сами видѣли удивительно естественное изображеніе кошки, подкрадывающейся къ птицѣ, сидящей на вѣткѣ. Такіе разсказы указываютъ на одну изъ самыхъ выдающихся чертъ извѣстнаго рода китайской живописи—ея графическій характеръ—и напоминаютъ намъ лошадь Аппеллеса, при видѣ которой живыя лошади ржали, а также и другой знаменитый разсказъ о томъ, какъ лошадь пыталась съѣсть связку хлѣба, нарисованную на полотнѣ. Съ подобной же тщательностью китайскіе художники рисуютъ цвѣты, бамбукъ и деревья, заботливо отмѣчая малѣйшіе отростки вѣтвей, равно какъ и воздѣйствіе любой силы вѣтра на нарисованные предметы; не смотря, однако, на то, что всѣ эти детали вырисовываются съ терпѣніемъ, достойнымъ высшей похвалы, и дающимъ въ результатѣ вѣрное соображеніе природы, замѣчается крупный недостатокъ въ расположеніи и пропорціональности изображаемыхъ предметовъ. Подобное прониканіе въ тайны природы и изображеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ почти съ фотографическою точностью, которую, судя по нѣкоторымъ другимъ произведеніямъ китайской кисти, трудно было бы ожидать отъ китайскихъ художниковъ, очень интересно и полезно для естественниковъ, такъ какъ иллюстраціи, напримѣръ, такого ту-

земнаго сочиненія, какъ китайская великая Materia Medica, Бань-цао, даютъ о нихъ, благодаря поразительной во многихъ случаяхъ точности изображенія, гораздо болѣе лучшее представленіе, чѣмъ иностранные ученые могли бы получить по однимъ только печатнымъ произведеніямъ. Попытки китайскихъ художниковъ изобразить животную жизнь выражаются въ грубыхъ, неуклюжихъ формахъ, но условность позъ человѣческаго тѣла иногда не лишена извѣстной красоты, не особенно часто встрѣчающейся въ произведеніяхъ китайскаго искусства. Соотношеніе и группировка составныхъ частей картины опредѣляется общепринятыми правилами, и благодаря строгому слѣдованію этимъ правиламъ происходитъ и вся нереальность, которая такъ рѣзко бросается въ глаза въ ихъ попыткахъ изобразить человѣческія страсти; китайцы оставались на той же низкой ступени развитія въ этой отрасли искусства въ теченіе многихъ вѣковъ. (Эту ступень сравнивали съ состояніемъ итальянской живописи во времена Giotto и Simone Memmi). Къ сказанному нужно прибавить ихъ совершенное незнаніе анатоміи, благодаря чему въ результатѣ часто получается одна лишь каррикатура человѣческой фигуры. Въ то же время достойна всякой похвалы нѣжность красокъ, которыя китайскіе художники, не знакомые ни съ какими научными законами (которыхъ они могли бы держаться), повидимому, примѣняютъ какъ-то инстинктивно. Китайцы очень любятъ произведенія своей живописи, и жилища богатыхъ людей украшены свертками, съ изображеніемъ ландшафтовъ и цвѣтущихъ вѣтокъ, съ сидящими на нихъ птицами и насѣкомыми и пр. Даже болѣе бѣдный классъ населенія украшаетъ свои скромныя помѣщенія дешевыми произведеніями живописи, и почти каждая лодка на Кантонской рѣкѣ украшена какими-нибудь картинами, а на улицахъ продавцы исполненныхъ черной тушью на бѣломъ фонѣ эскизовъ находятъ прекрасный сбытъ для своихъ товаровъ.

Слѣдуетъ, однако, замѣтить что наши похвалы относятся исключительно къ чисто-туземному искусству, такъ какъ произведенія тѣхъ пачкуновъ, которыя появляются въ Гонконгѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ договорныхъ портахъ, ниже всякаго даже порицанія.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, китайцы очень искусны въ стѣнной или энкаустической живописи, которой они пользуются въ своихъ храмахъ и богатыхъ домахъ въ видѣ филенокъ и фризовъ, какъ снаружи, такъ и внутри зданія. (См. статью объ *Архитектурѣ*). Насколько намъ извѣстно, китайцы никогда не употребляли масла при приготовленіи красокъ, но нужно замѣтить, что масло, какъ составная часть красокъ, не было извѣстно и въ Европѣ вплоть до пятнадцатаго столѣтія.

Китайскія краски весьма примитивны, и палочки китайскихъ водяныхъ красокъ соотвѣтствуютъ самымъ дешевымъ краскамъ, употребляемымъ нашими дѣтьми. За то китайская тушь превосходна и лучше всякой другой въ мірѣ. Китайскія кисти, будучи отлично приспособленными къ роду работы, не позволяютъ желать ничего лучшаго, тѣмъ не менѣе для европейскаго художника было бы невозможнымъ работать подобными орудіями; съ другой стороны, однако, напрасно надѣяться, чтобы китайцы могли прогрессировать въ живописи, пока они не оставятъ своего консерватизма и не будутъ пользоваться бумагой, красками и кистями современной Европы.

Религія, природа, исторія и литература воодушевляли китайскихъ художниковъ въ большей или меньшой степени.

Если всецѣло вѣрить свидѣтельству самихъ китайцевъ, то живопись впервые была извѣстна въ Китаѣ за 2600 лѣтъ до Р. Х. Но даже если не согласиться съ такой заплѣснѣвѣлой древностью, искусство въ Китаѣ всетаки отличается довольно почтенной древностью. Первое примѣненіе живописи имѣло, повидимому, мѣсто въ стѣнной декораціи, и китайскіе императоры часто украшали живописью стѣны своихъ дворцовъ. Въ третьемъ вѣкѣ до Р. Х. картины писались на бамбукѣ и шелкѣ, но трудно сказать, писались ли они тушью или красками; большой толчекъ былъ данъ живописи съ изобрѣтеніемъ бумаги въ первомъ столѣтіи нашей эры.

Первый живописецъ, о работахъ котораго мы имѣемъ нѣкоторыя опредѣленныя свѣдѣнія, относится къ третьему столѣтію христіанской эры, болѣе чѣмъ черезъ шестьсотъ лѣтъ послѣ Зевксиса, хотя и Андерсонъ, на авторитетъ котораго мы ссылаемся, говоритъ, что намекъ на портретную живопись имѣется въ сочиненіяхъ Конфуція. Тотъ же самый изслѣдователь говоритъ, что китайцы, должно быть, достигли нѣкотораго совершенства въ искусствѣ рисованія еще до начала буддійской эры: весьма вѣроятно, что болѣе высокое развитіе живописи въ Китаѣ призошло благодаря вліянію образцовъ индійскаго и греческаго искусства, привезенныхъ въ Китай вмѣстѣ съ буддійской религіей. Во главѣ списка китайскихъ живописцевъ стоитъ имя Цао Фу-сина, приверженца императора У Сунь-цюаня (240—251 г. по Р. Х.); о предшественникахъ его не сохранилось извѣстій. Онъ славился буддійскими картинами и изображеніями драконовъ; онъ же является героемъ удивительнаго разсказа о мухѣ. Другой разсказъ гласитъ, что драконъ его кисти, сохранившійся до временъ Сунской династіи, производилъ дождь во

время засухъ. Второй художникъ, имя котораго сохранилось, былъ Чжанъ Сань-ю. Онъ писалъ буддійскія картины для набожнаго монарха У-ди (502—549 г. по Р. Х.). Андерсонъ пишетъ о немъ слѣдующее: «Сомнительно, существуютъ ли его картины еще въ настоящее время, или нѣтъ, но его стиль передавался его послѣдователями, между которыми насчитывается много славныхъ артистовъ». О немъ разсказывается еще другая удивительная исторія съ дракономъ. Согласно этой исторіи, «онъ нарисовалъ дракона съ такой поразительной «натуральностью», что при послѣднихъ штрихахъ кисти нарисованное чудовище вдругъ ожило и среди черныхъ облаковъ и оглушительныхъ раскатовъ грома проломилось сквозь стѣну дома и исчезло въ пространствѣ».

Вторая эпоха начинается немного спустя введенія буддизма въ Китаѣ. Эта религія имѣла благодѣтельное вліяніе на неподвижное состояніе древняго искусства и открыла для него много новыхъ перспективъ и новыхъ областей. Буддизмъ развивался въ эти дни быстро, и число буддійскихъ монастырей росло такъ быстро, что въ 845 году по Р. Х. ихъ насчитывалось болѣе четырехъ милліоновъ. Они служили школами литературы и искусства, и на длинныхъ кускахъ шелковой матеріи писались многія картины, изображавшія жизнь и смерть основателя буддизма, и, вообще, буддійскіе сюжеты.

Возникали также и другія школы, посвящавшія себя религіозному и другимъ родамъ искусства. Между 265 и 618 годами по Р. Х. китайскіе авторы называютъ около пятисотъ знаменитыхъ художниковъ помимо художниковъ, принадлежавшихъ къ религіознымъ школамъ. Кромѣ сюжетовъ, относившихся болѣе къ религіозной сторонѣ жизни, привлекало вниманіе живописцевъ изображеніе человѣческаго лица, животнаго міра и ландшафтовъ. Мы укажемъ только на одинъ фактъ, какъ на примѣръ, иллюстрирующій то высокое положеніе, которое занимало искусство во время этого періода: одному изъ членовъ Верховнаго Совѣта императора Мо Ди (502—550 г. по Р. Х.) было приказано украсить картинами императорскіе храмы.

Среди знаменитыхъ живописцевъ седьмого столѣтія фигурируютъ два брата, по имени Янь Ли-дэ и Янь Ли бэнь, изъ которыхъ послѣдній прославился рядомъ историческихъ портретовъ, изображавшихъ древнихъ поборниковъ вѣрности престолу и науки.

Въ восьмомъ столѣтіи наибольшее вниманіе заслуживаетъ имя У Дао-цзы. Онъ обратилъ на себя вниманіе императора Минъ-хуан'а, «милостью которою онъ пользовался до самой своей смерти. Его стиль,

какъ говорятъ, образовался подъ вліяніемъ Чжанъ Сань-ю, духъ котораго, какъ думали, переродился въ лицѣ его послѣдователя. Главнымъ образомъ онъ прославился картинами рлигіознаго направленія, но его ландшафты также замѣчательны художественнымъ чутьемъ и силой исполненія; достопримѣчательны также его изображенія животныхъ».

Достойны также вниманія, хотя и не въ такой степени, имена Ванъ Вэй'я, рисовавшаго ландшафты и занимавшаго высокое положеніе при дворѣ (713—742 г. по Р. Х.), и Хань Гань'я, одного изъ его любимцевъ, замѣчательнаго, главнымъ образомъ, рисованіемъ лошадей. Среди другихъ именъ знаменитыхъ живописцевъ временъ Танской династіи можно назвать имена Ли Цзянь'я и его сына Ли Чжунъ-хэ, извѣстныхъ рисовальщиковъ людей и лошадей, Юань Инъ, извѣстнаго за свои точнѣйшія изображенія жизни насѣкомыхъ, Цзянъ-Чао-инь'я и Ли-Чжэна—художниковъ-пэйзажистовъ.

Художественное пониманіе красотъ природы проявлялось въ Китаѣ многими вѣками раньше, чѣмъ въ европейскомъ искусствѣ, и ландшафты начали играть болѣе важную роль, чѣмъ роль аксессуаровъ.

Третій періодъ китайскаго искусства начинается съ Танской династіи (618—960 г. по Р. Х.) и оканчивается династіей Сунъ. Въ началѣ этого періода китайская живопись раздѣлилась на сѣверную и южную школы, названныя такъ по соотвѣтствующимъ частямъ страны, въ которыхъ жили принадлежавшіе къ нимъ художники; главная же разница между обѣими школами заключалась въ томъ, что южная школа держала себя свободнѣе по отношенію къ установленнымъ правиламъ искусства, которыхъ сѣверная школа строго придерживалась. Къ первой школѣ принадлежалъ Ванъ Мо-цзѣ, который представляется однимъ изъ самыхъ оригинальныхъ художниковъ Китая. Подобно многимъ художникамъ Китая, онъ былъ не только живописцемъ, но и поэтомъ и музыкантомъ, и красоты природы, составлявшія его спеціальную силу, не только изображались его кистью, но также и воспѣвались его музой. Выработанныя имъ методы побуждали въ теченіе двухъ послѣдовавшихъ столѣтій, а именно VIII-го и IX-го, артистическій міръ обращаться непосредственно къ природѣ, какъ учительницѣ и образцу. Самый талантливый художникъ этого періода—Оу До-хуань. Больше всего онъ любилъ писать горы съ пагодами, монастыри и событія изъ будійской жизни. Въ теченіе девятаго и десятаго столѣтій живопись, во всѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ въ областяхъ царства животныхъ и цвѣтовъ, занимала вниманіе всѣхъ художниковъ, но

въ то же время и буддійская школа все еще неуклонно продолжала держаться своего направленія и производила работы великаго достоинства. Въ десятомъ столѣтіи заслуживаютъ упоминанія два первоклассныхъ художника Цзинъ-хао и Хуанъ-Цзюанъ. Два образчика стиля послѣдняго находятся въ Британскомъ Музеѣ.

Четвертый періодъ принадлежитъ Сунской династіи и замѣчателенъ возрожденіемъ литературы и искусства послѣ предшествовавшаго ему смутнаго періода; но благодаря тому, что буддизмъ лишился своей прежней популярности, религіозная школа искусства пришла въ двѣнадцатомъ и тринадцатомъ столѣтіяхъ въ упадокъ, хотя и въ это время можно встрѣтить нѣсколькихъ замѣчательныхъ художниковъ этой школы. Сунская династія была богата знаменитыми художниками, какъ-то: Му Цзи, Лянъ-Цзи, Го-Си, императоръ Хуй-цзунъ, Ли Лунъ-янь, Ма-Юань, Мя-Гуй, Ю-Цзянь, Хуй-Су, и Ми Юань-чжанъ. Ань Хуй, жившій въ тринадцатомъ столѣтіи, причисляется обыкновенно къ великимъ художникамъ династіи Сунъ. Школа пейзажистовъ, вступившая на правильный путь еще въ предшествовавшую эпоху, достигла высшей ступени художественнаго развитія. Красоты весны съ ея нѣжными почками, листьями и цвѣтами, прелести лѣта, грустныя картины осени и бѣлоснѣжная краса зимы,—все это привлекало ихъ вниманіе. Изъ художниковъ этого направленія заслуживаютъ упоминанія два однофамильца Ли-Чжэнь, одинъ—глава сѣверной школы, а другой—сторонникъ южной; первый имѣлъ многочисленныхъ послѣдователей въ одиннадцатомъ и двѣнадцатомъ столѣтіяхъ, а также и отчасти въ тринадцатомъ; но къ несчастью, благоговѣя передъ своимъ учителемъ, они начали подражать скорѣе его стилю, чѣмъ слѣдовать его направленію истиннаго поклоненія самой природѣ. Въ связи съ извѣстной новой тенденціей каждая школа, каждое ателье выбирало своей спеціальностью изображеніе какой-нибудь живописной частности и переставало смотрѣть на ландшафтъ, какъ на нѣчто цѣлое. Примѣромъ такого направленія могутъ служить два брата Ма-Юань и Ма-Кунь, которые спеціализировались на соснахъ, кипарисахъ, кедрахъ и отвѣсныхъ скалахъ; другіе художники старались только о воспроизведеніи снѣжныхъ эффектовъ, и еще другіе обращали свое вниманіе исключительно на «перистый» бамбукъ съ его жесткимъ стволомъ, нѣжными зелеными листьями и граціозными верхними вѣтками; другой спеціальностью являлось рисованіе цвѣточныхъ букетовъ въ промежуткахъ между глазированными черепицами крыши, что, конечно, представляетъ собой весьма своеобразный вкусъ.

Художникъ Ли Ди рисовалъ снѣгирей, бамбукъ и скалы; покрытыя снѣгомъ сосны и группы деревьевъ были любимыми сюжетами другого художника; Чжунъ Жэнь преимущественно рисовалъ сливы и цвѣты; но были и такіе художники, которые не посвящали себя одной только спеціальности. Въ теченіе этого періода было произведено нѣсколько очаровательныхъ, по жизненности и естественности, изображеній птицъ.

Пятый періодъ относится ко временамъ монгольской династіи Юань. Завоеваніе Китая монголами внесло сравнительно большое оживленіе въ застоявшуюся китайскую національную жизнь и принесло собой свѣжій потокъ оживленія отъ болѣе западныхъ народовъ. Новые стили искусства, которые возникали у китайцевъ впродолженіе многихъ вѣковъ, видали лишь очень мало чужестраннаго, что бы могло вдохновить ихъ геній или поощрить ихъ старанія. Это иноземное вліяніе, которое болѣе чувствовалось въ другихъ отрасляхъ искусства, не произвело на живопись того впечатлѣнія, которое можно было ожидать, хотя всетаки могутъ быть найдены нѣкоторые слѣды подобнаго вліянія. Въ связи со всѣмъ этимъ замѣчалось и нѣкоторое возрожденіе буддизма, принесенное волной монгольскаго владычества, и оказывавшее вліяніе, не только въ мірѣ искусства, но и въ другихъ областяхъ. Раздѣленіе, которое мы замѣтили въ періодъ Сунской династіи, все еще продолжалось. Характерной чертой художниковъ Юаньской династіи является ихъ любовь къ яркимъ и блестящимъ краскамъ. Въ Британскомъ Музеѣ можно видѣть картину, изображающую тигрицу вмѣстѣ съ дѣтенышами, исполненную однимъ изъ художниковъ этой династіи.

Шестой періодъ относится ко времени Минской династіи (1368—1643 г. по Р. Х.). Въ первые годы этой династіи живопись съ выгодой воспользовалась нѣкоторыми улучшеніями въ техническомъ искусствѣ, хотя всетаки не въ такой степени, какъ въ другихъ отрасляхъ искусства, и вотъ приблизительно съ середины этой эпохи она начинаетъ приходить въ упадокъ. Слѣдовательно, удобно раздѣлить эту эпоху на два періода, отъ 1368 г. по 1488 г. и отъ 1488 г. по 1643 г. Стиль перваго періода Минской династіи можетъ быть охарактеризованъ какъ не отличающійся большой оригинальностью; но за то онъ обладалъ нѣкоторыми другими весьма важными характерными чертами; однимъ словомъ, это былъ стиль искусства, не отличавшійся ничѣмъ особенно выдающимся, но въ то же время и свободный отъ упадка.

«Въ пятнадцатомъ и шестнадцатомъ столѣтіяхъ, однако, жило много художниковъ, имѣвшихъ большія заслуги; но лучшіе изъ

нихъ, въ томъ числѣ и Лань Лянъ и Лю Цзи, были преданными подражателями старыхъ мастеровъ. Единственнымъ исключеніемъ въ общемъ упадкѣ живописи болѣе позднихъ столѣтій былъ извѣстный стиль, который, насколько намъ извѣстно, имѣлъ только двухъ крупныхъ представителей—Чэнѣ Чжунъ-фу и Ли-цзинь Цзюй Сы... Эти художники, стараясь достигнуть лучшихъ результатовъ въ портретной живописи, чѣмъ то было возможно при помощи прежнихъ каллиграфическихъ пріемовъ, сдѣлали попытку изобразить линіи и тѣни лица такъ, какъ они ихъ видѣли въ дѣйствительности.»

Во второмъ періодѣ этой эпохи начинается упадокъ китайской живописи. Причины этого упадка сложились цѣлыми столѣтіями раньше, когда изученіе природы у самаго источника было замѣнено рабскимъ подражаніемъ какому-нибудь знаменитому мастеру, черпавшему свое вдохновеніе изъ источника интимнаго общенія съ природой, чѣмъ послѣдователи его пренебрегали. Слѣпое подражаніе разъ установленнымъ правиламъ и принципамъ, этотъ тормазъ развитія во многихъ отрасляхъ китайской науки и знаній, не замедлило проявиться и въ воспроизведеніяхъ явленій и видовъ природы, какъ они представляются человѣку; ибо вмѣсто того, чтобы поднять свои глаза и увидѣть назрѣвшія для жатвы поля, готовыя для желающихъ собрать жатву, они довольствовались результатами работы прошлаго и упускали золотое время и дорогой случай.

Разница между этими двумя періодами (первой и второй половиной царствованія Минской династіи) весьма рѣзка, и въ ней замѣчается начало новаго стиля, господствовавшаго въ семнадцатомъ и восемнадцатомъ столѣтіяхъ.

Седьмой періодъ принадлежитъ настоящей династіи, и окончательный упадокъ искусства, предвѣщенный и начавшійся еще во времена предшествовавшей династіи, дѣлается при ней несомнѣннымъ фактомъ. Замѣчается отсутствіе вдохновенія, которое замѣняется употребленіемъ извѣстныхъ иллюстрированныхъ сочиненій, служащихъ справочными книгами для искателей славы; изъ этихъ сочиненій живописцы копируютъ различныя фигуры и предметы, уже разъ на всегда приготовленные на всевозможные случаи китайской повседневной жизни; художникъ выродился въ копировальщика, и вся его работа заключается только въ группировкѣ предметовъ. Въ царствованіе третьяго императора Юнъ-чжэна (1723—1736 г.) замѣчалась нѣкоторая тенденція къ лучшему,

но путы традиціи не были разрушены, и эта тенденція не была въ состояніи возродить все искусство. Іезуитскіе миссіонеры въ Пекинѣ пытались ввести принципы европейской живописи, но, несмотря на то, что они выполнили многочисленныя работы, китайцы не были настолько подготовлены, чтобы согласиться на такое полное уничтоженіе всѣхъ предвзятыхъ идей и принциповъ искусства. Англійскій художникъ George Chinnery, написавшій въ первой половинѣ прошлаго столѣтія много картинъ изъ китайской жизни, имѣлъ на югѣ Китая нѣкоторое вліяніе на китайскихъ художниковъ, работавшихъ для иностранцевъ въ Кантонѣ и Макао. Копированіе этими художниками иностранныхъ портретовъ, безъ сомнѣнія, измѣнило способы ихъ выраженія и улучшило, до нѣкоторой степени, ихъ стиль, но масса китайскихъ художниковъ осталась внѣ этого вліянія.

Чтобы дать въ заключеніе общій обзоръ интересующаго насъ вопроса, на нашъ взглядъ, быть можетъ, будетъ цѣлесообразнѣе всего пополнить выдержки, которыя мы уже сдѣлали изъ Anderson'а, еще одной цитатой:

По всей вѣроятности, не существуетъ ни одной области искусства, которая въ Европѣ менѣе понималась, чѣмъ живописное искусство Китая. На нашихъ глазахъ китайскій живописецъ настоящаго или прошлаго представляетъ собою одного лишь кописта, скопировывающаго съ кропотливой и неразборчивой точностью все, что ему ни дали, находящаго удовольствіе въ употребленіи такого количества красокъ и такихъ блестящихъ красокъ, какія допускаютъ только данный сюжетъ или получаемый имъ гонораръ, и проявляющаго оригинальность только въ созданіи чудовищнаго. Ничего, однако, не противорѣчитъ дѣйствительному положенію дѣла больше, чѣмъ подобное впечатлѣніе, если, конечно, мы исключимъ изъ нашего разсмотрѣнія работы, исполняемыя для иностраннаго рынка,—работы, которыхъ не признаетъ ни одинъ образованный китаецъ. Старые мастера Срединной Имперіи, которые, въ смыслѣ одной корпораціи, соединяли величественность концепціи съ громадной силой выполненія, мало заботились объ исполненіи деталей, и за исключеніемъ буддійскихъ картинъ, видѣли лучшіе свои эффекты въ простомъ сочетаніи черной туши съ бѣлымъ фономъ или же въ самыхъ сдержанныхъ хроматическихъ гармоніяхъ. Искусство ихъ было несовершено, но не болѣе несовершено, чѣмъ европейское искусство вплоть до конца XIII вѣка. Въ отношеніи тех-

ники они не удалились отъ употребленія водяныхъ красокъ, въ отношеніи же разнообразія и качества грунтовыхъ красокъ, а равно и въ отношеніи механическаго господства надъ кистью, они не имѣли повода бояться сравненія съ современниками. Они имѣли лишь самое отдаленное представленіе о законахъ полутѣней и перспективы, но недостатокъ знанія искупался болѣе существенными элементами художественнаго превосходства.

Въ отношеніи мотивовъ у нихъ недоставало ни разнообразія, ни возвышенности. Въ качествѣ пейзажистовъ они опередили своихъ европейскихъ собратьевъ болѣе, чѣмъ на нѣсколько десятковъ поколѣній, и создали ландшафты, которые въ отношеніи широты замысла, воздушныхъ эффектовъ и живописной красоты наврядъ-ли могутъ быть превзойдены. Что касается изученія ими человѣческой фигуры, то они въ этомъ отношеніи, не смотря на то, что ихъ работа часто отличалась силой и выраженіемъ, безъ сомнѣнія, стояли несравненно ниже грековъ; но въ противовѣсъ къ этому недостатку никакіе другіе художники, за исключеніемъ японскихъ, никогда еще не вложили въ изображенія жизни пернатаго царства и десятой доли той жизненности и оживленности, которыя замѣчаются въ китайскихъ изображеніяхъ ворона, воробья, киста и цѣлой сотни другихъ породъ пернатыхъ. Въ изображеніи цвѣтовъ китайцы были менѣе удачны, благодаря отсутствію настоящаго пониманія полутѣней, но они были въ состояніи на основаніи одного какого-нибудь цвѣтка, создать лучшую картину чѣмъ многіе европейскіе живописцы на основаніи всѣхъ богатствъ цѣлаго склада.

Если попытаемся сравнить живописное искусство Китая съ европейскимъ, то мы должны перенестись обратно къ тѣмъ днямъ, когда первое стояло въ своемъ зенитѣ. Объ искусствѣ, предшествовавшемъ Танской династіи, мы ничего не въ состояніи сказать. Подобно искусству Полигнота, Зевксиса и Апеллеса, оно въ настоящее время извѣстно только по преданію, которое, если оно, быть можетъ, и менѣе точно въ отношеніи перваго, чѣмъ въ отношеніи послѣдняго, не менѣе хвалебнаго свойства; но можно утверждать, что ни одно произведеніе европейскихъ живописцевъ въ періодъ VII—XIII в. христіанской эры ни въ какомъ отношеніи не поднимается на уровень произведеній тѣхъ великихъ китайскихъ мастеровъ, которые окружили блескомъ Танскую, Сунскую и Юаньскую династіи, равно какъ и нѣтъ—чтобы говорить о болѣе близ-

кихъ временахъ — ничего въ области религіознаго искусства Cimabue, что не оказалось бы безцвѣтнымъ и неизящнымъ на ряду съ буддійскими композиціями У Дао-цзы, Ли Лунъ-янь и Ань-Хуй. Вплоть до конца Южной Имперіи въ 1279 по Р. Х. китайцы шли во главѣ всего міра въ области живописи, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, и ближайшими ихъ соперниками были ихъ собственные ученики—японцы... Японская культура удѣлила много элементовъ поэзіи и граціи болѣе старому китайскому искусству (конечно, въ самой Японіи, и не въ Китаѣ); въ Сидзіоской школѣ она прибавила не мало колоритности, и преимущественно черезъ посредство Яматской и Укіиоской школъ она прибавила безчисленное множество оригинальныхъ чертъ къ мотивамъ; однако, въ отношеніи силы пальма первенства все еще остается за Срединнымъ Царствомъ, и Китай можетъ претендовать какъ на свою собственность на всѣ главные художественные принципы, которые управляли кистями Канаока, Мейціо и Мотонобу. Конечно, часто только спеціалисты въ состояніи отличить работу самыхъ раннихъ японскихъ передовыхъ мастеровъ «китайской школы» отъ китайскихъ картинъ, и многіе рисунки, украшающіе современный японскій фарфоръ или лакъ, почти штрихъ за штрихомъ должны быть возведены до какого-нибудь китайскаго оригинала за восемь или девять столѣтій тому назадъ... Между тѣмъ какъ китайцы за послѣднія пять лѣтъ довольствовались тѣмъ, что покоились на лаврахъ предковъ,—которые ихъ презирали бы за это, если бъ они могли воскреснуть,—энергія бывшихъ ихъ учениковъ выдвинула Японію передъ лицомъ свѣта какъ единственнаго наслѣдника почти всего того, что представляется красивымъ въ искусствѣ великой туранской расы.

Важнѣйшая литература:—Глава объ искусствѣ въ соч. Tradescant Lay: «The Chinese As They Are».—Большинство сочиненій содержитъ болѣе или менѣе хорошія статьи, но однимъ изъ самыхъ интересныхъ и цѣнныхъ очерковъ является соч. M. Paléologue: «L'Art Chinois», которому мы обязаны многими изъ сообщенныхъ выше свѣдѣніями.—Въ высшей степени интересная монографія о китайскомъ искусствѣ помѣщается въ великолѣпномъ сочиненіи W. Anderson'a: «The Pictorial Arts of Japan».

С. Горяиновъ.

Исторія. Китайская исторія заслуживаетъ больше вниманія, чѣмъ то, какое оказывали ей западно-европейскіе ученые; ее то слишкомъ

расхваливали, то, наоборотъ, не въ мѣру порицали. Какъ и всякую исторію, ее можно раздѣлить на три періода: миѳологическій, древній и современный.

Граница между первымъ и вторымъ періодами весьма неясна. Миѳологическій періодъ обнимаетъ около 15—50 тысячъ лѣтъ и начинается, какъ говорятъ китайцы, «съ возникновенія неба и земли». О созданіи міра существуетъ нѣсколько сказаній, наиболѣе популярнымъ изъ которыхъ является легенда о Пань Гу. Его представляютъ вооруженнымъ молотомъ и рѣзцомъ, придающимъ массамъ хаотической матеріи формy и видъ. Его работа продолжалась 18 тысячъ лѣтъ, и онъ самъ каждый день выросталъ на шесть футовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ поднимались и небеса, а земля расширялась и утолщалась. Когда его работа была окончена, и земля въ общихъ чертахъ была приспособлена для будущихъ ея жителей, Пань Гу оказалъ свѣту своей смертью не меньше благодѣяній, чѣмъ своей жизнью, ибо преданіе говоритъ, что

> «его голова обратилась въ горы, дыханіе—въ вѣтеръ и облака, а голосъ въ громъ; члены его превратились въ четыре страны свѣта, жилы его въ рѣки, мускулы его въ складки земной поверхности, мясо же въ поля; борода его превратилась въ звѣзды, кожа и волосы въ травы и деревья, а зубы, кости и костный мозгъ стали металлами, скалами и драгоцѣнными камнями; капли его пота превратились въ дождь и, наконецъ, (nascitur ridiculus mus) насѣкомыя, ползовавшія по его тѣлу, обратились въ людей».

По китайскимъ вѣрованіямъ на землѣ въ тѣ дни существовали великаны, такъ какъ Пань Гу наслѣдовали три государя—Небесный, Земной и Человѣческій, которые всѣ обладали гигантскими размѣрами. Правленіемъ ихъ занятъ новый 18-тысячелѣтній періодъ, въ продолженіе котораго было сдѣлано много разныхъ открытій и усовершенствованій для блага человѣчества, и между прочимъ были установлены хорошее правительство и союзъ половъ; самымъ важнымъ, конечно, было то, что за это время люди научились ѣсть и пить, и что былъ изобрѣтенъ сонъ. За этими государями слѣдовали еще два государя, Ю-чао и Суй-жэнь; послѣдній принесъ съ неба огонь, и люди стали наслаждаться благодатью вареной пищи.

Древняя или легендарная исторія начинается съ Фу-си; онъ и его четыре переемника вмѣстѣ называются «Пятью Монархами». Съ этого времени начинается «глубочайшая древность» Китая, относящаяся, смотря по различнымъ авторамъ, къ 2852 или 3322 году до Р. Хр. и со-

впадающая приблизительно съ возниковеніемъ Ассирійской монархіи. Среди различныхъ благихъ установленій этого періода замѣчается и установленіе брака; границы имперіи расширились и дошли до восточнаго моря, а столица Фу-си находилась въ нынѣшней провинціи Хэ-нань. Преемникъ Фу-си, Шэнь-нунъ, скоро послѣ этого перенесъ столицу въ Шань-дунъ. Фу-си и семь его преемниковъ царствовали всего 747 лѣтъ, или каждый изъ нихъ въ среднемъ около 93 лѣтъ. Весь этотъ періодъ представляется, конечно, довольно миѳическимъ, за всѣмъ тѣмъ, однако, очень рельефно обрисовывается въ немъ царствованіе Хуанъ-ди. Одержавъ побѣду надъ различными своими соперниками, онъ раздѣлилъ всю свою территорію по децимальной системѣ слѣдующимъ образомъ: 10 городовъ образовали одинъ округъ; 10 округовъ—1 департаментъ; 10 департаментовъ—1 провинцію и 10 провинцій—всю имперію.

Вѣсъ и мѣры были установлены согласно той же децимальной системѣ. Хуанъ-ди же приписываютъ упорядоченіе календаря и введеніе на 61-мъ году царствованія того шестидесятилѣтняго цикла, семьдесятъ пять перемѣнъ котораго обнимаютъ всѣ тысячелѣтія, начиная съ того времени (2637 г. до Р Хр.) и кончая настоящимъ. Онъ же провелъ сухопутныя дороги и построилъ рѣчные и морскіе суда; въ немъ видятъ устроителя великой имперіи и говорятъ, что его владѣнія простирались отъ Ша-чжоу на западѣ до самаго моря и отъ нынѣшней Печилійской провинціи на сѣверѣ до Янъ-цзы-цзяна на югѣ. Хуанъ-ди наслѣдовалъ его сынъ, а послѣднему его племянникъ, который, какъ говорятъ, расширилъ границы имперіи на югѣ до Тонкина и на сѣверѣ до Маньчжуріи.

Двѣсти сорокъ лѣтъ (три царствованія) отдѣляютъ періодъ Хуанъ-ди отъ величайшихъ императоровъ Китая: Яо, Шунь и Юй. Конфуцій и Мэнъ-цзы описали для руководства всѣмъ будущимъ поколѣніямъ высокія черты характера и добродѣтелей Яо и Шуня,—они принадлежатъ къ величайшимъ мудрецамъ Китая. Въ этотъ періодъ въ Китаѣ произошелъ великій потопъ, въ которомъ всѣ лучшіе авторитеты видятъ разливъ водъ Желтой рѣки, происходившій, быть можетъ, при перемѣнѣ ея теченія. Цѣлые годы ушли на борьбу съ этимъ страшнымъ несчастіемъ, которое, повидимому, принесло съ собою ужасныя разрушенія и опустошенія, и было приложено много неусыпнаго труда и энергіи для исправленія послѣдствій его. Около этого времени, т. е. около 2200 г. до Р. Хр., первые китайскіе поселенцы прибыли на свою будущую родину, оттѣснивъ первоначальныхъ обитателей въ болѣе отдаленныя части страны,

гдѣ нѣкоторые изъ нихъ уцѣлѣли и до нашихъ дней подъ видомъ первобытныхъ племенъ (см. статью объ *Аборигенахъ*).

Была высказана мысль, что вся исторія, предшествовавшая временамъ Яо, должна быть разсматриваема, какъ исторія первоначальныхъ обитателей страны, включенная въ составъ китайской исторіи, или же какъ исторія самихъ китайцевъ, принесенная ими съ собой въ мѣста своей новой родины; ибо хотя и многое, если даже не большая часть изъ того, что разсказываютъ о разсматриваемомъ періодѣ, миѳическаго, несущественнаго и нереальнаго характера, но мы все же не можемъ не считать за верхъ неразумія согласиться со мнѣніемъ скептической школы синологовъ, отвергающей все по той причинѣ, что большая часть невѣроятна. По нашему мнѣнію, болѣе цѣлесообразно держаться того убѣжденія, что среди всѣхъ этихъ плевелъ можно отыскать не одно зерно чистой пшеницы. Великій Юй былъ основателемъ династіи Ся (2205-1818 до Р. Хр.), и съ этого періода времени престолъ дѣлается наслѣдственнымъ, между тѣмъ какъ онъ до сихъ поръ былъ болѣе или менѣе выборнымъ; семнадцать государей принадлежали къ тому же дому; одинъ изъ нихъ былъ свергнутъ съ престола народомъ, а другой однимъ изъ министровъ, но наслѣдникъ престола уцѣлѣлъ во время рѣзни, которая послѣдовала благодаря попытки снова овладѣть престоломъ, и послѣ многихъ злоупотребленій вступилъ на престолъ своихъ предковъ. Все населеніе Китая въ то время достигало только одного или двухъ милліоновъ и состояло, какъ полагаютъ, изъ разсѣянныхъ между аборигенами колонистовъ. Большая часть Китая, за исключеніемъ Хэ-нани и полосы вдоль Желтой рѣки, была тогда покрыта роскошной растительностью. Дикіе звѣри водились въ изобиліи, и ихъ тропы служили дорогами. Въ извѣстномъ отношеніи жизнь въ тѣ времена, вѣроятно, была болѣе тяжелой борьбой за существованіе, чѣмъ въ настоящее время. Сынъ Юй'я былъ достойнымъ сыномъ своего родителя, но слѣдующіе девять монарховъ были такъ незначительны, что о ихъ дѣйствіяхъ до насъ дошло весьма немного свѣдѣній. Въ 1818 г. до Р. Хр. Дэѣ-гуй и его супруга тратили все, что добывали вымогательствами, на удовлетвореніе своихъ разнузданныхъ страстей. Былъ устроенъ прудъ, куда вмѣсто воды наливалось вино, и прудъ былъ такъ великъ, что вмѣщалъ большое судно съ 3000 человѣкъ, которые всѣ могли пить въ одно время; въ пьяномъ видѣ имъ разрѣшалось аттаковать цѣлыя пирамиды изысканныхъ кушаній, окружавшія прудъ, и во дворцѣ устраивались самыя развратныя оргіи. Общественное мнѣніе было

оскорблено, и одинъ изъ министровъ, потомокъ Хуанъ-Ди, захватилъ престолъ, основавъ новую династію Шанъ въ 1766 г. до Р. Хр., продолжавшуюся 644 года. Классическая книга Шу-цзинъ содержитъ отрывки изъ лѣтописей этого времени, свидѣтельствующіе о тѣхъ высокихъ идеалахъ, къ которымъ стремились правители Китая. Двадцать восемь монарховъ, хорошихъ и дурныхъ, наслѣдовали одинъ за другимъ престолъ, и благополучіе государства мѣнялось въ зависимости отъ руки, державшей бразды правленія, пока безчеловѣчность не дошла до своего апогея въ лицѣ Чжоу-сина, послѣдняго изъ этого дома. Достойны упоминанія два примѣра его сумасбродной жестокости: нѣсколькимъ женщинамъ, собиравшимъ однажды, въ холодное зимнее утро, на берегу рѣки, съ разутыми ногами раковины, были отрублены ноги для того, чтобы безчеловѣчный монархъ былъ въ состояніи посмотрѣть костный мозгъ этихъ женщинъ, столь нечувствительныхъ къ холоду; подобнымъ же образомъ онъ въ другой разъ приказалъ принести сердце смѣлаго министра, который сдѣлалъ ему представленія, для того, чтобы онъ могъ видѣть разницу между такимъ сердцемъ и сердцемъ трусливаго министра. Такое поведеніе привело въ Китаѣ, конечно, къ неизбѣжному своему результату, къ паденію династіи, и основатели Чжоуской династіи (Чжоуская династія продолжалась съ 1122 по 660 г. до Р. Хр.) старались объ установленіи лучшаго порядка вещей. Нѣкоторымъ синологамъ хотѣлось бы вычеркнуть все, что предшествовало этой династіи, и только съ нея начать китайскую исторію, но мы уже высказали свое мнѣніе по этому вопросу.

Основатели Чжоуской династіи, Вэнь-ванъ, У-ванъ и Чжоу-гунъ, принадлежатъ по своему образованію, честности, патріотизму и изобрѣтеніямъ къ самымъ выдающимся мужьямъ древности. Вэнь-ванъ сплотилъ передовыхъ людей своего времени въ одинъ тѣсный союзъ, направленный противъ господства испорченнаго правленія; умирая, онъ передалъ своему сыну довершеніе начатой имъ работы. Дядя У-вана, герцогъ Чжоу, состоялъ совѣтникомъ государя. Конфуцій восхвалялъ и почиталъ ихъ всѣхъ въ высшей степени. Несмотря на всѣ свои выдающіяся качества и почитаніе Высшаго Правителя, У-Ванъ совершилъ большую политическую ошибку, раздѣливъ свою имперію на нѣсколько малыхъ государствъ; равнымъ образомъ и одинъ изъ слѣдовавшихъ послѣ государей, Пинъ-ванъ, тѣснимый нападеніями татаръ, совершилъ крупную ошибку, оставивъ свою восточную столицу одному изъ своихъ приближенныхъ съ цѣлью образованія оплота противъ указанныхъ кочевниковъ, самъ же

удаляясь въ западную столицу, благодаря чему государство оказалось раздѣленнымъ на восточное и западное Чжоу. Такія фатальныя ошибки уже заранѣе подготовили условія для ослабленія центральной власти, и результатомъ, въ особенности, первой ошибки, была многочисленность феодальныхъ государствъ, представлявшихъ собою незначительныя княжества, занятыя постоянными междоусобными раздорами; болѣе слабыя изъ нихъ подпали подъ власть болѣе сильныхъ, всѣ же они вмѣстѣ умаляли власть царствовавшаго императора. Число этихъ государствъ въ разное время было различное; указываютъ числа 125, 11 и 52. И эта династія, начавшаяся такъ многообѣщающее, подобно своимъ предшественницамъ, дошла до періода упадка, хотя она и была въ состояніи просуществовать 873 года, самый продолжительный срокъ, извѣстный въ исторіи, и имѣла 35 государей.

«Затѣмъ слѣдовалъ цѣлый рядъ войнъ, интригъ, дипломатическихъ продѣлокъ и заговоровъ, во многомъ напоминавшихъ событія въ европейскихъ государствахъ за послѣднія 200 лѣтъ» «Китайская имперія состояла изъ Шань-си, Хэ-наня, Шань-дуна, и она мало по малу выдвигала свои щупальца, чтобы захватить остальную часть современнаго Китая, точно также какъ Римъ, исходя изъ Италіи, Греціи и Испаніи, распространилъ свою власть на часть Азіи, Африки, Германіи и Славянскихъ земель».

Вслѣдъ за учрежденіемъ въ началѣ этой династіи императорскаго гарема появились, вѣроятно, и евнухи, и трибутарные принцы подражали дурному примѣру императора.

Этотъ періодъ славится, однако, тѣмъ, что онъ произвелъ на свѣтъ двухъ самыхъ замѣчательныхъ людей, жившихъ когда-либо въ мірѣ,—Лао-цзы и Конфуція. Несмотря на полное ихъ несходство,—одинъ изъ нихъ представлялъ собой на глазахъ современниковъ безумнаго мечтателя, другой же являлся человѣкомъ, занимавшимся церемоніями и моральными предписаніями,—оба они были предназначены имѣть на свою родину весьма значительное вліяніе. Мы также не должны забыть, что во время этого періода жилъ и Менцій.

«Внѣ всякаго сомнѣнія, что соревнованіе въ упражненіи военными оружіями, въ дипломатіи, въ военныхъ наукахъ, въ матеріальной цивилизаціи и, наконецъ, наукахъ дала китайцамъ разсматриваемаго періода возможность достигнуть весьма высокаго уровня искусства, ловкости и матеріальнаго прогресса. Это наблюдалось,

при подобныхъ же обстоятельствахъ, и въ Греціи, Аравіи, Италіи, и это наблюдается и въ современной Европѣ. Мы не имѣемъ большаго права удивляться той слѣпой гордости, съ которой китайцы разсматриваютъ это славное время, чѣмъ удивляться, что европеецъ питаетъ такое уваженіе къ древнимъ Греціи и Риму. Поставьте противъ Платона и Аристотеля Конфуція и Менція; но Китай имѣлъ въ тѣ времена еще и государственныхъ дѣятелей и ораторовъ, отнюдь не въ значительной мѣрѣ отстававшихъ отъ государственныхъ мужей и ораторовъ нашей классической древности».

Много милліоновъ народа было убито во время постоянныхъ войнъ, продолжавшихся за все время царствованія Чжоуской династіи; но на почвѣ этого не прекращавшагося состязанія между самими феодальными князьями и между ними и ихъ собственными подданными образовался тотъ матеріалъ, на основаніи котораго могъ быть учрежденъ болѣе значительный Китай; до Чжоуской династіи Китай, внѣ всякаго сомнѣнія, имѣлъ лишь ограниченный объемъ. Въ концѣ этой династіи южная граница китайской имперіи перешла уже на югъ отъ Янъ-цзы-цзяна.

Нѣкоторые изъ иностранныхъ писателей склонны считать большую часть этого періода не заслуживающей довѣрія, но когда въ Китаѣ археологическія изысканія будутъ дѣлаться въ систематическомъ порядкѣ, вѣроятно, удастся найти доказательства, подкрѣпляющія достовѣрность китайскихъ лѣтописей, подобно нахожденію извѣстныхъ десяти каменныхъ барабановъ періода 827 года до Р. Хр.

Одно изъ самыхъ могущественныхъ феодальныхъ государствъ, Циньское, подчинило себѣ государя; сынъ завоевателя принялъ императорскую власть и уничтожилъ послѣдніе слѣды знаменитой Чжоуской династіи; но онъ умеръ черезъ три года, и такимъ образомъ получилась династія съ однимъ только императоромъ. Его честолюбивый и могущественный сынъ принялъ имя перваго императора, Ши Хуанъ-ди (220—204 г. до Р. Хр.), и былъ первымъ императоромъ Циньской династіи. Онъ былъ въ высшей степени способнымъ и ловкимъ человѣкомъ, сплотилъ имперію и раздѣлилъ ее на 36 провинцій. Его имя извѣстно по всему обитаемому міру благодаря гигантскому сооруженію, къ которому оно причастно: великой китайской стѣнѣ. Но это поразительное сооруженіе не было цѣликомъ закончено во время его царствованія; первоначало его относится, повидимому, къ 210 году до Р. Хр., и даже еще въ такія позднія времена, какъ при Минской династіи, въ 1547

году по Р. Хр., къ имѣвшейся уже стѣнѣ было еще прибавлено около 250—300 миль.

Если бы это было единственнымъ сооруженіемъ, на которомъ отразилась печать его генія, то его имя, безъ сомнѣнія, продолжало бы вѣчно жить, какъ имя одного изъ великихъ благодѣтелей имперіи, но неутомимая дѣятельность этого китайскаго Наполеона расходовала свою энергію и на сооруженіе дворцовъ, правительственныхъ зданій, каналовъ и дорогъ. Послѣднія, подобно дорогамъ, устроеннымъ римлянами въ Англіи, сохранились въ продолженіе 2,000 лѣтъ вплоть до настоящаго времени. Далѣе, если бъ онъ довольствовался этими инженерными побѣдами и архитектурными предпріятіями, вдобавокъ къ своему властному царствованію, то его имя и подвиги остались бы памятными на вѣки; но одинъ поступокъ уничтожилъ на глазахъ китайцевъ, всю его славу на вѣчныя времена, и китайцы не говорятъ о немъ ни одного добраго слова. Проникнутый желаніемъ уничтожить всѣ повѣствованія о какомъ-то прежнемъ Китаѣ и предстать передъ потомствомъ въ роли перваго императора, онъ приказалъ истребить огнемъ всѣ классическія книги, а равно и сочиненія пяти сотъ ученыхъ.

Тексты были возстановлены и вновь записаны по показаніямъ твердой памяти ученыхъ, а нѣкоторыя книги, которыя удалось скрыть, были найдены впослѣдствіи. Но такая образованная нація, какъ китайцы, никогда не могла ни забыть, ни простить подобнаго преступленія.

Полное разслѣдованіе всѣхъ обстоятельствъ дѣла, однако, показываетъ, что императора, несмотря на всю жестокость этого поступка, нельзя такъ сильно порицать, какъ то дѣлаютъ китайцы, такъ какъ имперія подвергалась опасности со стороны ученыхъ. Его сынъ царствовалъ только семь лѣтъ, не будучи въ состояніи держать въ подчиненіи феодальныхъ князей. Этимъ періодомъ заканчивается древняя исторія Китая.

Искатель счастья, начальникъ войскъ одного изъ князей, овладѣлъ столицею и обосновалъ Ханьскую династію (206 г. до Р. Х.—25 г. по Р. Х.), съ которой начинается новая исторія Китая.

Въ сѣверномъ Китаѣ вплоть до сегодняшняго дня выраженія Хань-жэнь (Ханьскій человѣкъ) и Хань-цзы (Ханьскій сынъ) все еще служатъ названіями для китайцевъ; такимъ образомъ какъ бы продолжается эта эпоха, славная со всѣхъ точекъ зрѣнія, съ литературной, исторической, военной, коммерческой или же художественной. Было предприня-

то много общественныхъ работъ, среди которыхъ выдаются мосты. Въ виду того, что доступъ къ столицѣ былъ затруднителенъ, горы были прорѣзаны дорогами, долины заполнены землей и сооружены висячіе мосты. Это былъ «періодъ, въ который образовались формы китайскаго управленія и учрежденій, оффиціальныхъ и формальныхъ».

Были заведены настоящіе конкурсные экзамены, которыми Китай такъ славится (см. статью объ *Экзаменахъ*). Было составлено уголовное уложеніе, послужившее образцомъ для послѣдовавшихъ уложеній Китая (см. статью о *Законахъ*). Эта династія славится введеніемъ буддизма; она «была одной изъ самыхъ популярныхъ династій, когда-либо царствовавшихъ въ Китаѣ; длинные годы мирнаго времени, въ теченіе котораго нація процвѣтала, чередовались съ набѣгами неутомимыхъ татаръ. Современные Фу-цзянь, Юнь-нань, Кантонъ и пр., а равно и большая часть Сы-чуаня сдѣлались китайскими провинціями, помимо другихъ земель, которыя были включены въ составъ имперіи, и трибутарныхъ народовъ, приходившихъ изъ дальнихъ странъ. Китайскія арміи прошли всю Азію, и Китай занималъ передовое мѣсто среди націй всего міра».

Короткое царствованіе узуртатора, попытавшагося обосновать свою собственную династію подъ названіемъ Синьской династіи, раздѣлило Ханьскую династію на Западно-Ханьскую и Восточно-Ханьскую (Восточно-Ханьская династія царствовала съ 25 по 220 г. по Р. Х.). Полагають, что въ этотъ періодъ времени были установлены торговыя сношенія съ римской имперіей. Обѣ Ханьскихъ династіи продолжались 467 лѣтъ и имѣли всего 28 государей.

Съ послѣдними годами Ханьской династіи совпадаетъ одинъ изъ самыхъ интересныхъ періодовъ китайской имеріи, продолжавшійся еще послѣ Ханьской династіи (съ 220 по 277 г. по Р. Х.). Этотъ періодъ увѣковѣченъ и покрытъ ореоломъ поэзіи знаменитымъ историческимъ романомъ—«Исторія трехъ царствъ». Если бы мы нуждались въ примѣрѣ для подтвержденія пользы сочиненій фикціи, то мы таковой могли бы имѣть въ этой занимательной книгѣ, распространившей о событіяхъ тѣхъ смутныхъ временъ такія познанія, какія ни одна законченная исторія, не смотря на большую достовѣрность, не была бы въ состояніи дать.

Циньская и Восточно-Циньская династіи царствовали 155 лѣтъ, имѣя 15 императоровъ; время это ознаменовано несчастіями и войнами. Циньская династія продолжалась съ 265 г. по 419 г. по Р. Х. Послѣ

этого вступилъ на престолъ генералъ и обосновалъ Сѣверную Сунскую династію. Какъ и въ прежнія времена, страна была раздѣлена на небольшія государства, и не всегда бывало, чтобы тотъ домъ, который историки считали законнымъ, пользовался наибольшимъ могуществомъ. Это замѣчаніе справедливо и по отношенію къ нѣкоторымъ изъ послѣдовавшихъ періодовъ. Указанная династія закончилась цѣлымъ рядомъ преступленій, и за ней послѣдовала Циньская династія. Обѣ эти династіи неинтересны и безславны, и послѣдняя династія прекратилась благодаря убійствамъ. Это было въ 502 г. по Р. Х. Затѣмъ пошли три незначительныхъ династіи, и такимъ образомъ число династій, царствовавшихъ въ промежуткѣ времени между Ханьской и Танской династіями, достигаетъ пяти.

Въ Танской династіи (618—907 г. по Р. Х.) мы имѣемъ опять одинъ изъ самыхъ славныхъ періодовъ китайской исторіи, продолжавшійся почти триста лѣтъ. «Во время этого благодѣтельнаго императорскаго управленія земледѣлецъ мирно воздѣлывалъ землю, и торговецъ продавалъ безопасно свои товары. Болѣе пылкія и воинственныя умы употребляли свою энергію на расширеніе западныхъ границъ имперіи, и военныя побѣды и тихія радости мирнаго времени воспѣвались и прославлялись величайшими поэтами, которыхъ вообще производилъ Китай». Хорошимъ предзнаменованіемъ для этой династіи служило то обстоятельство, что основатель ея не создалъ своей имперіи кровью своихъ предшественниковъ, какъ то часто бывало при обоснованіи новыхъ императорскихъ домовъ въ Китаѣ. О второмъ императорѣ династіи справедливо замѣтили:—«Ни одинъ изъ государей любой страны не имѣлъ еще болѣе основательнаго права на титулъ Великаго». Его военныя дѣла, за исключеніемъ лишь одного случая, всегда вѣнчались успѣхомъ, а его геній, военное искусство и мужество сдерживались тѣмъ благородствомъ, которое дѣлаетъ людей великими. Онъ подарилъ странѣ миръ и упроченное управленіе, а его завоеванія обезпечили тѣ же блага и за сосѣдними народами. Онъ покровительствовалъ литературѣ, и во время его царствованія былъ воздвигнутъ Несторіанскій памятникъ (см. статью *о Христіанскихъ миссіяхъ*). Во время этой династіи Корея сдѣлалась китайскимъ владѣніемъ послѣ столѣтней борьбы и дорого купленной побѣды; и Китай былъ такъ могущественъ, что даже Персія просила о помощи Срединное Царство.

Въ это время имперія находилась, повидимому, въ нѣсколько ненормальномъ для Китая положеніи, такъ какъ въ ней царствовала жен-

щина; это, однако, не было особенно необычайнымъ явленіемъ, въ особенности въ древнія времена, и самымъ достопримѣчательнымъ примѣромъ являлась императрица У, которая управляла страной мужской рукой, и царствованіе которой, не смотря на ея жестокости, было для народа въ продолженіе болѣе чѣмъ 40 лѣтъ, истиннымъ благодѣяніемъ.

Осада Тай-юаня требуетъ упоминанія благодаря употребленію защитниками его пушки, которая бросала 12-ти-фунтовые камни на разстояніе 300 шаговъ. Гражданскія войны и недоразумѣнія съ Тибетомъ и другими сосѣдними странами—войны, продолжавшіяся два столѣтія,—помрачали блескъ болѣе раннихъ царствованій, и за болѣе властными руками, державшими скипетръ, слѣдовали болѣе слабыя, неспособныя твердо держать царскую власть и передавать ее нетронутой своимъ преемникамъ. Евнухи присвоили себѣ роль царскихъ покровителей и хватали черезъ край, какъ эта часто наблюдается на протяженіи китайской исторіи. Заключительныя главы этого періода грустны: страна опустошена, города разрушены и столица сожжена. Династія продолжалась 259 лѣтъ, и на престолѣ сидѣло 20 императоровъ.

Населеніе южнаго Китая обезсмертило эту династію и обозначило начало своей цивилизаціи и подчиненія китайскому управленію тѣмъ, что назвало себя Тунъ-янь или Тунскими людьми.

Въ противовѣсъ къ смутнымъ временамъ Европы, Китай представлялъ народамъ всего міра самое яркое зрѣлище. Было введено могаметанство; греческій императоръ Өеодосій отправилъ въ 643 г. по Р. Х. посла съ подарками, состоявшими изъ драгоцѣнныхъ камней, и его примѣру послѣдовала и Персія.

Далѣе идетъ рядъ незначительныхъ династій, такъ называемыя «Пять династій» или «Десять Государствъ» (907—960 г. по Р. Х.), какъ ихъ называютъ китайцы; арену ихъ образовалъ центръ имперіи по Желтой рѣкѣ, а остальная часть страны находилась во власти различныхъ генераловъ,—«это былъ періодъ опустошительныхъ и безпрерывныхъ гражданскихъ войнъ, раздора, набѣговъ и волненій». Все время, занятое имъ, меньше 60 лѣтъ, и самымъ замѣчательнымъ фактомъ было изобрѣтеніе печатанія.

Сунская династія (960—1126 г. по Р. Х.) представляетъ собою одну изъ дальнѣйшихъ великихъ династій китайской исторіи. Она распадается на двѣ династіи, собственно Сунскую и южную Сунскую. При ней верховное правительство отличалось большей централизаціей власти, почти автократическая власть провинціальныхъ губернаторовъ подвергалась

ограниченіямъ, и настали болѣе мирныя времена, хотя и все еще велись свирѣпыя войны съ татарами. Имперія была снова объединена, и литература и мирныя искусства процвѣтали. Китайская исторія содержитъ повѣствованія о многихъ великихъ именахъ, проливавшихъ свой блескъ на этотъ періодъ; но Сунская династія не отличалась необходимыми военными доблестями, чтобы противостоять воинственнымъ предкамъ современныхъ маньчжуровъ—цзиньямъ (чжурчжэни); послѣдніе дѣйствовали сперва въ качествѣ измѣнническихъ союзниковъ; впослѣдствіи они показали свой настоящій характеръ и образовали наконецъ государство (1115—1234 г. по Р. Х.), которое было болѣе могущественно, чѣмъ Сунское государство, и обѣ династіи одновременно управляли Китаемъ.

Возникновеніе монгольской власти, надо полагать, помѣшало учрежденію маньчжурской династіи въ южномъ и сѣверномъ Китаѣ, что при другихъ обстоятельствахъ, быть можетъ, случилось бы еще въ тѣ времена, т. е. на 5 столѣтій раньше дѣйствительнаго учрежденія ея. Между китайцами и Кін'ами происходили постоянныя войны; цзинь'и принудили подчиненные народы брить себѣ голову, какъ это дѣлается и въ настоящее время; но наконецъ все уменьшавшаяся ихъ власть пала передъ восходящей славой монголовъ, которые ихъ свергли, не смотря на все ихъ упорное сопротивленіе. Сунскій императоръ, побуждаемый ненавистью къ цзиньямъ, сдѣлался союзникомъ монголовъ; но едва только были подчинены цзинь'и, какъ стало очевиднымъ, что китайцы и монголы не въ состояніи совмѣстно владычествовать надъ Китаемъ. Послѣ долголѣтней войны (70 лѣтъ), въ продолженіе которой были подчинены нѣкоторыя части Китая, монголы, подъ предводительствомъ различныхъ вождей, наконецъ подъ предводительствомъ Хубилай-хана, завоевали постепенно весь Китай. Среди многихъ достопримѣчательныхъ сраженій заслуживаетъ особаго упоминанія осада Сянь-ата, державшагося въ теченіе 4 лѣтъ. Послѣ завоеванія Ханькоу и сосѣднихъ городовъ завоеватели продолжали свой побѣдоносный путь, подчиняя себѣ страну и завладѣвая Янъ-цзы-цзяномъ; дворъ же отступалъ на югъ Китая. Признаки бѣгства послѣдняго императора сохранились на нынѣшней англійской территоріи, на материкѣ, напротивъ Гонконга, а послѣдняя сцена его жизни происходила въ одномъ изъ лимановъ Кантонской рѣки, на западъ отъ Макао, гдѣ послѣ неудачной морской стычки одинъ изъ его придворныхъ, держа его въ своихъ рукахъ, бросился вмѣстѣ съ нимъ въ воду. Такъ кончилась, послѣ владѣнія законнымъ престоломъ въ продолженіе 309 лѣтъ, Сунская династія въ обоихъ своихъ развѣтвленіяхъ. Эта династія

не можетъ сравниться съ Танской династіей. Одной изъ крайне интересныхъ особенностей была попытка примененія къ жизни соціалистическихъ принциповъ, къ которой было приступлено послѣ долгаго обсужденія и оппозиціи. Принципы эти, однако, не отличались такимъ характеромъ, чтобы могли расчитывать на успѣшный результатъ, почему указанная попытка и окончилась неудачей.

Монгольское владычество (1260—1341 г. по Р. Х.) было для китайцевъ иностраннымъ владычествомъ, и такъ какъ китайцы превосходили монголовъ въ культурномъ, хотя и не въ военномъ отношеніи, то монголы естественно оставляли китайскіе законы въ силѣ и удержали всѣ выгоды высшаго культурнаго состоянія китайцевъ. Желающимъ поближе познакомиться съ «властнымъ и великолѣпнымъ» государемъ Хубилай-ханомъ, наполненныя сплетнями страницы сочиненія средневѣкового венеціанскаго путешественника дадутъ много интересныхъ частностей, какъ объ обширныхъ владѣніяхъ, такъ и о великолѣпіи Пекинскаго двора великаго хана; Пекинъ впервые былъ сдѣланъ столицей, и этотъ городъ и его дворы въ тѣ времена были самыми блестящими во всемъ мірѣ. Не довольствуясь своими побѣдами на материкѣ, этотъ рожденный завоеватель рѣшилъ пріобрѣсти еще и Японію, но его усилія кончились неудачей и пораженіемъ: въ Аннамѣ его войска постигла подобная же судьба, но въ Бирмѣ они дѣйствовали успѣшно. Ханъ высказывалъ терпимость по отношенію ко всѣмъ вѣроисповѣданіямъ. Управленіе завоевателя (монгольская династія приняла имя Юаньской) не пользовалось популярностью среди китайцевъ, но внукъ его Тимуръ, наслѣдовавшій послѣ него престолъ, старался съ извѣстнымъ успѣхомъ пріобрѣсти большую популярность. Престолъ переходилъ къ нѣсколькимъ принцамъ того же дома, но всѣ они царствовали недолго; на должности назначались монголы въ явное пренебреженіе китайскимъ правиломъ, по которому назначеніе на должность могло слѣдовать лишь послѣ успѣховъ въ наукахъ. Это нововведеніе вызвало нелюбовь китайцевъ; возстанія, сначала безуспѣшныя, слѣдовали одно за другимъ, но съ каждой новой попыткой они пріобрѣтали силу и настойчивость, пока наконецъ не возсталъ посланный небомъ мужъ и монголы не были выгнаны, въ 1368 г. по Р. Х., послѣ 89-ти-лѣтняго владычества надъ Китаемъ. Династія выродилась и сдѣлалась безсильной вслѣдствіе роскоши, безчинства и слабости и должна была уступить свое мѣсто болѣе сильной и могущественной, туземной китайской династіи, которая перенесла столицу въ Нанкинъ.

Основатель Минской династіи (эта династія царствовала съ 1368 г. по 1628 г. по Р. Х.) осиротѣлъ на 17-мъ году жизни, и не имѣя никакихъ средствъ къ поддержанію жизни, поступилъ въ буддійскіе монахи. Впослѣдствіи онъ присоединился въ качествѣ солдата къ одной изъ шаекъ бунтовщиковъ, гдѣ онъ въ скоромъ времени очутился на передовомъ мѣстѣ въ распряхъ, происходившихъ между китайцами и монголами. Въ 1356 году онъ овладѣлъ Нанкиномъ, гдѣ онъ распоряжался около десяти лѣтъ, пока онъ въ 1366 г. по Р. Х. не началъ «войну съ цѣлью изгнанія иностранныхъ властелиновъ». Сопротивленіе было весьма слабое, благодаря чему Пекинъ въ скоромъ времени уже былъ взятъ; послѣдній монгольскій императоръ бѣжалъ, но необходимыя для упроченія могущества имперіи войны продолжались нѣсколько лѣтъ, такъ какъ монголы все еще продолжали причинять безпокойство постоянными своими набѣгами. Хунъ-у, какъ назывался первый государь Минской династіи, былъ человѣкъ способный и умный, отличался мудростью и умѣренностью; любя миръ, онъ покровительствовалъ литературѣ, которой монгольскіе правители, за исключеніемъ Хубилай-хана, по собственному безумію пренебрегали. Среди другихъ мѣръ, предпринимавшихся имъ въ этомъ направленіи, онъ учредилъ во всѣхъ большихъ городахъ библіотеки; не только одна эта мѣра, но и многія другія, среди которыхъ занимаетъ видное мѣсто раздача соли, показываютъ, что онъ заботился о благополучіи своего народа.

Хунъ-у наслѣдовалъ его внукъ, котораго послѣ краткаго царствованія замѣнилъ одинъ изъ его дядей, добившійся престола послѣ продолжительной и ужасной гражданской войны. Его сынъ царствовалъ всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ. При всемъ томъ, однако, Минская династія заняла довольно прочное положеніе. Изъ Бенгала и съ Малакки пришли послы съ подарками. На престолъ вступилъ сынъ послѣдняго императора, и во время его царствованія отказались отъ Тонкина, бывшаго въ теченіе 10 лѣтъ китайской провинціей, благодаря затруднительности управленія имъ. Предпослѣднее царствованіе дало еще одинъ очевидный примѣръ дурныхъ послѣдствій предоставленія власти евнуху, такъ какъ благодаря неспособности одного изъ евнуховъ, императоръ почти-что погибъ, попавши даже въ татарскій плѣнъ.

Слѣдовалъ рядъ безпрестанныхъ войнъ,—войнъ съ татарами, возстаній, мятежей, волненій, и возмущеній. Одинъ изъ имераторовъ былъ настолько безуменъ, что учредилъ совѣтъ, состоявшій изъ евнуховъ, нѣчто въ родѣ верховной судебной палаты; но общественное негодованіе

было такъ сильно, что совѣтъ по истеченіи пяти лѣтъ былъ упраздненъ. Другой нецѣлесообразной мѣрой того же императора была раздача земель нѣсколькимъ членамъ своего собственнаго семейства, благодаря чему получилась тенденція къ созданію феодальныхъ государствъ. Это послужило одной изъ «главныхъ причинъ, дѣйствовавшихъ въ направленіи низложенія и уничтоженія Минской династіи». Дворъ отличался разными прихотями, для удовлетворенія которыхъ было приказано приступить къ обработкѣ золотыхъ розсыпей центральнаго Китая, но результаты этихъ работъ были почти что равны нулю. Изъ полезныхъ предпріятій слѣдуетъ упомянуть, между прочимъ, ремонтъ Великой стѣны.

Затрудненія, которыя окружали со всѣхъ сторонъ Минскую династію, все расли: династія была занята безпорядками въ Кохинхинѣ, войнами съ маньчжурами и набѣгами японцевъ; несчастья дошли до кульминаціоннаго пункта во время продожительнаго царствованія Вань-ли, когда начались дѣла съ маньчжурами; тѣмъ не менѣе прошло еще нѣсколько царствованій, прежде чѣмъ туземная династія окончательно погибла. Португальцы прибыли въ Китай во время царствованія Цзя-цзина, а іезуитскіе миссіонеры во время царствованія Вань-ли.

Незначительное татарское племя, подъ предводительствомъ способнаго вождя, стягивало свои силы и соединилось съ другими племенами, и, наконецъ, послѣ продолжительныхъ спорадическихъ войнъ представился удобный случай, благодаря успѣху взбунтовавшагося вождя, которому удалось вступить на китайскій престолъ, и послѣдній изъ Минскихъ императоровъ покончилъ собою самоубійствомъ. Знаменитый генералъ того времени У Сонь-гуй призвалъ на помощь маньчжуровъ съ цѣлью изгнанія узуртатора. Маньчжуры же, въ свою очередь, послѣ долгихъ войнъ, продолжавшихся 40 лѣтъ, сумѣли завоевать всю имперію, не смотря на то, что нѣсколько Минскихъ принцевъ были объявлены императорами и сражались противъ завоевателей. Происходили также неоднократныя возстанія, но маньчжуры оказались во всѣхъ случаяхъ побѣдоносными. Часть царствованія перваго императора (1644 г. по Р. Х.) маньчжурской или Цинской династіи была занята этими войнами; но это время интересно еще и тѣмъ, что въ Китай пришло нѣсколько посольствъ съ Запада. Шунь-чжи, какъ назывался первый государь Цинской династіи послѣ вступленія на престолъ, наслѣдовалъ знаменитый Канъ-си. Оба эти царствованія прославились также подвигами полупирата и морского героя Коксинга, изгнавшаго голландцевъ съ Формозы. Іезуит-

скіе миссіонеры занимали благодаря своимъ математическимъ и астрономическимъ знаніямъ выдающіяся положенія. Смѣлое возстаніе, подъ предводительствомъ грознаго У Сонь-гуй, въ связи въ угрожавшимъ нашествіемъ монголовъ на Китай, было усмирено маньчжурами, въ результатѣ чего маньчжурскіе гарнизоны были размѣщены по городамъ, гдѣ они содержатся и до сихъ поръ. Формоза была завоевана, и началась продолжительная борьба съ ёлётами подъ предводительствомъ Галдана, но китайская армія одержала верхъ. Вслѣдъ за этимъ началось много недоразумѣній по средне-азіатскому вопросу, но китайскій авторитетъ въ концѣ концовъ восторжествовалъ надъ Тибетомъ. Канъ-си царствовалъ 61 годъ, и во время его царствованія маньчжурское владычество было прочно установлено надъ всѣмъ Китаемъ и сосѣдними государствами. «Оффиціальныя дѣйствія и выдающіеся успѣхи его царствованія... выставляютъ его какъ мудраго, мужественнаго, великодушнаго и прозорливаго государя». «Даже въ самыхъ незначительныхъ дѣлахъ онъ казался дѣйствительно великимъ».

Ему наслѣдовалъ сынъ его Юнъ-чжэнъ, но его царствованіе было непродолжительнымъ, по сравненію съ царствованіемъ отца. Это былъ человѣкъ, который не заботился о военной славѣ и расширеніи власти; его царствованіе извѣстно ограниченіями, которымъ были подвержены все возраставшая власть и вліяніе іезуитскихъ миссіонеровъ, и уже послѣ того, какъ Цянь-лунъ вступилъ на престолъ, они подверглись преслѣдованіямъ. Первые годы царствованія этого государя отличались миромъ и спокойствіемъ; но за ними послѣдовала продолжительная война въ центральной Азіи, гдѣ императоръ выступилъ противъ непокорныхъ племенъ; благодаря этому почти въ теченіе 150 лѣтъ умиротворенныя границы имперіи свидѣтельствовали о мудрости выдающейся и дальновидной политики Цянь-луна. Онъ успѣшно воевалъ также съ Бирмою и съ Мяоцзы, а также и съ храбрѣйшими изъ индійскихъ племенъ, съ Непальскими турками, напавшими на Тибетъ. На Формозѣ и въ другихъ мѣстахъ было подавлено нѣсколько возстаній. Это долгое царствованіе, продолжавшееся 60 лѣтъ, извѣстно также близкими сношеніями, которыя были завязаны между Китаемъ и европейскими государствами. Мы не можемъ закончить нашъ краткій обзоръ главнѣйшихъ событій этого періода безъ того, чтобы не присоединиться къ голосу всеобщей похвалы, который превозноситъ энергію и основательность этого императора и то усердіе, съ которымъ онъ посвящалъ свои силы вопросамъ, привлекавшимъ его вниманіе. Маньчжурское могущество было доведено

до зенита своей славы, и если бы престолъ всегда занимали такіе способные правители, какъ Канъ-си и Цянь-лунъ, то не произошло бы многихъ несчастій болѣе позднихъ дней.

Послѣдовавшее затѣмъ царствованіе Цзя-цина не отличалось миромъ и спокойствіемъ: существовали секретные заговоры, направленные противъ правительства, и повсюду царствовали возстанія и разбои; страшныя силы морскихъ разбойниковъ безпокоили въ теченіе многихъ лѣтъ берега Гуанъ-дуна; португальцы помогали китайцамъ въ усмиреніи ихъ, и благодаря возникшимъ среди двухъ пиратскихъ вождей раздорамъ разбойники въ концѣ концовъ подчинились императорскому правительству.

Сынъ Цзя-цина Дао-гуанъ былъ болѣе энергичнымъ и подходящимъ правителемъ, чѣмъ его отецъ. Происходило много мѣстныхъ возстаній и несчастій, среди которыхъ была и первая война съ Англіей, имѣвшая, однако, въ своемъ результатѣ одно хорошее послѣдствіе—открытіе Китая для иностранной торговли. Въ концѣ царствованія этого государя вспыхло страшное Тайпинское возстаніе, которое для усмиренія нуждалось въ мужествѣ какого-нибудь Канъ-си или Цянь-луна, но Сянь-фынъ, который наслѣдовалъ Дао-гуану, не былъ созданъ изъ того матеріала, изъ котораго были созданы его дѣдъ или прапрадѣдъ. Имѣла мѣсто вторая война съ Англіей, окончившаяся тѣмъ, что страна была еще болѣе открыта для западныхъ націй.

Во время послѣдовавшаго затѣмъ царствованія Тунъ-чжи было усмирено великое Тайпинское возстаніе, въ каковомъ дѣлѣ принялъ участіе «китайскій» Гордонъ; возстаніе это продолжалось съ 1850 г. до 1864 г. и выразилось въ опустошеніи нѣсколькихъ провинцій. Было усмирено и магометанское возстаніе, и были начаты дипломатическія сношенія съ договорными державами.

Тунъ-чжи наслѣдовалъ его двоюродный братъ, подъ названіемъ императора Гуанъ-сюй. Насколько можно судить на основаніи недостаточно освѣщеннаго историческаго прошлаго, Китай въ настоящее время, при настоящей династіи, управляется лучше, чѣмъ когда-либо. Началось медленное движеніе по направленію къ западной цивилизаціи: началась постройка желѣзныхъ дорогъ; учреждены хлопчатобумажныя фабрики; устроены монетные дворы для чеканки мѣдныхъ и серебряныхъ денегъ по западному образцу; флотъ, состоящій изъ построенныхъ за границей судовъ, былъ уже разъ пріобрѣтенъ и пріобрѣтается во второй разъ; имѣются войска, обученныя на европейскій манеръ; открыты арсеналы; и на-

конецъ, приведено въ жизнь не мало иныхъ менѣе значительныхъ усовершенствованій. Съ другой стороны, однако, всеобщая испорченность и неспособность мандариновъ выразилась въ рядѣ несчастныхъ пораженій арміи и флота, результаты которыхъ, между прочимъ, видны на потерѣ великолѣпнаго острова Формозы, разоруженіи Портъ-Артура и разрушеніи или отобраніе японцами сѣверной эскадры. Всѣ лица, заинтересованныя въ будущемъ этой громадной имперіи, слѣдятъ съ напряженнымъ вниманіемъ за каждымъ признакомъ прогресса, то радуясь проблескамъ дальновидности и мудрости ея правителей, то печалясь по поводу очевидной неспособности ихъ справиться съ положеніемъ дѣлъ. Одно только будущее покажетъ, къ какому исходу направятся обстоятельства.

Каковы будутъ послѣдствія настоящаго положенія дѣлъ трудно сказать. Россія распространяетъ свое вліяніе на Маньчжурію и владѣетъ Портъ-Артуромъ; Германія имѣетъ Цзяо-чжоу, а Великобританія —Вэй-хай-вэй. «Сферы вліянія» и «открытыя двери» и различные планы, направленные, то на возстановленіе единства китайской имперіи, то на раздѣленіе ея на части, обсуждаются различными лицами, но никто не въ состояніи предсказать, что въ дѣйствительности случится.

И вотъ мы самымъ сжатымъ образомъ обозрѣли исторію китайской націи, начиная съ миѳологическаго періода и вплоть до миѳическаго и полумиѳическаго, пока мы у Чжоуской династіи не встрѣтились съ болѣе достовѣрными фактами китайской исторіи. Мы видѣли приливъ и отливъ династійныхъ перемѣнъ, и видѣли, какъ, благодаря свѣжимъ силамъ новыхъ династій, могущество Китая обезпечивалось на нѣсколько столѣтій, пока опять не появлялся, съ воцареніемъ немощныхъ правителей, отливъ владѣній и вліянія; съ каждой послѣдовательной перемѣной болѣе сильный приливъ могущества завоевывалъ обратно то, что было упущено слабыми руками, и границы имперіи съ каждымъ появленіемъ счастливой звѣзды расширялись все больше и больше; за феодальными государствами Китая съ номинально верховнымъ государемъ послѣдовало «основаніе нераздѣльной имперіи» при первомъ Цзиньскомъ императорѣ; далѣе мы видѣли «великолѣпный домъ Ханьской династіи», «сдѣлавшій большіе шаги въ направленіи болѣе прочнаго положенія благосостоянія и цивилизаціи»; мы видѣли смутныя времена Трехъ Государствъ и другихъ династій, послѣ которыхъ Китай вступилъ въ блестящую эпоху Танской династіи; затѣмъ послѣдовалъ новый отливъ и переходный періодъ Пяти Династій, а послѣ него возвращающаяся волна благополу-

чія пришла вмѣстѣ съ Сунской династіей, а за ней послѣдовало новое теченіе и новая бурная волна завоеванія при монголахъ, которая скоро удалилась, чтобы опять появиться съ возобновленной силой, неся на гребнѣ своемъ великую Минскую династію; и она снова ушла, но она вернулась еще разъ съ свѣжей энергіей вмѣстѣ съ маньчжурскими завоевателями.

Важнѣйшая литература:—Boulger: History of China, 3 тома.—H. A. Giles: Historic China and other Sketches.—Williams: Middle Kingdom.—Ross: Corea.—Ross: History of the Manchus.—E. L. Oxenham: Historical Atlas of the Chinese Empire from the earliest times down to the close of the Ming Dunasty даетъ карты Китая въ различныя эпохи и содержитъ крайне интересный конспектъ китайской исторіи. Всѣми указанными сочиненіями мы болѣе или менѣе пользовались при составленіи настоящей статьи. Многочисленныя работы, относящіяся къ различнымъ эпохамъ китайской имперіи, помѣщены въ журналахъ China Review и Missionary Recorder; изъ нихъ заслуживаетъ больше всего вниманія Rev. E. Faber, Dr. Theol.: China in the Light of History.—Въ XXVII томѣ Chinese Recorder содержится серія переводовъ съ нѣмецкаго.—Послѣдней исторіей Китая является Macgowan: History of China.—Историческая часть сочиненія Williams: Middle Kingdom вышло отдѣльнымъ изданіемъ.

В. Надаровъ.

Камфора. Это полезное вещество составляетъ продуктъ камфорнаго дерева—изъ породы лавровыхъ деревьевъ,—въ изобиліи растущаго въ провинціяхъ Фу-цзянь и Гуанъ-дунъ и до нѣкоторой степени встрѣчающагося въ качествѣ строевого лѣса въ Цзянъ си, Ху-бэй и другихъ провинціяхъ. Дерево достигаетъ громадной величины, отличается весьма полезными качествами и доставляетъ заработокъ многимъ столярамъ, корабельнымъ плотникамъ и судостроителямъ; кромѣ того оно еще высоко цѣнится при выдѣлкѣ ящиковъ и комодовъ. Ароматъ дерева пріятенъ, и онъ, при условіи свѣжести и достаточной крѣпости, приноситъ извѣстную пользу тѣмъ, что отгоняетъ отъ одежды моль и насѣкомыхъ; само дерево не подвержено нападеніямъ бѣлыхъ муравьевъ и пр. Изъ него строятся суда въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, а также и цѣликомъ.

Камфора употребляется въ китайской медицинѣ, а также и для разведенія лака. Китайская камфора, благодаря небрежному приготовленію, въ высшей степени нечиста. Williams описываетъ процессъ приготовленія ея слѣдующимъ образомъ:

«Камфорная смола добывается изъ вѣтвей, корней, отростковъ и листьевъ путемъ погруженія ихъ въ воду до тѣхъ поръ, пока послѣдняя не насытится. Получаемый растворъ слегка подогрѣваютъ, и сублимированную камфору принимаютъ въ опрокинутые конусы

изъ рисовой соломы, съ которыхъ ее снимаютъ въ видѣ грязноватыхъ зеренъ, похожихъ по цвѣту на неочищенный сахаръ».

Dr Porter Smith говоритъ: «Камфора имѣетъ видъ зернистыхъ кусковъ или просто зеренъ грязновато-снѣжнаго цвѣта и обладаетъ сильнымъ терпентиннымъ запахомъ и жгучимъ, горько-ароматичнымъ вкусомъ, послѣ чего чувствуется нѣкоторая прохлада. Китайская камфора не такъ крѣпка, какъ англійская, но она легче улетучивается. Очень хорошая камфора привозится изъ Цюань-чжоу-фу, въ пров. Фу-цзянь».

Rein пишетъ: «Японская камфора гораздо чище и обладаетъ болѣе цѣнными качествами, почему за нее и выручаютъ болѣе высокую цѣну, чѣмъ за китайскую камфору».

Въ китайскихъ лавкахъ можно пріобрѣсти нѣсколько сортовъ камфоры; обыкновенный нечистый сортъ, продающійся по дешевой цѣнѣ, не имѣетъ много пользы; лучшіе сорта или приходятъ изъ-за границы, или же приготовлены болѣе тщательнымъ образомъ. Разновидность камфоры, такъ называемыя «ледяныя сосульки», добывается изъ другой древесной породы и доставляется, какъ говорятъ, изъ Чжанъ-чжоу-фу, въ пров. Фу-цзянь, а дерево, производящее ее,... будто-бы растетъ въ Кантонской провинціи.

Со времени потери острова Формозы китайская камфора производится только на материкѣ. Въ англійскомъ консульскомъ отчетѣ изъ Фу-чжоу читаемъ слѣдующее:

> Камфорное дерево растетъ въ окрестностяхъ, и я склоненъ думать, что если бы китайцы были достаточно дальновидны, чтобы надлежащимъ образомъ заботиться объ имѣющихся въ настоящее время деревьяхъ и о посадкѣ новыхъ, могла бы быть обезпечена значительная торговля камфорой. До сихъ поръ Формоза была страной, производившей камфору. Въ настоящее время, однако, съ отходомъ Формозы къ японцамъ, китайцы совершенно лишатся камфорной промышленности, если они не примутъ мѣры къ предупрежденію этого.

Цѣнность камфоры возвысилась за послѣднее время въ огромныхъ размѣрахъ. Ошибочно думали, что это зависитъ отъ усиленнаго примѣненія ея при приготовленіи бездымнаго пороха: камфору сначала примѣняли для этой цѣли только ради опыта, такъ что это обстоятельство

не могло повлiять на рыночную цѣну. Въ настоящее время камфора, однако, употребляется въ широкихъ размѣрахъ для приготовленія целлулойда.

А. Хіонинъ.

Китайцы за границей. Слѣдующая цитата изъ сочиненія сэра Walter Medhurst свидѣтельствуотъ о томъ, въ какой степени китайцы пригодны для заграничной жизни:

«Для западныхъ народовъ особенно интересны тѣ черты характера китайцевъ, которыя позволяютъ имъ съ такимъ успѣхомъ конкуррировать на международномъ рабочемъ рынкѣ. Китайцы хорошіе землепашцы, механики, рабочіе и моряки; они обладаютъ умомъ, умѣньемъ и неистощимымъ терпѣніемъ, т. е. именно тѣми качествами, которыя дѣлаютъ ихъ лучшими механиками и ремесленниками. Кромѣ того они до извѣстной степени послушны, трезвы, бережливы, работящи, выносливы и миролюбивы. Они одинаково легко переносятъ жаркій и суровый климатъ; по отношенію къ нимъ необходимы только ученье и руководство, въ связи съ капиталомъ и предпріимчивостью, чтобы сдѣлать изъ нихъ самыхъ лучшихъ работниковъ въ мірѣ... Куда бы ни направился приливъ китайской эмиграціи, вездѣ китайцы заявили себя настоящими трудолюбивыми пчелами и вездѣ вытѣснили менѣе покорныхъ, менѣе исполнительныхъ, менѣе дѣятельныхъ и менѣе интеллигентныхъ ремесленниковъ и рабочихъ».

Не только въ послѣднее время китайцы стали выѣзжать изъ своей страны за границу; теперь они выселяются въ качествѣ эмигрантовъ, но исторія свидѣтельствуетъ, что они въ прежнія времена были столь же предпріимчивы и смѣлы, какъ и любая западная нація въ соотвѣтствующія времена. Употребленіе компаса давало имъ возможность съ большей увѣренностью пускаться въ море, чѣмъ то было бы возможно безъ него; компасъ являлся послѣднимъ спасеніемъ, когда туманъ закрывалъ днемъ берега или облака заволакивали ночью звѣзды. Впервые компасомъ пользовались астрологи (см. статью о *Фынъ-шуй*), которые даже замѣтили склоненіе его стрѣлки. Болѣе простой компасъ употреблялся на морѣ, такъ какъ на морѣ не нуждались въ изображаемыхъ на немъ концентрическихъ кругахъ съ зодіакальными знаками и пр. Такого рода компасъ, въ высшей степени примитивный по конструкціи, употреблялся китайцами приблизительно въ теченіе восьмисотъ

лѣтъ; интереснѣе всего то, что этотъ компасъ первоначально представлялъ собой плавучій компасъ. Они предпринимали путешествія въ Японію и Корею; между прочимъ путешествіе въ Корею ими было предпринято за триста семьдесятъ лѣтъ до того времени, когда Христофоръ Колумбъ на своихъ несовершенныхъ судахъ отравился черезъ Атлантическій Океанъ искать Новый Свѣтъ.

Китайцы плавали не только на своихъ собственныхъ корабляхъ: во время Танской династіи, въ девятомъ столѣтіи, кантонскіе купцы имѣли обыкновеніе зафрахтовывать иностранные, вѣроятно, арабскіе корабли, съ иностранными моряками, для производства торговли между Кантономъ и Коломбо. Они брали съ собой почтовыхъ голубей и черезъ нихъ присылали извѣстія своимъ хозяевамъ.

Монголы, управлявшіе одновременно Китаемъ и Персіей, вели постоянныя сношенія между этими двумя странами морскимъ путемъ, огибая такимъ образомъ своими громадными флотами Азію для перевозки пословъ и товаровъ. Пользуясь компасомъ и благопріятнымъ сѣверовосточнымъ муссономъ, они отправлялись въ свое длинное опасное плаваніе и возвращались обратно съ юговосточнымъ муссономъ. Подобое сообщеніе поддерживалось вплоть до самаго послѣдняго времени, на глазахъ автора этой книги, съ многочисленными островами на юговостокѣ Азіи по сосѣдству съ Проливными Сетльментами, Борнео и Целебесомъ; подобное же сообщеніе поддерживалось и между сѣвернымъ и южнымъ Китаемъ до тѣхъ поръ, пока пароходы не вытѣснили медленныя и трудноуправляемыя джонки. Въ древнія времена не только одна Ява посѣщалась китайцами; они заходили и въ Индію, на Цейлонъ, въ Персидскій заливъ и Аравію. Все это происходило еще до Васко-дэ-Гама, и безъ сомнѣнія, первоначальное употребленіе компаса принадлежитъ китайцамъ. У нихъ его заимствовали арабы, а оттуда онъ распространился по Красному и Средиземному морямъ.

Сильная безпричинная оппозиція противъ китайцевъ въ Америкѣ обратила на нихъ особенное вниманіе въ этой части свѣта, по несмотря на весь шумъ по этому вопросу, ихъ тамъ гораздо меньше, чѣмъ то слѣдовало бы ожидать. Въ 1880 году въ Соединенныхъ Штатахъ было только 105,642 китайца, въ 1890 г. же было 107,475 китайцевъ. Въ 1894 году изъ 110,000 человѣкъ добровольно зарегистрировалось 105,312 человѣкъ. Около 8,000 записалось въ Тихоокеанскихъ Штатахъ, 6,247 въ Нью-Іоркѣ и 1,784 въ Пенсильваніи. Въ Нью-Іоркѣ въ 1895 году имѣлась 1,000 китайскихъ прачешныхъ заведеній.

Въ С.-Франциско имѣется настоящая китайская колонія съ населеніемъ въ 30,000 человѣкъ. Тамъ же имѣется два театра, шестнадцать опіекурилень и сто десять игорныхъ домовъ. Китайцевъ можно встрѣтить даже въ Аляскѣ. Но большая часть ихъ, повидимому, сосредоточивается въ западныхъ штатахъ. Въ 1890 году ихъ было тамъ 96,884 человѣка или 90,11%. Численность ихъ возрасла съ 1860 года въ слѣдующихъ размѣрахъ: съ 1860 г. по 1870 г. на 80,91%; съ 1870 г. по 1880 г. на 66,88%; съ 1880 г. по 1890 г. на 1,91% или 2,010 человѣкъ.

> Въ Канадѣ въ 1881 году было 4,383 китайца. Несмотря на налогъ въ 50 долларовъ, который взимается съ каждаго китайца при въѣздѣ въ Канаду,... прибыло въ Канаду 14,000 китайскихъ эмигрантовъ съ тѣхъ поръ, какъ въ 1886 году былъ введенъ указанный налогъ, доставившій государственному казначейству около 700,000 долларовъ. Въ качествѣ слугъ, огородниковъ и земледѣльцевъ они играютъ такую важную роль въ Британской Колумбіи, что повторная агитація въ пользу ограниченія въѣзда китайцевъ въ страну пока еще не произвела въ Отавѣ никакого впечатлѣнія... (Въ іюлѣ 1896 года) была подана петиція, требовавшая увеличенія пошлины до 500 долларовъ; петиція получила въ провинціи много подписей, и она мотивировалась тѣмъ, что китайцы положительно вытѣсняютъ бѣлыхъ рабочихъ въ рыболовной, горной и другихъ промышленностяхъ...

Количество китайцевъ, прибывавшихъ въ англійскія владѣнія въ Америкѣ, колебалось въ разные годы: въ 1891 фискальномъ году, кончавшемся 30 іюня, ихъ было 2,114, но въ слѣдующемъ году ихъ было уже 3,276. Они довольно многочисленны въ Британской Колумбіи и въ Ванкуверѣ. Одиннадцать лѣтъ тому назадъ въ одной только Викторіи было 5,000 китайцевъ. Съ помощью ихъ былъ построенъ западный участокъ великой Канадско-Океанской желѣзной дороги, и они являлись піонерами или, по крайней мѣрѣ, помощниками во многихъ важныхъ областяхъ промышленности и предпріятіяхъ. Постройка желѣзной дороги черезъ Соединенные Штаты въ значительной степени обязана ихъ помощи.

На Тринидатѣ около двадцати лѣтъ тому назадъ было 4,000 или 5,000 китайцевъ, но число ихъ, кажется, уменьшилось приблизительно до 2,000 или 3,000. Они работали на сахарныхъ плантаціяхъ, но въ настоящее время они большею частью занимаются мелочной торговлей

и пр. Въ Гренадѣ въ 1891 году приходилось три китайца на общее населеніе въ 53,209 человѣкъ. На Ливардскихъ (Leeward) островахъ по переписи 1891 года ихъ было 83 мущины и 39 женщинъ, всего же 122 души. Въ Антигуа (Antigua) ихъ было 66 мущинъ и 3 женщины, или всего 69 человѣкъ. На Ямайкѣ они въ 1891 году увеличились до 373 мущинъ и 108 женщинъ, или въ общемъ до 481 чел., изъ которыхъ 347 чел. родилось въ Китаѣ; такимъ образомъ они возрасли съ 0,02% по отношенію къ общей суммѣ населенія въ 1881 г. до 0,08% въ 1891 г. На Кубѣ и Порто-Рико въ 1877 году было 43,811 китайцевъ.

Въ Британской Гвіанѣ по переписи 1881 года было 4,393 китайца; въ 1887 году число ихъ опредѣляли въ 2.115 мущинъ и 1.061 женщину, всего же въ 3,175 чел., въ 1888 году—въ 3,074 чел. Въ 1893 году ихъ было, какъ кажется, приблизительно столько же, т. е. около 3,000, такъ какъ въ этомъ же году правительство Британской Гвіаны предложило премію въ 25 долл. на человѣка для 5,000 китайцевъ изъ Соединенныхъ Штатовъ. Въ нихъ нуждались для исполненія работъ на сахарныхъ плантаціяхъ и золотыхъ рудникахъ.

Въ Суринамѣ или Голландской Гвіанѣ, съ общимъ населеніемъ въ 57,000 душъ, замѣчается извѣстная примѣсь китайцевъ.

Въ Чили въ 1885 году было 1,164 китайца.

Въ Перу имѣется 50,000 чел. азіатовъ, большая часть которыхъ принадлежитъ къ китайцамъ.

Говорятъ, что въ Мексикѣ въ 1893 году было около 3,000 китайцевъ, изъ которыхъ 600 чел. работало въ рудникахъ, въ штатѣ Синалоа (Sinaloa).

На Гавайѣ въ 1884 году было 17,939 китайцевъ. Въ 1890 г. число ихъ уменьшилось до 15,004 чел. До 1886 г. китайскими рабочими въ широкихъ размѣрахъ пользовались на сахарныхъ плантаціяхъ, но послѣ этого японцы заняли ихъ мѣсто. Когда же сахаръ упалъ въ цѣнѣ, китайцы, какъ болѣе дешевые рабочіе, появились опять въ большомъ количествѣ, и въ 1893 г. на Сандвичевыхъ островахъ ихъ было 40,000 чел. Многіе китайцы занимали тамъ хорошее положеніе, и среди нихъ было нѣсколько адвокатовъ.

На о. Св. Маврикія и въ его колоніяхъ по переписи 1897 года было всего 3,151 китаецъ, а среди нихъ 9 женщинъ, что указываетъ на нѣкоторое уменьшеніе ихъ числа, такъ какъ по предшествовавшей переписи ихъ было 3,558 чел.

Въ 1890 году число китайцевъ значительно возрасло въ Кимберлеѣ; они основали тамъ 75 лавокъ, и многіе изъ нихъ работали въ качествѣ каменщиковъ, плотниковъ и живописцевъ.

Въ Индіи и на Цейлонѣ имѣется нѣсколько человѣкъ китайцевъ, и говорятъ что они въ древности, безъ сомнѣнія, были и въ Мисорѣ. Только недавно еще были открыты новыя указанія на работы, которыя они тамъ производили. При углубленіи одной изъ главныхъ шахтъ въ Гарнгалійскихъ золотыхъ рудникахъ нашли различные инструменты, которыми пользовались при своей работѣ болѣе ранніе рабочіе тысячу или болѣе лѣтъ тому назадъ; предполагаютъ, что эти рабочіе были китайцы, на что, какъ говорятъ, указываетъ сходство указанныхъ инструментовъ съ китайскими инструментами, а не съ индусскими.

Въ Бирмѣ они многочисленны. Сэръ L. Griffin полагаетъ, что будущее Бирмы принадлежитъ китайцамъ. Значительная часть Рангунской торговли находится въ ихъ рукахъ. Ихъ много во всѣхъ торговыхъ городахъ страны, какъ-то въ Мандалаѣ (Mandalay) и др., и они увеличиваются такъ скоро, какъ ни одна изъ туземныхъ расъ, напр. бирманцы, Taien или Karen. Они необходимы въ такихъ мѣстахъ, гдѣ населеніе незначительно. Они обладаютъ всѣми тѣми качествами, которыя у бирманцевъ отсутствуютъ, и всѣ они безъ исключенія представляютъ собою почтенныхъ людей.. Они лучшіе изъ всѣхъ эмигрантовъ на Востокѣ. Въ теченіе многихъ столѣтій западные китайцы имѣли коммерческія сношенія съ Бирмою и нѣсколько сотенъ изъ нихъ поселилось въ качествѣ купцовъ въ Bhamo, Mandalay, Fangyan и другихъ мѣстахъ. Съ захватомъ страны Британіей число ихъ увеличилось, такъ что въ настоящее время въ Бирмѣ, вѣроятно, живутъ три или четыре тысячи юнь-наньцевъ и сы-чуань-цевъ; они имѣютъ обыкновеніе жениться на бирмескихъ женщинахъ; сыновей отъ такихъ браковъ они посылаютъ учиться китайскому языку въ Юнь-нань, тогда какъ бирмескому языку они научаются въ своей родинѣ. Эмиграція изъ юго-восточнаго Китая существовала уже много лѣтъ, но вплоть до послѣдняго времени она была незначительна по численности, пока британское управленіе не стало обезпечивать большую безопасность. Въ настоящее время въ Бирмѣ живетъ, вѣроятно, около 25,000 китайцевъ, пришедшихъ туда съ восточнаго китайскаго побережья; вмѣстѣ съ вышепомянутыми 3,000 или 4,000 пришельцевъ съ запада Китая это составитъ около 30,000 чел во всей Бирмѣ; въ Мандалаѣ ихъ 10,000, въ Рангунѣ, вѣроятно, 16,000 или 18,000, хотя и нѣкоторые утверждаютъ, что ихъ въ одномъ Рангунѣ не меньше 40,000.

Въ Haiphang'ѣ китайцы поселились въ числѣ 1,000 чел. около десяти лѣтъ тому назадъ; они монополизировали тамъ всѣ отрасли, требующія ловкости, настойчивости и коммерческаго чутья. При общемъ населеніи въ 15,000 душъ въ Хай-фынѣ ихъ было въ 1890 году 5,000 человѣкъ.

Въ городѣ Гюэ, столицѣ Аннамскаго королевства, имѣется 800 китайцевъ, при общей численности народонаселенія въ 100,000 человѣкъ. Въ Туранѣ, Хай-фынѣ и другихъ Тонкинскихъ портахъ торговля находится преимущественно въ китайскихъ рукахъ.

Въ Кохинхинѣ въ 1889 году было 1,864,214 чел. населенія, въ томъ числѣ 56,528 китайцевъ. Въ Сайгонѣ было 7,316 китайцевъ при общей численности населенія въ 16,213 чел.

Въ г. Cholon'ѣ, въ четырехъ миляхъ отъ Сайгона, было въ 1889 году 14,914 китайца, при общей численности населенія въ 37,141 чел.

Жители Камбоджи очень апатичны и безпечны, благодаря чему они китайцамъ позволили захватить всю торговлю.

Въ Сіамѣ, при общей численности населенія въ 6—10 милліоновъ, имѣется полтора милліона китайцевъ. Въ Бангкокѣ наблюдается смѣшанное населеніе изъ сіамцевъ и китайцевъ; оно исчисляется въ 400,000—500,000 чел. (по болѣе позднимъ подсчетамъ, въ 350,000 чел.). Какъ и во многихъ другихъ частяхъ Индо-Китая почти вся мѣстная торговля находится въ рукахъ китайцевъ.

> Англичане указываютъ съ особенной гордостью на крупные китайскіе торговые центры въ Гонконгѣ и Сингапурѣ. Ежегодная иммиграція изъ южнаго Китая доходитъ до 200,000 человѣкъ, изъ каковаго числа около трехъ четвертей ежегодно возвращается на родину. Въ Проливныхъ Сетльментахъ и въ окрестностяхъ ихъ насчитывается по крайней мѣрѣ 600,000 китайцевъ; но кромѣ того имѣются еще китайцы на о. Борнео въ голландскихъ колоніяхъ и на Филиппинскихъ островахъ. Если принять въ расчетъ всю британскую территорію, то проживающее на ней число китайцевъ немногимъ даже превосходитъ число самихъ англичанъ.

Въ теченіе многихъ лѣтъ китайцы переселялись въ Малайзію и на сосѣдніе острова. Извѣстно, что между Китаемъ и этими осровами существовали сношенія еще въ древности. Согласно свидѣтельству одного сочиненія, сношенія эти начались въ V вѣкѣ христіанской эры и возобновились позднѣе въ десятомъ. Когда въ шестнадцатомъ столѣтіи въ первый разъ въ эту часть свѣта пришли португальцы, то они въ Малаккѣ встрѣти-

ли китайскія джонки и очевидные признаки процвѣтающей китайской торговли. Всѣ имѣющіяся въ распоряженіи свѣдѣнія указываютъ на то, что китайцы въ прежнія времена были настоящими перелетными птицами; во всякомъ случаѣ нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы они поселились въ указанныхъ обоихъ мѣстахъ и сдѣлались бы постоянными жителями.

Что же касается настоящаго времени, то

ежегодный наплывъ китайскихъ эмигрантовъ на полуостровъ не поддается точному опредѣленію, но можно себѣ составить нѣкоторое понятіе о немъ по количеству китайцевъ, прибывающихъ въ Сингапуръ. Въ среднемъ ихъ прибываетъ тамъ ежегодно около 100,000 человѣкъ (въ 1894 г. больше 137,000 чел), изъ которыхъ приблизительно четвертая часть остается на островѣ, остальные же или отправляются въ Пенангъ или же расходятся по сосѣднимъ странамъ. Количество китайцевъ, уѣзжающихъ изъ этого же порта на родину, достигаетъ ежегодно 70,000 человѣкъ, причемъ большая часть ихъ проѣзжаетъ черезъ этотъ портъ въ зависимости отъ извѣстныхъ удобствъ переѣзда.

Всѣ иммигрирующіе китайцы происходятъ изъ четырехъ провинцій Китая: Гуанъ дунь, Фу-цзянь, Чжэ-цзянъ и Цзянъ-нань. Четыре пятыхъ всего количества приходитъ изъ Амоя и Сватау и около десятой части изъ Кантона; число эмигрантовъ изъ двухъ болѣе сѣверныхъ провинцій незначительно. Почти всѣ иммигранты принадлежать къ рабочему классу населенія,—рыбаки, ремесленники и простые поденщики. Они обыкновенно пріѣзжаютъ въ полнѣйшей нищетѣ и бываютъ вынуждены заложить свой трудъ у своихъ же земляковъ за уплату проѣздныхъ денегъ.

Въ зависимости отъ характера эмиграціи разница между числомъ эмигрирующихъ мущинъ и женщинъ велика. Въ Сингапурѣ на каждыхъ пять мущинъ приходистя только одна женщина. Слѣдствіемъ этого, конечно, является незначительный естественный ростъ китайскаго населенія.

Число китайскихъ женщинъ увеличилось только на 18 %. Такая малочисленность женщинъ составляетъ одну изъ отличительныхъ чертъ китайской эмиграціи. Дѣти, конечно, также отсутствуютъ, такъ какъ китайцы, отправляющіеся искать счастья за границей, обыкновенно оставляютъ женъ и дѣтей на родинѣ, гдѣ они скорѣе являются принадлежностью дома, чѣмъ самостоятельными индивидами; при такихъ об-

стоятельствахъ, конечно, нечего и считать ихъ товарищами отцовъ и мужей. Безъ сомнѣнія, крайняя бѣдность, присущая всѣмъ эмигрантамъ, является тоже одной изъ причинъ, въ силу которыхъ прекращаются всякія связи съ роднымъ домомъ; во всякомъ случаѣ между ними встрѣчается ни одного лица, принадлежащаго къ среднему и высшему классамъ общества.

Все населеніе Проливныхъ Сетльментовъ (Straits Settlements) равнялось въ 1891 году 512,905 чел. Приростъ китайцевъ составлялъ съ 1881 г. по 1891 годъ 53,662 чел. или 30,7⁰/о, въ то время какъ малайцы и другіе туземцы увеличивались только на 9,5⁰/о. На каждыя 10,000 человѣкъ населенія приходится 4,450 китайцевъ. Они распадаются на Hok-kien'цевъ (уроженцы Фу-цзяньской провинціи), Teochew'цевъ (уроженцы окрестностей Сватоу), кантонцевъ, хаккасцевъ (см. статью о *саккасцахъ* или Kheh'сцахъ, какъ хаккасцы называются въ Амоѣ и Сватоу), Hylam'цевъ (уроженцевъ о. Хай-нань) и мѣстныхъ уроженцевъ. По переписи 1891 года на Сингапурскомъ островѣ было 184,544 чел. населенія, въ томъ числѣ 121,908 китайцевъ и 35,992 малайца. Въ Пенангѣ было 87,920 китайцевъ и въ Малаккѣ 18,161.

> Населеніе (Джохорскаго) государства замѣчательно въ томъ отношеніи, что оно содержитъ бильшій процентъ китайцевъ, чѣмъ малайцевъ. Точная цифра его не установлена, но она, вѣроятно, доходитъ до 200,000 человѣкъ: 35,000 малайцевъ и 150,000 китайцевъ и 15,000 яванцевъ. Большая часть ихъ живетъ на пространствѣ 15 миль отъ Сингапурскихъ проливовъ. Китайцы занимаются преимущественно разведеніемъ катеху и перца на крайней южной оконечности полуострова, не далеко отъ Сингапура. Всѣ плантаторы приходятъ туда изъ Сингапура; они работаютъ по заказу Сингапурскихъ торговцевъ, и всѣ ихъ продукты и большая часть ихъ заработка направляются въ Сингапуръ.

Въ Negri Sembilan, состоящемъ изъ группы 9 незначительныхъ государствъ, въ 1891 году при общей численности населенія въ 41,617 чел. имѣлось 5,511 китайцевъ, въ томъ числѣ 39 женщинъ. Д-ръ Dennys говоритъ о нихъ слѣдующее: «Число китайцевъ, работающихъ на саговыхъ плантаціяхъ и въ копяхъ, сильно увеличилось, и въ теченіе ближайшихъ лѣтъ слѣдуетъ ожидать замѣтнаго ежемѣсячнаго прироста ихъ».

Въ Sundei Ujong, съ общимъ населеніемъ въ 1891 году въ 23,000 чел., было 18,000 китайцевъ. Въ Jelebu китайцы также образуютъ значительную часть населенія.

По переписи 1891 года населеніе Selangor равнялось 81,592 чел., въ томъ числѣ было 50,884 китайца. Въ качествѣ торговцевъ и горныхъ рабочихъ они составляютъ важнѣйшую часть населенія; большая часть ихъ эмигранты изъ южнаго Китая, и среди нихъ преобладаютъ кантонцы и хаккасцы.

Въ Larut и въ главныхъ рудниковыхъ поселкахъ Перакскаго государства китайцы составляютъ значительную часть населенія. Въ Пеpакѣ въ 1891 году считалось 94,345 китайцевъ или 44⁰/₀ всего населенія. Число ихъ увеличилось съ 1879 года на 363⁰/₀ и почти равно малайскому населенію, котораго въ 1891 году считалось 96,917 чел. Все населеніе государства состояло изъ 214,254 чел. Въ Pahang было въ 1891 году 3,241 китаецъ, при общемъ населеніи въ 57,464 чел. Въ большинствѣ Борнейскихъ городовъ живетъ уже нѣсколько поколѣній китайцевъ, которые ведутъ почти всѣ торговыя операціи, такъ какъ туземные жители апатичны и мало предпріимчивы. Въ Сандаканѣ, столицѣ Британскаго Сѣвернаго Борнео, въ 1891 году было 7,132 жителя, а среди нихъ 3,627 китайцевъ. Въ Лабуанѣ ихъ числится свыше 1,000 чел. Они являются тамъ главными торговцами, и большая часть промышленности находится въ ихъ рукахъ. Общее населеніе Лабуана составляетъ 6,000 чел. Китайцамъ, кажется, суждено въ будущемъ быть обитателями этой части свѣта; спросъ на нихъ сильно растетъ. Они являются туда въ качествѣ чернорабочихъ, но благодаря трудолюбію и инымъ хорошимъ качествамъ, которыми они превосходятъ туземное населеніе, они скоро дѣлаются плантаторами, лавочниками и купцами. Большая часть ихъ—хаккасцы, кантонцы, хайнаньцы сва-тоуцы, и амойцы.

Населеніе о. Ява превышало въ 1890 году 24,000,000 чел., среди которыхъ было только 224,000 китайцевъ. На островахъ, лежащихъ за Явой, ихъ еще меньше, около 210,000 чел., изъ которыхъ 80,000 разселилось въ Дели и по восточному берегу Суматры. Въ Ріо имѣется 24,000 китайцевъ, и большая часть ихъ занимается разведеніемъ перца и катеху на плантаціяхъ султана и другихъ туземныхъ князей. Въ Банкѣ и Биллитонѣ 35,000 китайцевъ работаетъ въ свинцовыхъ рудникахъ. Въ западной части Борнео ихъ 32,000, чел. и они добываютъ себѣ пропитаніе, работая въ рудникахъ и на плантанціяхъ, а также и занимаясь торговлей. На всѣхъ этихъ островахъ китайцы считаются безопаснымъ, и въ высшей степени полезнымъ элементомъ населенія. Безъ китайскихъ рабочихъ табачныя плантаціи въ Дели и свинцовые рудники въ Банкѣ и

Биллитонѣ навѣрное не достигли бы такого развитія, какого они достигли въ настоящее время. Что касается западной части Борнео, гдѣ китайцы прежде отличались безпокойнымъ и мятежнымъ характеромъ, то военная сила такъ основательно сломила ихъ непокорность, что за послѣднія 10 лѣтъ правительство съ успѣхомъ ихъ держало въ своихъ рукахъ. На болѣе отдаленныхъ островахъ туземцы не такъ подагливы, какъ жители о. Явы и не поддаются китайской эксплоатаціи. На о. Явѣ дѣло обстоитъ по другому, и тамошніе китайцы, благодаря находящейся въ ихъ рукахъ практикуемой тамъ обработки земель на исполонь, имѣютъ въ своемъ распоряженіи широкое поле для вымогательствъ и притѣсненія народа. Опасность отъ китайцевъ на о. Явѣ происходитъ не отъ ихъ количества, а отъ того могущества, которымъ они пользуются благодаря указанной системѣ земледѣлія.

На островахъ Анамба считалось въ 1892 г. около 1,500 малайцевъ и 600 китайцевъ.

На Филиппинахъ считается 100,000 китайцевъ, изъ которыхъ болѣе 40,000 живетъ въ столицѣ и ея окрестностяхъ. Въ теченіе 1892 года на Маниллу пріѣхало на 5,273 китайца больше, чѣмъ выѣхало. Въ 1890 г. число прибывшихъ китайцевъ превосходило число выбывшихъ на 8,867 человѣкъ.

Въ Японіи было въ 1888 году всего 1,805 китайцевъ. Къ 1890 году въ Іокохамѣ было 2,625 чел. китайскаго населенія, при общемъ иностранномъ населеніи въ 4,218 чел.; въ Нагасаки было 684 чел. китайцевъ среди 1,004 человѣкъ общаго числа иностранцевъ; въ Хакодате было 33 китайца въ числѣ 69 иностранцевъ; въ Осакѣ было 135 китайцевъ, а въ Кобе 767 китайцевъ. Японо-китайская война, безъ сомнѣнія, измѣнила эти цифры, такъ же, точно какъ и цифру китайскаго населенія на Формозѣ.

Въ Кореѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ было только 100 китайцевъ, но благодаря обширной иммиграціи ихъ число значительно увеличилось, и въ 1890 г. ихъ считалось уже 1,057 чел., а въ 1894 г. уже 1,234.

Въ Сибири китайцы бродятъ по золотоноснымъ берегамъ верхняго Енисея. Съ 1 января 1893 года по 21 апрѣля того же года, когда дальнѣйшій въѣздъ китайцевъ былъ прекращенъ, прибыло во Владивостокъ 10,260 китайцевъ съ Чифускими паспортами. Въ 1895 году во Владивостокѣ числилось 30,000 китайцевъ.

Если бы не было китайскаго прилежанія и китайскаго труда и предпріимчивости, то многія части Австраліи вплоть до настоящаго времени не имѣли бы никакой цѣнности, и не смотря на все это китайцы конкуррируютъ въ Австраліи съ европейцами лишь въ сравнительно немногихъ отрасляхъ. Высокая иммиграціонная пошлина въ Австраліи слишкомъ обременительна для китайцевъ, особенно для тѣхъ китайцевъ, которые занимаются дѣлами въ двухъ или нѣсколькихъ колоніяхъ, такъ какъ имъ запрещено переѣзжать изъ одной колоніи въ другую; съ другой стороны, однако, указываютъ на то, что фактическое запрещеніе иммиграціи изъ Гонконга и смежныхъ портовъ причиняетъ большой вредъ судоходству. Г. Way Lee думаетъ, что указанія австралійскихъ колонистовъ на чрезмѣрную дешевизну китайскаго труда ни на чемъ не основаны. Ни одинъ китаецъ въ Автраліи не будетъ работать за меньшую плату, чѣмъ 2 фунта стерл. въ недѣлю; съ другой же стороны японскій трудъ предлагается за 30 шиллинговъ въ мѣсяцъ, туземный же трудъ даже за крайне низкую плату 6 фунтовъ стерл. въ годъ. Каждый китаецъ, высаживающійся въ Новомъ Южномъ Валисѣ, долженъ заплатить иммиграціонную пошлину въ 100 фунтовъ стерл.; въ Квинслэндѣ —30 ф. ст.; въ Викторіи, Южной Австраліи, Тасманіи, Западной Австраліи и Новой Зеландіи— 10 ф. ст.; въ нѣкоторыхъ изъ этихъ колоній китайцамъ кромѣ того еще запрещено работать въ копяхъ.

Въ Западной Австраліи, какъ кажется, приняты опять новыя законодательныя мѣры противъ китайцевъ, которыхъ въ 1893 году тамъ считалось 1,378 чел.

Общее населеніе Австраліи равняется 4,000,000 чел., въ каковое число входитъ около 40,000 китайцевъ, т. е. приблизительно 1 китаецъ приходится на каждые 100 жителей.

Въ Квинслэндѣ было въ 1890 году 7,212 китайца, въ томъ числѣ 92 женщины. Процентное отношеніе китайцевъ ко всему населенію безпрерывно уменьшалось въ теченіе 5 лѣтъ слишкомъ: въ 1884 году китайцевъ было 1,16%, въ 1885 г.—3,75%, въ 1886 г.—2,77%, въ 1887 г.—2,50%, въ 1888 г.—2,13%, въ 1889 г.—1,89% и въ 1890 г.—1,71%. Смертность между китайцами въ Квинслэндѣ меньше, чѣмъ между европейцами. Въ 1890 году двѣ китайскія женщины вышли замужъ, и принимая во вниманіе недружелюбное отношеніе къ китайцамъ со стороны мѣстнаго населенія, нѣтъ ничего удиви-

тельнаго, что онѣ вышли за своихъ соотечественниковъ; но за тотъ же періодъ времени женилось и 24 китайца, и 22 изъ нихъ женилось на уроженкахъ Квинслэнда, англичанкахъ, шотландкахъ и ирландкахъ.

За періодъ времени отъ 1866 г. до 1885 г. въ одной только Викторіи женилось 295 китайцевъ. Изъ нихъ только четверо женилось на своихъ соотечественницахъ. Изъ остальныхъ невѣстъ 138 родилось въ колоніи, и за исключеніемъ 5, почти всѣ принадлежали къ бѣлой расѣ: 49 родилось въ другихъ австралійскихъ колоніяхъ, 53—въ Англіи и Валисѣ, 15—въ Шотландіи, 24—въ Ирландіи, 2—въ Германіи и 2—въ Соединенныхъ Штатахъ; француженки и испанки оказались болѣе разборчивыми, и за уроженцевъ «Цвѣтущей Имперіи» вышли замужъ только одна француженка и одна испанка.

Въ Викторіи число китайцевъ также уменьшается. Въ 1881 г. ихъ было 12,123 чел., а въ 1891 г. ихъ было только 9,377, включая сюда и помѣсь; среди этого общаго числа было 605 женщинъ.

Въ Южной Австраліи въ 1891 году было 2,731 китайца. Ихъ можно найти также и въ Сѣверной Австраліи, гдѣ они, по словамъ, графа Кинторскаго, много способствовали развитію страны; считаютъ даже, что они необходимы для дальнѣйшаго развитія ея. Въ сѣверной территоріи Южной Австраліи въ 1891 году было 3,392 китайца, при общей численности народонаселенія въ 4,888 чел.

Все народонаселеніе Южнаго Валлиса, по переписи 1891 года, составляло 1,132,234 чел., въ томъ числѣ 14,158 китайцевъ. Первая китайская газета въ Австраліи была основана въ Сиднэѣ въ 1895 году подъ названіемъ «The Chinese Australian Herald».

Въ Тасманіи въ 1895 году было 844 китайца.

Въ Новой Зеландіи въ 1889 году было 4,585 китайцевъ; но когда въ 1881 году была установлена иммиграціонная пошлина въ 10 фунтовъ стерл. съ каждаго китайца, прибывшаго съ намѣреніемъ тамъ поселиться, то число иммигрантовъ уменьшилось съ 1,029 чел. въ 1889 г. до 23 чел. въ 1882 г. Въ 1887 г. число ихъ опять возрасло до 354 чел., но потомъ оно снова упало. Вообще въ большинствѣ Австралійскихъ колоній, за исключеніемъ Сѣверной Территоріи, число китайскихъ иммигрантовъ вслѣдствіе направленныхъ противъ нихъ ограничительныхъ законодательныхъ мѣръ повсюду уменьшилось.

Въ Новой Зеландіи за десятилѣтіе, окончившееся 1899 годомъ, натурализовалось 178 китайцевъ; больше 9% всѣхъ натурализованныхъ за

указанный періодъ времени иностранцевъ составляли китайцы, занимавшіе четвертое мѣсто въ спискѣ вновь натурализованныхъ, во главѣ котораго стояли нѣмцы, датчане и шведы.

Въ Британской Новой Гвинеѣ въ 1890—1891 г. было только 3 китайца.

Изъ вышеизложеннаго видно, какое количество китайцевъ разсѣяно по всему свѣту. Даже Лондонъ имѣетъ непостоянное китайское населеніе, состоящее по большей части изъ матросовъ и кочегаровъ, служащихъ на пароходахъ, ведущихъ торговлю съ Китаемъ. «Pall Mall Gazette» сдѣлала нѣсколько лѣтъ тому назадъ предложеніе для разрѣшенія современнаго жгучаго вопроса о домашней прислугѣ, говорившее о пользованіи услугами китайцевъ. Было указано на то, что

> «Многіе туземные рабочіе въ Германіи замѣнены китайцами, и говорятъ, что въ Мекленбургѣ одна газета «регулярно печатала объявленія, въ которыхъ требовались китайскіе рабочіе, причемъ предлагали контракты на десять лѣтъ, съ выдачею 200 марокъ авансомъ». Нѣмцы ввезли въ Южную Африку китайскихъ рабочихъ «для земледѣльческихъ работъ»; такъ какъ туземцы не желаютъ больше работать, чѣмъ абсолютно необходимо для поддержанія жизни, было выслано 240 китайскихъ рабочихъ изъ Сингапура. «Плантаторы португальской Африки, благодаря большому недостатку рабочихъ рукъ, рѣшили нанять большое число китайскихъ рабочихъ, обязавъ ихъ контрактомъ исполнять полевыя работы».
>
> «Въ Германской Новой Гвинеѣ опытъ показываетъ, ... что въ плантаторскихъ работахъ никакіе другіе рабочіе не въ состояніи конкуррировать съ китайцами». Рабочее движеніе между Голландіей и Китаемъ достигаетъ почти-что «полмилліона» въ годъ; между Англіей и Китаемъ—не полныхъ 50.000; между Португаліей и Китаемъ—нѣсколько сотъ, а между Германіей, Гаваи и Южно-Американскими республиками и того меньше».

Подобно англичанамъ, китайцы встрѣчаются почти повсюду; подобно имъ, китайцы отличаются способностью устраиваться заграницей, какъ дома; и подобно англичанамъ, китайцы, разъ составивши себѣ состояніе, стремятся на родину, чтобы провести остатокъ дней безъ труда и съ удобствомъ.

Важнѣйшая литература:—Сообщенныя въ статьѣ данныя, поскольку они не оригинальны, заимствованы изъ громаднаго количества самыхъ разнообразныхъ источниковъ, подробное перечисленіе которыхъ невозможно. Интересныя свѣдѣнія о китайцахъ въ Проливныхъ Сетльментахъ помѣщены у Dr. Dennys: Dictionary

of British Malaya. Заслуживаютъ вниманія также и отчеты съ переписи Проливныхъ Сетльментовъ и другихъ англійскихъ колоній.

В. Рѣпинъ.

Климатъ.—Въ странѣ съ такой обширной территоріей, какъ Китай, само собой разумѣется, что и климатъ значительно разнится въ отдѣльныхъ частяхъ страны, такъ что въ различныхъ частяхъ Китая можно встрѣчать любой климатъ. Чрезвычайный холодъ и жаръ наблюдается не только на сѣверныхъ и южныхъ границахъ, но и на сѣверѣ бываетъ также и то и другое; въ Сѣверномъ Китаѣ, подобно восточному морскому побережью Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, зима приближается по своей суровости къ арктической, въ то время какъ лѣтняя жара по своей силѣ является тропической, и жара за извѣстный короткій промежутокъ времени на сѣверѣ бываетъ даже значительнѣе, чѣмъ во многихъ мѣстахъ юга.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ атмосфера насыщена влагой въ продолженіе большей части года, въ то время какъ въ другихъ областяхъ, исключая сезона дождей, воздухъ сухой и ясный.

Климатъ въ Ню-чжуанѣ болѣе умѣренный, чѣмъ въ нѣкоторыхъ другихъ болѣе южныхъ портахъ. Говорятъ, что Чифу и Японія «имѣютъ значительно болѣе высокую среднюю температуру...; термометръ рѣдко поднимается выше 88° (по Фаренгейту), и ночи, всегда прохладны, часто холодны». Чифускій климатъ описывается, «какъ мало отличный отъ климата Нью-Іорка, Бостона и Эдинбурга».

Въ Пекинѣ температура колеблется между 104° и 0° по Фаренгейту. Дождей выпадаетъ въ годъ обыкновенно менѣе 16 дюймовъ, снѣга бываетъ мало, и онъ остается на землѣ только въ продолженіе нѣсколькихъ дней; рѣки сковываются льдомъ на 3 мѣсяца. По мѣрѣ увеличенія жары, песокъ и пыль несутся съ большой быстротой и силой, буквально образуя песочныя пурги. Сентябрь и октябрь являются самыми пріятными мѣсяцами въ Пекинѣ.

О Нинъ-бо-фу говорятъ, что тамошнюю зиму можно сравнить съ Парижской, а извѣстный короткій промежутокъ лѣта съ Калькутскимъ лѣтомъ. Климатъ очень сырой, почва болотиста и конечныя показанія термометра больше, чѣмъ въ Шанхаѣ. Термометръ показываетъ отъ 24° до 107° (Фар.) и нерѣдко за какихъ-нибудь два часа падаетъ или поднимается на 20°.

Въ Шанхаѣ бываетъ невыносимая жара, но къ счастію она продолжается недолго.

Въ рѣчныхъ портахъ лѣтомъ бываетъ очень жарко; Цзю-цзянъ пользуется извѣстностью, какъ «самое жаркое мѣсто въ всемъ Китаѣ»; въ августѣ-мѣсяцѣ здѣсь страшная жара вслѣдствіе «цѣлаго періода безоблачной и отяготительно душной погоды». Въ концѣ іюля 1892 г. термометръ показывалъ въ тѣни 102°. Въ іюлѣ и августѣ въ Нанкинѣ также бываетъ очень жарко. Жаркое время длится приблизительно 30 дней, и, по прошествіи его, ночи становятся прохладнѣй. Какъ примѣръ степени жары въ это время года, можно упомянуть о концѣ іюля 1892 г., когда термометръ почти регулярно показывалъ 96°.

Въ концѣ іюля 1892 г. въ Ханькоу термометръ въ полночь показывалъ 97°.

О западномъ Китаѣ одинъ авторъ говоритъ слѣдующее:

> «Дожди выпадаютъ часто; густыя облака покрываютъ небо чуть ли не въ теченіе девяти мѣсяцевъ; когда же не бываетъ облаковъ, то густой туманъ застилаетъ землю, и не пропускаетъ солнечныхъ лучей. Климатъ однообразенъ, и даже лѣто, отличающееся продолжительной и сильной жарой въ іюлѣ и августѣ, смягчается частыми ливнями... Зима очень мягка; морозы вообще бываютъ рѣдко, и снѣгъ почти неизвѣстенъ, исключая только горъ. Опытъ показываетъ, что климатъ для здоровья довольно сносный и переносится не труднѣе, чѣмъ климатъ Центральнаго Китая».

Амойскій климатъ описанъ, какъ «прелестный». Но слово «прелестный» должно быть понято лишь относительно, по сравненію его съ климатомъ нѣкоторыхъ другихъ частей Китая, расположенныхъ менѣе благопріятно. Температура колеблется отъ 40° до 96°. Авторъ провелъ въ этомъ порту лѣтомъ 1889 г. три мѣсяца и лично испыталъ въ теченіе одного, двухъ дней температуру въ 93°; жара была чрезмѣрная, но къ счастію это была сухая жара. Сухой зной въ Амоѣ обыкновенно умѣряется свѣжимъ морскимъ вѣтромъ, который поднимается почти каждый день въ теченіе утра и стихаетъ къ вечеру. Ночная жара очень значительна до тѣхъ поръ, пока поднимающійся вслѣдствіе отливовъ и приливовъ морской вѣтеръ не умѣритъ ее своей прохладой.

Въ Сватоу жара лѣтомъ значительна и достигаетъ почти одинаковой высоты съ жарой въ Амоѣ. Авторъ испытывалъ ее въ продолженіе нѣсколькихъ дней лѣтомъ въ іюлѣ-мѣсяцѣ 1892 г., когда термометръ стоялъ между 90° и 92½°; но въ Сватоу, какъ и въ Амоѣ, дуютъ морскіе вѣтры и нѣсколько умѣряютъ зной. На Двойномъ островѣ

(Double Island) при входѣ въ бухту, на берегу которой расположенъ Сватоу, лѣтомъ вечера бываютъ прохладны, но днемъ бываетъ очень жарко.

Жара въ Гонконгѣ, Кантонѣ и Макао довольно продолжительна, но она не отличается такой чрезмѣрностью, какъ сѣвернѣе по береговой полосѣ, гдѣ она менѣе продолжительна. Въ Кантонѣ термометръ показываетъ отъ 40°—50° до 88°. Онъ рѣдко поднимается выше, или опускается ниже этого. Морской воздухъ умѣряетъ климатъ въ Макао и Гонконгѣ. Дождевыя осадки въ послѣднемъ мѣстѣ болѣе значительны, чѣмъ въ Макао и Кантонѣ, и иногда достигаютъ чрезвычайной цифры въ 30 дюймовъ въ сутки. Годовая средняя цифра дождевыхъ осадковъ за 21 годъ свыше 86 дюймовъ; въ 1891 г. она была чрезвычайно велика и равнялась за годъ 117.30. Въ извѣстныя времена года бываютъ засухи, и въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ не выпадаетъ значительныхъ дождей. Гонконгскій климатъ часто отличается сырымъ и жаркимъ характеромъ, и переносить эту сырость гораздо тяжелѣе, чѣмъ даже болѣе значительный зной. Въ защищенномъ горами городѣ и на болѣе низкихъ равнинахъ термометръ рѣдко поднимается выше 88° и 89°, хотя онъ иногда, дня на два или на три, достигаетъ и 93° въ самыхъ жаркихъ частяхъ Queen's Road; на площадкахъ Peak'а, доступныхъ морскимъ вѣтрамъ и болѣе прохладныхъ вслѣдствіе высокаго положенія надъ уровнемъ моря (отъ 1,500 до 1,800 футовъ), ртуть стоитъ на 4—10 градусовъ ниже, смотря по времени года; самая же большая разница температуры на обѣихъ площадкахъ бываетъ лѣтомъ. Болѣе высокія мѣстности подвержены, однако, горнымъ туманамъ. Въ Макао почти не замѣчается тумановъ. Зимніе мѣсяцы являются въ указанныхъ трехъ портахъ самымъ прелестнымъ временемъ года, особенно октябрь, ноябрь и декабрь, и даже январь. Климатъ Реак'а, говорятъ, даже лучше климата Чифу, санаторіи иностранцевъ въ Сѣверномъ Китаѣ.

Говорятъ, что климатъ Китая, особенно сѣверныхъ его частей, въ настоящее время значительно болѣе умѣренный, чѣмъ онъ былъ нѣсколько вѣковъ или тысячелѣтій тому назадъ. Съ другой стороны, равнодушіе жителей къ обезлѣсѣнію холмовъ, несомнѣнно, оказало громадное вліяніе на увеличеніе сухости климата. Замѣчено, что въ Гонконгѣ со времени усиленной посадки деревьевъ, лѣто сдѣлалось нѣсколько прохладнѣй.

Одни только показанія термометра не составляютъ въ этой странѣ жары надлежащаго критерія, по которому можно было бы судить о вліяніи климата на человѣческій организмъ. Помимо ихъ и сырость, влажность и другія соображенія должны быть принимаемы въ расчетъ.

На югѣ Китая климатъ, повидимому, является подходящимъ для дѣтей иностранцевъ въ возрастѣ отъ 8 до 10 лѣтъ, но послѣ этого они склонны къ чрезвычайно быстрому росту, подобно тепличнымъ растеніямъ, и нуждаются въ болѣе освѣжающемъ воздухѣ. Климатъ въ Китаѣ обвиняють во многомъ томъ, въ чемъ слѣдовало бы скорѣе обвинить невоздержность въ пищѣ, неосторожное подверганіе себя дѣйствію солнечныхъ лучей, или пренебреженіе достаточной долей моціона. Когда же все это заботливо соблюдается, тогда люди, конечно, за извѣстными исключеніями, наслаждаются очень прочнымъ здоровьемъ. Нѣкоторые организмы, повидимому, не въ состояніи переносить китайскій климатъ, въ то время какъ другіе благоденствуютъ и чувствуютъ себя лучше, чѣмъ на родинѣ.

Китайцы, какъ раса, физически слабѣе англичанъ; въ этомъ отношеніи, однако, не должно исключительно обвинять климатъ; антисанитарная обстановка, пренебреженіе правилами гигіены, отсутствіе воскреснаго отдыха и многія другія причины играютъ въ этомъ видную роль.

П. Сивяковъ.

Книгопечатаніе. Китайскіе классики, составляющіе основаніе большей части китайской литературы, впервые навели китайцевъ на мысль о книгопечатаніи. Классики были выгравированы на камнѣ въ 177 г. по Р. Х., и съ нихъ дѣлались оттиски. Печатаніе посредствомъ деревянныхъ досокъ, столь распространенное въ настоящее время по всей имперіи, стало извѣстнымъ въ 581—618 г.г.; оно практиковалось въ теченіе трехъ послѣдовавшихъ столѣтій при Танской династіи и было примѣнено для отпечатанія классическихъ произведеній въ силу императорскаго указа въ 952 г. настоящей эры; такимъ образомъ оно предварило европейское открытіе Какстона (Caxton) почти на пять вѣковъ. Доски обыкновенно приготовляются изъ грушеваго или сливоваго дерева, изъ котораго вырѣзываются небольшія дощечки размѣрами небольшого формата писчей бумаги и толщиною около одного дюйма или меньше. Онѣ вымачиваются нѣкоторое время въ водѣ. Книгу, предназначенную для печати, переписываетъ самымъ тщательнымъ образомъ хорошій писецъ, причемъ іероглифы, употребляемые при печатаніи, имѣють свою правильную квадратную форму; послѣ этого бумага наклеивается своей лицевой стороной на пластинки, рѣзчикъ по дереву снимаетъ намоченными въ водѣ пальцами бумагу съ пластинки и на послѣдней остается отпечатокъ іероглифовъ; послѣ этого рѣзчикъ

при помощи различныхъ гравировальныхъ инструментовъ и деревяннаго молота срѣзаетъ до глубины приблизительно въ $^1/_4$ дюйма незанятую іероглифами поверхность пластинки, и такимъ образомъ получаются рельефно выдающіяся буквы. Пластинка часто срѣзается съ обѣихъ сторонъ и дѣлается такимъ образомъ пригодной для печатанія съ двухъ сторонъ. На каждой сторонѣ пластинки умѣщаются обыкновенно по двѣ страницы подлежащей печатанію книги. Приготовленную означеннымъ образомъ пластинку передаютъ въ печатню, гдѣ мастеръ приготовляетъ ее для печатанія, укрѣпивъ ее предъ собою на столѣ гвоздями и бумажными прокладками. Печатникъ садится передъ пластинкой; на право отъ него помѣщается доска съ придѣланной къ ней страннаго вида круглой щеткой, круглая рукоятка которой настолько толста, чтобы ее можно было удобно держать въ рукѣ. Вся щетка походитъ нѣсколько на перевернутый къ нему букетъ цвѣтовъ. Около тушечницы стоитъ глиняный кувшинъ съ разведенной тушью, въ которой имѣется маленькая кисть, сдѣланная на подобіе небольшой половой щетки съ длинной ручкой. Рядомъ съ доской помѣщается пачка правильно разрѣзанной бумаги немного большаго размѣра, чѣмъ печатная доска. Неподалеку отъ послѣдней находится сдѣланный изъ кокоса, прекрасно отполированный, бюваръ: равнымъ образомъ и кисти дѣлаются изъ кокосовыхъ волоконъ. Исчисленныя принадлежности и составляютъ весь несложный печатный аппаратъ. Приготовившись къ работѣ, мастеръ маленькой кистью переноситъ немного туши на тушечницу; послѣ этого онъ намачиваетъ тушью большую круглую кисть и натираетъ послѣдней всю поверхность печатной доски: отложивъ кисть въ сторону, онъ ловко беретъ большимъ и указательнымъ пальцами обѣихъ рукъ ближайшіе уголки самаго верхняго листа бумаги, подымаетъ его и въ то же самое время встряхиваетъ его. съ цѣлью устранить на немъ всѣ складки, на глазъ намѣчаетъ размѣръ полей и укладываетъ его плотно на поверхность доски; послѣ этого онъ проворно и легко проводитъ по бумагѣ бюваромъ или прессовальной щеткой, въ достаточной мѣрѣ нажимая послѣднюю для полученія яснаго оттиска. Печатники научаются очень быстро работать, къ тому же они легко пріучаются къ работѣ. Хорошій рѣзчикъ получаетъ по одному доллару за каждую тысячу вырѣзанныхъ іероглифовъ. Доски нѣсколько портятся приблизительно послѣ шестнадцати тысячъ оттисковъ, но ихъ можно поправить и снова получить съ нихъ около десяти тысячъ отпечатковъ. Этотъ способъ печатанія книгъ небольшого объема гораздо дешевле, чѣмъ печатаніе посредствомъ металлическихъ буквъ, такъ какъ первоначальныя затраты на него незначительны по сравненію

съ дорого стоющей заготовкой печатныхъ литеръ и машинъ. Доски для печатанія книгъ большого объема занимаютъ очень много мѣста, весьма громоздки и легко подвергаются порчѣ насѣкомыми. Вырѣзанные на деревѣ іероглифы отличаются извѣстной мягкостью и тонкостью, но имъ недостаетъ ясности металлическихъ литеръ.

К. Дмитріевъ.

Конфуцій и конфуціанство. Испытываешь нѣкоторое затрудненіе, приближаясь къ такому обширному предмету, какъ конфуціанство, гдѣ запутано и перемѣшано все, что касается Китая, такъ что трудно разобраться, съ чего слѣдовало бы начать и на чемъ кончать. Въ видѣ вступленія мы просто скажемъ, что конфуціанство представляетъ собою философскую систему и рядъ церемоніальныхъ правилъ и обрядовъ, которымъ ихъ составитель и его послѣдователи приписываютъ самыя важныя послѣдствія, если только строго и вѣрно выполнять всѣ ихъ малѣйшія подробности. Ихъ творецъ былъ величайшій мудрецъ Китая.

Отецъ Конфуція «былъ военный офицеръ, извѣстный своей внушительной фигурой, выдающейся храбростью и безпримѣрной силой». Рожденіе мудреца окружено таинственными легендами. «Съ ранней молодости онъ выказывалъ склонность къ ритуализму и обрядамъ» и «находилъ удовольствіе въ установкѣ жертвенныхъ сосудовъ и церемоніальныхъ позахъ». Онъ «всецѣло предавался наукѣ». Женился Конфуцій весьма рано, но семейная жизнь его была неудачна; къ сыну своему онъ, повидимому, относился довольно равнодушно. Конфуцій рано поступилъ на государственную службу, состоя въ разное время на разныхъ должностяхъ, какъ-то: хранителя хлѣбныхъ магазиновъ, смотрителя казенныхъ земель, судьи, помощника надзирателя за общественными работами и министра наказаній; онъ примѣнялъ свои принципы при управленіи съ замѣчательнымъ успѣхомъ.

Сказанныя должности онъ не занималъ по порядку. Служба его прерывалась цѣлыми годами, посвящавшимися наставленію учениковъ, — одно время у него было больше 3,000 учениковъ,—самоусовершенствованію, составленію и изданію книгъ, а равно и путешествіямъ по разнымъ мелкимъ государствамъ, на которыя Китай въ то время былъ раздѣленъ, въ надеждѣ, что правители этихъ государствъ дадутъ ему возможность подвергнуть испытанію на практикѣ свои правительственные принципы, послѣ введенія которыхъ, какъ то твердо полагалъ Конфуцій, вмѣсто анархіи и безпорядка воцарятся на землѣ миръ и спо-

койствіе. Конфуцій умеръ 72 лѣтъ отъ роду, чувствуя, что не былъ понятъ и оцѣненъ. Его ученики и послѣдователи чувствовали къ нему высшее благоговѣніе и истощали всѣ аттрибуты для выраженія его.

Самый лучшій титулъ, который когда-либо былъ данъ ему, это «Царь, не имѣющій престола».

«По всей вѣроятности, ни однимъ человѣкомъ не пренебрегали въ такой степени въ теченіе его жизни, и въ то же самое время потомство не почитало ни одного человѣка въ такой степени, какъ Конфуція. Въ обѣихъ крайностяхъ было нѣкоторое преувеличеніе. Его воззрѣнія на нравственность были возвышенны, и доктрины его были чисты. Если бы Конфуцій къ этому имѣлъ возможность пользоваться властью, то результаты этого были бы благодѣтельны для того вѣка, въ которомъ понятія о правдѣ и неправдѣ были самыя смутныя, и въ которомъ нравственность общества и отдѣльныхъ лицъ находилась на низшей ступени. Съ другой стороны, трудно объяснить тайну необычайнаго вліянія, которое онъ пріобрѣлъ надъ потомствомъ, и чѣмъ больше изучается этотъ вопросъ, тѣмъ болѣе онъ становится непонятнымъ», если смотрѣть на него съ европейской точки зрѣнія. «Его философская система отнюдь не закончена, и въ ней (если можно такъ выразиться) ощущается недостатокъ жизни, не смотря на то, что она дала всѣ руководящіе принципы, которые руководили исполненіемъ всего того, что велико и благородно въ жизни Китая за періодъ времени, превосходящій 2000 лѣтъ».

Невозможно въ короткихъ рамкахъ этой статьи дать сущность ученій этого мудреца, и мы ограничимся нижеслѣдующимъ перечисленіемъ главнѣйшихъ пунктовъ въ томъ видѣ, въ какомъ они приспособлены къ требованіямъ повседневной китайской жизни великимъ императоромъ Канъ-си:—

1. Выше всего цѣни сыновнее благочестіе и братское смиреніе, дабы должнымъ образомъ подчеркнуть общественныя отношенія.

2. Будь великодушенъ ко всѣмъ близкимъ тебѣ, дабы служить примѣромъ кротости и согласія.

3. Насаждай вокругъ себя миръ и согласіе, дабы предотвратить ссоры и распри.

4. Воздай должный трудъ хлѣбопашеству и воздѣлыванію тутоваго дерева, дабы обезпечить достатокъ пищи и одежды.

5. Цѣни умѣренность и бережливость, дабы предотвратить безполезную расточительность своего достатка.

6. Учись усердно, дабы быть въ состояніи правильно руководить учениками.

7. Противься и бѣги недобрыхъ ученій, дабы возвысить истинное ученіе.

8. Объясняй и поясняй законы, дабы предостеречь невѣждъ и упрямцевъ.

9. Явно выказывай благопристойность и утонченную учтивость, дабы облагородить нравы и обычаи.

10. Трудись прилежно надъ своимъ настоящимъ призваніемъ, дабы вселить опредѣленность въ людскія стремленія.

11. Наставляй сыновей и младшихъ братьевъ, дабы предостеречь ихъ отъ дѣланія зла.

12. Не допускай ложныхъ обвиненій, дабы защитить честныхъ и правыхъ.

13. Предостерегай отъ укрывательства бѣглецовъ, дабы избѣжать подвергнуться ихъ наказаніямъ.

14. Сполна и не медля плати налоги, дабы избѣжать внезапнаго требованія причитающейся съ тебя доли.

15. Соединяйтесь въ десятки и сотни, дабы пресѣчь хищничество и воровство.

16. Учись забывать злобу и обиду, дабы соблюдать достоинство жизни и человѣка.

Эти правила вмѣстѣ съ комментаріями читаются народу 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца.

Божескія почести воздаются мудрецу императоромъ два раза въ годъ, и каждымъ школьникомъ во всей странѣ.

Конфуцій обыкновенно представляется въ воздвигнутыхъ въ честь его кумирняхъ деревянной табличкой, на которой написаны его имя и титулы; но въ нѣкоторыхъ кумирняхъ имѣются и изображенія его. Кумирни въ честь Конфуція имѣются въ каждомъ уѣздномъ и провинціальномъ городѣ; такъ, напримѣръ, въ Кантонѣ имѣется три кумирни: въ двухъ изъ нихъ находятся таблицы, а въ третьей изображеніе Конфуція. Въ уѣздномъ городѣ «Цзѣ-янъ», въ департаментѣ «Чао-чжоу» авторъ видѣлъ и изображеніе, и таблички. На изображеніи Конфуцій изображенъ чернымъ, какъ негръ, такъ какъ, согласно описаніямъ, онъ имѣлъ загорѣлый цвѣтъ лица. Кромѣ самого Конфуція почитаются ученики его, числомъ около 170 человѣкъ; въ честь ихъ ставятся таблички или изображенія непосредственно передъ самимъ «совершеннымъ мудрецомъ», или же въ предѣлахъ той же самой кумирни, которую онъ занимаетъ.

Важнѣйшая литература: Professor Douglas: Confucianism and Taouism.—Professor Legge: Religions of China.—Его же: Imperial Confucianism.—Его же: The Chinese Classics.—Du Bose: The Three Religions of China.—Faber: Digest of the Doctrines of Confucius.—Рефератъ о послѣднемъ сочиненіи въ China Review, Vol. I, page 260.—Major-General G. G. Alexander: Confucius, The Greet Teacher.—T. Watters: A Guide to the Tablets in a Temple of Confucius.

П. Сивяковъ.

Косметика. Косметика въ большомъ употребленіи у китайцевъ. Ни одна дѣвушка или женщина, не принадлежащая къ самымъ низшимъ слоямъ общества, не считается прилично одѣтой, если губы и щеки ея не нарумянены въ изобиліи. Это, даже при отсутствіи другихъ доказательствъ, служитъ признакомъ того, что настоящая китайская раса спустилась къ болѣе теплымъ странамъ южнаго Китая изъ климата, гдѣ румяныя щеки и алыя губы естественны. При примѣненіи румянъ не проявляется никакого искусства, и даже во снѣ не думаютъ дѣлать изъ этого секретъ. Съ перваго взгляда китайская дама кажется грубо накрашенной толстымъ слоемъ румянъ съ обѣихъ сторонъ лица. Въ праздники и при торжественныхъ случаяхъ румяна употребляются еще обильнѣе. Употребляется также бѣлая пудра съ цѣлью придать бѣлизну смуглымъ лицамъ. Чрезмѣрное употребленіе косметическихъ средствъ портитъ цвѣтъ лица китайскихъ дамъ, каковъ бы онъ ни былъ самъ по себѣ.

П. Меньшиковъ.

Костюмъ. Основой или исходной точкой всякой китайской одежды служитъ широкая пара шароваровъ и столь же широкая, удобная куртка. Имѣя на себѣ эти двѣ вещи, китаецъ считаетъ себя совершенно одѣтымъ: все остальное для него уже не составляетъ предмета необходимости, а лишь роскоши. Основное понятіе объ одеждѣ вполнѣ объемлется этими двумя предметами; всѣ прочія принадлежности костюма, которыя въ большемъ или меньшемъ количествѣ надѣваются, либо въ зависимости отъ состоянія погоды, либо же въ зависимости отъ величины кошелька владѣльца, являются, за исключеніемъ головного убора и обуви, однимъ лишь дальнѣйшимъ видоизмѣненіемъ указаннаго простого понятія. Въ самомъ дѣлѣ, возьмите любую часть китайскаго мужского костюма, длинный плащъ или мантію,—это та же куртка, доходящая только до щиколотокъ вмѣсто того, чтобы остановиться немногимъ ниже середины тѣла. Плащъ этотъ не отличается той совершенно различной формой, которая составляетъ характерную особенность нашихъ сюртуковъ и куртокъ, и если есть нѣкоторая разница, то лишь самая

незначительная; даже то, что мы, за неимѣніемъ соотвѣтствующаго названія, называемъ жилетомъ, не представляется вещью особеннаго покроя; это все та же простая, коротенькая, прямая куртка, лишь безъ рукавовъ, застегивающаяся, какъ и простая, плотно прилегающая безрукавка, которую иногда носятъ рабочіе классы. Есть два вида такихъ жилетовъ,—одинъ застегивающійся указаннымъ образомъ, а другой застегивающійся съ боку. Куртка для верховой ѣзды дѣлается съ широкими рукавами, но она всетаки—все та же куртка. Женскія куртки отличаются отъ мужскихъ тѣмъ, что онѣ длиннѣе, доходятъ до колѣнъ и имѣютъ болѣе широкіе рукава.

Ниже куртки, какъ уже было упомянуто, находятся свободные шаровары. Они иногда засовываются внизу въ длинные чулки, которые аккуратно завязываются подвязками ниже колѣнъ, и такимъ образомъ кажется, что вашъ бой или слуга ходитъ въ короткихъ панталонахъ до колѣнъ, но дѣло только въ томъ, что одна и та же пара шароваровъ служитъ двумъ цѣлямъ. Въ случаѣ холодной погоды добавляется еще пара наколѣнниковъ. Это ничто иное, какъ отдѣльныя штанины широкихъ шароваровъ, постепенно суживающіяся къ низу; внизу же онѣ плотно обвязываются вокругъ щиколотокъ; онѣ прикрѣплены къ поясу на таліи. Сзади штанины не сходятся между собой, отчего и получается широкая прорѣха, изъ которой торчатъ складки нижней куртки; въ общемъ получается крайне неряшливый видъ, если все это не прикрыто длиннымъ верхнимъ плащемъ. Женскіе шаровары представляютъ совершенно тотъ же видъ, что и мужскіе. Женщины не носятъ короткихъ панталонъ; но женщины среднихъ и высшихъ классовъ, особенно, когда онѣ разодѣты, носятъ то, что мы за неимѣніемъ подходящаго названія, назовемъ юбками. Онѣ состоятъ изъ двухъ отдѣльныхъ полотнищъ, которыя никогда не бываютъ сшиты, но въ то же время въ нихъ замѣтенъ слѣдъ шароваровъ,—шароваровъ, такъ сказать, неоконченныхъ, такъ какъ одинъ кусокъ ихъ виситъ спереди, доходя до лодыжекъ, подобно переднику, другой же кусокъ виситъ подобнымъ же образомъ сзади; онѣ застегиваются на пуговицы съ одной стовоны, но остаются открытыми съ другой стороны; ихъ украшаютъ вышивки и многочисленныя складки, опускающіяся вертикально.

Кромѣ вышеуказанныхъ родовъ платья, имѣется еще много родовъ его, приспособленныхъ для различнаго употребленія и для различнаго состоянія погоды. Такъ напримѣръ, нагота является часто совершенно достаточнымъ костюмомъ для Сватоускаго рыбака и крестьянина, и даже многіе лодочники въ Цзѣ-янѣ, близъ Сватоу, по временамъ не но-

сять ничего. Въ другихъ частяхъ Китая не наблюдается подобнаго приближенія къ дикому состоянію, если не считать маленькихъ ребятишекъ изъ бѣдныхъ классовъ, которые бѣгаютъ нагишомъ въ теченіе многихъ лѣтъ, причемъ это количество лѣтъ въ отношеніи мальчиковъ гораздо продолжительнѣе, чѣмъ въ отношеніи дѣвушекъ. Въ Амоѣ и Сватоу вовсе нерѣдкость увидѣть мальчугана совершенно безо всего, кромѣ кушака. Надлежитъ, однако, замѣтить, что такой кушакъ является чѣмъ-то въ родѣ нашего фартуха или передника; онъ прикрѣпляется къ шеѣ, закрывая тѣло владѣльца настолько, насколько того требуетъ приличіе въ жаркомъ климатѣ, хотя это и не всегда соблюдается. Простой кули или рабочій считаетъ себя достаточно одѣтымъ для своей работы въ жаркую пору, если имѣетъ перевязь у паха и пару соломенныхъ сандалій на ногахъ; но послѣднія не являются обязательными. Другіе довольствуются парой короткихъ штановъ, доходящихъ только до половины бедеръ, или же обыкновенные длинные шаровары подворачиваются вверхъ настолько, насколько можно. Чисто китайская одежда не знаетъ ничего, что походило бы на нашу рубашку или фуфайку, и только въ послѣднее время, благодаря сношеніямъ съ иностранцами, нѣкоторые немногіе китайцы стали носить рубашки, вѣроятно, потому, что она гораздо болѣе удобна въ холодную погоду, чѣмъ свободно сидящія куртки. Парадное платье, куртки и штаны, съ прибавленіемъ къ нимъ еще верхняго платья, да гамашъ, надѣваются одинъ на другой, когда погода становится холоднѣе. Верхняя одежда легко снимается въ серединѣ дня или въ теплой комнатѣ, представляя въ этомъ отношеніи огромное преимущество передъ нашей одеждой, такъ какъ у насъ пальто является единственной вещью, которую можно снять при входѣ въ домъ.

Женское нижнее бѣлье дѣлается изъ тонкой матеріи; плотно прилегая къ тѣлу, оно наглухо застегивается спереди; сверхъ него надѣвается нѣсколько куртокъ, по состоянію погоды. Женщины не носятъ длиннаго платья.

Гораздо меньше вниманія обращается на обувь, какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, и въ этомъ отношеніи китайцы удовлетворяются гораздо меньшей основательностью. Имѣется значительное разнообразіе сандалій, башмаковъ и сапоговъ. Кромѣ уже ранѣе упомянутыхъ соломенныхъ сандалій, которыя носятся мужчинами, существуетъ еще одинъ сортъ сандалій, представляющій собою просто кожаную подошву съ петлей для одного изъ пальцевъ и шнуркомъ для завязыванія вокругъ щиколотки; этотъ сортъ носится представителями обоего пола,

при работахъ внѣ дома, во время переноски тяжестей и пр. Башмаки женскіе и мужскіе, наоборотъ, совершенно различны. Больше всего они разнятся въ отношеніи толщины подошвы. Женщины съ естественными, неизуродованными ногами ходятъ въ башмакахъ на бѣлой толстой подошвѣ, въ 2—3 дюйма толщиной. Въ послѣднее время у франтихъ начинаютъ входить въ моду Шанхайскіе башмаки на тонкой подошвѣ. Другой любопытной модой представляется слѣдующее: вся нога установлена на кругломъ основаніи, въ нѣсколько дюймовъ вышиною, укрѣпленномъ въ центрѣ подошвы. Обыкновенные башмаки дѣлаются изъ кожи; но часто служатъ матеріаломъ и шелкъ, сатинъ и вышивка. Маленькія изуродованныя ноги женщинъ обуты, послѣ того, какъ завернуты въ длинные бинты, въ маленькіе башмачки отъ 3 до 4 или 5 дюймовъ длины съ острымъ носкомъ. Чулокъ на такія ноги надѣть невозможно, но у женщинъ съ нормальными ногами чулки столь же употребительны, какъ и у мужчинъ, или же вѣрнѣе будетъ сказать, что мужчины носятъ и носки и чулки, причемъ первые преимущественно лѣтомъ; носки же обыкновенно употребляются женщинами, хотя нѣкоторыя надѣваютъ и чулки. Чулки иностраннаго производства начинаютъ входить въ употребленіе въ открытыхъ портахъ; чулки мѣстнаго производства состоятъ изъ отдѣльныхъ кусковъ ситца, сшитыхъ вмѣстѣ. Должно еще замѣтить, что обоими полами носятся на таліи пояса изъ шнурка, служащіе для прикрѣпленія штановъ, подтягиваемыхъ обыкновенно выше таліи. Въ штанахъ нѣтъ никакихъ отверстій, кромѣ какъ для таліи и для ногъ. Воротникъ, или скорѣе платокъ, сдѣланный изъ сатина, носится мужчинами на шеѣ зимой, въ прочее же время лишь «при полномъ парадѣ».

До свадьбы волоса китайской дѣвушки заплетаются въ косу; съ выходомъ же замужъ волосы собираются въ странную, своеобразнаго вида, прическу.

Китайскія дамы не носятъ никакихъ шляпъ или шапокъ; то же самое надлежитъ сказать и о простыхъ женщинахъ; исключеніе составляютъ лишь тѣ, которымъ приходится быть на солнцѣ и подвергаться вліянію погоды. Волоса у женщинъ расчесаны и подклеены особой смолой, такъ что они достаточно защищаютъ голову въ жаркомъ климатѣ. Въ отношеніи прически наблюдается громадное разнообразіе: то нѣсколько скромныхъ шишекъ заканчиваются позади прической въ видѣ ручки чайника; то огромныя крылья бабочки болѣе или менѣе выдаются по бокамъ головы; то опять такія же крылья выступаютъ болѣе или менѣе значительно на задней части головы; то опять добавляются различныя принадлежности для того, чтобы увеличить количество волосъ или под-

нять ихъ, въ видѣ маленькаго рожка, подъ головой. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мода на прически разнится на каждомъ шагу. Однимъ изъ наилучшихъ мѣстъ для наблюденія причесокъ, по мнѣнію автора, является Сватоу, гдѣ въ группѣ въ 20—40 женщинъ можно увидѣть больше дюжины различныхъ причесокъ. Дѣвушки-лодочницы въ Макао, а нѣкоторыя изъ нихъ и въ Гонконгѣ, ходятъ въ пестрыхъ платкахъ на головахъ, завязанныхъ подъ подбородкомъ. Хаккаскія женщины тоже часто обвязываютъ голову кускомъ полотна, что напоминаетъ собою нѣчто въ родѣ европейскихъ старомодныхъ дамскихъ шляпокъ. Въ Сватоу и его окрестностяхъ женщины носятъ нѣсколько различныхъ сортовъ головныхъ покрывалъ, смотря по округу, изъ котораго онѣ происходятъ. Авторъ видѣлъ одно очень интересное покрывало въ уѣздномъ городѣ Цзѣянъ, близъ Сватоу. Оно состояло изъ длиннаго куска полотна, накинутаго на голову; концы его обертывались кругомъ лица, когда его обладательница желала скрыть свою физіономію отъ взоровъ проходящихъ. Зимою женщины часто носятъ широкія повязки, гладкія или вышитыя, на лбу, благодаря чему онѣ предохраняютъ себя отъ той специфической боли, которую причиняетъ сильный холодъ. Мужчины носятъ зимой особую шапку изъ сатина, съ пуговкой изъ чернаго или краснаго шнура на верхушкѣ; лѣтомъ же они ходятъ съ обнаженной головой. Можно встрѣтить и войлочныя шапки; онѣ имѣютъ загнутыя вверхъ поля; лучшіе сорта имѣютъ на краяхъ золотую обшивку изъ нитокъ; употребленіе этихъ шапокъ ограничивается низшимъ классомъ. Въ очень холодную погоду нѣкоторые носятъ особенный головной уборъ, состоящій изъ остроконечной шапки съ отворотомъ, спускающимся внизъ сзади и застегивающимся подъ подбородкомъ, закрывая такимъ образомъ не только шею, но и всю голову, за исключеніемъ лица. Маленькихъ мальчугановъ часто можно видѣть въ такихъ же шапкахъ, а равно и мужчинъ, и женщинъ. Большія бамбуковыя шляпы, около ярда въ діаметрѣ, совершенно защищаютъ отъ дождя и также предохраняютъ отъ солнечныхъ лучей. Носится еще и немало бамбуковыхъ шляпъ другихъ видовъ, нѣкоторыя только мужчинами, нѣкоторыя же только женщинами, между тѣмъ, какъ есть и такіе сорта, которые носятся безразлично, и мужчинами, и женщинами. Въ дождливую погоду низшіе классы на Югѣ надѣваютъ особый плащъ, сдѣланный изъ бамбуковыхъ листьевъ, сшитыхъ вмѣстѣ, въ коихъ народъ смотритъ настоящими Робинзонами Крузое; въ Сватоу такіе же плащи дѣлаются изъ кокосовыхъ волоконъ, выглядывающихъ подобно извѣстнымъ capude palha, соломеннымъ плащамъ, носимымъ крестьянами въ сѣверныхъ провинціяхъ

Португаліи. Рабочіе ходятъ въ дождливую погоду босикомъ; лавочники и другіе шлепаютъ въ дождь по грязи башмаками на деревянной подошвѣ въ два дюйма толщиной (обыкновенная войлочная подошва дѣйствовала бы въ сырую погоду, какъ губка); болѣе простой сортъ такой обуви состоитъ изъ простого куска дерева съ привязями для пальцевъ. Болѣе высшій классъ народа, въ родѣ младшихъ чиновниковъ, а также и нѣкоторыя частныя лица лучшаго общества надѣваютъ спеціально изготовленные для грязи и сырости сапоги, доходящіе до половины ноги, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и еще выше, почти до колѣнъ. Деревянныя колодки, съ кожанымъ верхомъ, употребляются женщинами и дѣвушками.

Мы уже говорили объ обыкновенныхъ курткахъ, плащахъ, жилетахъ или безрукавкахъ, и о тѣхъ, которые прилегаютъ къ тѣлу вплотную. Кромѣ этого есть еще двойныя куртки, или съ подкладкой, и куртки мѣховыя. Парадная одежда состоитъ изъ платья, открытаго внизу спереди и сзади, съ рукавами, напоминающими своей формой лошадиное копыто; сверхъ него надѣвается куртка; на ногахъ носятся сатиновые сапоги съ толстыми, бѣлыми подошвами; вокругъ таліи поясъ, а на головѣ чиновничья шляпа съ шарикомъ на верху.

Серьги составляютъ необходимую принадлежность китайскаго женскаго костюма; ихъ носитъ каждая женщина и дѣвушка, и такъ привыкаешь видѣть ихъ въ ушахъ женщины, что китаянка безъ этой принадлежности покажется вамъ столь же странной, какъ англійская дама босикомъ. Китаянка чувствовала бы себя также неловко безъ серегъ, какъ англійская дама—босикомъ. Фасонъ серегъ въ различныхъ частяхъ Китая—различный. У хаккасцевъ обыкновенныя серьги представляютъ собою шелковую кисточку. Фу-чжоускія женщины имѣютъ въ ушахъ огромныя кольца, по нѣскольку дюймовъ въ діаметрѣ. Кантонскія серьги нерѣдко состоятъ изъ двухъ частей—собственно серьги, представляющей крупное металлическое (золотое, серебряное или бронзовое) кольцо, переходящее съ лицевой стороны въ пластинку плоской поверхности, въ которую подвѣшивается плоское колечко изъ нефрита, или какого-либо другого камня, или композиціи.

Моды на платья мѣняются и въ Китаѣ, но это происходитъ въ такой незначительной и постепенной мѣрѣ,—за исключеніемъ случаевъ, когда низверженіе царствующей династіи вызываетъ во всѣхъ отношеніяхъ капитальные перевороты,—что для иностранца эти перемѣны остаются незамѣтными; но для человѣка, посвященнаго въ тайны моды,

даже крайне постепенная перемѣна становится замѣтной; такъ например, подмѣчено, что въ теченіе послѣднихъ 40—50 лѣтъ женскіе рукава стали значительно шире прежняго, и что въ теченіе послѣдней четверти столѣтія появилась совершенно новая дамская прическа.

Фасоны платьевъ, надо замѣтить, не одни и тѣ же въ разныхъ частяхъ Китая. Все, что было сказано выше, касается главнымъ образомъ Южнаго Китая въ мѣстностяхъ, смежныхъ съ Гонконгомъ, Макао и Кантономъ; но даже и здѣсь одежда хаккасцевъ совсѣмъ не та, что у кантонцевъ (см. статью *Хакка*). Видъ прически и серьги, носимыя женщинами, столь сильно разнятся, что съ перваго же взгляда указываютъ на то, что данное лицо происходитъ изъ другой части Китая. Однако мужская одежда, или совсѣмъ не знаетъ, или почти что совсѣмъ не знаетъ разницы, за исключеніемъ лишь мужскихъ костюмовъ въ Сватау и Хоккіенъ, гдѣ мужчины часто носятъ чалмы, что на китайцахъ другихъ мѣстъ рѣдко можно видѣть. Короткія куртки здѣсь обыкновенно длиннѣе короткихъ куртокъ крайняго Юга.

Цвѣта употребляемыхъ и носимыхъ матерій также различны. Бѣлаго цвѣта никогда нельзя увидѣть на верхней одеждѣ женщины въ Кантонѣ или Гонконгѣ, за исключеніемъ случаевъ, когда бѣлый цвѣтъ носится въ угоду европейцамъ. Бѣлый цвѣтъ употребляется исключительно для нижняго бѣлья, въ которомъ, конечно, женщина постѣсняется появиться при публикѣ. Въ Амоѣ, однако, это, повидимому, не составляетъ правила. Здѣсь молодыми женщинами носятся ярко-красный и другіе цвѣта, чего никогда не увидишь въ Кантонѣ на почтенныхъ женщинахъ. Въ Сватоу также носится бѣлый цвѣтъ, но здѣсь молодыя женщины не рискнутъ показаться внѣ дома въ такихъ яркихъ цвѣтахъ, какъ въ Амоѣ. Эти данныя могутъ служить указаніемъ на разнообразіе существующихъ въ Китаѣ родовъ платья.

Хотя китайцы-мужчины и часто ходятъ полуголыми, но женщины соблюдаютъ суровую скромность въ своей одеждѣ. Онѣ никогда не выдѣляютъ платьемъ своей особы, какъ это можно видѣть на вечернихъ туалетахъ европейскихъ дамъ; не существуетъ въ Китаѣ также и порока тугой шнуровки, напротивъ китаянки всячески стараются скрыть всю контуру своей фигуры, и съ этой цѣлью привязываютъ груди внизъ.

И. Воробьевъ.

Культъ предковъ. Поклоненіе предкамъ есть ничто иное, какъ сыновняя почтительность, доведенная до крайности. Вѣрная своему правилу—сохранять обычаи и привычки въ теченіе цѣлыхъ столѣтій и даже тысячелѣтій, китайская нація не отказалась отъ этой наиболѣе древнѣйшей формы поклоненія; первоначальное поклоненіе предкамъ, подобно старымъ формаціямъ скалъ на поверхности земли, держится такъ же крѣпко, какъ вѣчныя горы, и, хотя оно въ настоящее время покрыто другими религіозными культами, такъ же, какъ первоначальныя наслоенія скалъ покрыты другими наслоеніями, но всетаки до сихъ поръ еще оно продолжаетъ служить главною основою поклоненія, и почти всѣ другія формы поклоненія представляютъ собою ничто иное, какъ позднѣйшія прибавленія и наросты. Поклоненіе предкамъ лежитъ въ основѣ большей части религіи китайцевъ и многихъ изъ ежедневныхъ ихъ поступковъ и дѣйствій. Общественные обычаи, судебныя рѣшенія, назначеніе на должность перваго министра и даже самый порядокъ престолонаслѣдія—все это находится подъ его вліяніемъ. Судья, напримѣръ, накажетъ преступника гораздо легче въ томъ случаѣ, если онъ, по семейному положенію, старшій или единственный сынъ и его родители, или одинъ только отецъ или мать, недавно умерли,—изъ опасенія помѣшать ему приносить жертвы умершимъ; въ противномъ случаѣ онъ поступилъ бы совершенно иначе. Императоръ, при вступленіи на престолъ, долженъ быть моложе своего предшественника, чтобы имѣть возможность поклоняться ему. Къ поклоненію предкамъ относится не только простое поклоненіе умершимъ, но и всё то, что прямо или косвенно дѣлается для ихъ удобства; сюда также относится и все то, что дѣлается для отвращенія бѣдствій, которыя, какъ полагаютъ, души усопшихъ въ состояніи причинить живущимъ, въ наказаніе за невнимательное отношеніе къ ихъ нуждамъ. При подобномъ пониманіи содержанія этого поклоненія, дѣйствія, которыя оно производитъ, проникаютъ почти каждую фазу китайской жизни:—наложничество, усыновленіе, постройка домовъ (какъ частныхъ, такъ и общественныхъ), учрежденіе госпиталя Дунъ-ра, прокладка улицъ, способы мщенія и методы казни,—всѣ они отчасти обязаны той же самой причинѣ. Непреодолимое желаніе имѣть сыновей и презрѣніе къ дочерямъ, такъ же, какъ и многія изъ китайскихъ суевѣрій и вѣрованій,—непоколебимо зиждется на томъ же самомъ основаніи. Единственно это поклоненіе имѣетъ право на названіе національной религіи Китая, такъ какъ умершіе служатъ предметами поклоненія, какъ для бѣдныхъ, такъ и богатыхъ, какъ для старыхъ, такъ и молодыхъ на всемъ громадномъ про-

тяженіи этой огромной имперіи. Китайцы готовы отказаться отъ какой угодно другой формы поклоненія или религіи, но это поклоненіе, —поклоненіе предкамъ, такъ вошло въ основу ихъ повседневной жизни и во всѣ ихъ привычки, что едва ли что-либо, развѣ какое чудо, въ состояніи заставить ихъ отказаться отъ этой формы поклоненія,—съ такою стойкостью они придерживаются его. Римскіе католики, отличающіеся больше мірскимъ благоразуміемъ, чѣмъ набожностью, одно время, хотя и не теперь больше, позволяли своимъ новообращеннымъ придерживаться этого поклоненія; протестантскіе миссіонеры находятъ его наиболѣе сильнымъ препятствіемъ къ распространенію христіанства; китайскіе магометане не допускаютъ этого поклоненія, и оно представляетъ собою одну изъ твердынь противъ всякаго западнаго прогресса и науки.

Вѣря, что духи въ загробной жизни нуждаются въ тѣхъ же самыхъ удобствахъ и потребностяхъ, какъ и обитатели здѣшняго міра, китайцы считаютъ священною обязанностью друзей и родственниковъ умершихъ удовлетворять ихъ нужды; но по той любопытной чертѣ характера китайцевъ, благодаря которой они вѣрятъ въ большія обѣщанія, но мирятся съ незначительнымъ исполненіемъ,—внѣшняя помпа съ жалкимъ содержаніемъ!—вещи, которыя отсылаются въ міръ духовъ для удовлетворенія нуждъ своихъ умершихъ родственниковъ, вмѣсто настоящихъ, употребляемыхъ въ здѣшнемъ мірѣ, замѣняются, какъ и многія другія китайскія вещи, поддѣльными. Вмѣсто жилищъ, лодокъ, платья, носилокъ, векселей, фальшивыхъ серебряныхъ долларовъ и вообще всевозможныхъ другихъ предметовъ, служащихъ для удовлетворенія потребностей въ здѣшней жизни, имѣются ихъ модели, сдѣланныя изъ бамбука и бумаги. Хотя, безъ сомнѣнія, производство и такихъ предметовъ не обходится безъ издержекъ, тѣмъ не менѣе очевидно, что подобные предметы, сдѣланные изъ непрочнаго матеріала, не стоятъ и сотой доли настоящихъ. Эти приношенія препровождаются въ загробный міръ при помощи сжиганія. Въ этомъ отношеніи китайцы идутъ еще дальше, посылая подобныя же предложенія бѣднымъ духамъ, которыми пренебрегают оставшіеся въ живыхъ родственники, или которые совсѣмъ ихъ не имѣютъ, а также и духамъ тѣхъ, которые погибли на морѣ, на войнѣ, отъ холода или за границею. Китайцы вѣрятъ, что почти всѣ болѣзни, которымъ подвергается тѣло, а также несчастія и смерть, посылаются этими несчастными, злыми духами.

Обычное, а можетъ быть даже общераспространенное мнѣніе, котораго держатся китайцы, заключается въ томъ, что человѣкъ обладает тремя душами. Послѣ смерти одна изъ нихъ поселяется въ табличкѣ

спеціально для нея приготовленной, гдѣ и въ надлежащее время пользуется поклоненіемъ отъ потомковъ; подобное же поклоненіе совершается на могилѣ второй душѣ: въ то же время третья душа отправляется въ преисподнюю, чтобы получить тамъ наказаніе или награду за совершенныя въ этомъ мірѣ дѣянія, и затѣмъ возвращается оттуда въ видимый міръ въ образѣ божества, человѣка, животнаго, птицы или пресмыкающагося, смотря по заслугамъ. Этой третьей душѣ можетъ совершаться поклоненіе въ городскомъ храмѣ, божество котораго считается правителемъ духовъ, окруженнымъ чиновниками, ликторами и свитою, подобно Правителю китайскаго города. Взяточничество и лихоимство неудержимо господствуетъ среди духовъ, такъ же, какъ и въ обычномъ, продажномъ китайскомъ мірѣ.

Таблица предковъ обыкновенно представляетъ изъ себя плоскую, продолговатую дощечку, сдѣланную изъ твердаго дерева, расколотую почти по всей длинѣ и вставленную въ деревянный поперечный брусокъ. На внутренней и внѣшней сторонахъ этой дощечки надписывается имя и возрастъ умершаго съ нѣкоторыми другими частностями. Передъ этою таблицею утромъ и вечеромъ курится ѳиміамъ, и близкіе родственники совершаютъ передъ ней колѣнопреклоненія въ теченіе 49 дней.

Исторія происхожденія этого обычая слѣдующая:

«Говорятъ, что обычай дѣлать таблицы умершимъ возникъ во время царствованія Чжоуской династіи (350 г. до Р. Х.), когда нѣкій Кай-цзы-чжуй, слуга Цзиньскаго государя, вырѣзалъ кусокъ мяса изъ своего бедра и приказалъ приготовить его для своего государя, который изнемогалъ отъ голода. Не будучи въ состояніи отъ сильной боли продолжать свой путь, Кай-цзы-чжуй спрятался въ лѣсу. Государь же, по прибытіи въ княжество Цзи, послалъ своихъ солдатъ къ нему на помощь; но эти послѣдніе, не найдя его, зажгли лѣсъ, и онъ погибъ въ пламени. Государь, отыскавъ его трупъ, воздвигъ таблицу въ память души умершаго, которую онъ лично изволилъ отвезти домой, гдѣ онъ приказалъ ежедневно возжигать предъ ней ѳиміамъ».

Таблицы, употребляемыя въ Кантонѣ населеніемъ, живущимъ на водѣ, гораздо меньше тѣхъ, которыя сооружаются на берегу, а также разнятся отъ нихъ и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ. Таблицы, употребляемыя тотчасъ послѣ смерти у этой части населенія, не отдѣланы и только послѣ по прошествіи трехъ лѣтъ или около того, онѣ укра-

шаются и разрисовываются. Въ связи съ этимъ дѣломъ стоитъ еще одинъ любопытный обычай. Приготовляются изображенія умершихъ членовъ семейства, и что еще болѣе любопытно, такъ это то, что эти изображенія являются изображеніями умершихъ дѣтей; фактъ, особенно интересный потому, что дѣти не могутъ считаться предками, и китайцы никогда не сооружаютъ таблицъ умершимъ моложе двадцатилѣтняго возраста и притомъ не женатымъ. Мальчики въ такихъ случаяхъ изображаются обыкновенно ѣдущими верхомъ на львахъ или бѣлыхъ лошадяхъ, а дѣвушки—на бѣлыхъ аистахъ.

Аборигены Мань-цзы, живущіе въ западной части провинціи Сычуань, выбираютъ изъ костра, на которомъ сжигается трупъ умершаго, несгорѣвшій кусокъ дерева, и на закоптѣвшей поверхности они изображаютъ грубое подобіе главѣ семейства, трупъ котораго былъ сожженъ, и затѣмъ ставятъ его въ домѣ, въ качествѣ таблицы предковъ.

Англійскія судебныя учрежденія, разбирая китайскія завѣщанія, въ которыхъ постановлялось, что извѣстная часть имущества завѣщателя должна быть удержана для покрытія расходовъ по совершенію извѣстныхъ обрядностей у его могилы, согласно требованіямъ принциповъ культа предковъ, во всѣхъ случаяхъ, бывшихъ на ихъ рѣшеніи, постановляли, что подобныя завѣщанія недѣйствительны, такъ какъ деньги не могутъ быть депонированы на неопредѣленный періодъ времени, если онѣ не предназначаются для благотворительной цѣли. (См. дѣло Yip Cheng Neo v. Ong Cheng Neo, L. R. 6. P. C., Appeals 38; а также Hoare v. Osborne, L. R. 1. Eq. 585. Послѣднее такое рѣшеніе относится къ наслѣдству, оставшемуся послѣ Tso Wing Yung: оно изложено въ газетѣ China Mail отъ 6 мая 1891 г. н. ст.).

Важнѣйшая литература—Rovd M. T. Yates, D. D. An Essay on Ancestral Worship; въ этомъ сочиненіи культъ предковъ разсматривается въ общихъ чертахъ.—„The Attitude of Christienitytoward Ancestral Worship“. разсматриваетъ вопросъ съ исторической точки зрѣнія.

Д. Щербаковъ.

Лаковыя издѣлія. Paléologue въ своемъ прекрасномъ сочиненіи. «L'Art Chinois», отдавая должное полному совершенству, до котораго японцы, бывшіе ученики китайцевъ, достигли въ этой отрасли, говоря. что «подобнаго совершенства китайцы никогда не достигали», далѣе замѣчаетъ: «Но, чтобы загладить искусство не столь возвышенное и технику не столь совершенную, китайскія лакированныя произведенія насчитываютъ нѣкоторые образцы, которые замѣчательны по достоинству

матеріала, нѣжности оттѣнковъ, свойствамъ состава, разнообразію и строгости стиля».

Лаковое вещество представляетъ собою собственно резиновый клей, добываемый изъ лаковаго дерева (Rhus vernicifera), воздѣлываемаго съ этой цѣлью, какъ въ Китаѣ, такъ и въ Японіи. Листва его и кора походятъ на ясень; оно растетъ въ вышину отъ 15 до 20 футъ, и черезъ семь лѣтъ росту даетъ сокъ, собираемый въ іюлѣ и въ августѣ посредствомъ надрѣзовъ на стволахъ деревьевъ, не далеко отъ основанія. Эти надрѣзы дѣлаются по ночамъ, а сокъ собирается по утрамъ. Двадцать фунтовъ, собранные въ продолженіе ночи съ 1000 деревьевъ, считается хорошей добычей. Лаковый сокъ обладаетъ свойствомъ, раздражающимъ образомъ дѣйствующимъ на человѣческій организмъ. Самъ авторъ, будучи мальчикомъ, пострадалъ однажды, проходя черезъ лѣсъ лаковыхъ деревъ. Китайцы при приготовленіи его плитками, съ цѣлью укупорки въ трубочки, для доставки на рынокъ, принимаютъ мѣры предосторожности, закрывая лицо и руки, чтобы не соприкасаться съ нимъ. Лаковое вещество «за исключеніемъ, когда оно находится въ совершенно сухомъ состояніи, въ состояніи вызвать» слѣдующіе симптомы:— «приливъ крови къ головѣ, опухоли, нестерпимый зудъ и ожогъ, а иногда и злокачественные нарывы».

Лучшій сокъ, находясь въ сгущенномъ состояніи, темно-коричневаго или красно-бураго цвѣта; для предохраненія же его отъ соприкосновенія съ возлухомъ употребляется бумага, пропитанная смолой, такъ какъ всѣ лаки становятся черными, какъ смоль, при выставленіи ихъ на свѣтъ. Къ лаковому веществу прибавляются разнаго рода примѣси, какъ напримѣръ, древесныя масла, добываемыя изъ такихъ растеній, какъ Augia sinensis и другихъ. Эти масла, въ соединеніи съ Rhus vernicifera, даютъ различнаго качества лакированныя произведенія, причемъ провинціи Сы-чуань, Ху-нань и Гуань-си производятъ наилучшія.

Приготовленіе, въ особенности, лучшаго лаковаго вещества, отнимаетъ много времеми, и одна изъ причинъ, объясняющихъ ухудшеніе качества этого продукта, доставляемаго на заграничные рынки, въ Китаѣ, заключается въ неосвѣдомленности или въ пренебреженіи этимъ фактомъ европейцами, которые при заказахъ не желаютъ выжидать необходимое время для производства продукта наилучшаго качества, благодаря чему китайскій производитель, вынужденный доставлять требуемый продуктъ въ короткій срокъ, освоился съ производствомъ худшаго матеріала, который находитъ себѣ такой же сбытъ среди непосвященныхъ въ тайны производства, какъ и лучшіе образцы.

Лакъ, предназначенный для работы, приготовляется посредствомъ прибавленія къ нему масла Vernicia montana или Camelia oleifera, сѣрно-кислаго желѣза и рисоваго уксуса. Количество этихъ примѣсей колеблется въ зависимости отъ условій и желаемой степени прозрачности. Лаку даютъ различные оттѣнки также посредствомъ прибавленія различныхъ другихъ примѣсей, какъ-то: свиной желчи и растительнаго масла, угля слоповой кости, животнаго угля и чайнаго масла.

Дерево, предназначаемое для лакировки, вначалѣ гладко выстругивается и полируется, швы заполняются родомъ тонкой пакли, затѣмъ оно обклеивается узкими полосками бумаги, на всю поверхность накладывается очень тонкая бумага или тонкая, шелковая матерія. Затѣмъ покрываютъ его смѣсью наждачнаго порошка, краснаго песчаника, киновари или гуммигута и коровьей желчи, и когда эта смѣсь высохнетъ на воздухѣ, дерево полируется песчаникомъ, пемзой и порошкомъ древеснаго угля.

Эта двойная операція повторяется по нѣскольку разъ. Эта предварительная работа, для выполненія которой требуется нѣсколько недѣль, даетъ основу для лака, которымъ дерево покрываютъ въ комнатѣ или помѣщеніи, со всѣхъ сторонъ защищенномъ отъ вѣтра и пыли. Для покрыванія дерева легкимъ и чрезвычайно равномѣрнымъ слоемъ лака употребляется очень мягкая, плоская кисть. Затѣмъ лакируемые предметы поступаютъ въ сушильню, атмосфера которой должна быть прохладна и влажна, такъ какъ только при такихъ условіяхъ лакъ высыхаетъ въ наискорѣйшемъ времени. Послѣ этого предметы полируются родомъ мягкаго сланца. Каждый слой лака подвергается той же медленной и тщательной обработкѣ; наименьшее число накладываемыхъ слоевъ бываетъ три, наибольшее восемнадцать.

Фигурныя, цвѣточныя и позолотныя украшенія дѣлаются нѣсколькими способами.

Позолота производится другимъ составомъ рабочихъ въ большой мастерской. Изображенія рисунка начертываются на толстой бумагѣ, которая затѣмъ прокалывается сплошь, чтобы дать возможность мѣловому порошку проникнуть на столъ и образовать на немъ контуры. Затѣмъ другой рабочій заканчиваетъ рисунокъ: подводя контурныя линіи посредствомъ рѣзца (грабштиха) или иглы и заполняя ихъ, настолько густо, насколько потребуется, киноварью, смѣшанной съ лакомъ. Послѣ этого весь рисунокъ покрывается при помощи тонкой кисточки листовымъ золотомъ; золото въ поро-

шкѣ же накладывается посредствомъ корпіи; къ золоту часто примѣшиваютъ лучшаго качества сажи».

Много искусства, ловкости, легкости въ пальцахъ и практики требуется для достиженія той тонкости и необходимой нѣжности, которая обезпечиваетъ сразу, однимъ взмахомъ полученіе желаемаго эффекта безъ повторенія работы, такъ какъ послѣднее строго возбраняется свойствомъ самой работы въ виду того, что клейкость лака его не допускаетъ. Несмотря на всѣ эти затрудненія, нѣкоторыя лакированныя произведенія, изготовляемыя китайцами, отличаются ясностью контуровъ и размахомъ художественной композиціи.

Кромѣ того для украшенія лакированныхъ издѣлій употребляютъ золотыя и серебряныя блестки, инкрустаціи изъ слоновой кости, перламутра, нефрита, коралла, малахита и лазуреваго камня. Крупная мозаика цвѣтовъ, животныхъ и тому подобное составляется изъ указанныхъ предметовъ, послѣ чего уже покрывается лакомъ.

Фу-чжоускій лакъ по достоинству своему равняется японскому. Японцы, какъ говорятъ, научили своихъ бывшихъ учителей—китайцевъ производству этого высшаго сорта. Нѣкоторые хорошіе образцы происходятъ также изъ Нинъ-бо и цѣнятся очень дорого.

Рѣзные лаки не производятся въ настоящее время (по крайней мѣрѣ, въ продолженіе послѣдняго столѣтія), или во всякомъ случаѣ производятся въ весьма незначительномъ количествѣ, такъ какъ требуютъ усиленнаго труда и производство ихъ слишкомъ дорого. Способъ ихъ приготовленія слѣдующій:—Приготовляется темная масса изъ Urtica nivea, papier de broussonetia и яичной скорлупы, которыя размельчиваются и превращаются въ порошокъ, къ которому прибавляютъ масло камеліи, чтобы связать массу. Этимъ составомъ покрываютъ дерево, и послѣ того, какъ онъ высохнетъ, мастеръ принимается по нему за рѣзьбу; работающій долженъ обладать твердой рукой, такъ какъ поправки невозможны. Затѣмъ накладываютъ нѣсколько слоевъ краснаго лака, составъ котораго неизвѣстенъ. Недостатокъ подобныхъ произведеній для европейскаго глаза заключается въ нагроможденіи украшеній, состоящихъ изъ переплетающихся драконовъ, сфинксовъ, лотусовъ и пр.

Имена китайскихъ артистовъ въ этомъ искусствѣ, въ противоположность японскимъ, совершенно неизвѣстны. Въ Китаѣ выдѣляются, не отдѣльныя личности, а цѣлыя школы, разнообразящіяся въ стилѣ, преданіяхъ и направленіяхъ. До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, исторія этого искусства мало разработана. Рѣзныя лакированныя произведенія были

извѣстны въ началѣ христіанской эры, хотя и не существуетъ особенно древнихъ образцовъ. Старѣйшіе образцы относятся къ сравнительно позднему времени, къ концу 16-го вѣка (Минская династія). «Скульптуры лакированныхъ произведеній этой эпохи чрезвычайно рѣдки, и китайцы цѣнятъ ихъ очень высоко; лакъ на нихъ очень толстъ, работа ихъ прочна, стиль строгъ и умѣренъ».

Большія улучшенія въ этой отрасли произошли—въ царствованіе императора Канъ-си (1662 г. по Р. Х.), принадлежавшаго къ нынѣшней династіи,—какъ въ качествѣ матеріала, такъ и въ украшеніи, и въ дни Цянь-луна (1736—1796 г.г. по Р. Х.) были произведены нѣкоторыя прекрасныя рѣзныя лакированныя издѣлія, а равно и другіе изящные лаки, причемъ наилучшіе изъ нихъ приготовлялись въ императорскихъ мастерскихъ. Мы не можемъ воздержаться, чтобы еще разъ не процитировать изъ прекраснаго сочиненія Paléologue: «L'Art Chinois» одно мѣсто, относящееся къ только-что сказанному:

«Г-нъ de Semallé имѣетъ десять подобныхъ образцовъ, которые, безспорно, указаннаго происхожденія. Они представляютъ изъ себя дольчатыя чаши, чрезвычайно легкія, съ нѣжными формами. Одна синяго цвѣта, съ павлинообразными переливами въ зеленый цвѣтъ, съ яркимъ и густымъ отливомъ подобно эмали; другая блѣдно-розоваго цвѣта, усиливающагося въ коралловый, что вмѣстѣ даетъ неподражаемую нѣжность тоновъ. Слѣдующая—смоляно-чернаго цвѣта, такъ высоко цѣнимаго японцами. Отмѣтимъ, наконецъ, въ этой же коллекціи лакъ авантюриновый (искрякъ), съ золотой и серебряной инкрустаціей, изображающей лотусъ, который является чудомъ вкуса и изящества. Эти предметы въ нашихъ глазахъ принадлежатъ къ рѣдчайшимъ лаковымъ произведеніямъ Китая, достойнымъ украшать коллекцію знатока въ Японіи».

Важнѣйшая литература: M. Paleologue „L'Art. Chinois":—Williams: The „Middle Kingdom", T. 2, стр. 30 и слѣд. Изъ обѣихъ этихъ книгъ мы почерпнули свѣдѣнія для этой статьи.

П. Шкуркинъ.

Литература. «Несказанныя сокровища таятся въ богатыхъ залежахъ китайской литературы.» Вотъ, что смѣло можно отвѣтить тѣмъ, которые задаютъ вопросъ,—есть-ли что-либо, стоящее вниманія, въ томъ, что, по замѣчанію другого, столь-же ученаго синолога, составляетъ безплодную пустыню китайской литературы.

Многочисленныя, древнѣйшія книги не оставили послѣ себя почти ничего, кромѣ своихъ названій. Нѣкоторые отрывки сочиненій считаются уцѣлѣвшими отъ временъ до Конфуція (550 г. до Р. Х.). Этотъ мудрецъ самъ говорилъ о себѣ, что онъ только передатчикъ, а не творецъ, и какъ таковой, онъ воспользовался при составленіи тѣхъ трудовъ, которые относятъ всецѣло къ его кисти, матеріаломъ, въ большинствѣ случаевъ существовавшемъ ранѣе. Начиная со временъ Конфуція и въ продолженіе нѣсколькихъ послѣдующихъ столѣтій многочисленныя писанія различныхъ философовъ свидѣтельствуютъ объ умственной дѣятельности и энергіи. Мощь литераторовъ, опираясь на запасы знаній и ученость, а равно и на оплотъ классическихъ наукъ, была силой, угрожавшей своими консервативными и иными тенденціями сломать желѣзную волю монарха, обезславившаго себя въ китайской исторіи своей деспотической и жестокой попыткой стереть съ своего пути прогресса мѣшавшихъ ему литераторовъ и ихъ сочиненія. Сочиненія по медицинѣ, прорицанію и экономіи оказались единственными, пощаженными ураганомъ разрушенія, пронесшимся по странѣ, да еще помимо нихъ тѣ немногія книги, которыя скрытно перенесли бурю въ горныхъ пещерахъ или замуравленными въ стѣнахъ, либо-же запечатлѣвшимися въ памяти тѣхъ, которые цѣнили ихъ больше самой жизни. Послѣ мрака отчаянія наступилъ болѣе яркій разсвѣтъ Ханьской династіи, во время которой все только возможное было сдѣлано, чтобы реставрировать утраченныя сокровища. Эта работа пошла настолько успѣшно, что многимъ больше 10,000 томовъ или частей книгъ, продуктъ работы нѣсколькихъ сотъ авторовъ, было собрано вмѣстѣ. Но къ несчастію, эта библіотека, собранная съ такимъ тщаніемъ, была уничтожена пожаромъ, при концѣ династіи. Съ тѣхъ поръ цѣнныя императорскія коллекціи не разъ подвергались уничтоженію отъ различныхъ причинъ. Къ чести послѣдующихъ династій, однако, надо отнести то, что онѣ по примѣру Ханьской, всячески покровительствовали литературѣ.

Танская династія въ особенности достойна вниманія своимъ покровительствомъ литературѣ. Подраздѣленіе литературы, существующее нынѣ, было принято при ней, а именно: четыре отдѣла, обнимающіе классиковъ, исторію, философію и беллетристику; но эти отдѣлы въ свою очередь имѣютъ такое множество подраздѣленій, что одинъ только перечень ихъ занялъ бы полторы страницы. Такимъ образомъ становится яснымъ, что въ короткомъ очеркѣ невозможно даже сдѣлать резюме этой обширной отрасли китайской литературы, и разработкѣ этого вопроса слѣдовало бы удѣлить цѣлый увѣсистый томъ. Мы, такимъ обра-

зомъ, должны удовлетвориться только указаніемъ нѣсколькихъ болѣе выдающихся работъ.

Классическая литература занимаетъ первенствующее мѣсто, не только въ отношеніи древности, но и потому, что она считается основаніемъ учености у китайцевъ; кромѣ того она была еще причиной выхода въ свѣтъ не малаго количества китайскихъ книгъ.

«Четверокнижіе» и «Пять классиковъ» представляютъ собою наиглавнѣйшія среди классическихъ произведеній китайцевъ. «Четверокнижіе» состоитъ изъ «Афоризмовъ Конфуція», «Великаго ученія», «Догматовъ середины» и «Трудовъ Менція». «Пять классиковъ» состоятъ изъ «Книги перемѣнъ», «Книги исторіи», «Книги пѣсенъ». «Книги церемоній» и лѣтописи подъ названіемъ «Весна и Осень». Конфуцій является авторомъ только послѣдней книги, хотя онъ и составилъ «Книгу исторіи» и «Пѣсни». «Книга перемѣнъ» пользуется почти всеобщимъ почетомъ, какъ по своей древности, такъ и по неизмѣримой премудрости, скрытой, какъ полагаютъ, въ тайникахъ ея символическихъ знаковъ.

«Четверокнижіе», слѣдующее за «Пятью классиками», состоитъ по большей части изъ изреченій, бесѣдъ и мнѣній Конфуція и Менція, записанныхъ ихъ учениками и послѣдователями. Вокругъ этихъ и нѣкоторыхъ другихъ сочиненій группируется безчисленное собраніе пояснительныхъ и изъяснительныхъ толкованій классиковъ, въ томъ числѣ китайскіе классные словари, надъ составленіемъ которыхъ выдающимися китайскими учеными было потрачено много труда, съ цѣлью сохранить чистоту языка.

Историческія сочиненія или династійныя исторіи подраздѣляются на нѣсколько отдѣловъ. Они составлены по династіямъ, слѣдуя общему плану, по которому сначала разбираются императорскія родословныя, затѣмъ науки и искусства, за которыми уже слѣдуетъ біографическій отдѣлъ. Послѣднее такое собраніе носитъ названіе «Двадцати четырехъ исторій» и вмѣщаетъ въ себѣ 3,264 книги, написанныхъ болѣе чѣмъ двадцатью различными авторами, начиная съ китайскаго Геродота Сыма-цяна.

Историческія лѣтописи. Этотъ разрядъ исторій содержитъ краткія повѣствованія о событіяхъ по образцу лѣтописи «Весна и Осень». Среди самыхъ прославленныхъ изъ такихъ лѣтописей находится Цзычжи-тунъ-цзянь знаменитаго историка Сы-ма-гуанъ въ 294 книгахъ, на составленіе которыхъ авторъ употребилъ 19 лѣтъ.

Другой отдѣлъ историческихъ работъ составляютъ «Полные анна-

лы», въ которыхъ дѣлается общій обзоръ какого-либо отдѣльнаго предмета. Какъ образчикъ, взята классическая «Книга исторіи».

Кромѣ перечисленныхъ, существуетъ еще нѣсколько другихъ отдѣловъ историческихъ сочиненій, какъ-то: «Частныя исторіи», «Смѣшанныя исторіи», «Оффиціальные документы» и «Біографіи»; послѣднія очень многочисленны, и нѣкоторыя изъ нихъ отличаются глубокой древностью (одной болѣе 2000 лѣтъ.) Помимо нихъ имѣются еще «Историческія выборки», «Современныя записи», въ которыхъ трактуется о современныхъ данному государству заграничныхъ странахъ, и «Лѣтописи». Послѣднее названіе заключаетъ незначительный отдѣлъ. «Полныя изслѣдованія старины» Ма-Туань-чин'я (1275 г. по Р. Х.) представляютъ собою весьма пространное и подробное сочиненіе».

Другой отдѣлъ составляютъ географическія и топографическія сочиненія. Между ними находится знаменитое классическое сочиненіе: «Горы и рѣки», содержащее странные разсказы о странахъ, населенныхъ карликами и великанами; о людяхъ, съ отверстіемъ въ срединѣ туловища, въ которое, когда они отправляются на прогулку, чтобы подышать воздухомъ, просовывается шесть, посредствомъ котораго двое носильщиковъ ихъ несутъ; о людяхъ съ одной только половиной туловища, имѣющихъ только по одной ногѣ и рукѣ и вынужденныхъ поэтому всегда ходить парами, такъ какъ они самостоятельно не могутъ держаться; о крошечныхъ карликахъ, которые, подобно альпійскимъ путешественникамъ, связываютъ себя вмѣстѣ, чтобы большія птицы не унесли ихъ въ одиночку; о многомъ интересномъ и странномъ въ царствѣ животномъ и рыбномъ; о змѣяхъ, со многими головами; и о рыбахъ, со многими туловищами при одной головѣ. Весьма забавно перелистывать иллюстрированное изданіе этой книги, и хотя она и содержитъ много фантастическаго, но она, по всей вѣроятности, первоначально была написана съ искреннимъ намѣреніемъ изложить то, что въ дѣйствительности существовало. Сочиненіе это отличается значительной древностью. Въ связи съ этимъ интересно замѣтить, что Плиній говоритъ о Блемміаанахъ, одномъ африканскомъ племени, которое было безголовое, а глаза и ротъ помѣщались на груди: — (Blemmys traduntur capita abesse, ore et oculis pectori affixis; Historia Naturalis, Lib. V, Cap. 3.) См. также «Tempest», дѣйствіе III, сцена 3.

„Когда мы были мальчиками,
Кто бы тогда повѣрилъ, чтобы были . . .
. . . . такіе люди,
Что головы въ груди имѣютъ?“

Каждая небольшая часть Имперіи имѣетъ свое топографическое описаніе, трактующее о ея исторіи, древностяхъ, городахъ, достопримѣчательностяхъ и обо всемъ интересномъ, касающемся ея. Одно подобное сочиненіе о Гуанъ-дунѣ представляетъ собою историко-статистическій разборъ этой провинціи въ 182 томахъ. Покойный д-ръ Wylie удачно охарактеризовалъ эту часть китайской литературы: «Топографическія сочиненія Китая, по всей вѣроятности, не имѣютъ себѣ соперниковъ ни въ какой другой странѣ, по своей обширности и систематическому изложенію». Въ этомъ отдѣлѣ имѣются также труды по водянымъ сообщеніямъ.

Существуютъ отдѣлы, содержащіе библіографическія и другія сочиненія. «Одинъ изъ прекраснѣйшихъ образцовъ библіографіи, находящейся въ распоряженіи этой націи или, быть можетъ, еще у какой-нибудь націи..., является описательный каталогъ (въ 400 книгахъ) Императорской библіотеки царствующей династіи». Каталогъ запрещенныхъ книгъ также находится въ этомъ отдѣлѣ, и нѣсколько десятковъ тысячъ томовъ запрещены полностью или частью. Историческій отдѣлъ оканчивается разрядомъ «Историческихъ критикъ».

Третій большой отдѣлъ,—философскій, заключаетъ не только эту отрасль, но еще и богословіе, науки, искусства и т. п. Между китайскими авторами встрѣчаются оригинальные мыслители, не придерживающіеся ученія Конфуція, и нѣкоторыя изъ нашихъ современныхъ воззрѣній появились на свѣтъ Божій на Дальнемъ Востокѣ много ранѣе, чѣмъ то снилось нашимъ Западнымъ моральнымъ философамъ.

О массѣ матеріала, помѣщающагося подъ указаннымъ обширнымъ заголовкомъ, можно себѣ составить представленіе по слѣдующимъ его подраздѣленіямъ:

1) Литература.
2) Военное искусство.
3) Законодательство.
4) Земледѣліе.
5) Медицина.
6) Астрономія и математика.
7) Гаданіе.
8) Искусства.
9) Каталоги.
10) Смѣсь.
11) Энциклопедіи.
12) Наброски.
13) Даосизмъ.
14) Буддизмъ.

Въ этотъ же отдѣлъ включены и «Священные эдикты», нравственные принципы, написанные вторымъ императоромъ царствующей династіи для руководства народа. Принимая эти максимы, какъ основной текстъ, его преемникъ составилъ на основаніи ихъ собраніе попу-

лярныхъ поученій, читающихся вслухъ всенародно 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца, повсемѣстно во всей Имперіи.

Медицинскія сочиненія останавливаютъ на себѣ вниманіе многочисленностью своихъ авторовъ. Старѣйшее сочиненіе было написано за нѣсколько вѣковъ до христіанской эры. Предполагаютъ, на основаніи подробнѣйшаго описанія въ немъ человѣческаго организма, что китайцы когда-то занимались вскрытіемъ труповъ. Если это справедливо, то память объ этомъ давно уже исчезла, и китайская медицина характеризуется ни на чемъ неоснованными теоріями, что впрочемъ, принимая во вниманіе низкую ступень развитія, на которой находилась медицинская наука до послѣдняго времени даже на Западѣ, не составляетъ ничего удивительнаго. (См. статью о *Докторахъ).*

Астрономія и математика. Китайцы въ древнія времена изображали звѣздную твердь тремя различнымя способами: во-первыхъ, въ видѣ вогнутой сферы; во-вторыхъ,—для изображенія вселенной брался шаръ (глобусъ), на внѣшней поверхности котораго размѣщались звѣзды;—третій способъ неизвѣстенъ, но въ настоящее время предполагаютъ, что онъ крайне походилъ на способъ, принятый на Западѣ. Іезуитскіе миссіонеры существенно помогли китайцамъ при исправленіи ихъ календаря, а равно и въ другихъ вопросахъ, имѣющихъ отношеніе къ астрономіи, внося свою лепту и въ сочиненія этой отрасли, а также и въ другія математическія науки. Одна изъ оригинальныхъ китайскихъ книгъ по математикѣ имѣетъ свою очень интересную исторію. Предполагаютъ, что она была въ употребленіи при Чжоуской династіи и была уничтожена во время общаго сожженія книгъ по приказанію императора Цинь-Ши-хуанъ-ди; послѣ этого собирались разрозненные отрывки ея, которые и дополнялись во время Ханьской династіи и снабжались объясненіями и толкованіемъ; книга эта была популярна во время Танской династіи; она сохранялась, какъ рѣдкость, во время Сунской династіи, но исчезла безслѣдно во время Минской; тѣмъ не менѣе, къ счастью явилась возможность собрать отрывки, найденные въ одной изъ тѣхъ гигантскихъ энциклопедій, которыя китайцы, тратя на нихъ цѣлые годы труда, съ такой охотой составляютъ, и которыя содержатъ обиліе выдержекъ изъ тысячей книгъ. Нынѣ существующій экземпляръ этой книги былъ такимъ образомъ собранъ по частямъ, и онъ, какъ оказалось потомъ, вполнѣ согласуется съ различными выдержками и подробностями, имѣющимися объ этой книгѣ. Книга раздѣлена на 9 отдѣловъ: плоское измѣреніе, пропорціи, правило товарищества, извлеченіе корня, кубическое измѣреніе, правило смѣшенія, избытокъ и дефицитъ, урав-

ненія и тригонометрія. Она содержитъ 246 задачъ. Чертежи къ сожалѣнію потеряны.

Въ отдѣлѣ книги о «Гаданіи», находится не мало сочиненій: къ этому отдѣлу относятся также и книги о сновидѣніяхъ по образцу «Наполеоновскаго снотолкователя» и «Египетскаго снотолкователя» на англійскомъ языкѣ.

По поводу сочиненій объ искусствѣ Wylie замѣчаетъ:

> «Сколько бы китайцы ни отличались отъ Западныхъ народовъ въ дѣлахъ чисто условныхъ, но тотъ фактъ, что они имѣютъ уже въ продолженіе болѣе тысячелѣтія систематическія сочиненія о живописи, письменахъ, музыкѣ, граверномъ искусствѣ, архитектурѣ, черченіи и другихъ тому подобныхъ предметахъ, долженъ былъ бы вызвать на безпристрастное изученіе того положенія, въ которомъ находятся у нихъ эти предметы, прежде нежели подвергать ихъ повальному осужденію».

Въ отдѣлъ научныхъ сборниковъ входятъ энциклопедіи. Наиболѣе замѣчательное сочиненіе въ этомъ отдѣлѣ составлено по указаніямъ второго императора Минской династіи. Двѣ тысячи двѣсти ученыхъ были заняты этой работой, которая должна была включить «сущность всѣхъ классиковъ, историческихъ, философскихъ и литературныхъ работъ, до того времени изданныхъ, со включеніемъ еще и астрономіи, географіи, сокровенныхъ наукъ, медицины, буддизма, даосизма и искусствъ». Эта энциклопедія была издана въ 22,877 книгахъ, и одно оглавленіе занимало 60 книгъ. Нѣкоторыя книги включены въ нее цѣликомъ, благодаря чему «385 древнихъ и рѣдкихъ сочиненій были сохранены, которыя иначе погибли бы безвозвратно».

Прекрасный экземпляръ этой многотомной энциклопедіи, до которой китайцы такіе охотники, находятся въ Британскомъ Музеѣ. Онъ состоитъ изъ 6,109 томовъ. Администрація музея переплела его сызнова въ 1,000 томовъ, которые для своего помѣщенія потребовали десять библіотечныхъ шкафовъ.

Наброски. Сочиненія фикцій по общему правилу находятся у китайскихъ литераторовъ въ пренебреженіи, но они тѣмъ не менѣе составляютъ крайне интересный и драгоцѣнный отдѣлъ обширной китайской литературы, и въ продолженіе болѣе двадцати послѣднихъ вѣковъ они все въ большемъ объемѣ появлялись на свѣтъ. Наипопулярнѣйшими среди нихъ являются историческіе романы, и въ частности ро-

манъ «Сань-го-чжи», описывающій промежутокъ времени 168—265 гг. по Р. Х. Завязка романа «построена при помощи самой тщательной разработки осложняющихъ дѣло подробностей»; романъ изобилуетъ диковинками и сверхъестественностью, и дѣйствіе его происходитъ во время возбуждающихъ сценъ послѣ паденія Ханьской династіи. «Сонъ въ красномъ теремѣ» представляетъ собой другой популярный романъ изъ семейной жизни, но направленіе его не отличается нравственностью. Другой романъ, пользующійся самымъ глубокимъ уваженіемъ у всѣхъ классовъ, благодаря совершенству стиля, носитъ названіе «Времяпрепровожденіе въ студіи»; онъ переполненъ разсказами о чудесномъ и таинственномъ, и переведенъ на англійскій языкъ г. Giles подъ заглавіемъ «Strange Tales from a Chinese Studio», въ двухъ томахъ. Китайскіе романы содержатъ многое, что считалось бы утомительнымъ для европейскаго читателя. Приводятся мельчайшія подробности о характерахъ и мѣстоположеніяхъ, малозначущія особенности и длинныя тирады, обширныя отступленія, растянутыя описанія и поученія;—все это между собой перемѣшано, но «авторы подобныхъ произведеній, выставляютъ свои типы естественными и занимательными». Типы подчасъ хорошо выдержаны, и въ романахъ имѣется настоящая завязка и много такого, что необходимо для составленія канвы романа и въ Западныхъ странахъ, какъ напримѣръ, приключенія героя и героини, осложненныя злыми козням злодѣя, со всѣми подробностями заговора и его раскрытія и, наконецъ, благополучно завершающіяся счастливымъ супружествомъ влюбленныхъ. Все это подтверждаетъ, что человѣческая природа вездѣ во всемъ свѣтѣ одна и та же, но, конечно, принявшая въ данномъ случаѣ восточныя формы. Существуетъ, однако, обширный отдѣлъ этой литературы, о которомъ нельзя отозваться съ похвалой.

Буддійская литература. Буддійскія книги обнимаютъ много переводовъ буддійскихъ сочиненій съ санкритскаго языка, но также и оригинальныя произведенія.

Даоская литература. Дао-дэ-цзинъ представляетъ собою единственное сочиненіе, написанное Лао-цзы. Положенія даосизма измѣнилось со времени его основанія; приверженцы этого ученія, которые вѣровали въ алхимію и въ умерщвленіе плоти, впослѣдствіи замѣнились плеядой еще болѣе негодныхъ шарлатановъ (см. статью о *Даосизмѣ*). Книги, повѣствующія о божествахъ и геніяхъ, заключаются въ этомъ отдѣлѣ литературы. Одно изъ популярнѣйшихъ изъ даоскихъ сочиненій извѣстно подъ названіемъ «Книги воздаяній и наградъ», послѣдующихъ въ будущемъ состояніи; выдержало оно безчисленное количество изданій

и иногда выпускается приправленнымъ анекдотами и иллюстрированнымъ гравюрами съ дерева. Распространять эту книгу считается большой заслугой.

Беллетристика. Въ этотъ отдѣлъ включаются изящная литература, поэзія и аналитическія сочиненія. Отдѣлъ имѣетъ нѣсколько подъотдѣловъ. Разрядъ «Индидуальныхъ собраній» заслуживаетъ особаго вниманія, такъ какъ это «одинъ изъ наиболѣе плодовитыхъ отдѣловъ китайской литературы», хотя и весьма не долговѣчный. Въ этомъ отдѣлѣ могутъ быть отмѣчены собранія двухъ знаменитыхъ поэтовъ Танской и Сунской династій,—Ли Тай-бо и Су Дунъ бо, содержащіяся въ 30-ти и 115-ти книгахъ, и сочиненія знаменитаго историка и государственнаго дѣятеля Сы-ма-гуана въ 80-ти книгахъ. Большинство императоровъ царствующей династіи внесло свою долю въ этотъ отдѣлъ китайской литературы.

Подъ заглавіемъ «Общія собранія» распредѣляются выборки наилучшихъ образцовъ признаннаго достоинства, принадлежащія кисти различныхъ авторовъ. Въ этой отрасли заслуживаетъ вниманія одно изъ «наикрупнѣйшихъ предпріятій въ исторіи книгописательства». „Интересующее насъ сочиненіе впервые появилось на свѣтъ во время Сунской династіи, состояло изъ 1000 томовъ и представляло собою обширное собраніе всѣхъ образцовъ изящной литературы. Девять десятыхъ всего сочиненія были составлены изъ трудовъ Танскихъ ученыхъ».

Стихи и пѣсни. (См. статью о *Поэзіи*).

Драма. Драма не включена въ туземные литературные каталоги, хотя по этой отрасли имѣются значительные труды. Драма развилась сравнительно въ позднѣйшее время, именно подъ самый конецъ Танской династіи. Она продолжала развиваться до временъ Юанской династіи, когда лучшее собраніе пьесъ было опубликовано подъ заглавіемъ «Сто пьесъ Юаньской династіи» (См. статью о *Театрѣ*).

Профессоръ Douglas пишетъ о китайской литературѣ слѣдующее:

«Въ безчисленныхъ томахъ, которые появляются и появлялись въ различныхъ издательскихъ центрахъ, мы видимъ какъ-бы изображенными въ зеркалѣ характеръ народа, его выдающіяся качества, его недостатки и особенности. Мы видимъ много доказательствъ дѣятельности его въ области изысканій и прилежанія его въ составленіи трудовъ; недостаетъ также указаній на то, что у него отсутствуетъ способность воображенія и способность

подняться выше извѣстнаго предѣла превосходства или знаній. Въ то же самое время мы видимъ проявленіе тѣхъ матеріаловъ и духовныхъ характерныхъ чертъ, которыя въ высшей степени цѣнятся народнымъ вкусомъ.

Слѣдствіемъ крайней непластичности китайскаго языка въ литературѣ наблюдается недостатокъ въ той гибкости дикціи и разнообразной силѣ выраженій, присущихъ языкамъ флективнымъ и обладающимъ синтаксической жизнью. Тяжелая угловатость письменнаго языка, состоящаго изъ отдѣльныхъ обособленныхъ знаковъ, отнимаетъ прелесть у краснорѣчія, музыкальную благозвучность у поэзіи и половину силы у произведеній фикціи, съ другой стороны, однако, онъ отнюдь не насилуетъ изложенія фактовъ или философской аргументаціи.

Поэтому, для всѣхъ, исключая китайцевъ, которые не знакомы съ другими лучшими образцами, поэзія и фантастическія произведенія китайскихъ авторовъ, представляютъ менѣе привлекательности, нежели ихъ сочиненія по исторіи, наукамъ и философіи. Въ противоположность литературамъ другихъ странъ, вся длинная вереница китайской литературы открыта одному упреку. Трудно себѣ представить цѣлую націю прилежныхъ писателей, работающую на поприщѣ литературы болѣе 3000 лѣтъ, и тѣмъ не менѣе неуспѣвшую достигнуть большаго совершенства въ идеяхъ и стилѣ, чѣмъ китайскіе авторы. Что ихъ сочиненія разнообразятся по достоинству, въ томъ не сомнѣвается никто, кто прочиталъ хотя-бы двѣ китайскія книги; но разнообразіе это заключено въ извѣстныя рамки, и... глубина мысли и сила выраженія ни въ какомъ отношеніи не увеличились, по крайней мѣрѣ, со времени возрожденія письменности при Ханьской династіи. (205 г. до Р. X.—25 г. по Р. X.)».

Къ сожалѣнію, многія изъ лучшихъ мѣстъ китайской литературы теряютъ при переводѣ свою эпиграмматическую силу, игра словъ теряетъ свою соль, шаловливая муза облекается въ прозаическіе періоды и грубо рѣжетъ иностранное ухо. Свѣжесть цвѣтистыхъ оборотовъ пропадаетъ, когда идеи оригинала порознь выдергиваются и пересаживаются на почву европейскихъ воззрѣній. Другими словами, точно такъ же, какъ самъ китаецъ выглядитъ лучше въ своемъ національномъ костюмѣ, и мысли его имѣютъ наилучшій видъ, когда онѣ облечены въ его родную рѣчь: иностранный костюмъ часто сидитъ неуклюже. Короче

говоря, многія произведенія китайской кисти надо читать въ оригиналѣ, если читатель желаетъ вдоволь насладиться полной игрой нѣкоторыхъ изъ этихъ брилльянтовъ самой чистой воды, потомучто не мало мѣстъ, полныхъ любви къ прекрасному, найдутся разбросанными по страницамъ китайской литературы, не мало мѣстъ, проникнутыхъ истинной поэтической геніальностью, горящихъ глубокимъ чувствомъ, основаннымъ на интимности съ горами и холмами, съ рѣками и журчащими ручьями, съ рощами и лѣсами, съ солнцемъ и бурей, въ тиши, уединенной отъ суетнаго свѣта. Эти неподдѣльные восторги истиннаго сына природы затрогиваютъ отвѣтную струну въ душѣ Западнаго варвара: они такъ прекрасно-очаровательны въ своей простотѣ, они находятся въ такомъ согласіи съ каждымъ движеніемъ природы, что чувствуешь, какъ горячіе поклонники всего прекраснаго въ этомъ чудномъ Божьемъ мірѣ говорятъ лишь однимъ языкомъ, одинаково понимаемымъ всѣми, упившимися подобными простыми усладами, и что нѣтъ мѣстечка въ этомъ далекомъ, далекомъ мірѣ, «гдѣ-бы голосъ ихъ не звучалъ», будетъ ли то въ предѣлахъ Срединнаго Царства, или тамъ, гдѣ былъ край свѣта у древнихъ, во времена которыхъ писались многія изъ этихъ прекрасныхъ вещей.

Однако, только по сравненію, либо съ литературой другихъ восточныхъ странъ, либо съ нашей собственной за нѣсколько столѣтій тому назадъ, можно себѣ составить самый вѣрный взглядъ на то, что китайская литература представляетъ изъ себя въ общей своей сложности, въ то же время, однако, памятуя изолированность китайцевъ и сравнительно значительный недостатокъ оживляющихъ вліяній соревнованія съ другими странами, преслѣдующихъ тѣ же самыя задачи и занимающихся тѣми же самыми отраслями науки. Интересно было бы представить себѣ, какой бы получился результатъ, если-бы китайцы при всемъ ихъ терпѣливомъ трудѣ, любви къ изысканіямъ и страстномъ увлеченіи литературными изслѣдованіями, пользовались всѣми тѣми преимуществами, которыми мы были одарены на Западѣ, а не представляли бы изъ себя своеобразный примѣръ націи самодержной и самодовлѣющей во всѣхъ своихъ потребностяхъ. Въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, въ которыхъ китайцы пользовались помощью съ Запада, они, коль скоро ими была распознана эта помощь (ибо китайцы, въ противоположность японцамъ, медленны въ воспріятіи того, что имъ предлагаютъ, пока польза его еще не вполнѣ доказана), извлекли изъ нея существенную пользу: такъ это было, напримѣръ, съ изученіемъ санскритскаго языка, внесеннаго въ Китай буддійскими жрецами, и въ послѣднее время съ

введеніемъ Западныхъ наукъ и знаній, которымъ, безъ сомнѣнія, еще предстоитъ замѣчательное поле для дѣйствія. Одно изъ величайшихъ благодѣяній, которое можетъ быть преподнесено этой древней и консервативной странѣ, будетъ состоять въ развитіи у нея того сознанія, что истинная мудрость заключается въ распространеніи книгъ, написанныхъ на языкѣ народа, а не книжнымъ стилемъ, стилемъ—почти на столько же отличнымъ отъ перваго, какъ латинскій отличенъ отъ англійскаго. Тогда знанія и ученіе сдѣлаются достояніемъ всѣхъ и каждаго, вмѣсто того, чтобы исключительно принадлежать образованнымъ классамъ.

Важнѣйшая литература.—H. A. Giles: Gems of Chinese Literature, сочиненіе, содержащее образчики литературы всѣхъ временъ и всѣхъ видовъ.—Rev. A. Wylie, L. L. D.: Notes on Chinese Literature, представляетъ собою списокъ цѣлыхъ сотенъ китайскихъ книгъ, разгруппированныхъ по ихъ содержанію, съ весьма интересными замѣчаніями по поводу ихъ и съ предисловіемъ, содержащимъ очеркъ китайской литературы. Невозможно представить здѣсь списокъ китайскихъ сочиненій, переведенныхъ на англійскій или иные европейскіе языки: для этого ихъ слишкомъ много.

В. Ѳедоровъ.

Лодки и суда. По свидѣтельству національныхъ писателей, листья, плавающіе на поверхности воды, впервые навели китайцевъ на мысль о возможности передвиженія по водѣ; другіе утверждаютъ, что идея постройки судовъ явилась подъ впечатлѣніемъ созерцанія несущихся по теченію деревъ, или же являлась слѣдствіемъ естественнаго улучшенія первобытныхъ плотовъ. Листья-ли, упавшіе съ дерева при дуновеніи осени или что-нибудь другое дало первыя указанія на идеи, давшія впослѣдствіи болѣе практическіе результаты, но фактъ тотъ, что суда Китая по многочисленности своей и по разнообразію своихъ формъ почти-что могутъ быть уподоблены листвѣ китайскихъ лѣсовъ. Существуютъ суда, большія и малыя, длинныя и короткія, широкія и узкія, суда для мелочной торговли, для рыболовства, суда для катанія, однимъ словомъ суда для всевозможныхъ цѣлей и употребленій: суда для пиратовъ и контрабандистовъ, для честныхъ торговцевъ, для прокаженныхъ, суда для нищихъ, суда для всѣхъ лицъ и сословій; суда для путешествій, для переправы, для мостовъ, для свадебныхъ прогулокъ и празднествъ, для театровъ или вѣрнѣе для ихъ труппъ,—однимъ словомъ, можно себѣ задать вопросъ: есть ли что-либо такое, для чего не употреблялись-бы въ Китаѣ суда?

Говорятъ, что въ Китаѣ болѣе судовъ, нежели во всемъ остальномъ мірѣ въ совокупности. Значительное протяженіе морской грани-

цы и безчисленные протоки и рѣки составляютъ достаточное основаніе для такого множества судовъ.

Если вѣрить словамъ самихъ китайцевъ, то суда впервые были построены въ третьемъ вѣкѣ до христіанской эры.

> По одному преданію, изобрѣтеніе перваго судна приписывается Хэ Синь-гоу, благочестивой женщинѣ, почитаемой теперь однимъ изъ восьми даоскихъ геніевъ. Первое ея судно представляло собой простой плотъ, безъ всякихъ средствъ къ передвиженію. Но въ одинъ прекрасный день, когда она была занята мытьемъ бѣлья на рѣкѣ, вниманіе ея было привлечено видомъ рыбы, которая гребла своими плавниками и правила хвостомъ. Это навело ее на мысль придѣлать къ своему судну весла и руль.

Въ средневѣковой періодъ китайцы не только занимались судоходствомъ у себя дома, но первенствовали даже въ отважныхъ путешествіяхъ въ отдаленныя страны (См. статью о *Китайцахъ за границей*), которыя приводятъ въ изумленіе занимающихся ихъ изученіемъ. Но мало по малу эти путешествія прекратились, и въ самое послѣднее время, на глазахъ автора этой книги, они сократились до короткихъ рейсовъ между различными морскими портами по китайскому побережью и близъ лежащимъ странамъ. Рейсы китайскихъ судовъ въ Проливные Сетльменты и сосѣднія земли, и на сосѣдніе острова, очень немногочисленны, а продолжительные рейсы—въ Индію и другія отдаленныя страны, на старыхъ, большихъ джонкахъ, несущихъ отъ трехъ до десяти и до двѣнадцати парусовъ (современныя мореходныя джонки рѣдко несутъ болѣе трехъ или четырехъ парусовъ) и имѣющихъ команду въ 250 и болѣе человѣкъ, о которыхъ упоминается средневѣковыми путешественниками. Фрайеромъ Джорданусомъ (Friar Jordanus), Ибнъ Батута (Jbn Batuta) и Марко Поло,—теперь окончательно отошли въ область преданій. Старое должно вымереть и дать дорогу новому, и современное пароходство вытѣсняетъ, или вѣрнѣе вытѣснило уже тяжелыя, неуклюжія джонки со многихъ, старыхъ морскихъ путей; въ этомъ самомъ направленіи сдѣлано даже начало и на внутреннихъ водахъ, и живописныя, неуклюжія, старыя суда должны будутъ окончательно исчезнуть предъ міровымъ движеніемъ прогресса, который уже и теперь имѣетъ вліяніе на далекій Китай. Не смотря на свою причудливую форму и неуклюжій видъ парусовъ, они, безъ сомнѣнія, живописны и кажутся какъ-бы начатыми постройкой въ какомъ-нибудь допотопномъ періодѣ и оставленными незаконченными. Ихъ странные остовы, высокія кормы, съ над-

стройкой расписной работы, расходящійся уклонъ ихъ мачтъ, ихъ большіе, каштановаго цвѣта плетеные паруса, на вершинѣ которыхъ иногда развѣвается красный вымпелъ, все—это придаетъ джонкѣ отличительную прелесть и рѣзкую особенность самобытности и дѣлаетъ ее до того своеобразной, что ничего подобнаго не найти въ цѣломъ свѣтѣ. Джонки представляютъ очень заманчивый сюжетъ для кисти живописца, который охотно изображаетъ ихъ коричневые паруса, разбросанные по ярко освѣщенной поверхности моря, или же посвящаетъ болѣе серіозное вниманіе изученію различныхъ ихъ типовъ, съ ихъ причудливыми остовами; Совершенно разодранные и изорванные въ лохмотья, тряпкообразные паруса возвращающагося домой, побитаго непогодою, судна намекаютъ на борьбу съ ненастными вѣтрами. Въ другое время джонки представляютъ еще болѣе безпомощный видъ, когда онѣ, разгруженныя, чинятся, или когда онѣ накренены на бокъ для обжиганія днища, или когда онѣ лежатъ выброшенными на сухомъ мѣстѣ, на пескѣ, или на скалѣ, съ пустыми торчащами мачтами и разбитыми кормами, подъ которыми торчатъ ихъ огромные, своеобразные рули. Еще болѣе живописную картину представляетъ изъ себѣ эскадра военныхъ джонокъ, съ яркой окрашенными корпусами и пестрыми флюгерами разныхъ формъ и величинъ, съ развѣвающимися вымпелами, на подобіе старинныхъ, допотопныхъ галеръ Европы, готовая къ походу для укрощенія возмутившихся подданныхъ Его Величества Императора Китая.

Цѣлую книгу, вѣрнѣе десятки книгъ, можно было-бы написать о живомъ разнообразіи жизни на китайскихъ судахъ и объ ихъ исторіи отъ раннихъ временъ и вплоть до настоящихъ, ихъ формахъ, постройкѣ и оснасткѣ, начиная съ любопытныхъ Хаккаскихъ шлюпокъ, съ ихъ девятью или двѣнадцатью парусами, растянутыми вѣерообразно на спеціальной бамбуковой рѣшеткѣ, и кончая малюсенькими рыбачьими челнами.

Сколько интересныхъ главъ можно было бы составить по поводу цѣлыхъ тысячъ и милліоновъ человѣческихъ существъ, вся жизнь которыхъ протекаетъ на рѣкахъ и каналахъ, мчащихся мимо такого множества китайскихъ городовъ или прорѣзающихъ ихъ своими водами; они населяютъ жилища безъ фундаментовъ (за которыя обитатели не должны платить земельнаго налога), такъ какъ протекающая быстрина поддерживаетъ ихъ не въ одномъ только отношеніи. Разнообразныя и неизвѣданныя ощущенія, сопряженныя съ путешествіемъ на судахъ, и въ будущемъ представятъ богатый матеріалъ для многихъ томовъ романтическихъ приключеній, какъ они представляли его и въ прошедшемъ.

Происхожденіе нѣкоторыхъ классовъ судовыхъ обитателей, ихъ любопытные обычаи, привычки и предразсудки, все это еще мало затрогивалось въ литературѣ и представляетъ интересное поле для этнолога, мифолога и любителя народныхъ повѣрій.

Слѣдующія консульскія донесенія, составленныя г. Байрономъ Бреннамомъ (Byron Brennan), интересны въ томъ смыслѣ, что они показываютъ, какимъ образомъ была сдѣлана попытка подражанія гребному колесу на одномъ изъ типовъ судовъ въ Кантонѣ, и какимъ образомъ паровые катера входятъ въ употребленіе:

«Развитіе и усовершенствованіе китайскихъ пассажирскихъ судовъ идетъ крайне туго и осмотрительно. Паруса и весла, какъ двигатели, употреблялись двадцать лѣтъ тому назадъ; затѣмъ появились заднеколесныя суда, приводимыя въ движеніе въ ручную, и находящіяся все еще въ большомъ употребленіи. Слѣдующую стадію представляло собой буксирное судно, снаряженное съ пассажирскимъ, а еще слѣдующей стадіей, можно надѣяться, будетъ соединеніе въ одно буксира съ буксируемымъ судномъ.

Заднеколесныя пассажирскія суда представляютъ собой любопытное зрѣлище на оживленной Кантонской рѣкѣ. Это длинныя, низкія, ящикоподобныя суда, наибольшею вмѣстимостью около 100 тоннъ. Середина ящика раздѣлена на помѣщенія, въ которыхъ пассажиры могутъ только лежать или сидѣть, скорчившись, такъ какъ для головы не хватаетъ мѣста. Крыша плоская, и на ней сидятъ толпами пассажиры, защищенные отъ непогоды прочными бамбуковыми матами. Въ кормѣ находится помѣщеніе, въ которомъ работаютъ лодочники. Наибольшія изъ такихъ судовъ имѣютъ 24 рабочихъ. Механизмъ на большомъ суднѣ состоитъ изъ четырехъ валовъ, положенныхъ поперекъ судна на разстояніи трехъ футовъ другъ отъ друга. На каждомъ концѣ этихъ валовъ работаетъ по шести человѣкъ на особаго рода приспособленіи, приводимомъ въ движеніе ногами; они держатся руками за поперечину, придѣланную вверху, въ то же время работая ногами на трехъ деревянныхъ педаляхъ, которыя насажены на трехъ желѣзныхъ отросткахъ, исходящихъ радіусообразно изъ центра; такимъ образомъ составляется уголъ въ 120° между каждыми двумя педалями. Педали на валахъ распредѣлены такимъ образомъ, что шесть человѣкъ не могутъ итти въ ногу. Въ то время, какъ первый ставитъ ногу на свою педаль, второй уже дошелъ до половины своего полнаго

шага, и такъ далѣе. Эти приводы соединяются съ кормовымъ гребнымъ колесомъ посредствомъ колѣнчатыхъ валовъ, такъ что одинъ оборотъ привода даетъ одинъ оборотъ кормового колеса. Кормовое колесо имѣетъ 8 футовъ въ діаметрѣ и снабжено восемью лопастями, и когда люди работаютъ не спѣша, оно дѣлаетъ отъ 16 до 18 оборотовъ въ минуту, причемъ ходъ судна получается отъ $3^1/_2$ до 4 миль въ часъ. Во время длинныхъ переходовъ люди чередуются въ такой пропорціи, что на трехъ работающихъ приходится по одному отдыхающему, и такимъ образомъ судно движется въ продолженіе всего дня.

Число мѣстныхъ владѣльцевъ паровыхъ катеровъ, плавающихъ между Кантономъ и многочисленными другими городами и устьемъ рѣки, безпрестанно возрастаетъ. Помимо того, что услугами ихъ пользуются власти, таможенное, ли-цзинское и соляное вѣдомства, они постоянно употребляются также и для буксировки пассажирскихъ судовъ, но въ послѣднемъ случаѣ только между постоянными, опредѣленными станціями. Катера, занятые буксировкой, обложены налогомъ и работаютъ подъ страхомъ тяжелыхъ штрафовъ. Со времени открытія Западной рѣки, въ 1896 году, паровое сообщеніе по Кантонскимъ воднымъ путямъ находится подъ инспекціей императорскихъ морскихъ таможенъ».

Въ Сватоу и въ другихъ мѣстахъ Китая, какъ Су-чжоу, Ханъ-чжоу и Шанхаѣ, паровые катера плаваютъ какъ пассажирскія суда, и есть надежда, что въ будущемъ число ихъ увеличится, такъ какъ, не смотря на всю многочисленность судовъ и на прекрасныя рѣки, во многихъ мѣстахъ сообщеніе поставлено неудовлетворительно.

Н. Прокоповъ.

Ломбарды. Высясь, надъ низко лежащими зданіями, пронизанныя многими окошечками, массивныя, четыреугольныя постройки ломбардныхъ твердынь, усѣеваютъ то здѣсь, то тамъ китайскій городъ. Онѣ первыя обращаютъ на себя вниманіе иностраннаго путника, который, естественно, приходитъ въ изумленіе, когда ему объясняютъ, что это не крѣпости, а ломбарды.

Они не только отличаются внушительностью матеріальной постройки, но и тѣмъ выдающимся положеніемъ, которое они занимаютъ въ той соціальной экономіи, которая своимъ своеобразнымъ и сложнымъ содержаніемъ всей восточной жизни и практическаго ея хозяйства заполняетъ жизнь обыкновеннаго китайца. Европеецъ въ данномъ случаѣ

долженъ выбросить изъ своей головы всѣ предвзятыя представленія о ломбардѣ и ростовщикахъ, которыя развелись у насъ въ Европѣ. Положеніе, занимаемое послѣдними въ Китаѣ, весьма почетно, и предпріятія эти таковы, что денежный человѣкъ съ радостью несетъ свои трудомъ составленныя сбереженія, а должностное лицо,—излишекъ получаемаго содержанія, какъ вклады въ акціонерныя ломбардныя общества. пайщиками которыхъ многіе изъ нихъ состоятъ. Національные банки. повидимому, ограничиваютъ свои операціи кругомъ торговцевъ и коммерсантовъ, между тѣмъ какъ ломбарды оперируютъ въ такихъ дѣлахъ. которыя въ Англіи составляли бы монополію банковъ.

Если акціонеры принадлежатъ къ классу купцовъ и должностныхъ лицъ, представляя собою лицъ съ положеніемъ и пользующихся уваженіемъ, то кліентура ломбардныхъ домовъ въ Китаѣ не ограничивается. какъ въ Англіи, мотами, людьми, перебивающимися изо дня на день. страдающими безпомощнымъ безденежьемъ, погрязшими въ крайней нищетѣ, картежниками, ворами, разбойниками, мошенниками, опіекурильщиками (которые занимаютъ мѣсто, такъ позорно замѣщаемое въ нашихъ Западныхъ странахъ пьяницами, хотя даже и пьяницы встрѣчаются въ Китаѣ между завсегдатаями ломбардныхъ домовъ, какъ о томъ поетъ поэтъ Ду Фу:

„Со двора каждый вечеръ въ ломбардъ прихожу,
Напьяннѣйшимъ съ рѣки возвращаюсь потомъ"):

но она, помимо указанныхъ личностей, можетъ похвастаться почти одинаковымъ числомъ членовъ наиболѣе уважаемыхъ слоевъ общества, состоящихъ среди многочисленныхъ ломбардныхъ кліентовъ. Правда, по временамъ носятся слухи. что даже въ Лондонѣ нѣкоторыя лица, съ хорошимъ положеніемъ, увеличиваютъ число кліентовъ вывѣски «трехъ позолоченныхъ шаровъ» (эмблема ростовщичества въ Англіи), но подобныя сдѣлки всегда совершаются подъ секретомъ, и тѣ же самые кліенты пришли бы въ ярость, если бы ихъ уличили въ этомъ! Но, китаецъ, въ противоположность англичанину, не видитъ въ этомъ ничего постыднаго. и, по правдѣ говоря, даже всякая идея о стыдѣ въ отношеніи такого честнаго и обыкновеннаго дѣла, показалась бы ему дикой. Ломбардъ—это безопасное хранилище для мужской или дамской мѣховой одежды въ лѣтнее время, гдѣ ее будутъ беречь и сохранять отъ разрушающаго дѣйствія моли, и въ свою очередь зимою, лѣтнія одежды, изъ тонкой и прозрачной матеріи, могутъ быть бережно сложены въ тѣхъ же кладовыхъ.

Существуетъ нѣсколько родовъ ломбардовъ, но для всѣхъ практи-

ческихъ цѣлей они могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи. Они имѣютъ различныя правила относительно взиманія процентовъ и времени храненія невыкупленныхъ вещей и т. п. 36% годовыхъ является очень обычной нормой. Нерѣдко можно видѣть ломбардныя квитанціи, продающіяся пачками на уличныхъ лоткахъ. Купившій ихъ пріобрѣтаетъ право выкупа вещей за стоимость залога.

Ломбарды представляютъ объекты вожделѣній для разбойниковъ и воровъ, и не смотря на всю прочность ихъ постройки, массивныя ихъ двери, узкія окна и кучи камней, сложенныя на крышахъ для метанія на головы нападающихъ, а также и не смотря на всѣ предосторожности, принимаемыя въ видѣ ранняго закрытія ихъ, нападенія на нихъ всегда увѣнчиваются полнымъ успѣхомъ. Это, однако, довольно рискованное ремесло, такъ какъ въ случаѣ поимки, виновные наказываются смертью.

Важнѣйшая литература.—Gray: „China", т. II, гл. 20.

Н. Стуковъ.

IV-й годъ изданія (1902—1903 ак. г.).—Томъ IV.—Протоколы.—*Цереринъ*: Чиннампо.—*Рудаковъ*: Экономическій бытъ Гириньской провинціи.—*Васкевичъ:* Поѣздка въ Японію.—*Поздньевъ:* Образцы маньчж. лит.—*Спальвинъ*: Японская хрестоматія.—Лѣтопись.

Томъ V.—Протоколы.—Отчетъ за 1902 г.—*Колановскій:* Экономическое положеніе Японіи.—*Рудаковъ*: Исторія развитія военныхъ силъ въ Гириньской провинціи.—*Васкевичъ*: Поѣздка въ Японію.—*Позднѣевъ* Образцы маньчж. лит.—*Спальвинъ*: Японская хрестоматія.—Лѣтопись.

Томъ VI.—Протоколы. *Тищенко*: Цзя-пи-гоу.—*Васкевичъ*: Поѣздка въ Японію.—*Рудаковъ*: Исторія развитія военныхъ силъ въ Гириньской провинціи.—*Дабовскій*: Китайское уголовное право.—Лѣтопись.

Томъ VII.—Протоколы.—*Дюковъ:* Сеульское военное училище.—*Дмитріевъ*: Инъ-коу.—*Васкевичъ*: Поѣздка въ Японію.—*Дабовскій*: Китайское уголовное право.—*Позднѣевъ*: Образцы маньчж. лит.—Лѣтопись.

Томъ VIII.—Протоколы.—*Горяиновъ*: Бутха.—*Дмитріевъ*: Инъ-коу.—*Васкевичъ*: Поѣздка въ Японію.—*Дабовскій*: Китайское уголовное право.—Лѣтопись.

Томъ IX.—Протоколы.—Обзоръ коллекцій Торгово-промышленнаго Музея при Восточномъ Институтѣ.—*Кюнеръ*: Литература о Дальнемъ Востокѣ.—*Блонскій*: Чжи-ли'ская армія.—*Дабовскій*: Китайское уголовное право.—*Васкевичъ*: Поѣздка въ Японію.—*Синицынъ*: Рабочій вопросъ на каменноугольныхъ копяхъ Мукденьской провинціи.—*Позднѣевъ*: Образцы маньчж. лит.—Лѣтопись.

V-й годъ изданія (1903—1904 академ. г.). Томъ X.—Протоколы.—*Новиковъ*: Альчукаское фудутунство.—*Кюнеръ*: Географія Японіи.—*Синицынъ*: Рабочій вопросъ на каменноугольныхъ копяхъ Мукденьской провинціи. *Норманъ*: Характеристики китайцевъ.—*О. Булаковъ*: Христіанство и язычество.—*Кобелевъ*: Хоккайдо.—*Васкевичъ*: Поѣздка въ Японію.—Лѣтопись.

Томъ XI.—Протоколы.—Отчетъ за 1903 г.—*Мендринъ*: Исторія японской литературы В. Г. Астона.—*Лебедевъ*: Дажелетъ. — *Афанасьевъ*: Вооруженныя силы Кореи.—Лѣтопись.—*Приложенія въ отдѣльной брошюровкѣ*: 1) *Подставинъ*: Корейская хрестоматія.—2) *Шмидтъ*: Китайская хрестоматія.

Томъ XII.—Протоколы.—Обозрѣніе преподаванія наукъ на 1904—1905 ак. г.—*Кобелевъ*: Хакодате.—*Мендринъ*: Исторія японской литературы В. Г. Астона. Прибавленія къ „Исторіи японской литературы В. Г. Астона". *О. Павелъ*: Христіанскія миссіи въ Кореѣ.—*Приложеніе въ отдѣльной брошюровкѣ*: Лѣтопись.

Томъ XIII, вып. I.—Вопросы Китая, вып. I. Введеніе и стр. 1—281.—**Вып. II.** (Печатается).—Вопросы Китая. вып II.—

Цѣна 1 р. 80 к.

